

84(2р-Банк)

Г 957

1108077

Эльдар Гуртуев





Эльдар Гуртуев

ПОХВАЛА
РАССКАЗЫ
ПОВЕСТИ
ЭЛЬБЕРДЕТЕЛИ



ПЕРЕВОД С БАЛКАРСКОГО М. ЭЛЬБЕРДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБУС»
НАЛЬЧИК
1988

Каб.-Балк. республиканская науч-
ная библиотека им. К. Крупской
г. Нальчик, ул. Ногмова № 40

7708018

Гуртуев Э. Б.

Г 957 Похвала добродетели : Повести и рассказы.—
Нальчик : Эльбрус, 1988.—352 с.

В пер.: 1 р. 60 к. 5000 экз.

В книгу вошли новые юмористические и сатирические рассказы,
а также две повести, посвященные нравственным проблемам совре-
менной молодежи.

4702100000-024
Г М 125 (03)-88 31-88

ISBN 5-7680-0042-9

С (Балк) 2

© Издательство «Эльбрус», 1988

РАССКАЗЫ



АВТОБИОРАССКАЗ

В моей «молоткастой, серпастой» книжке обозначены год, месяц и день рождения, домашний адрес и семейное положение. Эту книжку я предъявляю по первому требованию и вежливому лейтенанту милиции, и строгой хозяйке гостиницы.

Но поскольку никакая книжка, даже с гербом на обложке и дюжиной печатей, штампов и хитромудрых подписей, не может дать исчерпывающее представление о моей неповторимой личности, приступаю к изложению наиболее значительных моментов из автобиографии.

Хочу сразу признаться, что я родился в самой середине тридцатых годов в довольно благополучной, весьма уважаемой и просвещенной семье. Ни в чем мне не отказывали, начиная с нежнейшей каши с маслом и до бараньей лопатки с неистовым тузлуком. Моей коллекции детских игрушек, рассказывают старшие, хватило бы для оформления витрин культмага средней руки. Отец великодушно позволял мне листать книги в своей солидной библиотеке, что я и делал в промежутках между более или менее успешными драками с соседскими мальчишками.

Когда подрос, не пришлось мне работать ни грузчиком на станции, ни змееловом в Каракумах, ни даже помощником машиниста. Не говоря уже о том, что не ходил с геологами в дебри тайги и не бывал на острове Таити.

Учился по настроению, которое почти всегда было удовлетворительное. За исключением тех моментов, когда моя точка зрения по отдельным вопросам расходилась с убеждениями учителей школы и профессоров университета. Но, так или иначе, я получил образование, которое до сих пор называют Высшим. Это-то и подсказало мне, что учиться дальше необязательно.

Надо было начинать настоящую жизнь, и я подумал о профессии. Такой, чтобы она была достаточно почетной. Конечно, «все работы хороши, выбирай на вкус». Но я выбрал профессию литератора. Пиши себе рассказы, повести, романы, отпусти бороду, как у Хемингуэя, и раздавай автографы. Из всего этого самым легким оказалось отпустить бороду. Но я ее скоро сбрил и отнес свой первый рассказ редактору газеты, который был, к тому же, моим родственником.

Он прочитал мое сочинение и, назвав его нехорошим словом, кинул в корзину. Не потрудившись даже порвать. Потом поднял на меня усталый взгляд и сказал, что на эту тему уже написал Чехов, и намного лучше написал. И если не можешь не писать, сказал мой родич, напиши что-нибудь другое. Например, корреспонденцию о вывозке органических удобрений на поля.

Такого поворота событий я не предусмотрел. И очень обиделся на родственника. Потом, уже на улице, назвал его тем же словом, которым он оценил мой рассказ. «Были бы моцарты — сальери найдутся», — успокаивал я себя.

Конечно, на темы сельского хозяйства писал и Марк Твен и как-то редактировал даже сельскохозяйственную газету, что не осталось незамеченным восторженными потомками...

С течением времени обида на редактора-родича прошла, и я отнес ему новый рассказ. На мой взгляд — юмористический.

На этот раз редактор был свободен от сырых газетных полос и стал внимательно вчитываться в каждую строку моего сокровища. Юмористический рассказ не вызывал и тени улыбки на его мрачном, камню подобном лице. Зато мне стало смешно. Уж сильно напоминала его бледно-желтая лысина, освещаемая люстрой, не освещаемую сторону зрелого арбуза. Но я отогнал это оскорбительное сравнение и привлек к мысленному взору круглую лужайку, обрамленную развеселым кустарником.

И вдруг... он засмеялся. Этот замшелый сухарь, на бледном лице которого кроме желчи, костистого носа и глубоко посаженных ядовитых глаз, ничего не имелось, взял и засмеялся. Насмеявшись всласть, он вдруг опять стал до крайности серьезным или, как мне показалось, даже сердитым и направил на меня подозрительный взгляд.

Мы оба молчали.

Потом он посмотрел по сторонам и, наклонившись вперед, спросил почти шепотом:

— Сам написал?

Вопрос был настолько неожиданный, что я сперва даже растерялся. Но он, заметив, наверное, что я стал зеленеть от негодования, жестом успокоил меня:

— Ты знаешь, здесь кое-что есть. Особенно концовка. Мутил-крутил и такой неожиданный, я бы сказал, взрыв. Это, брат, совсем даже неплохо. Только ты слишком щедр на слово. В непохвальном смысле...

И пошло-поехало. За рассказом — рассказ, книжка, книжки, книги рассказов и повестей, роман...

И все же верность малому жанру осталась в душе моей незыблемой, как белоглавый Дыхтау, у подножья которого находится моя родина, густо населенная острословами, балагурами, неисправимыми насмешниками. Нередко возникают к самому себе такие вопросы: Что ты хотел сказать? Что тебе удалось сказать? Что из всего этого получилось? Взволновало ли читателя твое заветное, печатное, тиражированное слово?

Однажды оглядываешься: «Что же я успел натворить?» И мысленно перелистываешь, нередко перечитываешь свои книжки. Разные чувства при этом возникают. Вот рассказ, который никогда не будет переиздан. А этот... впрочем, все они — свои, родные, что называется.

Часто литератора спрашивают о том, какая, по его мнению, лучшая из книг, им написанных. Ответ нередко бывает такой: «Лучшая — та, которая еще не написана». С одной стороны, конечно, верно — не стоило и продолжать литературную работу, если решил, что лучшая книга написана. Но с другой...

Бывает, когда один солидный критик возносит до небес твой рассказ, а другой, тоже солидный, топчет тот же рассказ с немалым усердием. До чего же велик диапазон чувства юмора у наших литературных судей!

А если по-серьезному, то с годами обнаруживаешь, что все время учишься, сам того не подозревая. У пророков сатиры и юмора Чехова и Твена, на новеллах лукавых корифеев Гашека и Зоценко, вновь и вновь перечитываешь блистательных Ильфа и Петрова, неповторимого Азиза Нессина. А кто не преклоняется перед великим русским смехотворцем Гоголем, который заметил, что «насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете». Читашь их с великим наслаждением, получая урок высокого уважения к слову, к каждой строке Мастера. Чеканный стих мудреца Кязима, высокая поэзия незабвенного Кайсына — это непреходящие образцы для любого литератора, пишущего на балкарском языке. Да и не только на балкарском.

Давно обнаружил, что работа литературная — не только изнурительный труд. Бывают и радостные просветы. Мой сосед — всезнающий октябренок сообщил коллегам, что живет рядом с живым писателем. Весьма приятно быть живым... Юный джигит оказался благородней той девушки, которая лет двадцать или более тому назад, прочитав мой юмористический сборник, сказала, что была обо мне лучшего мнения и считала серьезным человеком. Мы не долго дружили...

Сижу на веселой кавказской свадьбе. Кто главный хозяин застолья? Тамада, конечно. Но не только он. Над всеобщим весельем царят горское лукавство, меткая шутка, острое словцо, забавная история не без умысла. Сидишь на таком веселье и слушаешь. И думаешь: вот он — мой родник неизбывный, мой клад неистощимый, богатство мое бесценное — века пережившее, звучное балкарское слово! Слово, подобное Дыхтау. Манит и зовет меня эта вершина первозданной белизной да мудростью степенной.

СЕКРЕТЫ СТАРОГО ЗУЛКАЯ

Слух о том, что аксакалу Зулкаю стукнуло ровно сто двадцать лет, дошел до столичных хакимов-врачей, когда долгожителю исполнилось сто двадцать лет и ровно два года.

«Нельзя,— сказал Главный хаким-профессор,— чтобы геронтологические тайны старого Зулкая отправились вместе с ним в мир иной. Надо обстоятельно исследовать и обследовать этого упорного горца и обогатить нашу науку на благо другим желающим пожить как можно дольше».

Наука есть наука, и ей многое известно, хотя и не так много, как той статистике, которая знала все. Зулкаю предстояло частично восполнить отдельные углы, щели, сусеки, остающиеся пока незаполненными ценной информацией.

Главный хаким-профессор и его двое молодых аспирантов, тоже ученых алимов, отправились к Зулкаю в его родной аул, что был высоко в горах, в заоблачном краю.

Долго они ехали, ехали и, наконец, приехали. Но им не повезло. Зулкая они дома не застали. И неудивительно: в разгар сенокосной страды аксакал никогда не оставался дома — ведь никто лучше него не умел отбивать косы, а сенокос этот — в самом дальнем урочище, под боком у самого Дыхтау. Ни на каком четырехколесном транспорте туда не добраться, а четырехкопытный был уже весь там.

Врачей в ауле хорошо угостили и предложили быть гостями столько дней, сколько требуется для их уважаемой науки и для их драгоценного творческого вдохновения.

Но врачи не могли ждать. У них была и другая работа. И они отправились в столицу, обещав приехать еще. Молодые алимы приуныли, но Главный хаким резонно заявил, что уныние сокращает жизнь, зато наука возрастных пределов не имеет. Вон сколько воды утекло от Гиппократа до

Гарвея и от Пирогова до него, Главного хакима, а наука ничуть не постарела. Ничего страшного, если они приедут через месяц-другой. Тогда младший алиим выразил опасение: а вдруг почтенный аксакал не дожидается? Нетерпеливый ученик Главного хакима намекал на то, что старец может в любую минуту покинуть грешный мир.

— Нет,— твердо заявил профессор.— Если он, Зулкай, еще ходит на сенокосы, пусть даже не косить, а лишь отбивать лезвия, значит пока еще он не ставит на повестку дня отход туда, откуда не возвращаются.

Следующая поездка тоже оказалась неудачной. Дело в том, что двоюродный брат Зулкая прекратил свой жизненный путь попав во время охоты под камнепад, и старец поехал его хоронить в соседний аул. По меньшей мере на неделю.

«Поедем и мы туда»,— предложил молодой алиим. Но Главный сказал, что было бы непростительной бестактностью выпрашивать тайны долголетия у человека, который хоронит своего, пусть даже двоюродного, брата. Бестактно и ненаучно.

Молодой алиим подумал и согласился с профессором, который вдобавок еще объяснил, что информация старца в такие тягостные для него дни может оказаться искаженной под воздействием отрицательных эмоций, связанных с потерей близкого человека.

Опять уехали ни с чем.

Но и следующий визит оказался бесполезным. На этот раз на самой дальней, но крупной ферме проходил конкурс стригалей, и Зулкаю пришлось согласиться быть главным судьей соревнующихся овечьих парикмахеров. А большая сезонная стрижка — дело не одного дня.

Потом была хлопотливая пора возвращения животных на зимние квартиры, позднее — свадьба младшего правнука, отдавшего сердце герпегежской красавице. А в Герпегеже, как вы знаете, не любят легко расставаться со своими лучезарными. Выдумывают всяческие уловки, чтобы испытать терпение нетерпеливого жениха и его родичей. Зулкай хотел было даже выкрасть ее, лучезарную, сам, но вовремя вспомнил, что времена, когда широко практиковался столь рискованный метод, канули в вечность. Он решил поехать в Герпегеж сам во главе авторитетной бригады опытных и выдержанных сватов и решительно воззвать к совести неуступчивой родни невесты.

Хакимам все это, конечно, надоело. Они, несмотря на ученость свою и вытекающую из нее степенность, начали откровенно роптать, намекая на то, что легче, наверное,

попасть на прием к саудовскому королю, чем свидеться с непоседливым Зулкаем. В какую еще командировку он отправится в следующий раз?

Решили оставить ему авторитетную записку. Так, мол, и так, к очередному нашему высокой научной важности визиту — ровно через неделю — просим сидеть дома у телевизора, смотреть мультфильмы, пить айран (можно чай) и никуда не отлучаться.

И вот снова приехали Главный хаким и его молодые алимь, настолько изучившие крутую да извилистую дорогу в аул, что могли бы вести машину с закрытыми глазами.

Аксакал и в самом деле сидел перед телевизором и с великим вниманием смотрел фильм о жизни обитателей морского дна. Всевозможные осьминоги, крабы, акулы настолько его увлекли, что он только указал гостям на диван, сам же не отрывал взгляда от радужного экрана.

Временами Зулкай качал головой, цокал языком, изредка произносил полусшепотом «тобба-астофируллах...»

После телпередачи, Зулкай не спеша огладил свою белую аккуратно подстриженную бородку, чуть прищурился и стал рассматривать гостей каждого в отдельности. Потом он довольно зычным голосом призвал женщин из соседней комнаты — восьмидесятилетнюю хранительницу очага, младшую невестку и правнучку — и выразил убеждение, что все они, видимо, потеряли совесть и стыд, если до сих пор перед гостями не стоят на круглом столике айран и прочие легкие продукты питания, дабы гости могли без особых страданий дождаться свежеваренной баранины с тузлуком и шурпой.

Женщины в авральном порядке повыскакивали из комнаты, а Зулкай поднялся и за руку поздоровался с каждым из гостей. Его мудрые глаза с хитроватыми зрачками светились радушием и нескрываемым любопытством.

— Почтенный и многоуважаемый Зулкай! Мы весьма рады тому, что наконец-то встретились с вами. Надеемся не надоесть своими вопросами, ибо наши помыслы, равно как и профессия наша, благородны, а цели и того более — человечны. Поэтому, чтобы пачать наш весьма важный и серьезный разговор на эту удивительную тему и выяснить особенности вашей...

— Не стыди меня, любезный, но нельзя ли проще: «Скажи, Зулкай, как это ты ухитрился прожить так долго?» Коротко и ясно.

— Да, да... как?

— Да просто — умирать не хочется, с людьми расставаться неохота, и о смерти думаю редко.

Зулкай, видимо, шутил. Он и сам, паверное, заметил, что подобным ответом эти хакимы сыты не будут. И тогда Зулкай стал неторопливо рассказывать о своей жизни. Не обо всей, конечно, а так — о чем хорошо помнилось. Пусть хакимы послушают, а выводы сделают сами.

Например, он вспомнил о том, как двенадцатилетним парнишкой уже косил сено. О том, каким он был маленьким и какая маленькая была коса. Ее для него специально сработал отец, умевший в своей кузнице делать все, в чем только могли нуждаться трудовые руки сельского жителя. Был отец и заядлым охотником... До сих пор грустно вспоминать тот мрачный осенний день, когда отца, истерзанного разъяренным медведем, привезли из леса.

Жизнь сироты в те далекие годы была жалкой и беспросветной. К двадцати годам Зулкай имел то же самое, что наверняка имел бы и к сорока, да и к шестидесяти тоже — лишь пару сильных мозолистых рук. Но в жизни случаются неожиданные повороты. Небольшая потасовка с биевским сыном и сломанное ребро (не у Зулкая, конечно) чуть было не повлекли за собой путешествие молодого батрака в Сибирь с неудобным железным грузом на руках и ногах. Но вместо кандалов на Зулкая надели солдатский мундир и отправили на русско-турецкую войну, где он весьма отличился при защите крепости Баязет.

Вернулся домой не скоро, но настоящим мужчиной. Бравый черноусый джигит был в почти новой добротной шинели, в крепких сапогах и со знаком воинской доблести на груди — Георгиевским крестом. Некогда им побитый биев сынок, тоже изрядно возмужавший, но лоснящийся жиром, угрожающе было покосился на Зулкая, но потом сделал вид, будто ни о чем таком и не помнит. Все-таки сапоги, боевой крест, да еще неплохое знание русского языка — значили очень многое. Зулкая стали все уважать. И аксакалы, и безусые юнцы, и, разумеется, те создания, которым уже пора было выходить замуж.

В те времена в жизни Зулкая вновь произошел не совсем обычный случай, смутивший его покой. Приехал тогда в горы невиданный гость из далекого Инглиза. Это был важный и представительный, князю подобный мужчина. При нем — двое заморских джигитов. Приехали они с одной единственной странной целью — подняться на заоблачную белоснежную вершину, что гордо высится над аулом и над менее высокими хребтами. Оказалось, это их главное занятие в жизни — совершать восхождения на самые высокие горы. Но разве не ясно каждому горцу, что бесцельное лазанье по голым скалам — это занятие для бездель-

ников и кому не известно, что на подобных вершинах нет ни сочного травостоя, чтобы заготовить добротное сено, ни свинцовой руды, чтобы отливать пули. Эти блуждания по горам серьезные люди называли таким же пустым и, более того, позорным делом, как, скажем, водить собак на водопой.

И все же на подобную вершину однажды поднялся сам... Зулкай. Просто так. Из любопытства.

Дело в том, что охота на тура увлекла его очень высоко, а оттуда, с этой высоты, вдруг открылся неописуемо прекрасный вид.

Отроги Главного хребта постепенно спускались к плоскогорьям, покрытым лесами.

А рядом, ослепительно сверкая, сияла эта гордая и надменная вершина, закрывая собой половину неба. Появилось у горца непреодолимое желание посмотреть на мир и с этой вершины.

Зулкай, не очень отягощенный башлыком, в котором лежали ломоть гырджына, небольшой кусочек сыра да немного сушеного мяса, засунул ружье в войлочный чехол и начал восхождение. Но вершина лишь казалась близкой, и джигит успел на нее подняться только к закату. И успел еще захватить сказочную картину: вечные снега и льды, гранитные утесы и каменные осыпи, словно объятые гигантским пожаром, отсвечивали розовым, красным и багряным сиянием. Золотое небо быстро густело, темнело, и вот уже на нем стали выявляться крупные немигающие звезды. Зулкай увидел новый, удивительный, меняющийся на глазах мир и чувствовал, что и в нем самом что-то изменилось. Потом был беспокойный, жутко холодный ночлег в расщелине скалы, когда горец и не чаял дожить до утра. Однако дожил и благополучно спустился в более уютный мир с привычными травяными склонами и лесистыми холмами.

Зулкай никому не рассказывал о своем рискованном восхождении, дабы не стать посмешищем на ныгыше.

И вот теперь, когда он узнал намерения и цели этого важного, но приветливого ингилиза, он дал ему несколько дельных советов.

— Так вы там побывали, уважаемый?— спросил старший гость.

— Да, было,— смущенно ответил Зулкай.

— А не могли бы вы пойти с нами?— сказал старший ингилиз после некоторого раздумья.— Ваши труды будут не напрасны.— Он сунул в руку Зулкая несколько золотых монет.

Сумма оказалась ошеломляюще крупной и могла ощутимо сказаться на весомости Зулкаева калыма.

—...Вот тогда-то и совершил я тяжкий грех, который долго еще терзал мою душу,— сказал Зулкай.— Я взял деньги от гостя, которому должен был помогать бескорыстно и даже радостно. Как говорят русские — шайтан попал.

А ингилизы оказались знатными горовосходителями. Ни трещины в ледниках, ни узкие карнизы над пропастями, ни жгучий ветер не колебали их душевного равновесия.

Потом Зулкай поднимался на крутобокую вершину через много лет спустя, будучи уже немолодым. Поднимался с красным флагом...

— Многое я повидал, многое услышал. Были еще войны — на далеких морях и далеких землях. Была война и в наших горах. Сначала с собственными мироедами, потом с проклятыми фашистами. А теперь скажу вам, уважаемые хакиды, мы живем в такое время, когда жизнь доставляет нам столько радостей, сколько никогда мы еще не видели. Холодных нет, голодных нет, войны нет. Вот если бы люди научились быть еще добрее и живее душой. Тогда совсем стало бы хорошо. А у старого Зулкая нет особых тайн долголетия. Разве что несколько небольших секретов. Вот главный: я научился каждый восход солнца отличать от предыдущего. Не смейтесь, это верные слова. Подумайте и попробуйте, если до сих пор не пробовали, понаблюдать за каждым рассветом. А теперь,— обратился Зулкай к Главному хакиму-профессору,— пойдете, я покажу вам свою каменную работу.

Гости с любопытством переглянулись, вышли во двор и последовали за слегка ссутулившимся, но крепко ступающим Зулкаем.

— Вот,— сказал старец, показывая изваяние из розоватого гранита.— Как я отшлифовал его, как вывел эту линию, а? Хороший гранит. С верховий реки привез. И долго тесал. Скоро закончу. Немного осталось...

— Но это же надмогильный камень!— с ужасом в голосе сказал молодой алим.

— Да, это так, мой юный друг,— ответил Зулкай так спокойно, словно предсказывал завтрашнюю погоду.

— Но вы же...

— Да, я еще живой и в «вечный» мир не тороплюсь. Кто же туда торопится? Но согласитесь, разве плохой камень? Лежать под ним, должно быть, одно удовольствие, а?— мрачновато пошутил Зулкай.

— Но зачем вы все это?..— удивился Главный хаким-профессор.— Или есть предчувствие?..

— Нет. Я еще, пожалуй, поживу. Но понимаете, друзья мои, ведь умерший и так доставляет своей смертью много забот, не говоря о тяжелой скорби. Вот и решил я хоть чем-то помочь тем, кто останется после меня. Это просто добрая услуга.

— Жуткие у вас шутки,— сказал молодой алим, продолжая завороженно разглядывать камень, от которого, как ему казалось, веяло кладбищенским холодом.

— Нет, это не шутки,— с улыбкой вздохнул Зулкай.— Не шутки. Я ведь и в самом деле не боюсь смерти. Давно заметил, что она чаще навещает того, кто в страхе трепещет перед нею. Ум свой ею занимает. А я редко думаю о ней. Все время занят. А она, дура, в ответ на такое невнимание, обходит двор стороной. Не старого ищет, а слабого.

А вы не огорчайтесь, гости дорогие. Цель вашего приезда мне хорошо понятна. Я своими рассказами хотел вас, кроме всего прочего, немного развлечь, пока сварится баранина да свершится шурпа, в которой, надеюсь, будет достаточно перца и чеснока. Ну, а для науки сходим в аульскую больницу, где посмотрите под рентгеном мое сердце — оно, уверяю вас, трудится неплохо. Кровь с пальца возьмите, кто это делают наши лекари, когда надо и когда не надо. Потом поедем к нарзанам. Они особенно прекрасны, если их пьешь прямо из источников и вдыхаешь при этом чудо-воздух, настоящий на хвойном аромате.

Есть еще простой секрет: быть всегда нужным. Посмотрите на эти руки. Они могут отбить косу так гладко, что даже оселку будет радостно оттачивать лезвие.

— Последний секрет,— сказал Зулкай, хитровато шурясь,— чтобы продлить мне жизнь, приезжайте почаще в гости. Мне без вас, без умных и добрых людей, никак нельзя. Как горной траве без теплого дождя. Вот так, уважаемые.

ДАР БЕСЦЕННЫЙ ТАТУКИ

Не могу не предупредить с самого начала: никто никогда не считал Татуку нехорошим человеком. Нельзя сказать, что он был неповторимым примером для восторженного подражания, но уж, по крайней мере, человек этот не

злой, не грубый, не лживый и — что не менее важно — не бездушный.

И вот, несмотря на множество этих моих нечаянных и даже стилистически неизящных отрицаний «не», я должен еще сказать, что ничего такого слишком уж для Татуки неприятного в рассказе моем не будет. Особых похвал в его адрес тоже не обещаю.

Откровенно говоря, таких мужчин в нашем городе немало. Да и каждый из нас, по правде говоря, похож на него, и причем в немалой степени.

Однако Татука есть Татука. И мой рассказ, не очень веселый, но и не очень грустный, посвящается ему одному.

Итак, однажды теплым летним утром, предвещавшим знойный солнечный день, каковые нет-нет да и случаются в нашем городе, не тонкий, но и не чересчур толстый джигит средних лет по имени Татука постепенно пробуждался от спокойного и крепкого сна. Было воскресенье. (Ясные воскресные дни тоже случаются в нашем городе).

Сначала у нашего героя затрепетали не веки, дрогнули не густые черные ресницы, а мощные поздри могучего носа, уловившие знакомый дразнящий аромат свежесдобитых хычинов. Татука сел на кровати, потянулся и смачно зевнул, хрустнув сильной челюстью. Затем он торопливо сотворил утренний намаз, называемый по-современному зарядкой, и поспешил на кухню. Здесь его взору открылась высокая горка румяных хычинов, начиненных растопленным крестьянским сыром. Татука судорожно проглотил слюну — она гулко шлепнулась в его тоскующий желудок, как на дно пустой глубокой бочки.

— Да не быть мне без тебя, — сказал Татука своей ловкой и стройной лучезарно-луноликой супруге. — Да живет долгие годы та, чьи руки сотворили такое чудо! — Он не отрывал взгляда от плавающих в масле хычинов.

— Хорошо, что ты, наконец, встал, — деловитым тоном сказала лучезарно-лунолика, продолжая свое чудодейство. — Иди, мужчина, умойся, побрейся, надень что-нибудь поприличнее: гости сегодня у нас.

— Какие гости? Откуда гости? — удивился Татука.

— Сотрудницы мои придут, подруги.

— А в связи с чем? — спросил Татука, охладевая к горячим хычинам.

— Придут — узнаешь! — В голосе лучезарно-луноликой чувствовались потки обиды и едва заметного раздражения.

— Ну хорошо, гости так гости, — миролюбиво согласился Татука и направился в ванную.

Бритье обычно способствует плодотворным размышле-

ниям, и недогадливого мужа все-таки осенило. Он, правда, не стал кричать «Эврика!», как тот грек, а просто хлопнул себя широкой ладонью по широкому лбу и произнес про себя маленький внутренний монолог:

«День рождения! Вот в чем вопрос. А я-то, осел, совсем забыл. И подруги, значит, по этому поводу... Вообще-то раньше горцы не справляли дней рождения! Года своего рождения не помнили! А теперь в обычай вошло. Хороший, культурный обычай. А отсюда оргвывод: одарить я должен. Хороший должен подарок преподнести. Чтобы лицо моей лучезарной еще более озарилось. При подругах. И не будь я Татука, сын достопочтенного Заурбека, если это не будет именно так».

Вот какие умные и благородные мысли посетили мокрую после купания голову Татуки. Потом он причесал волосы на этой самой голове, неторопливо оделся, взял сто рублей (из тех денег, которые были отложены ему на костюм), заглянул на кухню, загадочно улыбнулся лучезарно-луноликой и вышел на улицу.

Шагает Татука, шагает широкими шагами, довольный своей сообразительностью и широтой души. И снова произносит он внутренний монолог:

«Вот уже немало лет вместе живем. И хорошо, валлаги, живем. Не хуже других. В основном дружно. И даже частично душа в душу. Взаимопонимание. Взаимно... Ну, да это не так важно. Главное, женщина она хорошая. А если бы такой не была, огонь бы погас в моем очаге. Вернее, в нашем очаге. А двери моего дома, то есть нашего дома... Э-э... (тут он не мог придумать, что стряслось бы с этими дверьми, и оставил мысль неоконченной). Умная, красивая, хозяйственная женщина. Видно, аллах добрым оком смотрел на меня, когда мы с ней впервые встретились. Теперь я должен уважить ее, порадовать. Кажется, еще Чехов говорил, что мужество джигита определяется его отношением к женщине. Или даже к жене. Валлаги, хорошо и умно говорил. А мы, мужчины, должны из этого свои оргвыводы делать. И что там долго рассусоливать: вот деньги, вот я — куплю хороший подарок».

Татука переложил деньги из кармана брюк в карман пиджака и направился туда, где он очень давно не бывал, — туда, где крупную купюру можно обменять на маленький прозрачный камешек или на кусочек желтого металла.

«Вот куплю золотое колечко. С красивым камешком. Пусть наденет на свой пальчик и красуется. И каждый раз меня вспоминает».

От этой благородной, как тот металл, идеи настроение Татуки стало еще лучше. Но...

— Уо, салам алейкум, Татука! Куда разогнался в такую несносную жару?

— Видишь ли... Э... Да я просто прогуливаюсь... Скуку развеять...— О своих намерениях Татука почему-то умолчал.

— Ну так пошли, друг дорогой, к речке. А то мы скоро уподобимся двум ошпаренным петухам, которых собираются ошипывать.

Сравнение было причудливым и не совсем приятным. Однако Татука вдруг почувствовал, что на улице и в самом деле жарыща адская. Заметив его замешательство, приятель стал уточнять детали отдыха у реки:

— Окунуться в бодрящую прохладу чистой воды, потом отведать шашлычка и запить его ледяным пивом, встретиться с друзьями, которых сейчас там знаешь сколько, а? Ну, что ты задумался?

Осман — хороший человек. Это он предложил избрать Татуку в местком, и все собрание проголосовало «за».

Очень хороший человек. А обижать такого человека — просто хамство и бескультурие. Вот жарыща! Добрый шашлык в кругу добрых друзей...

И тот самый шашлык, и та самая бодрящая прохладка чистой воды, и ледяное чешское пиво, и добродушно-веселые приятели благотворно повлияли на состояние духа Татуки. Естественно, что у него появилось желание сделать уважаемым друзьям и свое уважение тоже. Он обратился к самому младшему из компании:

— Подойди-ка сюда, юноша! Возьми-ка эти бумажки и сбегай туда. И поживей!— куда именно, он не стал указывать, но юноша оказался сообразительным.

Татука еще раз убедился (в который раз!), что с друзьями хорошо сидится. Однако он не забывал, что в непосредственной близости от слова «развлечение» частенько околачивается слово «долг». И свой «долг» он твердо намеревался выполнить еще к середине дня.

Идет он по улице и прямо-таки физически ощущает, что карман его заметно полегчал.

«А зачем ей колечко? И так лучезарно-лунолика. Что толку, если на и без того красивой ручке будет блеснуть этот... металл!»

Какая-то странная привычка — носить кольца на пальцах... Буржуазный обычай. Мещанский... Лучше куплю дорогие модные туфли. И красиво и практично. Без колец ходить можно. А попробуй без обуви! Где-то тут недалеко

обувной магазин... Кажется, возле ресторана «Нальчик». Точно. Иду. В хорошей коробке. И чтоб ленточкой перевязали. Вот деньги, вот я...»

— Ты посмотри на него, только посмотри! Сам Татука, собственной персоной. Такой ясноликий и добрый — ну, прямо солнца луч в ненастную погоду! Постой, дружище, не спеши. Познакомься с нашим дорогим гостем из Москвы. Дорогой человек, золотой человек.

Татука не понял, кому адресованы последние слова — ему или столичному гостю. Да это было и не важно. По-знакомились.

— Пошли, дорогой Татука, с нами. Примем по пять капель ради здоровья и благополучия дорогого гостя.

После первой вторая идет легче. Даже если в ней и не пять капель, а третья — сама просится. К тому же хорошо воспитанный Татука отдает себе отчет в том, что гость товарища (а тем более заместителя начальника родного учреждения) — это и его гость. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не уважить гостя и вместе с ним и своего старшего брата — это, знаете ли...

Когда «уважение» кончилось, Татука позвал искроглазую девушку в белом переднике и, несмотря на протесты сослуживца, сделал широкий жест...

Тени деревьев стали уже длиннее, чем сами деревья. Жара заметно спала. Денег осталось совсем немного.

Татука произвел подсчет. Итог оказался безотрадным. Удивительная вещь! Чем больше к тебе внимание друзей, тем больше свободного места в кармане...

«Ну что ж! Лучезарная и так не босая. Это они, женщины, только говорить любят: «Я совсем босая», хотя в прихожей без конца спотыкаешься о целые груды туфель и босоножек. Да и потом это далеко не лучший подарок. Дарить носильные вещи! Какой дурной вкус... Куплю ей флакон великолепных духов. Женщины без ума от этих духов. Особенно, если на флаконе малопонятные иностранные надписи. Духи с заморским запахом. Это идея. Вот какой подарок озарит лицо моей лучезарно-луноликой».

С такими вот мудрыми мыслями и отправился Татука на поиски того магазина, где стоят на прилавках стройными рядами хрустальные склянки с чудотворной жидкостью.

— Уо, салам алейкум, любезный родственник! Каким добрым ветром занесло тебя на мою улицу, прямо к углу моего дома! — Это Биногер, который представляется Татуке то его зятем, то братом троюродным, а иногда и дядей.

«С ним, с Биногером, будет посложнее...»

— Валлаги, не отпущу! Твоя свояченица («Ага, теперь

мы «свойки») как раз утром тебя вспоминала. Кровно обижена, что уже год как не был у нас. И дети по тебе соскучились.

— Сколько их у тебя?— вздохнул Татука.

— Четыре сорванца!— радостно сообщил Биногер.

«Четыре коробки конфет».

Дети любят конфеты, а Татука любит детей. Да и Биногер, хотя и разговорчив невероятно, человек приятный, чистосердечный. Его супруга тоже обаятельная женщина. Наверное, и дети на них похожи.

И Татука не ошибся. Хозяйка была искренне радушна, да и вообще хорошая хозяйка: такой айран, такое жорме! И четыре сорванца набросились на Татуку, как на родного и любимого дядю. Вконец растроганный таким вниманием, Татука одарил юных джигитов хрустящими бумажками на мороженое (в дополнение к кондитерским изделиям). Родители, правда, заявляли громкие протесты против антипедагогических действий Татуки, но гость настоял на своем.

Когда Татука выбрался из шумного дома Биногера, деревья стояли на месте, но уже без теней. Над городом сгущались сумерки. В кармане позвякивала мелочь.

«Это не дело. Это совсем не мудро. Дома гости, а я сам по гостям... Смешно и несправедливо. А подарок... Сколько тут у меня? Уо-о... Нет, нет, нет, сколько ни пересыпай монеты из ладони в ладонь, их от этого не станет больше...»

Татука загрустил.

Но вдруг на противоположной стороне улицы он заметил яркие пунцовые розы и старушку при них, которая явно ожидала покупателя.

«Женщины любят цветы. Хороший букет таких чудесных роз — разве это не подарок? К чему фальшивый запах парфюмерии? Куда лучше естественный аромат живых цветов!»

Настроение Татуки сразу улучшилось. Но совсем ненадолго. Денег не хватало и на цветы. Лицо стоящего перед старушкой Татуки стало как у того горца, чей единственный ишак свалился в пропасть.

Заметив это, старушка усмехнулась и сказала:

— Бери, сынок. А деньги потом принесешь, если не забудешь. Я тут часто бываю.

Когда Татука пришел домой, веселье было в разгаре. А лучезарно-луноликая прямо-таки расцвела, получив цветы из рук смущенного Татуки. В следующую минуту она даже слегка прослезилась и сказала нежным, чуть дрожащим голосом:

— Знаете, девушки, ровно десять лет назад этот мужчина подарил мне точно такие же розы...

Ровно десять роз. Десять лет... Точно такие же...

Подруги тихонько ахали. У некоторых даже повлажнели глаза.

— Такая любовь...— вздохнула одна из женщин.

— Счастливая!— сказала другая.

Потом все обратили свои восхищенные взоры на Татуку, который смущался, как юноша.

«Удивительный народ эти женщины!»

СОБАКА ДЛЯ ЗАУРБЕКА

Не будь старый Заурбек владельцем лучшего в селении сада — на редкость обширного и урожайного — то не было бы и нашего сегодняшнего рассказа.

Дело тут, однако, вовсе и не в саде. И речь пойдет даже не о том, что обильные плоды трудов своих неустанных почтенный аксакал сдает куда надо, а часть вырученных денег посылает сыну, который в Москве учится, в Академии. Будет скоро первым в селе академиком по части коровьих стад и овечьих отар. И тогда друзьям-приятелям Заурбека ничего не останется, как только тихо, но мучительно завидовать счастливому отцу.

Зато Заурбек начисто освобожден от этого довольно распространенного свойства души человеческой. Никому не завидует. Ни Алисолтану, гордому родителю видного партийного работника, ни Биаслану, дочь которого закончила университет и в его же стенах теперь работает, учит будущих учителей. Не завидует наш аксакал и Зеке, у которого нет сыновей, зато имеется собственный двухэтажный дом с железным петухом на крыше.

У Заурбека лишь одна печаль: чем щедрее плодоношение вишневых, яблоневых и грушевых деревьев, тем пристальнее внимание юных жителей села к его саду. Стремительные полчища этих искроглазых джигитов совершают дерзкие набеги на знаменитый сад, оставляя после себя впечатляющие следы преступлений в виде обломанных веток, помятых грядок с чесноком и поваленных звеньев плетня. А хуже всего то, что босоногие абреки объедаются не только зрелыми, но совсем еще зелеными фруктами, после чего страдают расстройствами пищеварения.

Жаль сада, но еще большую жалость вызывают молодые

прожорливые желудки по-браконьерски неразборчивых злоумышленников.

Когда в очередной раз приехал на каникулы будущий академик, Заурбек поделился с ним своими заботами. Так, мол, и так, нет покоя от неударжимых садовых джигитов.

Умный сын крепко, но ненадолго задумался. Выход из положения, как защитит отчий сад от дармоедов, какой поставить заслон перед их наглыми вылазками, московский студент нашел быстро:

— Нужно, отец,— сказал он тоном ученого знатока и спасителя,— собаку держать. И не простую, а специальную. Чтобы один ее вид отбивал намерение повалить плетень, пройтись по грядкам, чтоб один ее взгляд лишал аппетита к вегетарианской пище. Собака — это радикальное решение проблемы. Хороший и злой пес не только друг человека, но и надежный страж его имущества.

— А вдруг он покусает ребятишек?— озабоченно спросил Заурбек.

— Так им и надо,— твердо сказал «академик» с видом профессора, ставящего студенту «неуд».— Больше не ползут.

— Да вроде как-то неудобно...— замялся старик.

— Не волнуйся, отец. Моральная сторона этого дела пусть тебя не тревожит. Будем говорить по существу. Есть у меня в Нальчике знакомый, который разводит породистых собак — у него их целая свора. Я выберу самую подходящую и привезу. Завтра же.

— Ну что ж...— неохотно поддался уговорам старый садовод.— Только хорошо бы, она не очень злая была...

Утром следующего дня Заурбеков сын поехал в город, а к вечеру возвратился вместе с собакой.

— Посмотри, отец, на морду этого зверя! Его научное название — бульдог. Располагает мертвой хваткой. Англичане держат таких псов для охраны своих жилищ. Один его вид приводит в трепет. Ну и взгляд. Будто высматривает, кого бы слопать.

— Да, вид у него, прямо скажем... неблагоприятный. И глаза какие-то пьяные. Ему и лаять необязательно. Достаточно только повернуть морду в нужную сторону. А чем его кормить? Наверное, за этим чудовищем и уход требуется особый?

— Мне, отец, все подробно растолковали. Лопать всякую всячину, как какая-нибудь блохастая дворняга, он не станет. Одно из его любимых блюд — вареная говядина, только не очень жирная. Лучше в виде котлет. Можно давать свежую баранину, но не часто, а то у бульдога из-за

нее случаются нарушения деятельности желудочно-кишечного тракта. Этот заморский зверь только с виду ужасный, а на самом деле — существо нежное, деликатное. Поэтому сухой хлеб, не смоченный в молоке, давать ему нежелательно. Зато иногда он с удовольствием грызет бублики. Чтобы его организм был обеспечен витаминами, бульдог регулярно должен получать рыбий жир и сметану. Воду ему надо давать слегка подогретую, иначе он застудит горло.

— А не лучше ли повязать ему шею теплым шарфом? — серьезно спросил Заурбек.

Просвещенный сын не заметил иронии.

— А что? Это тоже может оказаться не лишним. Кстати, такую собаку нельзя держать в холодной конуре. Ее место в хорошей, чистой и теплой комнате. Да, чуть не забыл! Купать бульдога надо не реже одного раза в неделю, используя при этом детское мыло или шампунь. Вытирать насухо негрубым полотенцем, а затем...

— Достаточно, сын мой! — Заурбек прервал увлекшегося студента. — Мне все ясно.

Наш почтенный аксакал внимательно, очель внимательно посмотрел на диковинного пса. Брови старика сурово сошлись над переносицей. Казалось, и бульдог помрачнел и насупился. В глазах у четвероногого гостя появилось терпеливо-равнодушное выражение, как у заезжего лектора, ожидающего вопросов не по его теме.

— Такой страж мне не нужен, — решительно заявил мудрый садовод.

— Почему, отец?

— Дело в том, что к сметане с витаминами и хорошему ржаному хлебу с молоком я тоже отношусь неплохо. Люблю и нежирную говядину. Пусть даже в виде котлет. Добротный шашлык из упитанного барашка тоже, слава аллаху, не оскорбляет мой, как это ты сказал? — желудочно-кишечный. Купания в теплой воде мне полезны ничуть не меньше, чем твоему зверю. При этом я могу пользоваться обыкновенным мылом и грубым полотенцем. Сидеть в теплой комнате и смотреть по телевизору передачу «В мире животных» мне и самому приятно. Я не знаю, как там в Инглизе, а все то, что ты перечислил, у нас больше подходит для человека, нежели для дворового пса. Ведь если твой бульдог будет вести такую жизнь, то и хозяином дома и сада нужно быть ему, а не мне. Иначе неудобно как-то... Уж лучше я сам присмотрю за садом, не хочу быть сторожем на службе у собаки, да еще с мертвой хваткой. Так что вези ее обратно.

— А яблоки, плетень?— растерянно пробормотал сын.

— Да что там яблоки, что плетень? Пусть забавляются босоногие джигиты. Плетень уж как-нибудь залатаю. Без всякой мертвой хватки... Не нужна мне эта хватка.

Так сказал Заурбек и, бросив насмешливый взгляд на высокомерно-самодовольного бульдога, который так и не понял, о чем тут шла речь, не спеша направился к поваленному плетню.

Бульдог ничего не понял. Зато понял студент. На то он и будущий академик.

ИСКАЛИ МЛАДЕНЦУ ИМЯ

В ауле Состар (и не только в нем) в тридцатые годы и даже чуть раньше стали нарождаться новые и очень удивительные обычаи. Появились неутомимые энтузиасты, которые во весь голос заговорили о том, что мы живем в новое время, а потому все надо делать по-новому и все переиначить решительно и до основания. То, что мы стали носить вместо сыромятных чабуров ботинки со шнурками, то, что многие горянки уже дерзко надевали пальто, а многие горцы вместо бузы пьют более прозрачные напитки, то, что мы стали по-новому строить дома, а с муллами не играть в сатраш, а разговаривать по-другому — все это хорошо. Но мало. Между прочим, и новорожденным следует давать новые имена. Соответствующие свету новой жизни.

И вот в Состаре (и не только в нем) большинство знательного населения решило, что Ахмат, Асхат, Махмут, Масхут и прочие ветхозаветные имена необходимо выбросить на свалку истории как безнадежно прогнившие и отслужившие свой реакционный век. Точнее — века.

Смена старого новым — единственный, говорили, хороший старый обычай.

Среди новых имен быстро возникли такие громкие и всем понятные имена, как Чапай, Фрунзе, Буденный. Одного новорожденного назвали Ворошилов, а через год у него появился братишка по имени Калмыков. Но дело тут было не только в новизне — родители мечтали, чтобы их сыновья хоть немножечко походили на прославленных полководцев и государственных деятелей.

Молодой учитель молодой школы старого аула Состар первым догадался, что если ограничиваться лишь именами

героев нашей революции, то этих имен может когда-то и не хватить. Поэтому он, Сеит-Ахмат из рода Дадашевых, решил мобилизовать и героев Французской революции. Предложил, например, назвать племянника Маратом. Учитель вкратце информировал жамауат, точнее совет по обсуждению имени, о жизни и деятельности героя, и это звучное простое для произношения имя (почти Мурат) одобрили единодушно.

Когда же в доме учителя громко подал голос его собственный первенец, Сеит-Ахмат намекнул своему старшему брату, чтобы тот выдвинул идею назвать новорожденного Робеспьером.

Но тут произошла осечка. Нет, никто не имел никаких претензий к личности самого Робеспьера, у которого, говорят, было еще прозвище Неподкупный. Просто звучание его имени оказалось слишком непривычным для слуха, а произношение — для языка горцев. После короткой полемики победила точка зрения луноликой Жаухар — бабушки младенца — искать другое имя.

— Может, Инженером назовем, — слышался чей-то неуверенный голос.

— Уже поздно, — сказал тихо сидевший в уголке дедушка с совещательным голосом. — Перехватили Газзаевы это прекрасное имя. На мельнице говорили.

— А если Паровоз или даже Экспресс? — подал мысль Сеит-Ахматов дядя, обладавший технической эрудицией. Он первым в селе оседлал трактор и помогал монтеру из Нальчика ставить на столбе радио.

Эти имена тоже отклонили, заподозрив, что дядя не сам их придумал, а позаимствовал у каких-то своих коллег на районном совещании, откуда только что вернулся.

— Да не стыдите меня, но я только хотела спросить, — робко поднялась старшая невестка, — не было ли у этого Ро-бес-робера, да будет рай пристанищем его души, брата или хорошего друга? У таких людей и близкие бывают именитыми...

— Да, у него был верный соратник и отменный джигит, — сообщил Сеит-Ахмат. — Звали его Дантон. Очень умный, справедливый и честный мужчина.

— Хорошее имя, — сказала лунолика Жаухар, мать отца новорожденного. — И звучит грому подобно и языку не в тягость.

Так и назвали. Однако шло время, и первый звук французского имени стал часто выпадать из произношения, а потом и вовсе пропал. И мальчика, вернее, уже отрока стали звать Антоном. Выяснилось, конечно, что это русское

ня. И довольно благозвучное. Никто не был разочарован. Тем более, что к тому времени в семье учителя появился еще один кареглазый голосистый джигит — в самый разгар моды на славянские имена.

Слегка пополневшая, но ничуть не потускневшая Жаухар вновь возглавила совет по подбору имени для второго внука.

— Прошу никаких Паровозов и Самолетов не предлагать,— твердо заявила она.— Хочу назвать малыша русским именем. Но таким, каким еще никто не называл своего сына ни в Состаре, ни во всем нашем ущелье, ни во всей Большой Балкарии.

— Есть хорошее имя Сэрожа,— подала писклявый голосок младшая невестка, вызвавшая своей неуместной смелостью косые взгляды присутствующих.

— Нет!— категорично отрезала Жаухар.— Слышала я, захватили это имя в Нижнем ауле. Не желаю, чтобы мой внук носил чужую шапку.

— Мне нравится имя Балодия,— смущенно сказала старшая дочь Жаухар.— Того русского, который кино показывает, так зовут...

Жаухар грозно посмотрела на дочь и не удостоила ее ответом. Только в Состаре уже было трое Балодий. Отпали также Николай и Василий. Старшие отметили, что первое имя слишком напоминает царское, а второе носил, но, к счастью, недолго — так ему и надо,— белогвардейский бандит, спаливший в Гражданскую половину села.

— Слушайте все внимательно,— решительно сказала Жаухар.— Поспешность в нашем деле не нужна. Имя дастся не во временное пользование. Это не арба и не сито. Имя — до конца дней,— пусть будут они долгими,— и даже еще дольше. Оно живет потом вместе с именами детей. Младенец обойдется еще денек-другой без имени. Это не повредит его здоровью и не замедлит роста костей. Я же поеду на базар в Нальчик и привезу ему отличное русское имя. Можете полностью доверить мне это важнейшее дело. Это будет, свидетель аллах, такое имя, что все любящие нас будут долго радоваться, а враги еще дольше сгорать от зависти.

Никто не стал возражать и только тихий дедушка с совещательным голосом спросил не без ехидства:

— Не собираешься ли ты купить это имя на базаре?

— Нет, мужчина! И копейки не потрачу. Хотя ничего бы и не пожалела. Выберу имя из многих услышанных. Такое, что ни на земле, ни на небе лучше не найти. Имя,

ласкающее язык, улаждающее горло, звучащее, как перезвон серебряного бубенца. Вот какое имя!

Иные кивали головами, другие головами покачивали и недоверчиво улыбались. Вслух, однако, никто не высказал своих сомнений. «Что ж, привезет — посмотрим. Можно и подождать. Младенец имени пока не требует. Ему грудь подавай. С молоком».

Накануне поездки Жаухар тщательно пересчитала свои соленые сыры. Высчитала в уме, сколько денег получит и удовлетворенно улыбнулась. Не только имя, но и полное младенческое снаряжение привезет она своему младшему внучонку, да перейдут все его возможные болезни к ней, к бабушке.

Чуть свет она, как ханша, воссела в центре арбы своего племянника и велела трогаться. Бодрая кобылка легко покатила тяжелую арбу по твердой сухой дороге. Не много прошло времени, и вот Жаухар увидела знакомые окраины города. Еще через полчаса она уже выбирала удобное для торговли место. Оставив племянника на страже своих сыров, решила, для начала, пройтись по рядам, посмотреть, что, где и как.

Базар, как и ожидалось, был великолепен.

Вот улыбчивый кумык, сверкая золотыми зубами, нежно поглаживает свои каракулевые шапки. На вопросы покупателей отвечает задушевно: «Сначала надень, дорогой, посмотри вот в это зеркало, а о цене потом поговорим!..»

Вот застенчивая кабардинка скромно стоит за полдюжиной надменных индеек, словно не она их, а они ее собираются продавать...

Вот румяная дева из Верхней Балкарии любитесь своими такими же румянными яблоками, будто не решила еще, продавать их или съесть самой...

А чуть поодаль — лавка с тканями. Высокий синеглазый парень, тряся рыжими кудрями, ниспадающими на лоб, проворно орудует деревянным метром. Он весело шутит со своими покупательницами, расхваливает товар, подмигивает молоденьким женщинам. Жаухар подошла поближе. Она не понимала, о чем там толкует продавец, но внимательно прислушивалась. А язык его не знал устали и слова его трещали как нартух на раскаленной сковородке.

Рыжекудрый разговаривал и наматывал на метр черное сукно, голубой кашемир, яркий кумач, цветастый шелк, белый батист... — лавка представляла собой маленький мир тканей на любой вкус. Но не это привлекало сейчас Жаухар, хотя и она была равнодушна к такому товару и толк в тканях знала. Настороженно, как охотник в засаде,

она ловила на слух каждое слово русского, и немало в его речи проскальзывало таких, что хотелось ей запомнить. Одно слово понравилось больше всех. Оно произносилось чисто, без слитности с другими, повторялось часто, но несколько не надоедало. Запомнилось это слово. Оно звучало, как заметила Жаухар, не затрудняя ни горла, ни языка, и было приятно для слуха, словно негромкий, но чистый глос бубенчика — «ка-кой, ка-кой, ка-кой...»

Жаухар с волнением и тихим восторгом произнесла сама: «ка-кой, ка-кой». Хорошо получилось. Чудесное слово крепко и навсегда прилепилось к ее богатой памяти. Она отошла от лавки и, воровато поглядывая по сторонам, еще несколько раз повторила новое слово, которое вполне годилось в качестве красивого русского имени ее внуку.

«Как раз то, что я искала», — решила Жаухар и так заторопилась к племяннику, будто боялась потерять по дороге свою бесценную находку.

— Ну, как идет торговля, душа моя? — спросила Жаухар, победоносно улыбаясь. Ее сияющее лицо сейчас и в самом деле было похоже на полную луну.

— Торговля вроде ничего, — ответил озадаченный племянник. — Но где ты ходила так долго, что искала?

— То, что искала, нашла! — объявила Жаухар. — Нашла прекрасное имя для моего ягненочка. Прекрасное русское имя — Какой. Так и будет назван наш ненаглядный голосистый джигит!

— Не слышал я, чтоб так звали русского мужчину, — пожал плечами племянник. — Эгор — слышал, Боря — слышал, Биктор... А такого — нет, не встречал.

— Тем лучше! Зачем имя, поношенное, как старая шуба. Не надо нам и бурки с чужого плеча. Только наш мальчик будет обладателем этого имени: Какой из Дадашевых. Звучит? Ы-ы? Представляю радость отца и матери. На людях не покажут, конечно, своего восторга, но будут радоваться больше всех.

— И все же странное имя, — не унимался зануда-племянник. — Если надо, я хоть десяток русских имен назову тебе: там Сашка или Павлуша, там Женка или Арафей, в конце концов...

— Ну, хватит, душа моя! Все решено. Просто слух твой еще не привык к моей находке. Привыкнешь — сам поймешь, что имя это — словно конфета во рту. Словно меду лизнула. Ка-кой...

Жаухар, с лица которой не сходила счастливая улыбка, на радостях распродала свои сыры по дешевке. Она очень спешила. Хотела поскорее наделить найденным на наль-

чикском базаре именем того, кто должен был достойно пронести это имя через всю свою жизнь.

...С тех пор прошло ни много — ни мало — полвека. И вот младший сын Сеит-Ахмата из Дадашевых — черноусый Какой поведал мне историю своего неповторимого имени. Я пересказал ее вам, мои терпеливые читатели, ничего почти от себя не добавляя.

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Меня осенило, кажется, после просмотра какого-то иностранного фильма из жизни светского общества, а может, и после телепередачи на морально-этические темы. Я решил, что должен резко именоваться к лучшему и что у меня есть все задатки образцово воспитанного мужчины, способного стать примером для подражания окружающим, которым явно не хватает благородства и изящества манер.

И вот тогда-то, в один из безмятежных вечеров, когда мои домочадцы вели мирную беседу, я и объявил им свою новую жизненную программу: отныне буду вести себя в обществе истинным джентльменом. И дома тоже.

— Ты и так жел тирмен (ветряная мельница), — сказала моя мать, не отрываясь от клубка шерсти.

— Это хорошо, — вскользь и как-то равнодушно заметила ее невестка.

— А я говорю, что с завтрашнего дня решительно меняю свой образ жизни и все поведение. Стану совершенно новым человеком!

Домашние снисходительно улыбнулись и продолжали свои мелкие занятия и мирную беседу.

Ну, что ж. Придется доказать им, что я отношусь к той разновидности мужчин, которые умеют быть хозяевами своего слова. Женщины верят обычно поступкам, а не обещаниям. Это можно понять. И я на деле им покажу, что такое джентльмен. Увидев, оценят меня по-настоящему. Поймут, что джентльмен — это мужчина высшей пробы, а я — тот самый джентльмен и есть.

Джентльмен — это благородство, вежливость, достоинство, деликатность в чистом виде. Словом, тот товарищ, на которого можно положиться в любом случае.

Завтра с утра я и начну. А там мне начнут подражать и знакомые мужчины, которым еще далеко до совершенства. У первых последователей станут учиться другие — пой-

дет цепная реакция. И на земле, по крайней мере на нашей улице, все преобразится. В общем это не так-то трудно быть благородным, воспитанным, великодушным и прочее. Стоит только серьезно захотеть. «Спешите делать добро!» — сказал какой-то мудрый человек. Правильно сказал. Надо спешить. Не зря же говорили и нарты: «Доброе дело не откладывай, злое дело не начинай». Спеши, пока не поздно. Пока другие тебя не опередили.

Окрыленный такими вот мыслями, довольный собой, встретил я утро нового дня. Поворотного момента в моей жизни.

Отправляюсь на работу. Выражаю сердечную благодарность той, что накормила меня завтраком, весьма тепло с ней прощаюсь. Она, правда, посмотрела на меня как-то странно, словно я сказал нечто непотребное. Покачала головой, но, будто вспомнив что-то, улыбнулась. Как детской шалости.

Ничего, подумал я, привыкнешь. Еще радоваться будешь. И гордиться.

Улица полна красивых, добрых людей. Я их сегодня всех люблю. И знакомых, и незнакомых. Они мне милы все, без исключения, хотя об этом и не подозревают. И пенсионер, который вышел из молочного магазина, и тем более — та лучезарная, только что проводившая своего малыша в школу, и даже тот, что так неумело метет тротуар...

Подкатил автобус, весь светящийся от моей доброты и любви. Сажусь в мягкое, как мое душевное состояние, кресло. Однако, заметив стоящую впереди женщину, моментально вскакиваю. Вот первый случай для проявления джентльменства! Несмотря на крашенные волосы, причудливую прическу, она, к тому же, явно старше меня. Да-да, лет на пять, а может, и на все семь с половиной.

— Садитесь, пожалуйста, уважаемая, — произнес я голосом, сладким, как свежеизготовленная халва.

— Ничего-ничего, не беспокойтесь.

— Ну что вы, так не годится. Я — сидя, а вы — стоя. Разве так можно? Не позволю себе...

Женщина ничего не ответила, только некоторая досада отразилась в ее зеленоватых глазах.

— Извините, — настаивал я, — но ведь это так естественно — уступать старшим дорогу, то есть место...

Вышеупомянутые глаза сузились, лицо, на котором они удачно расположились, побледнело, а ротик, ярко выделяющийся на этом лице, раздраженно выпалил:

— Что вы ко мне пристали? И с чего это вы решили,

что я старше? Такие вот типы еще с утра изгадят настроение, а потом целый день не можешь нервы унять!

Косыми взглядами одарили меня остальные пассажиры. Никто ничего не сказал, но видно было, что они почему-то не в восторге от моего поведения.

На первой же остановке я покинул автобус, ибо весьма неуютно ехать в окружении толпы, глубоко тебя презирающей.

Опоздал к началу работы на десять минут. Были, конечно, и другие опоздавшие. Но скрыть нарушение, я подумал,— это двойное нарушение. Решил добровольно признать свою вину. Честно доложить о своем проступке начальству. Как говорится, «поставить в известность». Объясню: так, мол, и так, десять минут, прощеница просим, больше не повторится. Но сперва, однако, надо с уважением поприветствовать вахтера. Широко ему улыбаюсь, крепко жму руку. Он радостно ответил на приветствие и выжидательно заглянул мне в глаза. Потом смерил взглядом: сверху вниз, снизу вверх. И почему-то нахмурился, словно заподозрил, что совесть моя нечиста. Я пошел дальше, чувствуя, как его колючие взоры вонзаются мне промеж лопаток.

Захожу к тамаде. Он моего греха, конечно, не обнаружил. Но, поскольку я джентльмен...

— Салам алейкум, тамада! Извини, что отвлекаю, но не стыди. Такое дело... Не мог не зайти и не сказать.

— Алейкум салам, дорогой, что случилось?— спросил тамада, глядя поверх очков, которые сидели на самом кончике его высокопоставленного носа.

— Опоздал я на десять минут...

— Ладно, бывает. Так что ты хотел сказать?

— Так я уже сказал.

— И все?

— Всё.

Тамада снял очки и положил рядом с ручкой, которая сама выпала из пальцев.

— Ну и что? Кто из вас не опаздывает?.. Хе-хе, спасибо, что прийти не всегда забываете.

— Однако всё же...

— Ты, дорогой мой, того — не выспался, что ли?— сощурился тамада, всматриваясь в меня внимательно, как тот старый кадровик во время беседы с новичком.— Ты скажи, дорогой, как здоровье?

— Здоровье — спасибо, ничего. Но...

— Тогда все хорошо. И не будем времени зря терять. Иди, работай. Если здоровье позволяет.

Я с усилием открыл тяжелую полированную дверь и спиной вперед вышел из кабинета.

— Прости, дорогая,— отвесил я поклон секретарше,— немного отвлек я тебя. А сказать правду—я очень тебя уважаю... Если не сказать больше.

Услышав это, девушка презрительно хмыкнула и демонстративно повернула ко мне свой медальный профиль. Я поспешил в свой кабинет...

По долгу службы звоню в другое учреждение.

— Доброе утро!

— Слушаю.

— Тысяча извинений за беспокойство. Не хотел отрывать вас от работы, но, не будете ли вы так любезны...

— Не морочьте мне голову!— и трубка — клац!— и — пийк... пийк... пийк...

Поработал. Проверил очередную документацию, переписал что надо.

Перерыв. Иду в магазин. Эту продавщицу знаю уже более десяти лет. Каждый день вижу. В неделю пять раз. В месяц — еще больше. Только раньше я ей слова доброго ни разу не сказал. Сегодня — другое дело:

— Добрый день. Взвесила бы килограмм пряников — буду весьма благодарен... Спасибо. Пряники из твоих рук кажутся еще более сладкими. Не стыди, не зря говорю. Говорю, что есть...

— Э-э, куда это вас понесло? Услышит Мой эти признания — даст вам на пряники! Ишь, какие любезности среди бела дня!

Я постарался не задерживаться. Оглянулся в дверях, а продавщица что-то говорила подружке, вертя пальчиком у виска. Про меня, значит.

Вечером решил поработать десять минут сверхурочно — это было бы честным поступком: ведь утром я опоздал. Но тут пришла уборщица. Трудная у нее работа. Нужно столько кабинетов привести в порядок. Почему бы не помочь? Подмету хотя бы под своим письменным столом. Но голосистая женщина, которая не боится даже тамады и смело критикует его на собраниях, сурово посмотрела на меня и угрожающе приподняла швабру.

Отправился домой. Попрощался с вахтером за руку. Он в эту минуту загадочно и как-то глуповато улыбнулся, тихо похлопал меня по плечу, проводил до порога. Вернулся на своё место, удроченно покачивая головой.

Какое-то беспокойство начало шевелиться в области моей диафрагмы. И руки стали подрагивать. Вспомнил утренние события и решил идти пешком. Ученые врачи то-

же советуют ходить пешком. Иду. Смотрю — возле пивной, где пьют не только пиво, вступили в оживленный диалог мужчина с багровой шеей и... женщина в цветастом платье. Обильно осыпают друг друга сомнительными комплиментами. Словом — конфликт.

— Нет, думаю, так дело не пойдет. Не позволю такими словами бесчестить даму. Даже женщину. Подхожу и начинаю объяснять этому бессовестному пьянице... Но он тут же сгреб меня за воротник, а другой рукой — по шее. Сразу же вспоминаю, как поступали благородные рыцари в таких случаях. Но дуэли, сами знаете, нынче почему-то не в моде. И мне оставалось только говорить с невеждой на его же языке. Рванул его руку и заломил за спину. Грубиян заорал таким гнусным голосом, будто его начали свежевать тупым ножом. Но в эту же минуту на меня налетела та, ради чести которой я и ввязался в эту историю. Она стала неистово колотить меня по спине своими кулачками. Еще неожиданнее были ее вопли:

— Уой, поломал руку! Убил, изувечил! Держите этого бандита!..

Не успел я вырваться, как появился молодой сержант милиции и сразу же стал выяснять обстоятельства покушения на жизнь битюга с багровой шеей. И мадам продолжала свирепствовать:

— Вы видели, как этот бандит чуть не убил моего мужа! Человек с работы, уставший, измученный, а этот алкаш...

— Извините, товарищ сержант,— говорю,— я никак не знал, что это муж и жена. Хотел ее защитить... Они ведь готовы были разорвать друг друга, и вот я...

К моему счастью, большинство зевак из плотной толпы, с увлечением наблюдавших за всем этим душераздирающим действием, встали на мою сторону, и сержант отпустил меня восвояси. И мягко напутствовал:

— Ступайте и впредь в чужие семейные дела не ввязывайтесь. Иногда это плохо кончается.

И пошел я, пошел...

Домашнюю свою вспомнил. Уж она-то оценит мое джентльменство. Цветы ей сейчас куплю. Когда я ей последний раз цветы покупал? Не вспомнил. А ребятам пряники завтра куплю. Не подбирать же их, рассыпанные, возле пивной...

Уже стало темнеть. Но все равно иду пешком. Верно говорят, если хочешь, чтобы твою голову чаще посещали благородные и умные мысли — побольше ходи пешком. Вот

и толстощекая луна поднялась над крышами. И звездочки проклюнулись сквозь серый сумрак.

Ну, вот я и дома.

— Добрый вечер, душа моя! Это тебе...

— Погоди со своим веником. Кстати, откуда у тебя эти цветы? Нет, объясни сначала, где ты до сих пор ходишь-бродишь? И рубашка почему такая помятая? И что ты так лебезишь передо мной! Молчи! Я не хочу тебя слушать!

...Э, друзья мои, выбейте зуб тому, кто вам скажет, что быть джентльменом нетрудно.

Лежу на диване. И опять себе думаю...

Через некоторое время подошла мать.

— Ну, как дела, ветряная мельница (жел тирмен)? — спросила она, пробуя ладонью мой воспаленный лоб.

— Какая мельница?

— Ну, бывают такие. Подует ветер — крутятся крылья мельницы. Не дует — не крутятся. Теперь их нет. Да и зачем они?

Такие дела...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

От первой пеленки и до последнего мгновенья верны человеку эти маленькие спутники всей его жизни. Они всегда рядом с человеком, они всегда идут с ним в ногу по всем его дорогам — гладким и прямым, пыльным и ухабистым, широким и узким. Мчимся ли мы, подгоняемые ветром удач, по благоустроенной магистрали жизненного успеха или плутаем по кривым тропинкам, утопая в грязи и проклиная день своего рождения, маленькие спутники ни на одном повороте, ни на одной остановке не оставляют нас в одиночестве. Чаще они бывают нашими друзьями, иногда — по нашей же вине — врагами...

Однако они говорят о нас только правду. Лаконичную и бесстрастную правду. Причем независимо от того, хотим мы этой правды или нет. Маленькие спутники нам приданы и преданы, как добрый конь своему седоку. Приходится и нам быть верными своим спутникам, ибо наша жизнь без них просто немислима...

Речь идет о документах, которые оттопыривают наши внутренние карманы, занимают свои законные места в бумажниках и сейфах, в сумках и шкатулках, в портфелях и шкафах. И в каждом документе — имя, отчество, фамилия, род занятий, образование...

Едва успев родиться и заполучить себе имя, вы становитесь обладателем свидетельства о рождении — первого в вашей жизни документа — и с этого момента... пошло-поехало! Достигаете определенного возраста — паспорт, заканчиваете школу — опять же документ, подтверждающий ваши десятилетние страдания, поступаете в институт или на работу — вам дают соответствующие документы, становитесь членом общества охраны природы — опять документ! Удостоверения, свидетельства, дипломы, пропуска, членские билеты, обязательно трудовая книжка, а иногда и сберегательная... и все это с фотографией, реже без таковой, но всегда с печатью (круглой, треугольной, овальной, прямоугольной) и, конечно, с подписью или несколькими, подтверждающими, что вы — это вы, и характеризующими ваше отношение к обществу и общества к вам.

Все мы, под луной родившиеся, находимся на строгом учете. А когда по воле «судьбы коварной и слепой» мы отправляемся туда, откуда нет возврата, учитывается и этот наш последний шаг...

Правда, имена некоторых представителей рода человеческого продолжают жить и после смерти их владельцев. Эти имена снова и снова пишутся и читаются на тысячах, а иногда миллионах, бумаг: значит, носители этих имен сделали в своей жизни что-то запоминающееся. Весьма и весьма запоминающееся. На годы, на десятилетия, на века...

Однако века всеобъемлющего учета не настали одновременно во всех частях мира подлунного. Это может вам подтвердить наш новый знакомый старый Биазурка, который впервые увидел свое имя написанным на бумаге уже будучи зрелым джигитом с красивыми усами на загорелом лице и острым кинжалом на поясе.

Было это в первые годы Советской власти. Тогда, собственно, ни один из граждан отдаленного балкарского селения не смог бы документально подтвердить ни своего имени, ни принадлежности к своему роду. Спустя какое-то время все аульчане, конечно, получили необходимые документы, а пока приехавший к ним на работу доктор решил сделать нечто вроде переписи населения.

Дом Биазурки оказался первым, порог которого переступил непривычный гость. Этот худой человек с маленькой медового цвета бородкой на узком лице смотрел на всех через продолговатые стекляшки, соединенные между собой проволочкой, которая каким-то образом прикреплялась к его переносице. Сероватый картуз с черным козырьком, белая рубаха, подпоясанная тонким ремешком, не новые, но блестящие ботинки и потертый, потрескавшийся

саквояж свидетельствовали о том, что доктор — человек опытный, культурный и очень умный.

Стоит ли говорить, с каким благоговейным уважением принял доктора, если учесть, что людей столь благородной профессии в прежние времена горцы почти никогда не видели!

— Дорогие друзья!— сказал гость.— Я приехал к вам, чтобы лечить вас от разных болезней. Но прежде нам нужно поближе познакомиться.

— Да будет ваша работа приносящей радость!— степенно откликнулся отец Биазурки, старый Заурбек.

— Да поможет вам аллах в вашем благородном деле,— добавила мать Биазурки и поспешила на кухню.

— Ну-с, начнем вот с этого джигита,— доктор обратил свой взор на Биазурку, стоявшего навтыжку у двери и смотревшего на гостя немигающими глазами.— Скажи-ка, братец, свою фамилию, имя и отчество.

— Доммаев Биазурка, Заурбеков сын!— громко выпалил молодой горец и с великим восторгом стал следить, как перо в тонких длинных пальцах доктора — Великого хакима — задвигалось и побежало по белой, как молоко, бумаге, оставляя за собой след, подобный крупным черным стежкам черной нитки.

— А теперь, дружок, год, месяц и число рождения.

Биазурка смутился. Такого вопроса он никогда не слышал и не ожидал услышать. Он застенчиво потупил взор, словно крепко провинился перед доктором. Затем жалобно посмотрел на отца, потом на мать, которая только что вошла с чашей айрана.

Задумались и родители. Заурбек нахмурил брови, как в минуту, когда нужно принять какое-то важное и окончательное решение. Наконец он кивнул бийче:

— Скажи ты.

— Неудобно мне вмешиваться в разговор мужчин,— возразила она.— Лучше говори сам.

— Кому, как не тебе, лучше знать, когда родился твой сын,— настаивал Заурбек.— Скажи, не стесняйся.

— Да разве упомнишь... Ведь это было так давно,— вздохнула бийче.— Хотя, постой! Разве Аслан-эфенди не сделал тогда пометки в своем китабе?

— Ха-ха!— развеселился вдруг отец Биазурки.— Твой эфенди два с лишним года, как удрал в Тюрк. Теперь он там только и думает, что размышляет о дне рождения твоего сына! Постарайся вспомнить сама...

— Вспомнила!— почти закричала она.— В тот год Даутбиев сын, сильно пьяный, поссорился с приезжим приста-

вом и застрелил его. А сам скрылся, и с тех пор о нем ничего не известно. А за день до этого Хауалият родила двойню. Оба мальчики...

— Да причем здесь Хауалиятовы! Твой-то когда родился?

— Подожди, не перебивай! Твоя мать, да будет рай пристанищем ее души, молоко ей еще носила. А после, когда у малышей стали прорезаться зубки, Хауалият приходила ко мне просить кукурузы, чтобы в честь этого события сделать жырна. Полную чашу дала я ей из того запаса, что хранился у нас на семена. И деревья в саду уже цвели...

— Ты что-то, женщина, не о том толкуешь,—махнул рукой Заурбек.—Наш-то родился, когда снег был. А ты «деревья цвели»!

— А я и не говорю, что наш весной родился. Но меньше года еще оставалось. А лето было очень засушливое, и трава на пастбищах выгорала...

— Точно,—подхватил Заурбек.—Еще бычок Даутбия по недосмотру Далхата свалился со скалы и подох. Нашли его на другой день, когда туша уже раздулась.

— И Даутби вместе со своим зятем до полусмерти избили бедного Далхата, младший братишка которого еще выхватил кинжал и кинулся на этих зверей. Обоих ребят потом арестовали и увезли в Сибирь. Так и не вернулись, несчастные, обратно.

— Известная история,—хмуро заметил Заурбек.—А через несколько месяцев чуть не засудили сына кумыка-жестящика. Помнишь этого парня, который так хорошо говорил по-русски?.. Он все хотел спасти Далхата с его братишкой. Друг им был.

— Конечно, помню. Сын жестящика одно время был в Нальчике толмачом у большого судьи.

— Перед поездкой в Нальчик он к нам заходил...

— И еще хвалил мой сыр и желал, чтобы у меня родился крепкий здоровый джигит. Вот...—торжествующе возгласила мать Биазурки.

— Тихо, тихо, тихо, женщина!—осенило вдруг Заурбека.—Сейчас, сейчас... Вернулся сын жестящика на третий день после рождения этого джигита. Мы встретились с ним в кузнице Ахмады, и он рассказывал, как был на байраме у русских своих приятелей, которые отмечали первый день века! Точно так и сказал: «Первый день века!» А мы его не очень хорошо поняли и попросили объяснить. Мороз еще такой сильный был... Сколько дров я сжег

у нас в доме! А ехать от Нальчика в наш аул верхом, да и на арбе тоже ровно два дня!..

— Пиши, доктор. Пиши, Великий хаким. Скорей пиши,— заговорил с волнением до сих пор молчавший Биазурка.— Я родился первого января тысяча девятьсот первого года.

Доктор деловито проставил сведения напротив имени Биазурки и посмотрел на Заурбека:

— А теперь начнем выяснять день, месяц и год рождения уважаемого тамады. Ну... хотя бы только год.

Заурбек съежился и обмяк, как горец над трупом своей единственной лошади. Он шумно вздохнул и, положив огромные руки на стол, тихо сказал:

— Пиши, доктор, пиши. Мы, старые люди, жили в те старые, аллахом проклятые времена, когда нас знали не по бумаге, а вот по этим самым рукам. А потому годом своего рождения я считаю тысяча девятьсот семнадцатый.

— Но, позвольте,— слабо запротестовал доктор,— отец не может быть моложе собственного сына...

— Может, ты и прав. Не пристало мне спорить, простому горцу, с учнейшим доктором-хакимом. И все же счет своей жизни я веду с семнадцатого года. Пиши так.

СЛАДКИЕ ДНИ ДОММАЯ

Доммай Османов сын — мужчина в расцвете сил, уважаемый своими друзьями и знакомыми, никогда не слыл трусом, хотя считался человеком осмотрительным и осторожным. Не терял он самообладания ни перед начальством, ни перед соседом — скандальным выпивохой, ни перед собственной женой.

Однажды, когда на город обрушился бешеный майский ливень и мощные потоки неслись по улицам, вызывая всеобщую панику и смятение, Доммай лишь глубокомысленно заметил, что ему в жизни не случалось видеть столько мутной воды и что ему интересно, куда она теперь вся денется. А когда, как вы помните, город вздрогнул от землетрясения и в домах закачались люстры и зазвенели бокалы в сервантах, Доммай только сострил: «Наверное, в ухо быка, на чьих рогах держится земля, забралась блоха, а может, и оса». Вот каким был наш Доммай. Да что я о нем все в прошедшем времени? Он не был, а есть и сейчас.

Причем он жив и здоров. Правда, с некоторых пор стал осмотрительнее.

Дело в том, что хладнокровный и даже не лишенный мужества Доммай все-таки имеет одну слабость: он боится болезней — любая пустяковая хворь способна перепугать его до полусмерти. Он, разумеется, знает о могуществе современной медицины, но ему известно и то, что иная болезнь заканчивается не тем финалом, который можно было бы обсудить с приятелем.

И вот в один из дней, когда в скверике у дома цвела сирень, в прозрачной синеве небес торжественно сияло солнце, а воробьи пытались не чирикать, а петь, Доммай подхватил сильную простуду. Перехватило грудь, закололо поясницу, помутилось в глазах. Сирень ему казалась пошлой бутафорией, солнце — равнодушной ко всему, да к тому же и плохо вычищенной медной сковородкой, а веселый птичий гам он просто не расслышал.

Поскольку жизненные планы Доммая не уместались в рамках нынешнего тысячелетия, он, не медля ни часа, устремился в больницу. Нашел там врача, который, как он знал, был то ли троюродным племянником, то ли двоюродным дядей кого-то из Багырбашевых, приходившихся близкими родственниками Гараевым, а Гараевы — это близкие соседи родителей жены Доммая. Врач не стал разбираться в запутанных ветвях этого громоздкого генеалогического древа. Хватало у него и других забот, а к Доммаю все равно отнесся внимательно.

Наш больной немного даже воспрял духом и произнес маленькую, но напыщенную речь:

— Друг мой и благодетель! Судьбе угодно было, чтобы ты позаботился о моем ослабленном теле и выгнал из него губительную хворь. Устрой меня в светлой и уютной палате, да с добрым соседом — тихим, культурным и не храпящим во время сна.

— Будет сделано, — улыбнулся врач. — Как раз сегодня один высокопоставленный товарищ, который лежит у нас в индивидуальной палате, попросил поместить к нему напарника. Заскучал он сильно. А вы, Доммай, я думаю, ему подойдете.

Палата — светлая, уютная. Сосед — лучше не придумаешь. Спокойный, немногословный, на лице — выражение усталой значительности, но с берекетом, с готовностью к дружескому общению. Большой начальник. По почам не храпит.

С таким человеком и болеть не так страшно, решил Доммай после первых часов знакомства.

Но он еще не предполагал, какие приятные часы ждут его впереди.

У ответственных работников обычно бывает много родственников, а также подчиненных. Сосед Доммая не был исключением. И ему приходилось ежедневно встречать визитеров и принимать обильные подношения в виде всевозможной снеди. Кажется, посетители явно соревновались между собой в этом смешном деле. Смешном потому, что этого потока жиров, белков, углеводов и витаминов хватило бы, пожалуй, на содержание не одного болящего, а на все терапевтическое отделение.

Индейки и куры, хычины и медовая халва, ранние овощи и поздние фрукты — в беспорядочных пропорциях, но в бесчисленных количествах непрерывным конвейером поступали в тихую обитель Ответственного больного и нашего Доммая.

— Ешь, мой товарищ Доммай,— устало говорил Ответственный.— Не стесняйся. Ешь все, что хочешь и сколько хочешь...

— А сумеем ли мы все это одолеть?— спрашивал Доммай, не отводя расслабленного взора от яств, достойных стола эмира бухарского.— А нельзя ли попросить, чтобы того... это... сократили рацион?

— Невозможно. Бесполезно. Когда люди стараются выразить уважение, нельзя их одергивать. Обидятся. Неправильно поймут,— все тем же равнодушным тоном проговорил Ответственный и уткнулся в газетный лист.

— Вы, наверное, правы. Уважение — это великое дело. Не уважать уважение — это уже получается... неуважение,— сказал Доммай, принимаясь за баранью лопатку.

Потом он долго молчал, размышляя о том, какое разное бывает уважение: к одному — величиной с целого индюка, а к другому — с куриную ножку, да и то не каждый день. Но он скоро подавил в себе всякие крамольные мысли с помощью той же молодой индейки, размягченной пикантным чесночным соусом.

Так или иначе, но Доммай с легким сердцем приобщился к ханскому столу своего напарника, заметив, что после вкусной еды всякие беспокойные сомнения исчезают без следа, как запах от съеденного хычина. Кстати, Доммай не страдал отсутствием аппетита даже при повышенной температуре. Скорее наоборот. А добрую трапезу он считал одним из лучших изобретений в общем-то не всегда последовательного Создателя. Но речь сейчас не о том.

Через несколько дней то ли искусство врачей, то ли праздник желудка и близко к нему расположенного серд-

ца, а скорее всего совокупность этих факторов изгнали хворь из организма Доммая. И несколько неожиданно прозвучало для него сообщение хакима в белом халате:

— Ну что ж, уважаемый Доммай, дела твои пошли в гору. К концу недели мы тебя выпишем.

Нет, не озарилось радостью лицо Доммая, сообщение исцелителя не расширило его сосуды. Более того: сердце выздоравливающего пациента тревожно забилося, а на лбу выступила холодная испарина. Нет, не планировал наш Доммай столь быстрого возвращения домой и расставания с таким приятным соседом по палате.

— Вы меня полечите еще,— сказал он нездоровым голосом.— Есть беспокойство во внутренностях.

Тут он не кривил душой. Ежедневные пиршества все же доставляли кое-какое беспокойство его внутренностям. (Про себя он справедливо рассудил, что резкая перемена диеты могла бы отрицательно повлиять и на его нервную систему.)

Доммая стали лечить дальше. Но хитроумный горец теперь еще больше уделял внимания молодой баранине с неистовым тузлуком и все меньше таблеткам, микстурам и прочим неаппетитным изделиям фармацевтики.

И снова потянулась череда сладких дней, наполненная радостью общения с культурным человеком и... сами уже знаете чем.

Затем в палату приходит отрадная весть о выздоровлении Ответственного. Отрадная была эта весть не для Доммая. Его ясное чело заволоклось печалью, как вершина Ак-каи туманом. К этому времени Доммай уже достаточно глубоко запрягал то, что называется угрызениями совести, и найти выход из положения не составляло для него непосильного труда.

— Послушай, тамада,— сказал он.— Не слишком ли врачи спешат избавиться от своих подопечных. Неужели мы им успели надоест? И еще об одном я давно хотел тебя, то есть вас, спросить, но вот, знаете, стесняюсь даже...

— Ничего, спрашивай, дорогой,— благосклонно позволил Ответственный, протирая стекла очков.

— Почему у вас где-то около полуночи дыхание становится таким прерывистым, как у моего соседа при виде милиции? Извините за глупое сравнение. А кроме того, вы порой начинаете что-то невнятно и испуганно говорить, говорить, говорить и болезненно постанывать. Давно я хотел об этом спросить, да думал — пройдет.

— В самом деле? — встревожился Ответственный больной и стал протирать очки еще тщательнее, чем обычно.

— Да. И кого-то сильно ругаете...— Доммай смущенно потупился.— Очень крепкими словами.

— С чего бы это?..— задумался Ответственный.— А сон у меня действительно скверный. Кошмары бывают...— Он извлек зеркальце из бритвенного прибора и стал внимательно разглядывать свой язык.

— Вот я и говорю, не грех бы еще немножко подлечиться.

— Да, ты прав. После больницы я должен в Сочи ехать, в санаторий, а туда нужно ехать здоровым.

— Умно сказано. Недолеченная болезнь — это хуже, чем совсем нелеченная.

— Правильно, дорогой Доммай! В нашей жизни здоровье — это главное. Не стоит спешить. А моя работа... Ну что ж, мой первый зам молод и энергичен. Пусть учится руководить. Я же не вечный.

— Мудро. Очень мудро. Пусть и молодежь покомандует. Иногда. А то иной пачальник уже и ходит еле-еле, а в кресле сидит, как приклеенный... Нет, нет, вы не обижайтесь,— спохватился Доммай,— это я не про вас.

— Я не обижаюсь,— вздохнул Ответственный.— Хотя знаю, что кресло и авторитет человека тесно связаны между собой, а уйду вот на пенсию, и многие из тех, что сегодня таскают мне черную икру, апельсины и коньяк, очень скоро забудут мое отчество, потом имя, а попозже — и фамилию. Мой преемник наследует вместе с моим кабинетом и то уважение, которым я сейчас пользуюсь. Но я отношусь к этому спокойно, хотя и не без грусти. Думаю, новый человек будет работать не хуже меня...

«Если не лучше»,— чуть не вырвалось у Доммая.

И все же он проникся к Ответственному еще большим уважением. И почему-то ему тоже стало грустно. Так грустно, что у него впервые в жизни пропал аппетит. Теперь Доммай так же вяло, как и Ответственный, ковырялся в еде и задумывался надолго. В некоторые моменты Доммаю становилось страшно. И это был страх не перед болезнью, а перед чем-то иным, чему трудно найти название.

Говорят, на каждом плече у человека сидит по одному ангелу. Один — белый, другой — черный. Белый ангел беспощадно правдив и дает правильные, хотя и не всегда исполнимые советы. Черный ангел обычно пытается сбить человека с пути истинного. Надо отдать должное Доммаю: как правило, он больше прислушивался к рекомендациям белого ангела. Так случилось и на этот раз.

«Не стыдно тебе жить в нахлебниках у соседа?»— сурово вопрошает Белый.

«Да что тут особенного? — пожимает плечами Черный. — Разве здесь объедают его детей?»

«Да дело вовсе не в его детях, а в том нехорошем душе, которым несет от подхалимских подношений».

«Но если отказываться, то можно обидеть соседа, а он человек хороший...»

«Вздор! — возмущился Белый. — Зачем лукавить? Зачем лишние дни занимать больничную койку и усыплять и без того обленившуюся совесть? Еще не поздно самому попытаться заслужить... Нет, не ради изобилия вкусной жратвы, пропади она пропадом! Ради другого, болсе возвыш...»

— Хватит! — заорал Доммай. — Я все понял! Милый и добрый сосед! Спасибо тебе за все! За науку...

Окончательно выздоровевший Доммай помчался в ординаторскую, чтобы потребовать немедленной выписки.

ТОТ РОКОВОЙ ВОПРОС

Вот и Новый год пришел. «С новым годом, с новым счастьем!» Это так принято говорить.

Новое счастье... Красиво звучит. Новые друзья, новая (более высокая) должность, новая машина, новый костюм, новая... Стоп! Зачем так много. Когда все будет новое, куда девать старое. Правда, у иных народов от старого избавляются очень просто. Итальянцы, говорят, в новогоднюю ночь выбрасывают старую мебель, японцы избавляются от долгов. Меня-то лично устраивает старая мебель. А что касается долгов — какая разница — старые они или новые?! Уж лучше бы их не было вовсе.

А избавиться, друзья мои, я хотел бы прежде всего от того рокового вопроса, который, похоже, стал моей тенью и в дни солнечные, и даже в пасмурные дни.

Не помню, кто и когда впервые задал мне этот проклятый вопрос, который преследует меня с фанатичным упорством кровника. Он ходит за мной по пятам, подстерегает меня за каждым углом, непрошеным гостем проникает в мою квартиру под руку с любым родственником или знакомым, поджидает меня в домах у друзей, чтобы обязательно вмешаться в приятную застольную беседу, в задумчивый товарищеский диалог.

По мере сил своих и способностей я пытаюсь ускользнуть от рокового вопроса, но он снова и снова находит меня и с фамильярностью старого приятеля терзает мне душу.

Впервые он прозвучал уже давно, почти сразу же после того, как я благополучно одолел перевал, за которым пошло третье десятилетие моей жизни. То ли в узком кругу друзей, то ли на многолюдной свадьбе, не помню в какой обстановке, первый раз услышал я этот вопрос в следующей форме: «А не пора ли тебе, братец, создать... как его... свой кош, да-да, кош, который называется семьей?» Я ответил безответственной шуткой и тут же забыл об этом.

Зато вопрос не забыл меня. Он преследовал меня телефонными звонками, письмами, поздравительными открытками, дарственными надписями на книгах моих друзей. Он, этот вопрос, был многоликим и многоголосым, он бесконечно менял свою окраску и форму. Иногда он выглядел так: «Видит аллах, ты уже не юноша. Не пора ли стать мужчиной?» Или так: «Если ты ищешь ее не в образе ангела с крылышками, то почему не возьмешься за поиски по-деловому?» Иногда с плохо замаскированным намеком: «Ты знаешь, как нам хочется поесть горячих хычинов из рук молодой невестки?!» Особо решительные друзья не спрашивали, а предлагали: «Только пальцем на нее покажи — мигом доставим тебе!» Находились и добровольные сваты: «Да мы так дело обстряпаем, что она сама сломя голову прибежит!»

Следует, однако, отметить, одно любопытное обстоятельство: иногда раздавались голоса, звучащие диссонансом в хоре, словно они тянули музыкальную фразу наоборот — от конца к началу.

Гостил я однажды у дяди в селе. Невестка наша, как и полагается, водрузила на стол блюдо милых хычинов, а рядом поставила пол-литровые кружки с пенящимся айраном. Не успел я проглотить и первый кусочек, как она с грустью в голосе сказала:

— Давно не ездила я в город на хороший той. А ты все медлишь, все ждешь чего-то. Девушки перевелись, что ли? Никто этому не поверит, клянусь единственным братом, чья жена родила уже девять детей!

Моя рука с полукругом хычина, свернутого в трубочку, остановилась на полпути и бессильно упала в тарелку. Мой могучий аппетит, который был верен мне при всех обстоятельствах, на этот раз бесследно исчез, будто его никогда и не было.

Из состояния оцепенения вывел меня мудрый, рассудительный дядя.

— А я вот что скажу, — тихо начал он, — торопиться не стоит. Больше того — совсем не нужно спешить. И слушаться никого не надо. Ну к чему тебе эта обуза? — он

кивнул в сторону жены.— Эх, мне бы твои годы да мой теперешний ум!— Дядя хлопнул меня по спине тяжелой ладонью.— А то ведь как женишься — докладывай, куда идешь, объясни, зачем идешь, отвечай, когда придешь...

— Не говори глупости!— перебила его жена.— У твоего племянника голова светлая, а твои неуместные речи могут сбить его с толку.

— А я вовсе не шучу,— поднял голову дядя.— Посмотри вон на ту фотографию. Тогда я был холост. А теперь посмотри на меня. Вот что сделала со мной семейная жизнь. И тебя это ждет,— дядя ткнул пальцем мне в грудь.— Если женишься. И черная голова станет совсем седой, и джигитская статность превратится, ох, во что превратится! — Мой упитанный дядя с огорчением погладил себя по объемистому животу.

— Ну и вздор несет! Ну и вздор!— замахала руками дядина супруга.— Как Ходжа говорил, ты и в молодости не был тем, что называется джигитом.

— Память у тебя коротка! Одного я только не пойму, как сумела ты опутать меня, как я мог вот так, ни за что, отдать тебе в руки свою свободу, которая горцу нужнее, чем воздух!

Скоро мой мудрый дядя и не менее мудрая невестка наша позабыли о своем молодом родиче и отправились в дальнюю дорогу воспоминаний.

— Несчастливая я! Как не повезло мне с мужем! А ведь сколько настоящих джигитов, и красотой и благополучием видных, засылали в дом моего отца сватов! Сколько орлиных взглядов привлекала моя красота!— Это сказала невестка.

— Вслед мне тоже не одна черноглазая вздыхала, но судьба злым оком посмотрела на меня.— Это сказал дядя.

Я уехал, не ожидая конца воспоминаний. Уехал, так и не поняв, кто прав, а кто неправ.

А тот роковой вопрос продолжал отравлять мое существование. Еще через год все тот же вопрос был при мне уже постоянно, подобно репью, прицепившемуся к брюкам. Не проходило дня, чтобы я не слышал его дважды, трижды, а то и десяток раз...

Встречаю Домалая, известного завсегда питейных заведений:

— Я, братишка, в глубокой обиде на тебя,— говорит он, чуть не плача.— Почему не пригласил меня на той?

— Так я же еще не женат!

— Ну, так женись, Багырбашев! Женись поскорей! Ну

как это можно до сих пор не жениться!— В голосе Дома-лая нотки глубокого, неподдельного горя.

Встречаю соседа Бимурзу, который женился недавно в четвертый раз:

— Вот что, дружок. Пора и тебе решиться. Все равно этого нельзя избежать. И вот что я тебе еще скажу: семья — это великое дело. Семья — это счастье. Поверь мне, это так. Иначе бы я столько раз не женился.

Ко мне домой нагрянул родственник из Герпегежа:

— Нет-нет-нет!— оттолкнул он меня.— Я с тобой здороваться не желаю. Как ты еще осмеливаешься людям в глаза смотреть? А? Чего ты ждешь? Или думаешь, еще слишком молод? Совсем еще мальчик, а? Я, брат, в твои годы...

— Уже имел двоих детей от первой жены и одного от второй,— вежливо подсказал я ему.

— Точно! А ты? — крикнул он, и лицо его исказилось гримасой брезгливости.

— Ты, Биаслан, прав, как всегда. Давай лучше по рюмочке?

— Не зубоскаль, несчастный! Я не шутить приехал. И пить с тобой ни за что не стану! Вот увидишь, сбрую я усы и бороду, покрашу волосы в черный цвет, привезу невесту будто бы для себя, отпраздную свадьбу в твоём доме, а потом уеду, оставив тебе невесту. Вот тогда и позубоскаль, собачий сын! Ну что уставился? И когда ты, наконец, нальешь мне рюмку?!

Все это было не столько забавно, сколько опасно. Знаю, герпегежцы слов на ветер не бросают. Скажут — сделают.

С тревогой в сердце отправился я в тот вечер к Алиму — своему старому другу, чтобы хоть немного отвлечься.

У Алима тряслись стены от веселого детского визга и хохота. Сам он ползал на полу на четвереньках. Двое сидели на его спине верхом, третий тянул за галстук, а четвертый хлестал отца чуть пониже спины проводом от электроутюга. Мне тоже стало весело, я рассмеялся, а малыши алчно набросились на меня с явным намерением укротить и объездить.

— Любят тебя дети...— многозначительно сказал Алим, вытирая пот и заправляя рубашку.

— А где бийче?— спросил я.

— Не знаю. Или в парикмахерской, или у соседки телевизор смотрит. А я вот ребят воспитываю. Педагогическая поэма, так сказать. И самому не скучно. А как ты?

— Да по-старому.

— Мне с тобой надо серьезно поговорить,— торжествен-

ным тоном заявил Алим.— Надо кончать холостую жизнь. Вот ты такой, как бы это сказать... безответственный! Глядя на тебя, другой кто-нибудь такой же свободы захочет, а там третий дурной пример возьмет, потом четвертый... Цепную реакцию знаешь? То-то. Население Земли начнет катастрофически сокращаться. В один прекрасный день только старички останутся. Затем перемрут и они, и тогда...

Алим замолчал. Судя по его испуганным глазам, ему, наверно, даже говорить стало страшно, что же будет тогда.

— Это исключается,— решительно отверг я столь печальную перспективу.

— Нет, дорогой, это может случиться. Мы возводим небоскребы, строим плотины, прокладываем дороги. А для кого? Вдруг, к примеру, прилетают в гости на Землю марсиане, а встретить их некому! Просто не-ко-му! стыдно.

— На Марсе нет жизни.

— Я же сказал «к примеру». Пусть с Цефеи, с Антаре-са, пусть, наконец, из самой дальней Галактики!

И тут я сдался.

— Да, ты прав. стыдно будет. Пустая планета! Даже как-то неудобно. Надо жениться.

В ту ночь мне снились ужасные сны. Звездолеты из других миров с ревом садились на заброшенные космодромы. Из ракет выходили инопланетные жители с антеннами вместо ушей и четырьмя желтыми глазами на голубых лицах, а навстречу им никто не идет с хлебом-солью... Космические пришельцы громко плачут и посылают проклятия на голову Багырбашева.

Утром меня разбудил резкий, но музыкальный звук. Это влетел в мою комнату, пробив стекло, обыкновенный футбольный мяч. Я вышел на балкон. Во дворе стояла притихшая ватага мальчишек. Их было много. И хорошо, что много. Есть кому встретить гостей из космоса. Есть кому лететь на другие планеты.

А что касается того рокового вопроса, то в это новогоднее утро меня осенило: я придумал способ, как уклониться от него.

Скажут мне: «Салам алейкум!» Я отвечу: «Алейкум салам. На здоровье не жалуясь. Дела идут хорошо. Родственники тоже живы-здоровы. Еще не женился, а надо бы. Какая сегодня хорошая (плохая) погода — Нальчик есть Нальчик: никогда не угадаешь, во что утром одеться. С Новым годом, дорогой друг! Ну, прощай!»

ГОД МЕДОВЫЙ

В мой предсвадебный день под крышей нашего дома собрались активисты многочисленного рода Багырбашевых. Происходило нечто вроде расширенного заседания месткома перед отчетно-выборным собранием. Председательствовала двоюродная тетя. Она же и открыла прения:

— Жену с первого дня надо держать в ореховой скорлупе. В чем-нибудь уступишь — потом пропадешь. Особенная строгость нужна по отношению к современным молодым женам. Книги и журналы, кино и театр, а главное — телевизор слишком развязывают им руки и кружат головы. Женой надо руководить и управлять. (В этом месте по аудитории прокатился сдержанный смешок: все вспомнили тихого и пугливого мужа моей двоюродной тети.) — Да-да, — возвысила голос тетя, — управлять, — и так стукнула твердым кулаком по столу, что вазочка с цветами подпрыгнула и завалилась набок. — Надо помнить об этом постоянно. Чуть прозевал — и джинн вылетел из кумгана. Попробуй потом загнать его обратно! Считай тогда, что потух огонь в твоём очаге, и дверь дома твоего закрылась наглухо.

— Неправильно это, — взял слово муж моей старшей сестры. — Молодую жену необходимо уважать и беречь. И любить тоже. Современные жены — это украшение наших домов. Молодую жену на руках носить надо, а чтоб ее руки всегда оставались нежными, следует во всем ей помогать.

— Она, значит, по театрам пропадать будет, а ты — мыть ей посуду и готовить ей ужин, — вскочила со своего места моя старенькая, но резвая бабушка. Потрясая сухоньким кулачком перед носом мужа моей старшей сестры и поглядывая на меня, она громко пригрозила: «Нога моя не ступит в дом, где командует голова не в папахе, а в платке!»

Вот в таком духе и шло все заседание. Странники жесткой политики в отношении жены наголову разгромили «либералов» и надавали мне кучу директивных указаний по проведению семейной жизни. Вообще можно было подумать, что меня собираются не женить, а выпустить на ринг, где меня ожидает кровожадный противник. А потенциальная жена, как я полагаю, была мне не врагом, а другом. С самого детства.

Очень красочный и бурный эпизод жизни, называемый

кавказской свадьбой и многократно описанный другими авторами, я опускаю и перехожу к следующему этапу своей биографии. На другой день после того, как гости поднялись из-за торжественных столов, похожих на поля ожесточенных битв, усеянные останками баранов и домашней птицы, мы с женой устроили наш первый семейный совет.

На повестке дня был только один вопрос: распределение обязанностей. Принимая во внимание ответственность момента, а также и то, что я человек современный и, может быть, даже культурный, заговорил я первый:

— Несравненная моя! Ты являешься лучшей половиной населения этой скромной сакли, и потому я решил, что руки твои должны остаться такими же нежными и красивыми, как сейчас, во имя чего я беру на себя все обязанности, связанные с кухней. Таким образом, кормить я тебя буду и в переносном смысле, и в прямом. Тебе же останется уборка комнат, ну и разные там мелочи.

— Ну что ты,— сказала, вдоволь насмеявшись, моя Шахерезада.— Зачем тебе это? Ведь не мужское дело! Да и люди что скажут? Еще смеяться будут.

— Рубил бы я дрова, но они нам не нужны: мы пользуемся газовой плитой и центральным отоплением. Носил бы воду, но она сама течет из крана. Выращивал бы хлеб и ухаживал за скотом, но под нами, на первом этаже, есть магазин, где все можно купить. Так что мне остается только кухня...

После долгих уговоров несравненная согласилась, надеясь, что все равно у меня ничего не выйдет, стряпня мне надоест и моя затея позорно провалится.

Но она ошиблась. Вышло все наоборот. Скрытые во мне способности блестяще проявились на практике, стряпня не надоела, а превратилась в страстное увлечение. Конечно, поначалу было трудновато. Потом — полегче, а затем... затем мои гастрономические эксперименты стали вполне съедобными, чуть попозже — просто вкусными, еще попозже — радость знатоков.

В течение короткого времени наша кухня была отлично укомплектована необходимым оборудованием и инструментарием, позволяющим воплощать в жизнь любые фантазии повара. Помещение, называемое кухней, стало похоже на лабораторию средней руки. Был у меня термостат, реторты, пинцеты, точнейшие весы, даже чашки Петри... Работал я в белом накрахмаленном халате.

В кулинарную литературу я заглядывал все реже. Появлялся свой опыт, свое чутье, своя интуиция. Никто мне

не мешал. Несравненная почти не заходила на кухню, опасаясь какого-нибудь взрыва.

Часа по три в день кухня-лаборатория работала на полную мощность. Особенно я увлекался изощренными восточными блюдами. Гости за обе щеки уписывали приготовленные мною манты, лагман и плов. Больше всего они отдавали должное плову. Да, он был моим самым любимым блюдом. Однако я хотел услышать более авторитетную оценку своему творчеству, нежели восторги своих друзей. И я пригласил на плов приезжего узбека, отдохнувшего в одном из наших санаториев. Мне показалось, что у него классическая внешность опытного чайханщика. Ел мой гость не спеша и не отвлекаясь, а я с замиранием сердца следил за каждым его движением.

Уходя, он крепко пожал мне руку:

— Каждый настоящий мужчина должен уметь готовить плов. Вы — настоящий мужчина. Будете в Ташкенте — обязательно заходите в гости. У нас найдутся темы для разговоров. Найдется и чем поделиться друг с другом.

Из его визитной карточки я узнал, что судьей моего плова был шеф-повар одного из крупных ташкентских ресторанов.

Успех меня окрылил, а высокая оценка знатока утроила силы. Теперь я с головой ушел в заманчивые таинства восточной кулинарии. Мне снились колоритные гастрономические сны. Часто я оказывался на средневековом Востоке, где в крикливых караван-сараях кормил богатых купцов и нищих дервишей, погонщиков верблюдов и ремесленников. Дымился мой плов и на низеньких столиках из драгоценного черного дерева во дворцах эмиров, султанов, халифов и шахов. А однажды я угощал самого Ходжу Насредина. Так что по утрам я просыпался сытым и сразу же принимался осуществлять новые идеи.

Славы чародея восточной кухни я не искал. Она меня нашла сама и вознесла на легких своих крыльях. Сначала она пришла на разведку в образе пожилой женщины-соседки, которую привлекали пикантные ароматы, просачивавшиеся из моей лаборатории на лестничную площадку.

— Вы уж извините меня, — застенчиво сказала соседка, — но эти запахи вашей кухни...

— Вам они не нравятся?

— Ну что вы! Что вы! Я просто потрясена! Позвольте, доктор, познакомиться с вашей женой.

— Это я... э-э-э... то есть, видите ли, кухня — моя, так сказать, сфера, — ответил я, поправляя ворот своего белого халата.

Соседки, как известно, народ не только весьма любознательный, но и в высшей степени общительный. Поэтому о моих достижениях в тот же день узнал весь дом, а в ту же неделю и весь квартал.

А потом меня стали приглашать на консультации в рестораны и дома отдыха. Если приезжал в город какой-нибудь знаменитый гость, особенно из Средней Азии, Закавказья или с Ближнего Востока, за мной прибегали запылавшиеся жрецы общепита и умоляли помочь в приготовлении изысканных блюд.

Трудно было решиться поехать в соседний город на конкурс мастеров восточной кухни. Но все же я поехал. И привез грамоту и приз. Моей персоной заинтересовалась пресса. Фотографировали в халате и без халата, крупным планом и средним, в профиль и анфас. Брали интервью для радио и телевидения. Встречи, банкеты, автографы...

На вездесущий вопрос о секрете своих успехов отвечал коротко и ясно: «Усердие, вкус, интуиция, смелый эксперимент». Рецептов не давал. Кухня — не место раболопного подражания авторитетам по части «вкусной и здоровой пищи», а поле творческих поисков. Ведь сам же я находил изъяны в многовековой методике приготовления того же, скажем, шашлыка. Я дерзко подрывал кухонные устои времен халифата и эмирата, ломал кулинарные догматы эпохи султаната.

Ездил как-то на форум специалистов восточной кухни. Были там и таджики, и грузины, и узбеки, и персы. Обходились без переводчиков. Понимали друг друга с первого же слова, вернее, с первой же дегустации.

Возвращался домой с ценным трофеем — увесистым лавровым венком. Я очень радовался: в этот период в наших магазинах туговато было с лавровым листом. Недалеко от дома я обратил внимание на одну женщину, которая показала мне знакомой. И я не ошибся. При ближайшем рассмотрении узнал свою Шахерезаду.

— Здравствуй, Несравненная! Вот я и вернулся!

— Здравствуйте, — холодно ответила она.

— Что ж мы стоим? Пошли домой, дорогая моя.

— А я больше не ваша.

— Не ва...

— Да. Я ушла от вас давно. У меня теперь другой муж. Более внимательный и заботливый, чем вы.

— А какие же блюда он готовит? — спросил я и сразу понял глупейшую неуместность моего вопроса.

— Готовлю я сама,— ответила Несравненная.— Яичницу, супы из концентратов, вареную картошку. И мы с мужем очень довольны друг другом. Прощайте.

ЗЛОЙ ПОПУТЧИК

Сначала отдадим дань фольклору. Прием не новый, но не хуже других, таких же ветхих и заплесневелых.

И было так. Однажды мудрый почтенный горец, пригласив в незримые попутчики аллаха и пророка его, отправился в жортуул, что по-балкарски означает далекое странствие. И дабы иметь в пути собеседника более внимательного и безропотного, нежели аллах и пророк его, взял с собой младшего сына. И как только дом родной скрылся за первым же поворотом, старый джигит приказал юному своему отпрыску: «Урежь дорогу, чтобы короче стала!» Бойкий отрок соскочил с коня, вынул саблю из ножен и стал орудовать ею, как доблестный Джелаль Эддин в бою с полчищами иноземцев. С трудолюбием, достойным более подходящего применения, он рубил, кромсал каменистую горную дорогу, пытаясь разрезать ее на куски.

Отец не стал указывать сыну на его заблуждение, а просто вернул домой. И позвал он среднего сына, который стал выполнять приказ о сокращении пути точно таким же образом, как и младший, разве только от ударов его клинка пыли и грязи летело побольше. Ну а старший сын сразу смекнул, в чем дело. «Ага!— подумал он.— Эти два моих позднорожденных братца не догадались, что нашему капризному старику хотелось послушать свеженьких аульских новостей, дабы не скучать в пути. Вот что значит «урезать дорогу». И достойный первенец мудрого горца рассказал сначала о смешном случае, приключившемся с его приятелем, потом о жуткой ссоре между соседками и т. д. и т. п. Отец был доволен — дорога сокращалась прямо на глазах.

Самые проницательные наши читатели уже, конечно, поняли: речь идет о том, что хорошо иметь в пути доброго попутчика, приятного собеседника. Однако с попутчиками везет не всегда. Они бывают не только добрыми, не только приятными.

Лично со мной приключилась такая история. Однажды я отправился в далекий жортуул на резвом иноходце с голубыми полированными боками и четырьмя подкованны-

ми резиной колесами. Ясное прохладное летнее утро и упругий ветерок, врывающийся в левое дверное окошко, настраивали мою душу на веселый лад. Мои уши с удовольствием принимали спокойную ласку нежной мелодии, льющейся из радиоприемника, под аккомпанемент мягкого шуршания шин о ровный сухой асфальт. Мои глаза с не меньшим удовольствием принимали безмятежную ласку недалекой гряды сказочно красивых на фоне бездонной синевы неба снежных гор и двух зеленых рядов абрикосовых деревьев, бегущих мне навстречу по обочинам шоссе.

Вдруг от одного из таких деревьев отделилась маленькая темная фигурка и подняла руку. Не по-летнему тепло одетый щупленький старичок, с такой же, выдавшей виды, как и он, хозяйственной сумкой, не торопясь сел рядом со мной в машину, бережно пристроил сумку у ног и кивнул головой: можно ехать.

Музыка, янтарным родничком бьющая из приемника, сму, видимо, не понравилась — он щелкнул выключателем.

— Не любите музыку?— с вежливой улыбкой спросил я.

— Может, и люблю,— важно ответил мой попутчик,— но слушать ее нужно дома или в клубе. А управляя машиной, отвлекаться нельзя. Надо слушать, как бьется сердце — мотор.— Старичок вздохнул.— Беда вездесуща, но чаще всего она ходит по дорогам.

Я тоже вздохнул, но промолчал. Достал сигарету.

— Курить за рулем не только вредно, но и опасно,— голос моего пассажира звучал, как на древней, заигранной еще до вашего рождения пластинке.

— Почему?— спросил я.

— Руль надо держать не одной рукой, а двумя. Так более надежно избежать аварии.

Я подчинился.

— Один шофер,— продолжал свою песню старик,— молодой, твоих лет, и похожий на тебя — может родственник?— перевернулся на крутом повороте. Когда его клали на носилки, во рту парня торчал дымящийся окурочок. По-моему, папироса была такой же марки, как у тебя.

Я крепко стиснул зубы и руль.

— Машина — вещь, на первый взгляд, неплохая,— «урезал дорогу» попутчик.— Быстро ходит и не трясет. И крыша над головой — дождь не страшен. Когда мои дети были молодыми, ездить нам приходилось только на телегах. Два дня тратили на дорогу в Герпегеж и обратно. Машина — это хорошо.

— Хорошо,— как эхо, отозвался я.

— Только от нее и несчастий немало,— закончив предид-

словие, старик начал излагать суть дела.— А правду сказать, много несчастий. Возьми, к примеру, случай, который произошел в прошлую пятницу у нас в селении. Вот такая же «Волга», как твоя, шла прямо, а потом вдруг повернула направо и врезалась в повенький забор моего соседа Асланбия. Прошла сквозь забор и нырнула в стог сена. Сено вроде бы мягкое, но шофера я увидел на другой день с перевязанной головой. А за неделю до этого председательская легковая машина столкнулась с двухгодовалым телком. Телок — богу душу, а машина — левый глаз. Глаз-то стеклянный, его заменить можно, а телка, хоть обыщи все склады «Сельхозтехники», не заменишь. Тем более, телок был в мясе и породистый. Ущерб тоже.

— Да, ущерб,— согласился я. Мне было жаль и телка, и шофера. Сам знаю, как трудно с запчастями.

— А сколько кур, гусей и собак раздавлено машинами, сколько заборов попорчено и столбов сбито!— горестно причитал старик.

— Да, это верно,— грустно согласился я, и сочувствие к несчастным жертвам автотранспорта переполнило мое сердце.

— Если бы только птицы да собаки,— не унимался дед.— Людей-то как много страдает из-за этих машин! Врачи не успевают чинить поломанные кости да разбитые головы.

Чувствую, пересохло у меня в горле. Достал из-под сиденья бутылку с нарзаном.

— Это еще что?— строго спросил попутчик.

— Нарзан. Хотите выпить?

— Нет. Не хочу. И тебе не советую. Некоторые вот в такую бутылку водку наливают. Глотают за рулем, там до беды один шаг.

— Но это в самом деле вода!— дрожащим голосом сказал я.

— Возможно. Только я говорю о том, как нередко бывает...

Стоит все такое же ясное солнечное утро, но на душе у меня липкая слякоть.

—...Тогда Хасан резко свернул в сторону и наехал на свинью, которая с диким визгом, будто ее резали тупым ножом, отскочила от колеса. В следующую секунду Хасан угодил в канаву и до сих пор лежит.

— В канаве?— спросил я.

— Нет, в больнице.

Спина у меня холодеет, ладони становятся влажными.

—...Четверг, после дождя. Так вот, значит, когда этот

выпивоха Таусолтан резко затормозил, самосвал сокрушил перила моста и грохнулся в...

О, черт! Сердце у меня стучит, как плохо отрегулированный клапан цилиндра...

—...Налетел на подводку, которая опрокинулась набок, а «Москвич» оказался на обочине колесами кверху...

Какой зуд промеж лопаток. Будто охалку крапивы за шиворот сунули...

—...Гляжу, у скалы не машина, а груда исковерканного железа. И дым идет. Подошел поближе, рассмотрел. «Волга». Голубая. Как у тебя. А дома, конечно, жда...

Под монотонный рассказ старикашки светлый мой разум начали заволакивать мутные сумерки. А он все говорил, постепенно вспоминая события все более отдаленных времен. Наконец, он добрался до 1916 года и поведал историю о неизвестно каким образом попавшем в наши края облезлом драндулете жандармского пристава. За неимением бензина и квалифицированных специалистов по ремонту этого чуда техники пристав запряг в него пару лошадиных сил. И, разумеется, лошади однажды понесли, и предок современного автомобиля вместе с его владельцем полетели на дно глубокого ущелья.

— А ведь хорошие были кони!— сокрушался старик.

Задыхаясь, я рывком расстегнул воротник и каким-то страшным, чужим голосом крикнул:

— Хватит!!!

Я остановил машину и бросился к ручью, протекавшему под маленьким мостиком в двадцати шагах. Сунул голову в воду, увидел две туманные фигуры в белых халатах. Они держали носилки, на которых лежало мое безжизненное тело. Я закрыл глаза. Потом открыл снова. Видение исчезло. Я начал приходить в себя. Когда я вернулся к машине, старичка в ней не было, а чуть впереди набирал скорость удаляющийся от моей «Волги» «Москвич» вишневого цвета.

На сиденье справа от меня лежала старенькая сморщенная, как мой пассажир, рублевая бумажка. Я порвал ее в мелкие клочья и долго топтал обрывки ногами. Затем их сжег, а пепел развеял по ветру.

На другой день мне стало известно, что в районе Герпегежа потерпел аварию «Москвич» вишневого цвета.

ПИСЬМО ЗЕКЕРЬИ СЫНУ-СОЛДАТУ

Но сначала было письмо от сына, из армии. Мать и сестры ждали его, первого письма, от любимого сыночка и обожаемого братика, как не ждут послания от самого пророка.

— Не волнуйтесь, напишет,— успокаивал их рассудительный Зекерья, чей ум и своеобразный нрав был известен не только в родном селе, но даже в соседнем.— Вашему Айтеку, наверное, некогда. Боевой подготовкой занят. А письмо будет попозже. Солдат на все найдет время — и пуговицу к штанам пришить, и оружие почистить, и письмо домой написать.

И вот пришло оно, долгожданное. И в нем — что ни слово, то жалоба.

«Разве это жизнь?— хнычет Айтек.— Еще ни разу не подали на обед индюшатины, а к чаю — медовой халвы. О пежных хычинах или жорме здесь даже и не слышали. На ногах — тяжеленные сапоги, которые заставляют еще и чистить до блеска. А что самое невыносимое — так ни разу и не дали выспаться. К утру обычно видишь во сне своих родных, дом, где так чудесно жилось, но тут раздается чугунный бас дежурного — и попробуй не вскочить, как ошпаренный, и не одеться в одну минуту!..»

Когда дочитали до этого места, старшая сестра вытерла мокрые щеки, средняя зашмыгала носом, а младшая выпула платок в ожидании слез. Мать со стоном заломила руки.

Зекерья сидел поодаль и мотал головой, пощипывая пышный ус. Он сейчас вспоминал о том времени, когда самой его большой мечтой было иметь сына. А в семье рождались одни дочери. Вслед за первой — вторая, вслед за второй — третья. Потом долго никто не рождался. Шли годы, девочки подрастали и постепенно превращались в этаких луноликих красавиц. Зекерья любил их и даже гордился ими. Молча гордился. Однако продолжал мечтать и о сыне.

И вот, когда одна из луноликих почти достигла совершеннолетия, дом почтенного горца огласился требовательными воплями мальчишки — тулпара*. Такого, о каком всю

* Тулпар — здесь: здоровяк, крепыш.

свою женатую жизнь тосковал Зекерья. Молча тосковал.

Счастлива была мать, прыгали от восторга сестры. А Зекерья лишь покачивал головой да поглаживал ус. И только. Держался с таким видом, будто он просто ничего не имел против того, чтобы вдобавок к трем дочерям в доме появился еще и сын. Нет, не стал мудрый Зекерья бурно выражать радость, переполнявшую его сердце. Несдержанность чувств — не в обычае горцев.

С первых дней изливались на новорожденного джигита водопады любви и ласки. И мать и сестры не отходили от своего «ягненка» ни на шаг, лелеяли горластого «козлика», предупреждали каждое желание «сладенького котеночка».

Отец не обижался, что его как главу семьи перестали замечать. Его беспокоило совсем другое: как бы не избаловали, не испортили мальчишку — вот о чем тревожился умный горец. Попробуй, однако, переубедить четырех сплоченных общими интересами женщин! Рта не дадут раскрыть. Каждая вылазка. Зекерья встречала такую решительную контратаку, что ему приходилось в панике отступать, ломая собственные боевые порядки.

«...и постоянно меня ругает прапорщик,— пишет бедняжка Айтек.— Медведем неповоротливым обозвал...»

Старый Зекерья усмехнулся, услышав, как запричитали женщины. Да... Это тебе, парень, не школьные годы, когда тебя провожали, встречали, таскали твой портфель. Стал постарше — послал только французские костюмы, туфли из Англии (не кирзовые сапоги, а?), рубашки из... шайтан знает, откуда! Нравилось тебе, ох, и нравилось, аллах свидетель, такое обхождение, когда обряжают, будто сынка княжеского, лакомыми кусочками пичкают с утра до вечера, в карманы потихоньку от отца хрустящие бумажки суют. Считалось, что все это красит юного джигита, на мужчину его похожим делают. Не то что всякие алгебры там да сочинения, которые у Айтека лишь зевоту вызывали.

Зекерья возмущался. Как правило, молча возмущался. Иначе жена и дочери кидались на него, как разъяренные квочки.

— И не стыдно тебе, шалопай, носить золотые часы, когда ты, бездельник, и рубля в своей жизни не заработал?! — не выдержал однажды Зекерья. — Все лето на турбазах пропадаешь, а твои сверстники работают на колхозном поле, старшим помогают. Немедленно ступай в сенокосную бригаду и чтоб не возвращался домой без мозолей на руках!

Что тут было!

— Да как ты мог такое сказать! — возопили женщи-

ны.— Пока мы живы, не позволим, чтобы Айтек надрывался раньше времени, руки пачкал!

— Успеет еще, наработается!

— Вся жизнь впереди! Не позволим!

— Не дадим оскорбить его ранимое сердечко.

— Скорее мы из дому уйдем!

— Давно пора,— ответил Зекерья дочерям.— А то заседелись в девках из-за этого дармоеда!

А что было дальше!.. Страшно вспомнить.

Потом мудрый горец поутих. Ладно. Еще не все потеряно. Вот жизнь хлестнет парня два-три раза по шее, по спине, и... пониже,— может, тогда одумается, человеком станет. И еще одну затаенную надежду носил в душе Зекерья: скорей бы подошел возраст Айтека к тому рубежу, когда молодых людей призывают в армию. Тут уж не отвертится. Ни мать, ни сестры, ни пророк Магомет его не спасут. На военной службе живо отучат мальчишку щеголять в костюмах из Парижа и туфлях из Инглиза. И нежной баранинкой не станут баловать. Узнает он вкус той простой каши. Посмотрим, что тогда запоешь, собачий сын. Поскорей бы настал этот день.

«...А еще заведен здесь дурацкий обычай — заставлять нас бегать, как будто мы лошади, а не люди. Бежим так, что глаза на лоб вылезают, а расстояние — как от Кашкатау до Аушигера. Самое же главное издевательство — после всего этого прапорщик петь заставляет. Тут рыдать хочется, а он командует «запевай!» Не выполнить команду нельзя. Приходится петь...»

Женщины прервали чтение, чтобы перечислить все невзгоды, которые они хотели бы обрушить на голову безжалостного прапорщика-мучителя. Зекерья помалкивал и раздраженно дергал себя за ус. Вот что он запел, неженка! Недаром так неохотно ехал на сборный пункт, когда настал день, которого с нетерпением, но с затаенной надеждой ждал Зекерья.

Три сестры и мать с непросыхающими ни на минуту глазами готовили погрустневшего Айтека в дальний путь. Чувал избалованный недоросль «ранимым своим сердечком», что жизнь делает крутой поворот. Да разве pomoжешь делу! Это знали даже опечаленная мать и зареванные сестры. Попробуй в пасмурную осеннюю пору изменить по своей прихоти цвет неба, сделать его снова по-июльски голубым и ласковым!

Зекерья прятал в усах довольную ухмылку и думал: «Ревите, ревите, а жить ему теперь не под вашими кры-

лышками, а в солдатской казарме!» Женщины пытались разжалобить твердокаменного отца:

— А ты-то хорош! Не мог походатайствовать, чтоб мальчику отсрочку дали... Стоишь и молчишь, словно бедненький наш Айтек — не сын твой родной!— это сказала мать.

— Кто ему будет стирать рубашки!— это воскликнула старшая сестра.

— Чем там будут кормить бедного братика!— причитала сестра средняя.

— А вдруг он заболит!— надрывалась младшая.

«Ничего,— думал отец,— мужчиной там сделают вашего оболтуса. Только достался бы ему командир построже».

Проводили Айтека. Высокого румяного увальня с такими слезами проводили, будто и не в армию он отправился, а... шайтан его знает куда.

«...Я спросил, где наша демократия, где наши гуманные заботы о человеке? А тот самый прапорщик сунул мне в руки книжечку с названием «Боевой устав пехоты», зверски сверкнул глазами и изрек: «Вот какую демократию ты должен прежде всего усвоить, лентяй ты этакий!» Так я и живу, дорогая мама, дорогие сестренки. Нелегко мне тут, и я очень по вас скачаю».

Последние слова младшая сестра (это она читала вслух) еле выговаривала прерывистым дрожащим голосом, с трудом удерживаясь от рыданий, готовых в любой момент прорваться наружу.

А Зекерья в это время вспоминал далекое прошлое. Как раз в возрасте Айтека он, тогда еще совсем молоденький повобранец, форсировал Днепр. Установили на плоту два пулемета и ротный миномет и поплыли под огнем врага. Никто и не знал, что юный горец не умел плавать. И когда Одер форсировали, тоже никто об этом не узнал. Даже когда Зекерья получил свою Красную Звезду, он и в это время никому не признался, что плавает не лучше подковы. Всякого пришлось натерпеться. А домой писал: «Жив, здоров, воюю. Ждите с победой».

Когда сели писать ответ Айтеку, женщины вопросительно посмотрели на Зекерью.

— Скажи, как написать ребенку, чтобы хоть немного утешить его?— спросила мать.

— Чтоб озарить его грустное лицо... рассеять тоску... печаль,— скулили сестры солдата.

Густые с проседью брови отца вдруг гневно сдвинулись:

— «Утешить, озарить, рассеять!»— передразнил он домоладцев.— А писать надо вот что...— Он подошел к млад-

шей, которая уже раскрыла чистую тетрадь и взяла ручку.— Я буду говорить, а ты пиши. Поняла?

Таким решительным и строгим Зекерью никогда еще не видели. На несколько минут в доме воцарилась напряженная тишина. После короткого раздумья почтенный горец начал диктовать:

«Собачий ты сын, испоганивший бумагу столь позорным посланием! Благодарю аллаха, что не я твой командир! А начальству твоему передай такую мою просьбу: пусть гоняют тебя, как ожиревшего жеребца, пока ты не износишь дюжину пар сапог и пока две дюжины солдатских рубашек не истлеют на тебе от соленого пота. И чтоб одной черной кашей тебя кормили. А то привык у себя в доме к одному сплошному празднику и ничему не выучился, кроме как плясать в лакированных туфлях с девчонками из турбазы! Другие отцы-матери получают благодарности за хорошую службу сыновей! И еще я хочу тебе сказать, чтоб ты без значков и звания сержанта домой не возвращался. Отправлю обратно».

Зекерья обвел победным взглядом испуганных и ошеломленных женщин и миролюбиво закончил:

«У нас все живы и здоровы. Отцу твоему памятную медаль вручили. Как бывшему гвардейцу-пулеметчику ударного батальона. Желали, чтобы сын, по крайней мере, пошел в отца. Вот пока все».

— А вы,— Зекерья снова обратил свой суровый взор на женщин,— чего сидите, отвесив челюсти, как на представлении дагестанских канатоходцев? Сварите мне сегодня же кашу из самой черной гречки. Без масла. Боевую молодость хочу вспомнить.

— Да где ее найти?..— робко пролепетала старшая дочь.

— Немедленно отыскать, доставить, сварить и глупых вопросов не задавать!— гаркнул Зекерья.— Приступайте к выполнению задания!— Он круто повернулся направо и вышел из комнаты, по-уставному печатая шаг.

МУЖЧИНЫ, МУЖЧИНЫ, МУЖЧИНЫ...

Здесь, собственно, пойдет речь только о трех мужчинах — обо мне, моем старшем сыне-студенте и сыне младшем, школьнике.

Провожая хранительницу нашего очага на курорт, мы молча и, кажется, чуточку лицемерно, вздыхали. Нам пред-

стояли целых двадцать четыре дня новой, необычайно самостоятельной жизни. Хранительница очага была печальна и слегка испугана, будто реактивный лайнер собирался доставить ее не в изнеженный край загорелых купальщиков, пыльных пальм и соленого воздуха, а забросить в неприятельский тыл и будто в пухлом ее чемодане, вместо пляжных костюмов, легких платьев и босоножек, лежала портативная рация, пистолет и запас взрывчатки. Весь ее вид говорил: «Свидимся ли еще, дорогие мои? На кого я вас оставляю тут, на Большой земле?»

Вообще-то мы тоже были взволнованы. По-своему. Старший уверял, что все будет в большом порядке, а младший по глупости, конечно, ляпнул, что все будет даже лучше, чем раньше. (Мама, в отличие от папы, являлась сторонницей жесткой педагогики, и потому плохо скрытое ликование нашего недоросля понять было не так уж трудно.)

Мы получили массу инструкций, указаний, предостережений, которые во многом дублировали друг друга. И еще мы были строго предупреждены, что нарушение мамочкиных заветов, даже их отдельных пунктов, обязательно обернется катастрофой. Это предупреждение мы как-то пропустили мимо ушей.

Мамочка, нам казалось, излишне драматизировала ситуацию, заметно отличавшуюся от той, в которую попал Робинзон, почти три десятка лет проживший без городских удобств и широкого общества.

В первые дни, в сладком угаре вольницы, мы не заметили, как самостоятельный мужской быт стал потихоньку давать трещину. Эту трещину мы обнаружили в начале второй недели, когда кончилась заготовленная для нас впрок привычная домашняя еда. В то же время немытая посуда настолько переполнила мойку, что часть грязных тарелок мы были вынуждены переложить в ванну. Потом стали пользоваться предметами из японского сервиза, на который и дышать не позволялось, не то что оскорбить его жирным пловом или, того хуже, какой-нибудь банальной вермишелью. Пошли в ход серебряные вилки, доселе лениво дремавшие в своих бархатных гнездышках в ожидании большого праздника или приезда влиятельного родича. Кефир мы уже пили из венецианских бокалов, а младшему очень понравилось пить вульгарный покупной квас из хрустальной вазы богемского происхождения. Когда вся посуда кончилась, нашли свое применение и турьи рога, которые висели на своих цепочках высоко на ковре и до сих пор никакой пользы не приносили.

Белье наше, что вначале дышало свежестью и лежало

в трех аккуратных стопочках, вскоре смешалось, и младшие мужчины каждое утро бурно конфликтовали, уличая друг друга в похищении чужой майки или, извините, трусов. Нетронутыми оставались только простыни, пододеяльники сложной конструкции и наволочки. Казалось бессмысленным ежедневно застилать и расстилать снова наши лежбища, а уж тем более — менять на них белье...

Сигналом к предстоящим испытаниям, а по правде сказать — страданиям, явилось катастрофически быстрое убывание денег, оставленных нам на жительство, на скромные развлечения и непредвиденные расходы: почти все пожирала именно последняя статья — непредвиденные расходы. Дело в том, что я вспомнил молодость и пошел обедать в ресторан. А потом и ужинать. Мальчишкам это тоже понравилось. Кроме того, младший каждый день по два раза ел мороженое, угощая при этом девочек с нашего и соседнего двора. Старший приходил домой слишком поздно, и я не знал, чем он занимается, почему так поздно приходит и почему его отлучки так дорого обходятся. Неудобно мне было смущать его вопросами, которые, не дай аллах, могли оскорбить его самолюбие. Он знал, что папа, не в пример маме, сторонник лояльной, мягкой педагогики. И наглед.

Отсутствие постоянного придирчивого контроля, к которому мы все привыкли, привело к тому, что мы уже перестали чистить зубы перед сном и не каждый день мыли ноги. Носки, правда, меняли часто. Пока они не кончились.

Первым дрогнул наш акселерат. Не выдержал.

— Скучно без мамы, — сказал он и тяжело вздохнул, глядя в ванну, в которой вперемешку с невытой посудой лежали носки, носовые платки, майки... — Без мамы скучно и грустно, — повторил младший и опять тяжело вздохнул.

— Да, — сказал старший, без вдоха, но очень твердо.

— Плохо без мамы, — с надрывным треском в голосе сказал я. — А дни, как назло, тянутся еле-еле, — как воловья арба по весенней распутице. Нескончаемо долгие дни...

— А зачем ты ее отпустил? — спросил старший. — Разве ей с нами плохо?

— Она тоже человек. Пусть отдохнет, а люди пусть видят, какой я современный и культурный горец. Я хочу на деле доказать народу, что равноправие у нас не пустой звук.

— Нет, — сказал младший. — Ты хотел ей доказать, что мы и сами не пропадем. Ведь говорила же она, что мы все трое без нее одичаем, как алмасты, как лесной человек.

— Глупости! — сказал старший. Но не пояснил, что именно — высказывание младшего или мамины слова.

Но все это было мелочью по сравнению с реакцией соседей-мужчин, когда они узнали, что наша хранительница очага уехала на курорт, оставив свою семью на «произвол судьбы».

— Ну и что? — сказал я Биногеру, который, ехидно усмехаясь, задавал идиотские и, я бы сказал, опасные вопросы. Опасные для него.

— Где это видано, чтобы горянка поехала на море, оставив дом тому, чья голова не в платке, а в папахе? С каких это пор горцы, забыв свою мужскую гордость, стали сидеть и ждать, когда соизволит вернуться с курорта его благоверная? Нет, друг мой Акылбашев, это никуда не годится. Курорт — это не родительское собрание в школе. Вот если бы с собой повез... Тоже не по-мужски, но как-то терпимо. А то... о, аллах, закрой мой рот и не позволяй ему сказать то, что думает голова!

Налицо была чистейшая провокация, и мне стоило немалых трудов, чтобы обуздать свой справедливый гнев, клокотавший в моей груди.

— О аллах, — прошептал я, — придержи мои руки, пока они не обагрились черной кровью подлеца, и остуди мою кровь, которая хлынула к моей голове и настойчиво призывает, чтобы я изрубил на куски этого нахала. По-видимому, незаконнорожденного.

Аллах, наверное, услышал мои настоятельные просьбы и не позволил Биногеру, который этих просьб не слышал, и дальше болтать глупости, а мне принимать карающие меры. С чувством исполненного долга, гордо вскинув голову, я пошел домой. Но еще долго остывала моя кровь. Шутка ли...

Пришел домой. Но не застал там ни старшего, ни младшего. А самое главное — не было хранительницы тепла и всего берекета нашего когда-то уютного трехкомнатного жилища. Дом был пустой, мир был пустой. Вся вселенная — пуста и холодна. Оставались еще две недели до возвращения нашей лучезарной. Целая вечность.

Я прилег на пыльный диван и стал думать. Думы были безрадостные. Встал и, смахнув бархатный серый пушок с экрана, включил телевизор. Но грусть не проходила, а напротив, переходила в свою осложненную форму, называемую тоской.

Прошел еще один день. Немного денег пришлось занять у соседки.

Печалило нас и то, что наша несравненная, луноподоб-

ная и, как было выше сказано, лучезарная за все эти дни написала только четыре письма. На фоне ее восторгов по поводу райской жизни у лазурного моря наша собственная жизнь все больше напоминала ад или, по крайней мере, его пригороды.

Все чаще и чаще стала возникать коварная мысль — отозвать лучезарную к родному очагу досрочно. Чтобы мы вновь все стали такими, какими были, и наша жизнь вновь пошла под постоянным надежным контролем.

А этот проклятый Биногер при очередной встрече опять стал задавать гнуснейшие вопросы:

— Ну, джигиты, какие вести с моря? Помнят ли вас на курорте? Нравится, наверное, вашей хозяйке тамошняя жизнь? Вот времена! Мужья — в стряпухах, горянки — на пляже, да еще не совсем одетые. М-да...

Конечно, скажи он в старые времена хоть половину всего этого — вопрос мгновенно был бы решен при помощи кинжала. Да ведь в старые добрые времена правоверные не отпращивали своих волооких на пляжи. Разве что на воскресный базар. И то не одних.

— Все! Хватит!! — заорал старший сын, который в своей жеваной одежде был похож, как глупо сострил младший, на рединского бурлака. — Пишем письмо, чтобы мама немедленно присхала. Она ведь сама пишет, что очень соскучилась. Зачем же ей мучиться? Это не жизнь! (Имелась, в виду, мне кажется, наша жизнь — не мамина — и предстоящее свидание студента с хорошенькой девушкой.)

— Он прав, — согласился младший. Невооруженным глазом было видно, что у акселерата тоже лопнуло терпение.

— Это исключается, — сказал я. — Это только при чрезвычайной необходимости отзывают работника из отпуска. Когда совсем не вмоготу.

— У нас, я думаю, уже наступила чрезвычайная необходимость, — прохныкал младшенький жалким сиротским голоском.

— Мы же мужчины, черт нас всех возьми! — почти рассердился я и тут же остыл, ощутив собственную неискренность. Возвращения луноликой я желал не меньше, чем эти несчастные. — Мы должны доказать ей, а прежде всего самим себе, — вдохновенно декларировал я, — что прожить самостоятельно весь срок ее отдыха для нас ничего не стоит!

— Лучше напишем письмо, давайте напишем, а? — качнул младший. Глаза на его неумытом лице набухли слезами.

Я вспомнил фильм про босяков периода гражданской войны. Вот такие глаза... (То было уже сверх моих сил и терпения. Все могу выдержать. Но когда вижу мужские слезы... Тут уж, извините...)

И вдруг меня осенило. Да, можно написать письмо! Мы напишем письмо. Но даже единым словом не попросим ее о возвращении. Она сама захочет... И совершенно зря говорят женщины, что мужчины туповаты, как пятка, да и вообще глупы от рождения по природе своей. Я поделился идеей оригинального дипломатического письма с мальчишками, и они сказали, что таким отцом можно гордиться.

Старший немедленно взял бумагу и ручку. Мы с младшим стали на ходу сочинять и диктовать наше послание. Начал младший:

«Дорогая наша мама, самая любимая на свете и самая драгоценная! Мы получили твои письма и очень обрадовались, что тебе курорт понравился и море пришлось по вкусу. Мы живы, но вполне здоровы, только очень по тебе скучаем. Но ты за нас не беспокойся. Продолжай отдыхать и дальше».

— Это что-то не то,— сказал старший.— Никаких даже намеков...

— Ты погоди,— сказал я.— Это пока предисловие. А дальше будет так:

«У нас особых новостей нет. Правда, твой младшенький объелся мороженым и горло простудил. Немного. Ангины почти нет. Но ничего, надеемся — поправится. Тут еще... мы нечаянно разбили пару предметов из японского сервиза, но ты не огорчайся. Он ведь был на двенадцать персон, а нас втрое меньше. Еще такая мелочь: мы забыли закрыть кран и водой залило ковер в зале и соседей, которые внизу. Ковер от этого наверное, не испортится, и отношения наши с соседями тоже не испортятся. Но ты и не думай об этом. Отдыхай хорошо. Позавчера был забавный случай. Кто-то из нас забыл запереть дверь, и она оставалась открытой до самого вечера. Мы все проверили и ничего такого не обнаружили, чтобы беспокоиться. А забавное то, что все кошки нашего двора передрались из-за какой-то норки. То есть норкового воротника. Интересно, откуда они его выдрали? Похож на тот, что ты недавно купила и еще не успела пришить к своему пальто.

Правду сказать, твою шкатулку с золотыми часами, изумрудными сережками и этими... шейными висюльками мы не обнаружили. Может, сама спрятала куда-то подальше? Но, в любом случае, волноваться не стоит. Драгоценные побрякушки все равно скоро выйдут из моды. Как

атрибут мещанства и мелкобуржуазных вкусов. Поэтому ты отдыхай, как отдыхала. Спокойно и радостно».

— Вот это здорово,— сказал старший.— Все четыре туза!

— Погоди, не спеши. Главное — впереди,— сказал я.

— Пиши,— подсказал младший,— что папа руку поломал. Но ничего, мол, хорошо загипсовали. Может быть, скратется.

— Это жестоко,— ответил старший.— Женщины, кроме всего прочего, народ эмоциональный, такое сообщение вызовет душевную травму и стресс.

— Тут у нас каждый день стресс,— возразил я, но продиктовал другое:

«А старший твой стал приходиться домой очень поздно. Кажется, он собирается скоростно жениться. На этой... ну ты помнишь, что днем и ночью звонила, и ты ей однажды сказала такое, после чего она перестала звонить... А в общем, она ого-го-го! Видная. Однако это не должно лишать тебя душевного равновесия»...

— Ну, папа, ты силен,— восторженно заметил старший.— Но откуда, каким образом ты все это пронюхал?

— Вот негодяй! Я только предполагал, а ты и в самом деле — того? Впрочем, черт с вами и вашими личными проблемами!

«Твоя любимая бабушка не то чтобы заболела, но не встает с постели и постоянно про тебя спрашивает. Но ты не переживай. Мы уже нашли почти половину тех лекарств, которые ей прописали. И еще. Эти Багырбашевы, отпетые спекулянты и жулики, выиграли по лотерее машину и холодильник «Зил».

— Уж это ты загнул, папа!— испугался старший.— Откуда в тебе эта безжалостность? Раньше ты таким не был. Ведь мама не перенесет...

— Молчи, пишем дальше,— холодно перебил я, сам удивляясь своей дьявольски беспощадной фантазии.

«Деньги у нас продержались довольно долго. И мы пока не собираемся занимать у соседки. Она, правда, оказалась доброй, несмотря на то, что часто ссорилась с тобой. Так любезно стала здороваться с папой...»

Вклинился младший:

«Если хочешь, и для тебя зайдем и отправим телеграфом. Лишь бы ты хорошо отдохнула и укрепила свои нервы. И совсем бы о нас не беспокоилась. Сама видишь, у нас все в порядке. Только скучаем без тебя. А так — все нормально...»

— Ну ты, акселерат!— возмутился старший.— Может,

пасчет соседки не надо, а? Ведь так мы и в самом деле доведем маму до нервного приступа. Уж лучше ждать ее с курорта, чем из больницы.

— Что это ты раскисаешь?— сказал я.— Ревность только укрепляет характер. Особенно у женщин. Добавь, что мы ее любим и обнимаем и ставь точку.

Мы перечитали наше послание от начала до конца. Остались довольны. Письмо запечатали в конверт и бросили в почтовый ящик.

Через три дня прилетела наша лучезарная, луноликая, самая дорогая наша бесценная хранительница очага, всей квартиры, всей вселенной.

О том, что было в первые часы, после ее возвращения, лучше не говорить. Зато потом все стало вокруг светло, тепло и радостно.

Я и мои сыновья вновь чувствовали себя настоящими мужчинами.

ЧТО ЕЩЕ ПОСОВЕТОВАТЬ?

Биногер из тех людей, которых не без основания называют основательными, солидными, надежными. Если надо — его солидное плечо подопрет ваше, а надежный локоть плотно прижмется к вашему, и вы уже вполне можете быть уверены, что рядом с вами тот, кто заменит даже родного брата.

Наш Биногер вообще... но стоп! Похвал он не терпит. Услышит махтату — похвалу в свой адрес — сразу покраснеет до затылка, словно юный зять на смотринах. Покраснеет и будет сопеть и содрогаться, пока хвалебное слово не закончится. Даже в шутку его не хвалите. Он — человек остроумный, но таких шуток не любит.

Наш Биногер... А имя-то, кстати, какое! «Би» — князь. «Ногер» — товарищ, друг. Вторая половина имени, как вы уже поняли, в точности соответствует его характеру. Он никогда не откажется быть вашим ногером в любом вашем предприятии, даже не зная заранее своей роли и возможных последствий дела. Поистине «джигит не спрашивает «куда?», а молча и быстро седлает коня». Ну, и что-то княжеское — в хорошем смысле — в нем тоже было.

Не посоветовавшись с Биногером, я стараюсь не начинать никаких важных или сложных дел. Его мудрое суждение — для меня на вес золота. А ведь в свои каких-то полсотни он обладает не только природной мудростью и

великодушием, но и благоприобретенными знаниями в технике, особенно той, которая имеет хоть какие-то колеса. Руки у моего друга золотые, голова — кладезь смелых идей и новейшей научно-популярной информации.

Кстати, насчет колес. Из всех видов транспорта, имеющих колеса, заметил однажды Биногер, он не смог бы управлять разве только колесным пароходом. Потому как никогда такого парохода не видел живьем. А вот с самолетом, пожалуй, справился бы, если бы оставили Биногера с ним, с самолетом, хоть на пару часиков. Что же касается автомобиля, Биногер знал это средство передвижения не хуже, чем толковый хирург анатомию автомобилиста. Поэтому я и обратился к нему за очередным советом:

— Дорогой друг мой Биногер! Появилось у меня сильное желание обзавестись машиной. Собственной. Чтоб на работу, на базар, к теще на хычины — верхом, то ость за рулем. А то, похоже, с пешими скоро и здороваться перестанут. Все, кто в папахе, стали носить шоферские права в кармане. Сосед-писатель — за рулем, учитель-родич — за рулем, инженер-приятель — за баранкой. Даже директор заготбазы, не говоря уже об официанте из шашлычной, — все на колесах. А я что? Абрек бездомный и безлошадный, что ли?

— Все верно и ясно, — сказал Биногер, погладив свой герпегежский ус. — Ты тоже носишь не платок, отец семейства, все-таки. Транспорт тебе тоже необходим.

— Вот-вот! — обрадовался я. — Правда, меня иной раз смущают хлопоты по уходу за машиной и...

— Решил — покупай. Любая хорошая машина лучше любой плохой жены.

— Хорошенькое сравненье! Разные ведь вещи...

— Конечно, разные. Поясню свою мысль. Если будешь от души ухаживать за машиной, кормить, поить, наводить глянец и охранять как надо — она будет тебе верна до самого капитального ремонта и после. И всегда послушна. Куда повернул, туда и поехала. Захотел — быстро, пожелал — медленно. Ни тебе упреков, ни подозрений, ни сцен ревности. А с женой все наоборот. Чем ты к ней внимательней, тем больше подозрений. Ты ее налево — она совсем в другую сторону. Ты торопишься — она копошится, выводит тебя из душевного равновесия и вводит в роковое состояние стресса. Понимаешь, братишка? Биногер знает, что говорит, а говорит он то, что сам испытал.

— Я тебе верю. Но сейчас я о машине, которая тоже, говорят, не оставляет своего владельца без головной боли. Запчасти, антифриз, резина...

— Ты на это не смотри. Голова дана не только для украшения. На то она и голова, чтобы иногда и побаливала. Не умеющая болеть голова — это чинаровый пень и только. Если решил — покупай. Если у мужчины нет ни осла, ни коня, то должна быть машина. Надоест — продашь. На худой конец, подаришь старшему племяннику в день его свадьбы. Ты ведь на ней не женишься. На машине.

— Оно все так. Ты меня убедил. И в общем-то я решил. Да, решил! Окончательно.

— С машиной ты испытываешь то, чего раньше и во сне не испытывал. Увидишь то, о чем и понятия не имел. Там сквозь чей-то плетень проедешь или кирпичный забор обрушишь, там столб повалишь или с моста кувыркнешься — не жизнь, а сплошные приключения. Люди плесневеют у очага, рядом с женой и телевизором. Мужчина должен переживать острые ощущения, иметь в бытовой повседневности яркие и сильные столкновения, встречи, впечатления. Да и умереть настоящий джигит должен не на противной мягкой кровати, пропахшей тошнотворным домашним теплом, а в седле. За рулем.

— Оставь, Биногер. От твоих шуточек меня ледяной холод промеж лопаток пробирает. Я-то человек спокойный, осторожный, не лихач какой-нибудь неразумный...

— Хе-хе! Откуда тебе знать, наивный мой братишка, каким ты джигитом окажешься за рулем? Едешь ты, к примеру, по гладкой, но горной дороге, а рядом с тобой — волоокое создание. Не жена, естественно. И вот одно твое око — на дороге, другое — на ней. И мысли тоже. Потом и второй глаз ты перекладываешь на нее же. И ты уже не водитель авто. Ты уже — летчик-штурмовик. И этого мало: начинаешь чувствовать себя космонавтом. А машина — она дура бессловесная: жмешь — летит. Только крыльев не хватает, чтоб оторваться от грешной земли. Ощущения!! А та, что рядом — дрожит и тоже молчит. От страха и восторга. Она — тоже дура...

— Остановись, Биногер...

— К счастью, наши врачи — народ многоопытный, умеют монтировать кости. Затем ты просто лежишь и думаешь. Времени у тебя много. А когда человек подолгу думает, он незаметно для себя становится умнее. Философом становится. Благодаря машине. Потом — курманлык, веселое застолье с друзьями, которые тебя любят и признаются в этом без утайки, прямо. Потом — ты пешеход. Утешаешь себя утверждением Ильфа и Петрова о том, что пешеходы — лучшая часть человечества. Потом влезаешь в автобус, битком набитый уже не лучшей частью человечества,

а потому и не очень вежливой. Автобус везет тебя на работу долго-долго, причем с частыми остановками, во время которых в салон втискиваются все новые толпы бывших пешеходов, стремящихся создать тебе массу неудобств. А за окном грациозно и бесшумно проносятся голубые, красные, оранжевые, желтые, белые красавицы... И тебе становится грустно. Но вот, наконец, из того, что осталось от твоего авто, слеплена за немалые деньги вполне жизнеспособная машина. И ты уже не тот. Не тот, кого давят в автобусе, да еще сомневаются в твоих достоинствах. Ты уже бывалый мужчина. Судьба пометила тебя своей тамгой. В виде шрама на лбу или рубца на другом месте. И одновременно ты — птичка. Птичка в клетке на четырех колесах. Никуда тебе не деться от руля. Ты еще крепче связан с ним. Незримыми, но не расторжимыми узлами.

— Биногер! Я тебя что-то не пойму сегодня...

— Постой. Поскольку ты уже видавший виды, что ясно и по твоей латаной-перелатанной машине, то авторитет у тебя среди водительской братии совсем другой. Высокий авторитет. Молодые автовладельцы, мокроносые юнцы, едва оперившиеся желторотики обращаются к тебе за советом и помощью. Каждый пустяк, который ты сделаешь или скажешь, — для них таинство и откровение. Каждое твое слово — подарок. Ведь ты прошел уже огонь и воду. И еще пройдешь...

— Биногер!..

— И вот тебе мой совет. Вот едешь ты по широкому и гладкому шоссе, и прекрасный мир словно ложится под твои колеса и уплывает назад, остается у тебя за спиной, толком не увиденный, не понятый. Подумай о том, как сделать, чтобы этот прекрасный мир не скрылся от тебя совсем. Подумай. Не спеши. Что еще посоветовать?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАДЖИ-АБРЕКА

Давно это было, но не настолько давно, чтобы изгладилась из памяти события, о которых хочу я вам рассказать.

После окончания медучилища я был направлен на работу участковым фельдшером в Сары-Булак. Вы, наверное, слышали о таком населенном пункте. Это, знаете, в горах Тянь-Шаня.

На новом месте я быстро обзавелся друзьями. Ведь

человек я от природы общительный. Удивительным было другое: некоторые из моих новых друзей стали и моими... соперниками, ибо я оказался объектом пристального внимания со стороны местных красавиц.

Может, вы не поверите, но сначала это меня озадачило. В чем же дело? Рост у меня средний, плечи далеко не атлетические, мускулатура даже отдаленно не знакома с тем, что называется культуризмом, лицо... Дома я внимательно вглядывался в зеркало, тщательно изучая свою загорелую физиономию, пытаюсь найти те признаки мужской красоты, которые могли бы очаровать представительниц лучшей половины человечества. Однако мои исследования не принесли желаемых результатов. А вообще, думал я, женщинам виднее. Они лучше разбираются в таких сложных вещах. Тем не менее бриться я начал ежедневно, одеколон «Шипр» стал для меня первой необходимостью, брюки мои всегда были великолепно отутюжены, а туфли начищены до невообразимого блеска.

Шло время. Дни (в основном очень жаркие) сменялись ночами (как правило, довольно прохладными), каждая из ночей незаметно переходила в день, а моя популярность росла не по дням, а по часам.

Я отнюдь не возгордился и великодушно предоставлял любой девушке прогуляться со мной по саду, поговорить (говорил главным образом я), пошутить (шутил обычно я), посмеяться (смеялся, в общем, тоже я).

Да-а-а, быть первым парнем на селе — это, конечно, не самый худший жребий!

И вдруг однажды я узнал секрет своей неотразимости. Почему-то мне надоели мои усы. Да, у меня такие, вроде грузинских. Зашел я в парикмахерскую.

— Сбрейте, пожалуйста, усы. Они, кажется, немного старят меня.

У парикмахера дрогнули руки, он чуть не уронил бритву:

— Что вы! Как можно, дорогой! — возмутился он. — Усы — это ваше, извините, главное достоинство. Без них вы, как бы сказать...

— Э-э, братец, вас куда-то не туда несет! Это вы так шутите?

— Нет, не дай бог! У меня ничего такого и на уме не было, — испугался парикмахер. — Ведь вы кавказец? Верно? Так вот. У нас в ауле их никогда не бывало. Даже среди геологов. А геологи часто навещают Сары-Булак. Вы у нас первый, а второго еще не было. Вот почему мы все вас так любим. Особенно девушки.

— Гм... девушки...

— Ну да! Вы для них как живой персонаж из поэмы Лермонтова!

Вот оно что! А я-то в зеркало смотрелся. Ну и пусть! На худой конец и это неплохо. Придется поддерживать свою «книжную» репутацию.

С тех пор из меня, словно из рога изобилия, сыпались спогсибательные истории о прелестях наших гор и ущелий. И постепенно в потрясенном воображении моих слушателей вырисовывалась изумительная картина почти сказочного края, населенного лихими супер-джигитами, которые только тем и занимаются, что бешено носятся взад-вперед на знаменитых кабардинских скакунах по каменистым горным тропам.

Выслушав однажды мою очередную легенду, сельская красавица номер один Сайра-бюбю спросила с дрожью в голосе:

— А как у вас женятся, выходят замуж? Свадьбы как справляют?

— Ну как... Обыкновенно! Понравилась джигиту девушка — он собирает своих верных друзей, все они, конечно, вооружены до зубов, и...

— Как это «до зубов»?

— Очень просто. У каждого винтовка, пистолет, сабля, кинжал, ну и прочая мелочь. Это на случай стычки. Ночью кавалькада всадников врывается во двор к невесте, девушку заворачивают в бурку, жених берет ее к себе на коня и — догони попробуй!

Среди местных красавиц — тихое замешательство. Немая сцена. Слышно только их восторженное прерывистое дыхание.

— Ну, а свадьбы? — подает кто-то тоненький испуганный голосок.

— Свадьбы? Так. Значит, свадьбы? Очень просто. Режут полдюжины быков или в крайнем случае десятка два-три баранов. На свадьбе гуляет весь аул. Гуляет месяц, другой, пока еще кто-нибудь не женится.

Такого успеха в аудитории не знал, наверное, сам Ираклий Андроников. Мои слушатели готовы были просидеть около меня весь вечер и всю ночь. А Сайра подошла ко мне поближе, подперла рукой голову и, приоткрыв рот и затаив дыхание, стала просто сверлить меня своими кукольными глазками. И тут я снова понес... любой Шахерезаде не под силу было бы тягаться со мной! Самому себе удивлялся. Впрочем, мои угольного цвета усы, выдающийся нос и ястребиные глаза тоже сами за себя

говорили. Ну, глаза, может, и не совсем ястребиныс, но, когда меня осеняло вдохновение, по-моему, из них даже сыпались искры.

Я не боялся, что родник моего красноречия когда-нибудь иссякнет. Недаром один из моих старинных приятелей называл меня (из зависти, конечно) репродуктором.

И вот однажды, в один из таких же чудесных вечеров я вдруг заметил, что худошавый парень в солдатской, но уже без погон гимнастерке слушает меня, порой ехидно ухмыляется и покачивает головой. А когда я положил руку (нечаянно, конечно) на плечо Сайры, парень резко встал, круто повернулся и зашагал прочь.

Возвращался я домой поздно. Однако этот тип в гимнастерке, оказывается, ждал меня у самого порога.

— Послушай, фельдшер, поговорить мне с тобой надо, — хмуро пробурчал он.

— Я слушаю. Присядем на скамеечку.

— Так вот. Все, что ты плетешь про бурки и кинжалы, про пистолеты и скачки, — вздор. Служил я в ваших краях. Джигиты там, возможно, есть, как и везде, но эти дерзкие похищения девушек — чепуха. Полдюжины быков — тоже чепуха.

— Позволь... я...

— Позволю! Я позволю тебе развлекать своими баснями глупых девчонок. Но Сайру оставь в покое. Понятно?

— Ах, вот оно в чем дело! — догадался я.

Мне бы тут, естественно, выхватить кинжал и... Но такого при мне не оказалось. Мне бы тут, как истинному кавказцу, засучить рукава и... Но я терпеть не могу громких разговоров, особенно если у противника блеснит на груди среди всяких значков еще значок перворазрядника по боксу.

— Я ведь люблю ее. И очень давно, — тихо сказал парень.

— А почему я не могу? — вдруг вырвалось у меня. — Люби себе на здоровье! А я... я... тоже...

Кавалер многих значков ушел не попрощавшись. И с той минуты стал моим потенциальным врагом.

Вот когда я почувствовал все тяготы моей пропагандистской деятельности. Этот Аскер (так звали парня в гимнастерке) при случае задавал всякие коварные вопросы, шумно сомневался в достоверности моих рассказов, которые после памятного ночного разговора и так уже стали гораздо прозаичнее. Словом, Аскер на каждом шагу старался подложить мне свинью. Моя ослепительная репутация просто не давала ему покоя.

— Знаешь, фельдшер,— сказал он однажды, многозначительно подмигнув Сайре,— в последнее время я что-то стал плохо себя чувствовать.

— На что же ты жалуешься? Где у тебя болит? — участливо спросил я.

— Так вот я и хотел у тебя узнать. Если у вас на Кавказе живут такие удивительные мужчины, то и для тебя, для фельдшера, определить болезнь человека должно быть плевое дело? Ведь у вас каждый — в своем роде сказочный джигит.

— Обратись-ка ты лучше к Османкулу.

— К ветеринару, что ли?

— Да, к ветеринару. Это он умеет ставить диагноз, ни о чем не спрашивая своих больных.

Эффект моей победы превзошел все ожидания. Толпа ребят и девушек подняла такой хохот, что у них под ногами закружилась пыль. Аскер сжал кулаки, стиснул зубы, сделал глубокий вдох-выдох и поспешно ретировался, будто его ждали срочные дела. Вслед ему неслись шуточки и смех парней:

— Аскер, не торопись! Османкул сейчас занят телятами!

— Хорошую таблетку выдал тебе фельдшер!

Веселились все. Все, кроме меня. Нет, Аскер этого так не оставит. Иначе, какой же он мужчина? Я ждал новых козней. И готовился к отражению новых атак.

Прошло много дней. Аскер почему-то ничего не принимал. Наоборот, стал со мной приветливым, улыбался еще издали, при встрече протягивал руку. Но я знал: нет, не к добру все эти любезности.

* * *

Как-то утром, когда я заканчивал делать школьникам профилактические прививки, в окно медпункта заглянула Сайра:

— Знаешь, завтра у нас будут состязания. Придешь?

— Обязательно приду, Сайра-бюбю. Непременно приду. Постой! Постой! А что за состязания? Кто с кем собирается состязаться? — Но Сайра уже упорхнула.

На традиционные весенние состязания собралось все селение. Аксакалы уже сидели на своих особых местах, а парни готовили лошадей к скачкам.

— Эй, фельдшер, подойди ко мне, дорогой,— крикнул старый Жекшенбай.— Сядь со мной рядом.

Не воспользоваться лестным предложением аксакала

было бы чудовишной бестактностью. Я не заставил себя упрашивать.

— Как тебе нравится во-он тот гнедой? — спросил старик.

— Что ж, ничего... Вроде бы... э-э... вполне. Да. Очень. Только тяжеловат немного. Как будто. А так ничего,— постарался я дать ответ повразумительней. (Не знаю, какая была у меня физиономия, когда я говорил, но в паузах, во время многоточий, ручаюсь, у меня был вид настоящего знатока.)

— Слыхали?!— вдруг обрадовался Жекшенбай.— Нет, вы слыхали? Свежий человек говорит. Кавказский человек говорит. И я вам говорил, что гнедой Османкула утратил былую легкость, а вы не верили! Разве место такому коню на скачках? Псу под хвост, а не на скачки.

Старики с любопытством покосились в мою сторону. Спорить не стали. Ну, так-то мне легче.

Я совсем уж было успокоился, но вдруг увидел Аскера. М-да... начинается. Он подошел к нам, дружески похлопал меня по плечу и добродушно сказал, обращаясь к аксакалам:

— Они, кавказцы, конечно, отличные знатоки лошадей. Жаль только, нам еще ни разу не приходилось видеть, как они замечательно держатся в седле.

Вот это удар! Удар из-за угла, удар в спину! Здорово ты, Аскер, подстерег меня...

— Так пусть нам фельдшер покажет, как владеют конем его соотечественники,— оживился Жекшенбай.

— Пусть! Пусть покажет,— дружно загалдели другие старики.

В горле у меня стало сухо, пульс то и дело сбивался с ритма, между лопаток появилось ощущение холода. На коня я сроду не садился! Даже к уздечке не притрагивался. Да и скачки видел только в кино. Наездник из меня, прямо скажем, не экстракласс. Вот если бы мотоцикл...

— Нет,— твердо сказал я.— Пожалуй, не стоит.

— Скромность — это хорошо,— настаивал аксакал,— но ты все же покажи свое искусство. А мы с удовольствием полюбуемся.

Аскер тем временем подвел ко мне того самого гнедого толстяка, о котором я уже высказал авторитетное мнение (дернул же черт за язык!). Всё. Погиб. Деваться некуда. Разве от этого настырного старика Жекшенбая отделаешься!

— Садись,— сказал он мне.

Я вспомнил один трудный случай из своей биографии.

Мне приходилось сдавать экзамен по анатомии, когда я знал только нечетные билеты.

Трудный был случай, но все кончилось благополучно. Сейчас было труднее. Я не знал ни одного четного и ни одного нечетного билета... А, ладно! В конце концов никто еще не рождался в седле! Может, сойдет и на этот раз? Что тут вообще страшного? Подумаешь проехаться верхом! Я подошел к гнедому. Тронул его волосатую морду. Конь вздрогнул, и я тоже. Бестия, думаю, будто знает, с кем имеет дело. У-у, зверь! Я сделал, как тогда Аскер, глубокий вдох-выдох и сунул правую ногу в стремя. Оттолкнулся — и в седло. Но ступня выскользнула из стремени, и я повис, лежа поперек седла, как хурджун. А гнедой «взял с места в карьер» (теперь я понял смысл этого выражения) и понес. На полном скаку, карабкаясь изо всех сил, я ухитрился сесть. Но, как тут же выяснилось, допустил какую-то техническую ошибку и оказался затылком к гриве, а лицом, соответственно, к хвосту. Мои пальцы вцепились в деревянные детали киргизского седла, а я сразу понял: пальцы скорее сами оторвутся, чем выпустят эти проклятые деревянные.

А гнедой мчался и мчался по зеленому полю, как ошалелый. А со стороны зрителей неслись восторженные возгласы такого примерно содержания:

— Ай да джигит! Вы только посмотрите на него!

— Ну и кавказец!

— Вот молодец! Молоде-е-ец!

→ Настоящий циркач! Задом наперед едет!

— Артист!!

Больше всех кричал Жекшенбай, который в недобрый час подозвал меня к себе:

— Молодец! Вот порадовал! Я знал, на что способны кавказские джигиты! Помню, во Фрунзе циркачи приезжали. Осетины, кажется! Точно так же мчались!

А мой конь несся по кругу с сумасшедшей скоростью. Будто шайтан в него вселился! Я сросся с седлом намертво. Пятки мои готовы были продавить потные бока этого зверя, а пальцы... о пальцах я, кажется, говорил. Вдруг мой бешеный скакун, выносливый, как машина, подлетел к гудевшей толпе и, сбросив скорость с четвертой на первую, начал выделывать совсем уже безобразные штуки. Он резко вскакивал и вскидывал то задние, то передние конечности и нахально хлестал меня по лицу своим длинным, давно не стриженным хвостом.

Неизбежное все-таки случилось. Неизбежное, как смена дня ночью. Я описал крутую дугу над головой этой взбун-

товавшейся скотины и... в точном соответствии с законом Ньютона опустил на зеленую травку.

Взрыв смеха был оглушительным. Смеялся, конечно, не я. Смеялись все остальные, а громче всех Аскер. Он был счастлив. Его победа была бесспорной. Молчали только старики. Они считали, что грех смеяться над чужой бедой. Да и разве это была беда! Нет, что там! Катастрофа! Кошмарная трагедия!!! С шумом и грохотом рушились блестящий престиж, непререкаемый авторитет и ослепительная слава живого лермонтовского героя. Доблестный внук знаменитого Хаджи-Абрека прекратил свое легендарное существование.

* * *

В середине весны для меня наступила серая тоскливая осень. И решил я как следует оседлать медицинскую профессию. Работа, работа, работа. В конце концов эта работа меня и оседлала. Я читал свои студенческие конспекты, делал выписки из медицинских книг и журналов, подолгу листал справочники и даже зубрил латынь. Редко я выходил из дому без дела.

Словом, мне было не до переживаний и не до развлечений.

И вдруг — новые события. На фельдшерский пункт прибежала запыхавшаяся Сайра:

— Скорей! Фельдшер, мой милый, беда! — кричала девушка. — Бежим скорее! Под камнепад попал!

— В чем дело? Объясни толком, кто попал, как попал, где?!

Но Сайра громко начала плакать, и я поспешил собрать свой чемоданчик. Потом, взявшись за руки, мы выбежали на улицу.

На этот раз моим пациентом оказался Аскер. У него был открытый перелом левой голени и несколько ран в области затылка.

Женщинам я поручил вскипятить воду, а мужчинам — сделать шины. Сайру послал еще за некоторыми инструментами и лекарствами.

Сделал инъекции, обработал и перевязал раны. С ногой было сложнее. И все же на голень удалось правильно наложить шину. Пришлось с парнем повозиться, пока не прилетел на другой день вертолет санавиации и не увез уже улыбающегося Аскера — моего соперника. Я стоял в стороне от людей, глядя, как стрекочущий МИ поднимался над холмами, и вдруг услышал за спиной слова в свой адрес:

— А все-таки он настоящий джигит. На своем коне наш фельдшер сидит крепко.

Это говорил тот самый Жекшенбай, который... Да, впрочем, что там вспоминать!

ЗАСТЕНЧИВАЯ АСЛИЖАН

Весна. Курорт. Садовая скамейка. И сколько угодно свободного времени, чтобы перекинуться словом с приятелем.

Один из собеседников, с семью бровями, в белом костюме, снял с головы капроновую шляпу, вытер носовым платком вспотевшую лысину и обратился к соседу:

— Тебе сколько дней осталось?

— Еще много. Две недели. А время тянется, как воловья арба с поломанным колесом.

— Вот уж нет. Кажется, глазом не успел моргнуть, и уезжать пора. Я бы не прочь еще недельку побыть. Оллахи, санаторий не худшее место под луной.

— Ну так оставайся. Купи курсовку — и пожалуйста. Чего дома сидеть, если здесь лучше?

— Если бы врачи не настояли, совсем бы не смог приехать. Когда бы все женщины так ревновали, как моя несравненная...

— А моя сама меня отправила, — с видимым удовольствием ответил сосед белому костюму, подкручивая седые усы. — Поезжай, говорит, повидай людей, здоровье поправь. Правду сказать, соскучился я по ней. Полвека, считай, вместе живем, а вот соскучился...

— М-м-да, — многозначительно отозвался белый костюм.

— Годы у нее, конечно, немалые, — продолжал владелец седых усов, — женщины, они, оллахи, слабые создания все-таки. Беречь их надо...

— М-м-да, — повторял обладатель белого костюма. При желании это можно было перевести примерно следующим образом: «Попал ты, брат, под каблук своей слабой женошки и маешься без вины...»

— Жизнь наша без них была бы мрачной, как осеннее небо, — не сдавались усы.

— Разве не хватает стихов, что и ты принялся медовые слова говорить? Только то и знают наши поэты, что небесными ангелами их называть, да и всякие сладкие песни про них петь... Оллахи, не отбивай хлеб у тех сладкоустых.

— Э, брат, отсталый ты человек,— седые усы дрогнули и воинственно приподнялись вверх.— И жесткий, как за-сохший чурек. Да смеешь ли ты отрицать, что при одном появлении этих хрупких созданий лица наши озаряются радостью?

— Ну, уж нет!— седые брови сошлись на переносице и в этом хмуром положении остановились.— Может, насчет озарения я не в курсе, но хрупкими их назвать не могу. Если на то пошло, расскажу тебе про одну такую хрупкую да слабую...

— Рассказывай. Узнаем, с чего это ты так невзлюбил женщин.

Белый костюм приосанился и начал:

— Давно это было. В одном из дальних аулов Баксанского ущелья жила, как о ней говорили, луноликая Аслижан. Косы черные, блестящие, как два звонких ручья, лицо белое, как вершинный снег при первых лучах утреннего солнца. А как выросла она до девичьих лет, стали дольше обычного задерживаться на ней горячие взгляды бравых джигитов ущелья...

Однажды, когда собран был богатый урожай нартуха, а сено сложили в скирды, во двор к отцу Аслижан нагрянули сваты. Хозяин, как водится, пригласил их в саклю. Гости вошли и церемонно расселись вокруг низенького столика, за которым в свое время был принесен в жертву не один круторогий баран, выпита не одна чаша бузы. Однако об этом еще успеется...

Так вот... Пока сидели в доме сваты, говорили о том, о сем, только не о деле, черноокая Аслижан не меньше дюжины раз появлялась с айраном. А когда крутой холмик из ароматных, маслянистых хычинов осел до основания, гости многозначительно переглянулись. Пора, мол, приступить к главному разговору.

Один из сватов снял с гвоздя тяжелую баранью папаху. Молча дождался, пока луноликая молодая хозяйка пройдет поближе, чтобы убрать со стола посуду, и что есть силы огрел, извиняюсь, ее этой самой мохнатой шапкой.

Если кто помнит, у горцев был такой старый обычай, полузабытый, аллах его ведает, кем и когда придуманный: если упадет будущая невеста от удара шапкой, еще год подождать надо. Чтобы, значит, укрепились как следует. А устоит на ногах — в самый раз выходить замуж.

Итак, махнул он ее шапкой. Аслижан слегка покачнулась, однако упасть — не упала. Потом подошла к гостю поближе, улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой из тех, что у горянок на такие случаи всегда заранее

заготовлены, и... тут раздался звук, похожий на ружейный выстрел. Да такой гулкий, что соседи встревожились. А незадачливый сват на долгие годы остался туговат на левое ухо. Аслижан с неделю перебирала просо одной рукой. На том сватовство и закончилось.

Рассказчик ухмыльнулся и покачал головой. Опять снял капроновую шляпу и обстоятельно вытер лысину.

— Ну, а что дальше было?

— Да что... Все ее воздыхатели вскоре разбежались кто куда. Даже поговорка появилась: «Смотри, заверну я тебе по шее, как та Аслижан тому свату».

— Может, она и замуж не вышла?

Владелец белого костюма снова улыбнулся.

— Да нет, вышла. Очень даже судьба у нее сложилась. Сначала история с несчастным сватом облетела одно ущелье, потом — все остальные. Наконец из Хулама появился черноусый джигит. Парень как парень, ничем не хуже и не лучше других, бывших воздыхателей: узкобедрый, широкоплечий, с орлиным взором.

Подала Аслижан гостю чашу с айраном, а сама стоит рядом, глаз не поднимает.

— Не сочти за дерзость, милая девушка, — говорит джигит, — уж не ты ли та Аслижан, о которой молва по всем аулам идет?

— Я, — робко отвечает Аслижан.

Покачал хуламец головой, вернул чашу. А сам удивляется про себя: «Я-то думал, роста она огромного, могуча, как богатырь из племени нартов. На поверку вышло — тоненькая, хрупкая, стан стройный, румянец во всю щеку. Что и говорить — необыкновенная девушка».

— Скажи, лунолика, — спросил он наконец, — верно ли люди говорят, что в руке твоей сила неженская?

— Говорить все можно, — застенчиво улыбается. Аслижан. — Однако, если ты из Хулама приехал, чтобы только это узнать, не назовут ли тебя люди бездельником?

— Не гневайся, Аслижан, не сердись, душа моя, — говорит джигит, — слышал я не только о силе твоей, но и о мудрости наслышан. А вот красоту твою, солницу подобную, своими глазами увидел. И не жалею, что пустился в столь неблизкий путь.

— Что ж, посмотрим, так ли ты проворен в деле, как в ловких речах. Приготовь свой нож и поймай индюка во дворе. Пока я положу его вариться в котел, наруби дров и снеси к очагу.

Так сказала Аслижан и проводила гостя во двор.

Не пожалел хуламец ни сил, ни сноровки — рубил чина-

ровые кряжи, как тонкие хворостинки, только щепка летела. Надо сказать, он был не из хилых и крепость в руках имел немалую. Ударить лицом в грязь перед девушкой не хотел.

Оценила прекрасная Аслижан старания парня.

С тех пор и зачастил он в село. А однажды увез луноликую Аслижан в свой Хулам.

Закончив, рассказчик вопросительно посмотрел на соседа. Ну, как, мол?

— Да-а-а... За такой и я пошел бы хоть на край света. Где же теперь найдешь, чтобы и сила, и мудрость, и красота — все в одной. Однако хуламец тоже, видать, не простак был?

— Да уж видно.

— А жива ли теперь Аслижан?

— Жива. Жива и здорова. Восемь сыновей и трех дочерей вырастили. А внуков — того более.

— Повидать бы ее...

— Приезжай к нам в Герпегеж — увидишь. Только осторожно здоровайся, а то как бы ненароком ладонь твою не помяла, — седые брови дрогнули, видно было, что хозяин их вот-вот рассмеется. — Не раз уж я на себе испытал эту руку, когда возвращался домой не совсем уверенной походкой...

— Постой, так ты?.. Так, значит, Аслижан?

— Значит, — белый костюм опять приосанился. — Аслижан — хранительница нашего очага, а я тот самый хуламец, малость уже постаревший. Приезжай непременно. Нет ей равных по части айрана, хычинов и нежнейшего рассыпчатого сыра. А насчет хрупкости и слабости... этого, прости, не имеем...

ОШИБКА СВАТОВ

Двое влюбленных, взявшись за руки, медленно прогулялись по пустынной парковой аллее. Сквозь юную листву каштанов и лип светило ласковое весеннее солнышко. Воздух был насыщен ароматом цветущей алычи и трелями соловья. Лица влюбленных сияли беззаботным и бесконечным счастьем...

По правде говоря, если как следует присмотреться и прислушаться, то солнце в это время скрывалось за плотной пеленой седых туч, вместо трелей романтического певца любви слышалось недовольное стрекотание продрогшей сороки, а под ногами скрипел схваченный стужей снег.

И все же для красивой стройной девушки и высокого широкоплечего парня с плакатным румянцем во всю щеку это была самая настоящая весна. И со щедрым солнцем, и с восторженным соловьем, и с ароматными цветами.

— Вот уже год, как мы дружим, но ты еще не сказала мне самого главного...

— А разве тебе и так не ясно, что люблю, что жизнь моя — это ты, — скромно потупившись, прошептала она.

— Счастье мое! За чем же дело стало?

— Но ты ведь сам знаешь, что в устройстве этого дела захотят принять предельно активное участие все наши родичи. Немножко смешно, правда? Но куда денешься — придется доставить им это удовольствие.

— Сватов надо посылать! — догадался счастливый юноша.

— Да, дорогой. Уж пусть постараются. Пусть преподнесут тебя моей придирчивой родне в самом выгодном свете, перечислят все твои достоинства и даже добавят что-нибудь сверху...

* * *

Перед тем, как отправиться со своей ответственной миссией в дом невесты, сваты собрались в доме жениха. Были вдумчиво распределены обязанности каждого свата, отрепетированы роли и отредактированы реплики. Были предусмотрены возможные вопросы и придуманы на них ответы. Словом, сценарий разработан вполне добросовестно.

И вот сваты, не спеша, но и не замедляя шага, вошли в дом невесты. Там их, конечно, ждали, хотя и сделали вид, что совсем не ждали.

Сначала было выяснено состояние здоровья той и другой сторон, а также близких и дальних родственников и общих знакомых. Затем проанализировали хозяйственное и деловое благополучие двух фамилий и виды на урожай в связи с сюрпризами погоды нынешней зимой.

В то же время радушные хозяева потчевали гостей шипучим айраном и легкими закусками. Сделали поползновение нарезать барашка или хотя бы индейку, но гости ответили дипломатичным отказом, высказав пожелание отложить большое застолье до более важного события. Хозяева, как того требовал этикет, сделали обиженные лица, но беседа — все еще на нейтральные темы — продолжалась. Сам молла Насреддин не догадался бы, к чему клонится дело. Наконец, искушенные гости почувствовали, что на-

стал тот момент, когда надо мягко, но решительно брать быка за рога. Они сделали паузу и заговорщически переглянулись. Начинать по сценарию следовало старшему, лицо которого обрамляла аккуратно подстриженная, как у Хемингуэя, борода. Он провел ладонью по той части головы, где когда-то буйствовала густая шевелюра, и заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Мы пришли в ваш благополучный благодаря аллаху дом и вкусили хлеба-соли вашего берскета. Poznали доброту ваших сердец, хотя и раньше в этой доброте не сомневались. Увидели ваши ясные взоры. Да будет этот дом просторным вместительным всевозможных радостей, а для печали чтоб не нашлось здесь ни одного уголка. И да будет в сердцах его обитателей много...

В этом месте первый ассистент свата-тамады многозначительно прокашлялся — пора, мол, ближе к делу.

Главный запнулся, затем, виновато улыбнувшись, заговорил о главном:

— В вашем уважаемом дворе растет стройное и красивое, ласкающее взоры, деревце. Но оно, это деревце, должно со временем и плоды давать на радость не только живущим в вашем благословенном доме. А потому мы, если вы не строго осудите нас за нашу дерзость, хотели бы иметь счастье пересадить ее, то есть его... вернее, деревце, на хорошо подготовленную почву нашего двора, — посол перевел дух и с облегчением откинулся на спинку кресла.

— Что касается садовника, — принял эстафету главный помощник главного свата, — он будет крепкой и надежной опорой, он — как железное дерево.

— Авторитетный джигит, — подключился молчавший доселе второй ассистент. — Ни осанкой, ни привлекательностью лица не уступит никому из сверстников. Что касается общего вида — надо сказать, что красив вполне. Имеет наш джигит высокое образование, однако не успокаивается на этом: и день и ночь сидит над книгами, чтобы еще учений стать.

— Не употребляет спиртного, не курит, — это сказал самый младший из сватов. — А если кто закурит рядом, то он сразу же кашлять начинает...

Последнее замечание было не по сценарию, это была довольно сомнительная и неуместная отсебятина.

— Капли в рот не берет, — громко и торопливо выступил первый ассистент, чтобы отвлечь внимание представителей невесты от слов «кашлять начинает». — На свадьбах, прочих курманлыках только нарзан и пьет. Или айран.

— А какой он спокойный и рассудительный, — подхва-

тил второй помощник таким тоном, словно завидовал жениху одновременно и черной, и белой завистью.— Бывают между джигитами ссоры, а порой, упаси бог, опасные потасовки — он от таких танцев-манцев всегда в стороне. Мужик не обидит, добрейшая душа, а не то чтобы с кем-то там сцепиться.

Дальше говорили, не соблюдая особой очередности, а почти наперебой:

— Иные парни только тем и занимаются, что глупыми своими шутками сбивают с толку и без того глупых девушек, кружат им головы, когда надо и не надо. А наш — вовсе не замечает девиц, женщин — подавно. Ваша — первая и единственная, которая очаровала его...

— Надо отметить, джигит очень экономен и расчетлив. Зарабатывает неплохо, и даже весьма, но чтоб какие-то приятельские сабантуйчики, встречи за пределами домашнего очага, безрассудное швыряние денег — такого ни-ни.

— А какой скромный, немногословный. Бывает, за час и трех слов от него не услышишь, — это снова под занавес неудачно прорвался младший неопытный сват.

— Словом, — возвысил голос глава миссии, — само счастье стучится в ваши уважаемые двери. Не гоните его, это счастье, с порога. Откройте пошире перед ним двери. И сердца тоже. И пусть большая общая радость станет достоянием двух наших славных родов!..

Мудрые хозяева дома снисходительно и даже благожелательно слушали сватов. Они обязаны слушать. С вежливыми улыбками на лицах. Столь же внимательно слушали и из-за чуть приоткрытой двери, ведущей в смежную комнату, все женщины невестиного дома. Пока они были, как говорится, за кулисами переговоров, которые вели мужчины. Зато при обсуждении информационного материала состоявшейся встречи они возьмут слово. И очень веское. Обычно решающее. Зная это, отчаявшиеся мужчины, как правило, с ними не рискуют спорить. Часто даже не участвуют в обсуждении выдвинутой кандидатуры. Попробуй переговоры бабушку невесты, старую тетку, старшую невестку и других, не говоря уже о матери!

Итак, первый визит сватов завершился. Они удалились, не получив, как положено на данном этапе, ни отказа, ни согласия на пересадку «стройного и красивого деревца» на чужой двор, где оно должно было давать радующие «весь джамаат» плоды.

Наступил трепетный момент дебатов по поводу вышеописанного претендента в садовники. К очередному визиту сватов уже должно быть выработано какое-то решение.

Женщины знали, что сваты обязаны несколько преувеличивать достоинства своего подопечного, но не отходить при этом слишком далеко от истины, не одаривать жениха такими добродетелями, какие тому и не снились. И тем не менее женщинам не всегда удается сделать точную поправку на дипломатию сватов.

— О аллах! До чего же болтливы эти сваты,— поспешила выскочить младшая невестка.— Сроду таких не видела, клянусь всеми своими пятью братьями!

— Не будь сама болтливой,— сурово осадил ее старшая тетка.— Сваты есть сваты. Отнесемся к делу посерьезней. Годится ли нашей фамилии в родичи набивающийся к нам в зятя джигит?

— Вот и я задаю себе тот же вопрос,— задумчиво сказала бабушка.— «Все читает, говорят, день и ночь над книгой». Хочет еще ученым стать. Но если он будет так много времени отдавать ночным чтениям, то кто же тогда позаботится о том, чтоб я дождалась рождения своих правнуков? Кто подумает о плодах этого нашего «деревца», ы-ы?

— Не курит, говорят, кашляет,— озабоченно высказалась средняя тетка.— В курении, конечно, толку мало, но почему он кашляет?

— И не пьет,— подхватила старшая невестка.— Даже на свадьбах лимонадами пробавляется. Пьяниц я не люблю, но тут что-то не то. Нет ли затаенной болезни у «садовника»? Недаром он такой тихоня «Мухи не обидит». Может ли он быть защитником родного очага? Нет, не годится он в зятя, да не осудит аллах мною изреченного, если я ошибаюсь.

— Вот я о чем хотела сказать,— подала голос еще одна родственница.— Мне его скупость не понравилась. Ох, не дождемся мы от него приличных подарков, если он такой «экономный и расчетливый», а попросту говоря,— скряга. Сохрани аллах от таких зятьев!

— «Никогда на женщин не смотрит» — как это вам нравится? — презрительно усмехнулась младшая невестка.— Что за мужчина, если разок-другой не кинет взора на привлекательную женщину! Мужчина должен всегда оставаться мужчиной. Если он — мужчина.

Прения продолжались за полночь. В горячем воображении женщин постепенно вырисовывался неприглядный и жалкий образ незадачливого претендента в зятя. Женщины легли спать под утро.

Младшая невестка обстоятельно информировала потенциальную невесту о всех подробностях совещания. Конечно, под страшной тайной.

А ровно через неделю грянуло событие, которое взбудоражило все село.

И вот что случилось.

Возле дома, где выросло «стройное и красивое деревце» остановилась «Волга» цвета осеннего неба. Из автомобиля вышел высокий широкоплечий парень с плакатным румянцем во всю щеку. Он был под легким хмельком и с сигаретой в зубах. Уверенно шагая, он вошел в дом, непринужденно поприветствовал женщин (мужчины были на работе), подмигнул средней тетке, отвесил шутливо-церемонный поклон бабушке и одарил всех недешевыми сувенирами, небрежно вытряхнутыми из «дипломата». Затем он выпил залпом огромную кружку айрана, подозвал младшую невестку и, рискованно прижав ее к себе, прошептал в порозовевшее ушко:

— Через три дня приглашаю на той. Куда? Узнаете завтра. К кому? Ко мне, естественно. Пока не уедем — сидите тихо. Не шумите. А мужчинам вашим потом передайте: погони не устраивать — ноги переломаю и шеи сверну. А теперь мне пора.

Когда оцепеневшие женщины опомнились, «Волга» цвета осеннего неба была далеко за селом.

— Кто он такой? Что тебе сказал этот абрек?

— На свадебный той пригласил, — торжественно заявила невестка.

— Да кто же он?!

— Да зять наш!

— Где эта негодница?! — завопили женщины и бросились в комнату «деревца». Распахнутые дверцы платяного шкафа и раскрытое настежь окно ответили ясно и недвусмысленно: по-хи-ти-лась!

СМЕХОТВОРНАЯ ДРАМА

Благословенная контора, где предстояло мне начинать свой трудовой путь, приняла меня приветливо и даже ласково, но также и с какими-то странными улыбочками — то ли выжидательными, то ли сочувственными — непонятно. Я был молод и не интересовался «направлением ветра», как говорят в наших краях о юных и пока наивных соискателях громкого и честного жизненного успеха. В здоровой памяти отчетливо звучали аккуратно записанные на кору головного мозга теоретические познания. Ум, невин-

ный, как свежезаквашенный айран, жаждал деятельности.

С еще нерастроченной на всякую юношескую чепуху энергией я смело переступил порог учреждения, надеясь легко и быстро вписаться в коллектив этих очень добрых и веселых... почему-то необычайно веселых людей.

Как скоро выяснилось, меня от моих сослуживцев отличало, помимо разницы в житейском и производственном опыте, еще и то, что все они имели по полторы ставки, а я был посажен на одну. Конечно, не роптал: ведь пока не совсем оперился. Чувствовал себя вполне счастливым и при своих немногих, но добросовестно заработанных «тугриках» и продолжал не замечать направления вышеупомянутого ветра. Словом, я не спешил предъявлять развернутого счета своей судьбе. Мой вкусно пахнущий диплом звал на трудовые подвиги, и я не оставался глух к этому зову, тем более что хотелось заслужить прочное доверие и уважение своих старших коллег.

Старания молодого специалиста, то есть мои старания, стали привлекать внимание нашего Главного. Каждое утро в ответ на мое приветствие, он откликался бодро и вдохновляюще;

— Ну, как, юноша, осваиваешься?— И, не дожидаясь благодарности за заботу, говорил:— Ну, молодец, молодец! Трудись, дорогой, а слава и деньги тебя найдут.

После этих слов он громко смеялся.

О славе я думал мало, потому как представлял ее лишь в неопределенно-зыбких чертах. Вроде плана курсовой работы. Что же касается денег, то в один из дней наша бухгалтерша доверительно мне шепнула:

— Возможно, во втором полугодии тебе добавят полставки.

— Спасибо,— смущенно сказал я, мгновенно вычислив в уме эту добавку, которая, видит аллах, конечно же, осчастливит мои неопытные карманы.

— Только будь умницей. Скорее вписывайся в коллектив. Мы тут как одна семья. Все за одного, один против всех... то есть, на всех, я хотела сказать.

— Спасибо,— повторил я, но уже не так смущенно.

Радостная перспектива роста моих доходов вызвала во мне новый прилив нежных чувств к этому нежному коллективу во главе с его чутким руководителем. К этому нежному и веселому коллективу... Но почему, собственно, веселому?

Начнем с Главного. Это был невероятно жизнерадостный и прямо-таки булькающий весельем человек. Ни разу не слышал, чтобы он резким словом или — и того меньше —

исодобрительным взглядом задел сотрудника. А еще он страстно, самозабвенно, я бы сказал, любил анекдоты. Обожал их рассказывать. Это он делал почти каждый вечер, когда время отработки полной ставки истекало и наступала черта, за которой следовало хотя бы формально отсидеть часок-другой в оправдание половины ставки.

Именно в этот момент он выходил-выплывал из своего кабинета, шел в самую большую конторскую комнату, куда уже сбредались остальные сотрудники, усаживался на край ближнего стола и... приступал. Начинал азартно и даже с каким-то творческим горением, как берутся за самое важное и увлекательнейшее дело всей своей жизни.

Зрелище было — никакого театра не надо! Десятка полтора мужчин и женщины слушали его не столько ушами, сколько до отказа раскрытыми ртами и глазами. Лицо Главного в эти минуты напоминало основательно пропеченный тукач — сдобную лепешку с вогнутой серединой, намазанной сурепочным маслом. Когда он смеялся, глаза его, и без того не слишком просторные, закрывались наглухо, выдавливая пару крохотных слезинок, которые тут же испарялись на его щеках, по-видимому, не менее горячих, чем тукач, только что извлеченный из тандыра. Его круглый и тяжелый, как хурджун с рисом, живот отчаянно трясся, то подскакивая к тройному подбородку, то вновь обрушиваясь на колени коротких, но мощных ног, обутых в хромовые сапоги с туго натянутыми на икрах голенищами.

Прямо скажу, анекдоты Главного не отличались изяществом и глубиной. Плохо было и то, что они частенько повторялись. Но люди хохотали. Смеялись неистово, до остервенения.

Это было какое-то жуткое истерическое соперничество: кто кого переохочет. Люди ржали, гоготали, хихикали, визжали. Они хватались за животы, лупили друг-друга по плечам и спинам и тыкали кулаками в ребра. Некоторые до опасной красноты терли свои в общем-то не особенно влажные глаза.

Мне становилось не по себе, когда бухгалтерша от смеха синела, затем начинала судорожно икать и никто не спешил подать ей стакан воды. Завотделом по-страшному квакал, широко раскрыв рот, где розовый язык бился в частоколе изрядно поржавевших зубов. Старший экономист мучительно стонал, выдавливая из себя еще какие-то звуки, не свойственные ни человеку, ни какой-либо животной твари. Замглавного, после каждого приступа смеха, делал при распахнутой настежь пасти долгие паузы, замирал и закатывал глаза. Мне казалось, что у него уже

агония, но тут он, подобно утопающему, успевал хватануть порцию живительного воздуха и снова замирал до следующего припадка.

Секретарша тоже смеялась приступами. И так дергалась своим налитым телом, словно некий невидимка пытался защекотать ее насмерть.

Нелегко приходилось и кассирше. Смех старенькой женщины звучал жалобно и безнадежно, как горькие рыдания.

Вполне, казалось, искренне хохотала рассыльная. Она была молода и... в деликатном положении. Я боялся, как бы она не разродилась тут же, не сходя с места, а ее младенец, появившись на свет, не заплачет, а захлебнется в безудержном смехе.

Иногда во всеобщем веселье принимал участие и сторож, который являлся уже после анекдота, в разгар смеха. Вот он хохотал честно, до слез, но — коварный субъект! — смеялся не анекдоту, а над теми, кто разыгрывал неповторимую драму анекдотически вымученного смеха.

Главный, когда замечал, что люди начинали сдавать по причине полного физического изнеможения, первым прекращал смех. И тогда зам, зав, главбух постепенно приходили в себя, а за ними и все остальные. Потом наступала пауза, нарушаемая лишь редкими, эпизодическими, уже заметно слабыми «гы-гы-гы», «го-го-го», «гу-гу-гу»...

Дав коллективу немного отдышаться, очухаться, как говорится, Главный приступал к новому анекдоту. И одновременно он внимательно следил, кто смеется от души, а кто дурака валяет, неумело симулирует, пытаясь надуть общество и родного руководителя.

Как я позже обнаружил, высоко ценились не простодушные выскочки, что с ходу начинали смеяться, тем самым мешая рассказчику, а те, кто с наиглупейшим видом и идиотски раскрытым ртом бездыханно подстерегали концовку и тут же закатывались восторженным ревом, схватившись за животы, запрокинув головы и неистово взбрыкивая ногами.

Дело это было не только сложное само по себе. Требовался, как я заметил, определенный артистизм, а также незаурядная физическая подготовка. Чаще побеждал зам — сравнительно нестарый, крепкий, как самшитовый лук, и обладавший голосовыми связками металлического звучания. Другие старались забить его стенаньями и воплями, но успеха не достигали.

Итак, на границе между ставкой и добавкой, а это случалось примерно около пяти вечера, нашу контору трясло

восьмибальным землетрясением. А если вы сочтете этот образ чрезмерно залихватским, то представьте себе момент вторжения голодной лисицы в курятник, населенный самой разной птицей. Гогочут и шипят гуси, кудахчут куры, кулдыкают индюшки, отчаянно вопят петухи, рушится крыша сарая, поднимается лай собаки...

Слабонервные прохожие озадаченно качали головами и производили какие-то жесты пальцами возле виска. Участковый милиционер — он был в курсе дела — молча пожимал плечами и вздыхал.

Зловещие спектакли смехотворной драмы длились, как правило, около часа, чуть более. Притом чистого смеха на каждый сюжет приходилось минут по пяти, изредка — по семи.

Вскоре я разобрался в тайнах этого жуткого анекдотического смеха...

Я сидел в ожидании очередного сеанса в дальнем углу комнаты, плотно прислонившись к торцу большого шкафа и обмозговывал сообщение бухгалтерши: шутка ли — увеличение оклада в полтора раза!

И вот Главный поднял, так сказать, занавес. А я смотрел отсутствующим взглядом на его начавшее розоветь лицо-тукач, слегка будто помазанное все тем же сурепочным маслом, и пропускал его слова мимо ушей. Полторы ставки... Та-ак. Отцу куплю чесучовый костюм (в пятидесятых годах такой костюм считался не просто модным — он был высшим мерилom респектабельности и, извините, влияния), матери — дорогой платок, братьям... сестрам... Да я и других родственников смогу одарить. Такая куча денег! А через год — даже соседей. Нет, пожалуй, так размахиваться не стоит. Соседи потеряют. А то найдется какой-нибудь завистник и скажет: «Каким таким образом наш Акылбашев стал этаким графом Монте-Кристо? Уж не в шайке ли грабителей ходит?» Нет, так не годится. Вспомнил Ходжу Насреддина. Однажды, случайно разбогатеv, он всех односельчан одарил поровну, но был безжалостно побит за порочную уравниловку теми же односельчанами. Когда другой раз аллах ниспослал ему целый контейнер золота и Ходжа снова раздал все, но при этом учитывавая благосостояние каждого, его опять поколотили. Теперь уже за то, что одним он дал больше, а другим меньше.

Нет, решил я. На оставшуюся сумму куплю себе часы на цепочке да с двойной крышкой. И конечно же, вельветовую куртку с полдюжиной «молний». Без такой куртки

ни одна из местных красавиц и разговаривать с тобой не станет.

Да, думал я, такую кучу денег да безошибочно употребить — это вам не фунт кишмиша. Но ничего, одолеем. На худой конец, каждого знакомого ежедневно буду пивом угощать. И горячими манты...

Я очнулся от того, что волна смеха с приливами и отливами вдруг прекратилась и наступила какая-то уютная и напряженная тишина.

Передо мной стоял Главный. На слегка вогнутом румяном тукаче не было и тени улыбки. И глазки были вполне открытые, живот совсем не трясся.

— Ты что, дорогой, плохо себя чувствуешь? — спросил Главный, нарушив эту жуткую тишину.

— Д-да нет. Ничего так... хорошо, можно сказать, — растерянно пролепетал я, привстав. Да и что я сейчас мог сказать, когда пропустил весь анекдот и последующий смех.

— Все смеются, а ты не смеешься. Почему? Или не смешно, или ничего не понимаешь? Ы?

— Наверное, — ответил я, не очень беспокоясь о том, как могут понять это мое «наверное».

— Или я глупо рассказываю? — не унимался Главный.

— Не знаю... то есть, — я был озабочен, вернее сказать, думал о другом.

— Интересно получается, дорогой, — покачал своей тыквой Главный и прищурился. — Коллектив думает об одном, а ты — о другом? Нехорошо получается, совсем плохо получается. Может, ты всех нас не любишь и скрываешь это от нас? Ы? Или всех за дураков считаешь?

— Ну что вы! — оживился я. — Как это можно! Вы для меня так много сделали, и еще, наверное, немало...

— Не знаю, дорогой, не знаю. Всем смешно, тебе — не смешно, все смеются, ты — грустишь.

— Я, наверное, не понял... этот анекдот.

— Ну, ладно, — вдруг смягчился Главный. Даже хлопал меня по плечу. — Просто у тебя нет этого... остроумия. А у кого нет остроумия, у того...

— Имеется тупоумие, — подсказал я.

— Ну ничего, — стал меня успокаивать Главный. — Если ты это сам понимаешь, значит не все потеряно. Что-то осталось. Ы? Осваивайся, дорогой, осваивайся.

Так сказал Главный и ушел в свой кабинет досиживать свои полставки.

Я смотрел ему вслед, а сослуживцы с такой печалью смотрели на меня, словно все беды мира одновременно

обрушились на мою разнесчастную голову. Они молчали. Было похоже — они искали для меня слова утешения, но никак не могли найти.

Шло время. Ничто не менялось в подлунном мире, хотя какой-то философ утверждал нечто обратное. Моя зарплата тоже не менялась. Нет, одно маленькое изменение все-таки произошло. Работы немного прибавилось: рассыльная ушла в декрет и мне временно поручили ее функции. Я вовсе перестал смеяться, когда убедился, что даже и при этом обстоятельстве добавки мне не видать, как собственного затылка. Обида прибавляет иногда смелости, и я решил впервые зайти в кабинет Главного без приглашения. Хотелось узнать, как изменилось положение звезд на небосклоне с тех пор, когда мне еще светили эти легендарные полставки. И еще хотел спросить, какая муха укусила его в масляную щеку или маслянисто лоснящуюся багровую шею.

— Мир устроен гораздо сложнее, дорогой, чем это ты себе представляешь, — начал Главный издали. — Мир можно объять только дьявольской хитростью или неистощимым остроумием. А когда человек лишен и того и другого — это беда.

— Хотите, я вам анекдот расскажу? — вдруг заявил я.

— Ну-ну, валяй... — с ленивым удивлением сказал Главный.

— Так вот слушайте... Поехал однажды муж в командировку. А жена... — я закончил анекдот и направил суровый взгляд на растерянное лицо Главного.

— Вы плохо себя чувствуете? — строго спросил я.

— Д-да нет...

— Почему же не смеетесь?

— Да потому что анекдотец того... дерьмовый.

— Но это же любимый анекдот нашего, вернее, вашего Начальника! Как вас понимать? Впрочем, оставим это. А теперь слушайте меня внимательно. Вопреки распространенному мнению о лечебных свойствах юмора, я, на живом примере из практики нашего учреждения, решил написать научную статью, на худой конец, фельетон, о вредных разновидностях смеха. Наблюдений у меня более чем достаточно. По вашей милости, у Зама началась весьма опасная одышка. Экономист заработал аритмию и, при каждом вашем анекдоте, у него дергается веко, иногда вся щека. А знаете ли вы, что у Главбуха, из-за натужного смеха, повысилась кислотность желудка и началась эта... эмфизема легких. Кассирша со дня на день может скончаться от истощения сил. У Секретарши уже появились

первые признаки шизофрении. А Рассыльная... Вам бы побывать в ее роли хотя бы разок. Хорошо, она в отпуске, но какого ребенка она родит — еще вопрос! Я уже не говорю о других членах коллектива, которые скоро станут клиентами психиатрической или другой какой-нибудь клиники. Вы — враг коллектива. А если учесть, что коллектив — часть народа, то вы есть что ни на есть... Улавливаете?

Сам удивлялся своей храбрости. Но слова из меня вылетали беспощадными стрелами, сдобренными ядом, и вонзались в этот слегка вогнутый тукач, в эти не очень просторные, но вобравшие в себя немало страха, глазки с позеленевшими от неприятных предчувствий зрачками.

Прошло немного времени. Анекдоты прекратились. Какая-то нехорошая тишина стала угнетать людей. Все чего-то выжидали. Поговаривали, что какая-то планета или комета из дальних миров должна промчаться мимо. Хорошо, если мимо... И осень была необычно дождливая. И Главный часто стал простуживаться.

Но однажды...

Утром одного из светлых дней, когда все собрались на лутучку, Главный попросил Секретаря огласить приказ, посвященный моей персоне.

Все молчали, потупив взоры. А под конец Главный вдруг разразился таким буйным хохотом, какого от него еще не слышали. Совсем закрылись глазки, из которых выдавились две, а потом еще две слезинки, мгновенно испарившиеся на просторах румяного тукача. Опасно для ремня затряслось объемистое чрево, а короткие, но мощные ноги с тяжелым гулом затопали по жалобно застывшему паркету.

Он смеялся один. Один за всех. И его широкий мясистый язык плясал во рту, придавая смеху, хохоту, ржанию новые оттенки, напоминающие клочкотанье бурного потока.

Наконец он устал. Еще прошло сколько-то минут для усмирения одышки. Он платком вытер затылок и шею.

— А знаешь, дорогой, — сказал Главный, подавляя новые приступы смеха, — крепко ты меня тогда прижал. Но совсем забыл, что хорошо смеется тот, кто других заставляет хорошо плакать. А анекдотец, что ты рассказывал, мой Начальник, оказывается, даже и не слышал. Ты думал, я тебя не укрощу? Но ведь если нельзя укротить, то можно сократить, ы? — и тут его снова повело, понесло, покатило.

Мои, теперь уже бывшие, сослуживцы тоскливо и затравленно переглядывались. Кажется, надо было снова начинать смеяться.

СЛУЧАЙ НА ЮБИЛЕЕ

По мере приближения славного шестидесятилетия нашего тамады, учреждение, озаренное его светом и согретое его теплом, стало напоминать разбуженный по весне пчелиный улей. По всему было видно, что надвигается значительное событие.

Редактор стенной газеты — старший бухгалтер, написал оду, воспевающую героическо-трудовую и образцово-семейную жизнь любимого начальника. Секретарша предложила заказать огромный портрет юбиляра и оформить его живыми цветами. Главный инженер — председатель подготовительной комиссии эту идею одобрил наполовину. Он заметил, что портрет живого человека оформлять цветами нежелательно. Грустные это может вызвать ассоциации.

Молодежь готовила концертную программу с частушками и любимыми песнями тамады. Петь определили касира (меццо-сопрано) и вахтера (драматический бас). Отрепетировали. Неплохо получилось.

Уже были заказаны пригласительные билеты с указанием званий и титулов юбиляра.

Короче говоря, к мероприятию готовились на высоком организационном уровне.

В один из таких дней, а точнее сказать — в одну из ночей одного из таких дней благородный и многоуважаемый многими Зеке, заместитель Юбиляра, повел с женой такой разговор:

— Ты, чей волос короткий, а ум долгий, кто мудростью своей держит в обаянии сорок сорванцов ровно сорок пять минут, должна мне помочь в важнейшем деле.

— Что за дело? — сладко зевнув, сказала она, поворачиваясь к нему. — Какой совет?

— Юбилей тамады надвигается. Подарок нужно купить.

— Что за проблема! Надо так купим.

— Постой-постой, не отворачивайся. Дело гораздо серьезней, чем ты предполагаешь. Купишь дорогой подарок — перед другими будет неудобно. Купишь подешевле... — обидеться может.

— А ты купи, чтобы и не дорого и не дешево. Да чтобы культурный был подарок.

— Это ты права. Как всегда,— согласился Зеке.— Подарок дарителя отчасти определяет и его культуру.

— Так и сделай. К примеру... цветочную вазу. Красивую. И не очень дорого и эстетично. И цветы к ней. А?

— Ты, как всегда, права, дорогая. Такая вещь и жене его может понравиться. А это весьма важно. Миром управляют мужчины, а мужчинами — женщины,— сказал Зеке и, хорошо устроившись в пуховой постели, решил спать. Но, как нередко бывает в таких случаях, сон не шел. Новые думы стали толпиться в рассудительной голове юбилярова Зама...

«А что, если мой культурный дар не понравится ему? Что, если другие подарки окажутся более значительными? А Замов — так себе?... Да, ладно, что там терзаться. Может, он теперь и на покой отправится. Хотя навряд ли. Никогда об этом не говорил. Полон сил и энергии... Как бы мне не опростоволоситься с подарком. Конечно, он в любом случае не станет меня упрекать. Даренному коню, как говорится... Но запомнит. Нет, надо, пожалуй, не жалеть денег и блеснуть. Нет, сослуживцы неправильно поймут. А мне с ними еще долго работать. К тому же иные умники дорогой подарок расценят как взятку. Не годится... Жена, пожалуй, права. Они тонко разбираются в таких вещах. Все знают, все понимают... Однако...»

Заснул Зеке под утро, когда оконные стекла посинели, а потом стали желтеть. Поднялся с головной болью.

...Подарочная ваза, что и говорить, ласкала взор и настраивала на возвышенные мысли. А с цветами она просто очаровала и Зеке, и мудрую учительницу.

Зал для собраний вначале напоминал андижанский базар в пору винограда и персиков. Но скоро торжественно одетые мужчины и весьма смело одетые женщины угомонились, стали степенно рассаживаться.

Длинный стол президиума обильно убран цветами. И все они в стеклянных вазах, одна другой краше.

Тревога стала вселяться в сердце робкого Зама. Хоть он и сидел в президиуме, тревожный взгляд был направлен в зал, где сидела жена. Та пыталась успокоить его взглядом и слабыми жестами. Однако Зеке стал ощущать меж лопаток неприятный холод, а в горле — сухость.

Полной луне подобное лицо счастливого юбиляра было в центре внимания. Люди любовались, восхищались, качали головами, вздыхали.

И начался парад самых сладких слов, самых восторженных похвал в адрес «мудрого отца» учреждения. Вдохновенные речи иных ораторов были настолько тяжеловес-

ны и глубокомысленны, что юбиляру несколько раз пришлось вытирать повлажневшие глаза. Еще бы! Нелегкая это была ноша славы и почестей, в таком изобилии обрушившихся на могучие, но все же немолодые плечи нашего юбиляра.

Приятней были моменты дарения подарков.

Чтобы поскорей избавиться от тяжести, вселившейся в грудь, Зеке дал знак жене, и «культурный подарок» с цветами восстал перед счастливым юбиляром. Зеке пожал его горячую ладонь своей холодной и повлажневшей ладонью. Что-то невнятное пробормотал.

Только попозже он понял, какая черная туча стала собираться над его несчастной головой.

Бухгалтера, вручившего серебряный кинжал с позолотой, юбиляр крепко обнял и прижал к своей широкой груди, как любимого племянника. Когда заведующий отделом поднес японский сервиз, в зале тихо ахнули. А после того, как начальник отдела кадров сам надел на руку юбиляра золотые часы, оба по-мужски крепко обнялись и звонко поцеловались.

Подарки, подарки... Они уже потеснили цветочную вазу вместе с ее культурой на край стола. Но когда заместитель по хозяйству собственноручно нацепил на уши юбиляровой жены весьма ценные сережки «за то, что сохранила юбиляра таким молодым», та радостно взвыла и пухленьким локотком задела «культурный подарок» Зеке. Ваза опрокинулась, покатилась и упала возле стола. Кто-то ногой толкнул осколки под низко висящее сукно. Увидевшие покачали головами и тут же забыли о случившемся.

Зеке почувствовал какую-то зловещую легкость в теле, глаза заволокло туманом. Бесконечное горе железными тисками сжало горло. Он тихо встал, тихонько пошел за сцену. На улице давно стемнело. Он смотрел на черные кроны деревьев, а из зала слышалась музыка. Это был концерт, начавшийся после магнитофонов, охотничьих ружей, ковров, новых сервизов.

Немного придя в себя, Зеке пошел в зал. Сел рядом с женой.

— Не переживай, душа моя,— сказала та, чей волос короткий, а ум...

— Пошли домой, я плохо себя чувствую...

Никто не заметил их ухода. Или сделали вид, что не заметили. Культурные люди.

Несчастный Зеке шел, машинально переставляя уже отяжелевшие ноги. Он не слышал щебетания рядом шагающей жены, не обращал внимания на дружное мерцание

многочисленных звезд ночного неба. Тяжкая боль из головы стала постепенно переселяться в опустевшую грудь.

«Все... Все пропало. Меня переиграли все. Все, без исключения. Дверь моя закрылась наглухо, огонь погас в очаге. Не простит он. Не-ет, не простит. Упрекать не станет, но запомнит. Крепко запомнит. И не простит. Я его хорошо знаю... горе мне...»

Несчастный Зеке упал на диван, не снимая парадного костюма и... нет, не помер, как тот чеховский чиновник. Но острая и жгучая боль в груди долго не давала дышать.

ИСПЫТАНИЕ

День выдался необыкновенно жаркий. На асфальте появились четкие следы от разных колес. На деревьях, что выстроились вдоль дороги, уже пожухли листья. Сельские ребята бегают, оседлав своих прутиков-коней. Лишь одинокий осел стоит под сенью карагача в глубоком раздумье. Жара такая, что он шевелит только одним ухом. Другое неподвижно.

Нигде не видно ни одного взрослого. Все на уборке сена. Такая нынче пора на селе.

Изредка по дороге промчится автобус, юркнут легковые. Не останавливаются.

Хаммали вышел из железной калитки, печальным взором окинул опустевшее село, грустно вздохнул, вытер вспотевший лоб. Немного прошелся вверх. Остановился и повернул обратно. Ни души. Грустно. А душа требует чего-то, сам не поймешь чего. Но скоро он понял. Надо решать сложный вопрос. Но его в одиночку не решишь. Нужен человек, который смотрел бы на тебя с открытым лбом, с пониманием, Который поддержит. А в одиночку — нельзя. Но где найти такого спутника, соратника, безропотного и внимательного собеседника? Помешались мужчины на этом сене. Что бы они делали, если бы не было этого сена и этой одуряющей жары? Глупы мужчины. Глупы от рождения.

Да-а, вид у Хаммалия был как у того горца, который обронил в пропасть единственного осла и не знал, как теперь жить на свете.

Но вот остановился краснобокий автобус, и из него вышел один мужчина. На нем была белая соломенная шляпа, сероватый костюм, какие носят в эту пору только

такие ревизоры да главный бухгалтер совхоза. На лице прищельца чувствовалось, что он себе цену знает и не позволит никаких панибратских наскоков. И вообще весь его независимый вид говорил, что мужчина этот при неплохой должности и жизнью в общем-то доволен.

Хаммали узнал его. Хотя и не сразу.

— Уо, салам алейкум, Зекерья, брат мой! Откуда ты возник, словно луна из-за туч! Едва узнал. Еще бы, ведь столько лет!

— Уо, алейкум салам, Хаммали. И я не вдруг узнал тебя. И чего это ты стоишь здесь в такую несносную жару?

— Тобба-тобба, дай-ка рассмотреть тебя как следует. Ну и ну! Какое великолепие, какой начальственный вид, дорогой мой Зекерья!

— Ну хватит, хватит, Хаммали, не смущай меня.

— И как это может человек измениться за несколько лет вот так. В лучшую, конечно, сторону. Благополучие и великолепие так и брызжут из тебя, дорогой мой друг Зекерья! — сказал Хаммали, пару раз сильно хлопнув друга по плечу.

— Оставь, брат мой. Чуть не свалил. Ну и ручища у тебя.

— А помнишь, как вместе работали. Какой ты был худой, а этот могучий нос был такой скучный и синеватый...

— Помню, помню, как же не помнить. Такое не забудешь. Но с тех пор в моей жизни многое изменилось.

— Уж не стал ли ты большим начальником? — почему-то шепотом сказал Хаммали, еще и оглядываясь по сторонам.

— Нет, на старой службе тружусь.

— Так, значит, выиграл по лотерее «Волгу»?

— Нет, и такого не случилось.

— Но что-то все-таки случилось, — сказал Хаммали. — По лицу видно, брат мой. Ты погрузился в прибыльную и сладкую жизнь и это скрываешь от меня, друга детства и юности. От верного друга. — Неизбывная печаль с обидой покрыли лицо Хаммалия, человека в общем-то веселого нрава.

— Не обижай меня, брат мой. Как можно скрывать? Грех скрывать.

— Не с женой ли развелся? О-о, ворчливая была она у тебя. Помню, как изводила тебя только из-за того, что мы с тобой иногда пропускали по самой маленькой. Жена — это зло, сотворенное аллахом в наказание мужчин неизвестно за какие грехи...

— Нет, Хаммали, грешить не могу, в полном согласии живем.

— Значит, орденом тебя наградили,— не унимался Хаммали.— Это, говорят, хорошо отражается на душевном расположении и внешнем виде. Окрыляет, говорят.

— Пока нет и ордена. Но, чего греха таить, стараемся. Может быть, и заметят мое усердие и тогда...

— Ну так скажи, долго ли ты будешь меня мучить и скрывать, отчего ты такой румяный и жизнерадостный,— чуть не плача произнес Хаммали.

— Э, друг мой и брат, скажу — не поверишь. И счастливым, и благополучным сделала меня большая победа над злым врагом...

У Хаммалия, услышавшего это, округлились глаза, а рот так и остался полуоткрытым. Наконец он прошептал:

— Уж объясни мне толком, о каком враге идет речь. И почему я не знаю о том, что у тебя есть враги?

— Уж более двадцати лет преследовал он меня, как репей, прицепившийся к хвосту осла. Уж сколько позора я испытал через него, сколько бед потерпелся! А все же одолел я его. И жизнь моя стала, как видишь, вполне нормальной.

— Назови мне его имя, и я его доконаю, убью, растерзаю. Как это ты скрывал от меня его фамилию, имя? От своего верного друга!

— Фамилии у него нет. А звать — шайтан-су. Вода шайтанова.

— Э-э, ты опять начал шутить. Ты всегда был шутником. Но здесь ты того, перешутил. А, мой друг? — хлопнул Хаммали по плечу Зекерья.

— Нет, брат мой, все правда. Выпивка — это огонь, пламя, чума, дерьмо, извини меня за такое слово.

Хаммали перестал смеяться. Он задумался. Он даже взгрустнул. И, словно нехотя, начал:

— По правде сказать, друг мой, я понимаю тебя. Но есть причины, которые мешают отвергнуть шайтан-су...

— Это что же за причины такие?

— Во-первых, если не будешь дружно пить с друзьями, подумают, что ты их не признаешь, возгордился и все такое... Во-вторых, скажут, если и не вслух, что есть у тебя какая-то затаенная, если не заразная болезнь. Улавливаешь?

— Не желаю улавливать. Чепуха! — шумно возразил Зекерья.— Не первый раз я слышу такие штучки, брат мой.

— Может быть, может быть... Ну чего же мы стоим, на

самом деле, на такой жаре. Перейдем-ка на другую сторону улицы. Во-он туда.

— Уж не в ресторан ли? Сохрани аллах! Нет-нет! Я подобные заведения давно обхожу стороной. Только же ведь говорил...

— Ну, хорошо, не бойся. Только с дороги неплохо было бы и перекусить. Тихую беседу в прохладе сотворить. О жизни поговорить, о планах. Молодость, наконец, вспомнить. А?

— Все это, признаться, было бы неплохо... Однако это не обходится без выпивки,— сказал Зекерья несчастным голосом.— Не хочу тебя огорчать, брат мой Хаммали, но...

— Так я же говорю, что только перекусить. Нет-нет, я не могу тебя так отпустить, чтобы ты не вкусил хлеб-соль с братом своим дорогим. А если тебя волнует это... так у меня, слава аллаху, карман никогда не бывает пустой.

— Ну что ты, что ты,— обиделся Зекерья,— я ведь об этом и не подумал. И мой карман — не сиротский дом.

— Ясно. И если здоровье не позволяет — не советую и сам. Не надо начинать.

— На здоровье не жалею. Но...

— Тогда остается единственная причина. Унизительно для тебя мое общество. Так прямо и говори, мой брат. Оно, конечно, и понятно. Ты городской начальник. Вон какая шляпа! А я кто? Ты — видный служащий, а я так себе — деревня, что поделаешь,— взгрустнул Хаммали.— Каждый должен искать общество по воротнику. Верно говорят: сокол и воробей — разного полета птицы. А я хотел с тобой за одним столом по порции либжи съесть. Такое либжи, как здесь, в городе не готовят. В этом я уверен. А какой соус к нему делают! С чесночком и сметаной. И либжи у нас делают не из инкубаторских птичек, а из натуральных. При тебе же ловят курицу и тут же ее милую... Пошли, съедим по либжи, а то я свой собственный язык проглочу. А?

Зекерья не любил шайтан-су. Но он любил либжи из свежей курицы. С чесночно-сметанным соусом. И дорога была длинная, и спешить, вроде бы, некуда.

— Пошли! — решительно сказал Хаммали и повел слабо, очень слабо сопротивляющегося Зекерью — друга и брата дорогого — на другую сторону улицы. Где своими прозрачными окнами манило к себе самое красивое здание села. — Ты — гость, между прочим. А гость по нашим обычаям, сам знаешь, покладистой ягненка. Не будем нарушать древних обычаев. Вот так... Как прохладно здесь и

как уютно. Садись-ка во-от сюда. Да будут худшие дни нашей жизни не хуже этого дня!

— А заведение ваше красивое,— сказал Зекерья, разглядывая роскошное содержание ресторана— узорчатые потолки, картины на стенах, мебель, достойную апартаментов дербентского хана, хрустальное снаряжение ровненко выстроенных столиков.

— Да такие заведения никак невозможно плохо делать. Это тебе не больница, не детский сад,— сказал Хаммали и повернулся в другую сторону.— Э, душа моя, Шамдарилучезарная, принеси что надо, да перейдут твои невзгоды ко мне. По два либжи и это...

— Хаммали, мы же договорились. Без питья...

— Не волнуйся. Кто не хочет— не пьет. Что может быть отвратительней насилия и принуждения. Да будет жить демократия и справедливость!

— Все это пусть живет...— надтреснутым голосом сказал Зекерья.— Но зря все это, брат мой...

— Зря в подлуином мире ничего не делается. Всему свои законы, все имеет свое обоснование,— расфилософствовался Хаммали, наблюдая за уверенными движениями лучезарной хозяйки прохладного приюта.— Спасибо, красивая, культурно и обстоятельно выполнила свою задачу. Уж люблю культуру и обстоятельность,— так приговаривая, Хаммали наполнил рюмку, затем и вторую.

— Мне ты зря наливаешь,— решительно сказал Зекерья.— Клянусь памятью отца...

— Да будет рай пристанищем его души. Хороший был человек, обстоятельный. На свадьбах, говорят, он тихо и спокойно осушал полновесный граненый стакан и терпеливо ожидал нового сосуда. Мужественный был джигит. Где теперь найдешь таких! Измельчали нынче мужчины. Я вот выпью за здоровье твоей матери, бабушки твоих детей. Да отпустит создатель для нее еще много лет. Кябахан— отличная женщина. Поверь, я люблю ее как свою собственную мать. Не меньше. Не желаешь?

— Хаммали...

— Ну, хорошо, хорошо... Уф-ф. Та-ак. Пошла, значит. Такова, значит, жизнь. Наша, то есть, бабушка моих сорванцов, часто вспоминает твою. Еще когда мы ходили в девках, вспоминает, были неразлучные подружки. Неразделимые, как душа и тело. Такая, говорит, была у нас дружба. Э-э, Зекерья, нет у меня на свете никого дороже мамы.— Тут вздрогнул его мощный подбородок, а глаза покрылись поволокой.— Такой она человек, брат мой, что... Нет, нельзя, просто невозможно, было бы преступлением

сейчас же не уничтожить эту горькую за ее здоровье и долголетие.

— Хаммали, не стыди меня, но...

— Нет, нет, я не настаиваю. Сохрани аллах. Поступай, как желаешь. Я ведь и так знаю, что моя мама не может быть для тебя такой дорогой, как для меня. Если бы ты пригубил, конечно, ничего бы такого страшного не произошло. А? На, держи, мой любимый, дорогой и, я бы сказал даже, верный брат. Это, знаю, не шербет. Горькая она, проклятая... Во-от, давно бы так, мой любимый брат! Возьми это крылышко. Нет, постой, лучше ножку. Из моих рук возьми. Э, Зекерья, если бы аллах любил тебя, как я люблю, то ты уже непременно стал бы министром, а может быть, даже и директором базы. Так я тебя люблю.

— Собака я, осел лопоухий...— шептал себе Зекерья.— Нет, что же я натворил... Э-эх, Хаммали, Хаммали...

— Теперь, дорогой мой брат...

— Нет-нет. Хоть вешай, четвертуй, на кол сажай...

— Постой, убери руку. А то разольешь. Лучше меня послушай. В какой класс ходит твой старший?

— В пятый,— обиженным голосом сообщил угрюмый Зекерья.— А младший — в первый. Неплохо учатся...

— А мои, девочка и мальчик, в четвертый вместе ходят. По-моему, даже в пятый, собачьи дети. Так вот, если мы не осушим эти рюмки за здоровье и примерное поведение, пусть они станут сиротами. А родственники будут вынуждены делить их между собой для дальнейшего воспитания. А? Да не увидим мы их больше, не услышим их звонких, как колокольчики, голосов, если не поднимем эти звонкие сосуды! Э-э, вот это другое дело! Вижу, любишь детей. Значит, ты благородный и нежный человек. Разве те, кто не любит детей — люди? Ослы они, а не люди, вот что я тебе скажу. Во-от...

— Ты прав, родной мой брат, ослы они самые что ни на есть,— подтвердил Зекерья, на ясных щеках которого появился нежный румянец и заметно заискрились его добрые карие глаза.

Дальше дело пошло заметно живее и без серьезных препятствий.

Наконец, Зекерья, обнаружив, что Хаммали начал интересоваться содержимым своих карманов, поднял свою пухлую пятерню, сказал:

— Постой, не спеши. Я должен...

— Нет, дорогой. Ты мой гость, а не я твой, видит аллах.

Но Зекерья, у которого покраснели уже не только щеки

и кончик носа, но и белки глаз, жестко оборвал «родного брата» и обратился к скучающей вдали официантке:

— А подойди-ка сюда, милая, свет моих очей! Та-ак. Вот этот благословенный стол необходимо накрыть снова, как будто мы сюда только что зашли. Мы совсем упустили из виду своих домашних княгинь, хранительниц тепла домашнего очага. Это никак не годится.

— Постой, Зекерья, давай-ка на этот раз оставим хранительниц. Неудобно как-то... Стыдить будут. Мы же — горцы.

— Пускай стыдят! Начхать мне на тех, кто будет меня стыдить! Мы — люди культурные и не отсталые. А раз так, кто может запретить выпить за здоровье наших лучезарных?

— Погоди, Зекерья.

— И не подумаю! И чего это ты взял, что твоя мать лучше моей, а моя жена не добрей и не нежней, чем твоя? Или думаешь, что мой карман менее населен, чем твой! А? И вообще почему ты смеешься? Разве я похож на клоуна?

— Погоди, брат мой Зекерья...

— Нет, мне хочется узнать, почему ты смеешься! А? — щеки Зекерьи задергались, а мохнатые брови сошлись над дивно-могучим носом. В голосе звучал металл. — Ты мне сейчас же скажешь, почему смеешься! А?

ПОХВАЛА ДОБРОДЕТЕЛИ

Юмористический рассказ в десяти частях

Часть I

Вновь и вновь я не устаю утверждать, что лучшей из многочисленных добродетелей человека является его стремление при каждом удобном (а иногда и неудобном) случае оказывать себе подобному добрые услуги. Как это прекрасно, когда сосед хочет сделать приятное соседу, родственник родственнику, начальник подчиненному, а иногда — это же надо подумать! — и подчиненный начальнику! Да, таково естественное свойство человеческой натуры. Сказано же: «Человек — венец природы!»

И вот, когда я сталк... то есть встречаюсь с нашим неповторимым Зулкарнеем Азнауровичем... Нет, нет, у меня

слишком мало слов! Слова вообще есть, и неплохие. Ну, например, удивительный. Бесподобный. Редкостный. Неповт... (ах да, это уже я говорил). Умопомрачительный. Все эти слова, однако, слишком неполно характеризуют внушительный облик Зулкарнея Азнауровича, человека невиданного обаяния, неслыханной мудрости и небывалой сердечности.

Все отменные качества нашего начальника управления я за долгие счастливые годы работы с ним испытал на собственной своей... персоне. Эти годы я трудился, обласканный отеческой заботой Зулкарнея Азнауровича, который, прямо скажем, баловал меня своим постоянным вниманием и своей душевной теплотой. Моя трудовая книжка была заполнена благодарностями за хорошую работу, и почти каждая запись кончалась чудными, как самые лучшие стихи, словами: «В размере должностного оклада».

На Доске почета моя фотография всегда висела вверху в центре, висела до тех пор, пока не выгорала под солнечными лучами и не появлялась необходимость заменить ее новой. И тогда я тщательно брился, надевал белую сорочку с темным галстуком и шел в фотоателье.

Порой мне казалось, что будь у Зулкарнея Азнауровича право награждать подчиненных орденами, то на моем пиджаке не осталось бы места даже для пуговиц.

К сожалению, ничто в нашем мире не продолжается вечно. И мой нежно-бирюзовый небосклон вдруг начал затуманиваться. Сначала слегка... Однако я не жалел об этом. Ведь с постепенным чередованием атмосферных явлений я все лучше и полнее познавал то явление, которое называется Зулкарнеем Азнауровичем.

Но что это я до сих пор в своем рассказе ходил вокруг да около; пора, наконец, и перейти ближе к делу. А дело началось с тех пор, как наше управление стали преследовать неудачи. В адрес вышестоящего учреждения уже не поступало от нас победных реляций об успехах и достижениях. Кривая нашего роста напоминала кардиограмму больного стенокардией в опасной форме. В тихом ропоте моих сослуживцев я улавливал довольно обоснованные упреки в адрес руководства. Сперва я не верил, потом стал сомневаться, а затем пришло убеждение в правоте инженеров и техников, резко критиковавших (в кулуарах, правда) работу руководителей управления.

И вот я решил сказать свое веское слово. Я решил выступить на общем собрании и сказать... Сказать то, что

не могли бы позволить себе в своих выступлениях другие работники, которые не пользовались у начальства таким авторитетом и уважением, каким пользовался я.

Часть II

Собрание проходило в строгой и даже чуть торжественной обстановке, хотя торжествовать, в общем-то, было не из-за чего. Пора было прибегнуть к самому главному средству, дабы помочь руководству разобраться в своих ошибках и спасти положение. Да, настало время применить то средство, которое необходимо в подобных случаях, говоря словами Маяковского, «как человеку кислород, как чистый воздух комнате». Настал момент, когда нужно было открыть огонь беспощадной, принципиальной, смелой и — какой там еще? — ах да, объективной критики.

И я начал критиковать беспощадно, принципиально, смело и, разумеется, объективно. Я не только вскрывал все язвы на теле нашего учреждения, но и указывал те места, на которых должны были вот-вот появиться новые. Я перечислял все факты бюрократизма, косности, показухи, неорганизованности и головотяпства. Под конец я вспомнил о лимонном дереве. Когда мы внедряли эстетику в производство, то поставили это дерево в вестибюле, пригласили фотографа, и тот запечатлел нас, гордых и довольных, вокруг нежного цитрусового растения. Потом дерево засохло. Мы как-то упустили из виду, что его надо было поливать.

У меня пересохло в горле. Я посмотрел на стакан с водой, через который было видно расплывающееся в улыбке лицо Зулкарнея Азнауровича. Убрав стакан в сторону, я заметил, что мой уважаемый начальник и в самом деле улыбается. Хорошей такой, открытой улыбкой. А еще он одобрительно кивает головой и даже аплодирует. Я воспрянул духом и закончил свое выступление на высокой ноте. Успех был неожиданный. Мне чуть не овацию устроили, чуть ли не на руках пронесли через весь зал.

После меня выступали другие. Осмелели. Правда, более сдержанно, более мягко, с оглядкой, но говорили примерно о том же, о чем так неистово вещал с трибуны и я. Конечно, и аплодисменты в их адрес были не такими бурными и продолжительными...

В перерыве я стоял среди тех, кто вдохновил меня на потрясающее выступление, и выслушивал комплименты. И тут к нам величаво подплыл сам Зулкарней Азнаурович.

Сотрудники расходились в стороны от главы управления, как волны от носа океанского лайнера.

Я почувствовал, что кровеносные сосуды под кожей моего лица сузились и их содержимое куда-то исчезло. Но Зулкарней Азнаурович погладил своей большой мягкой ладонью мою холодеющую руку и сказал негромко, но внушительно:

— Молодец, Акылбашев, молодец! Правильно говорил. Невзирая, так сказать, на лица. Вернее, на лицо. Молодец.

— Да я Азы... Зулка-арней Азнаур...

— Все правильно, друг дорогой! Работать надо по-новому. А критика — дело тоже нужное. Она не музыка, конечно, не симфония, я бы сказал... но...

Мне почему-то стало мучительно стыдно и неловко.

Часть III

Шло время. Наступил конец квартала. Подвели итоги. Дела управления чуточку улучшились. Зато мои дела...

В списке отмеченных благодарностями я себя не нашел, хотя читал список очень внимательно.

С Доски почета куда-то исчезла моя фотография. Я стоял у доски и предавался грустным размышлениям. Вдруг чья-то мягкая ладонь опустилась на мое плечо. Я обернулся и увидел Зулкарней Азнауровича.

— Ничего,— сказал он.— Пусть и молодежь тоже покасается на видном месте.

— Да,— ответил я.— Пусть молодежь тоже...

— Мы ведь с тобой не ради славы работаем,— продолжал начальник проникновенным голосом.— По своей высокой сознательности работаем. А слава, популярность — это дым...

— Да,— согласился я.— И премии — тоже... дым.

— Верно. Верно, Акылбашев! За что вот я тебя уважаю и люблю, так это за то, что всегда говоришь правильные вещи. А поощрения придуманы для тех товарищей, которые нуждаются в каких-то стимулах, в каком-то вдохновении. Мы же с тобой не нуждаемся в этом. По душевной потребности мы работаем, а не за премию. Тут я с тобой согласен целиком и полностью...

Зулкарней Азнаурович крепко пожал мою руку и скрылся в своем кабинете. А я, немного смущенный, остался в коридоре. Что это со мной, а? Чуть было не вздумал обижаться... Как мне только не стыдно?! Ведь я едва не выставил напоказ свои мелкие тщеславные чувства и —

страшно даже подумать!— едва не обнаружил свою жалкую эгоистичную меркантильность!

Шло время. И шло быстро. В середине квартала Зулкарней Азнаурович вызвал меня к себе. С трудом отворив массивную, обитую кожей дверь, я вошел к начальнику. Увидев меня, Зулкарней Азнаурович встал из-за огромного Т-образного стола, похожего по размерам и очертаниям на аэродромный посадочный знак, и двинулся с протянутой рукой мне навстречу по длинной и широкой, как взлетная полоса, ковровой дорожке. Встреча состоялась в центре кабинета. Бесподобный Зулкарней Азнаурович обнял меня, подвел к дивану и усадил на упругие подушки. Сам сел рядом и стал участливо расспрашивать:

— Ну, как поживаем, как нам работается?

Эти слова звучали, словно обращение заботливого врача к больному. Я даже ожидал вопроса: «Ну-с, как мы себя чувствуем, как наше горлышко, как желудочек?»

А Зулкарней Азнаурович сказал:

— Вот что, мой друг. Мы решили, вернее подготовили приказ о твоём назначении начальником нового объекта в известном тебе районе. Очень важный объект. Только тебе и можно его доверить. Правда, зарплата поменьше, но разве в зарплате дело? Главное — это сдать объект в срок. Уверен, что ты справишься. Иначе бы не назначили...

— Я, конечно, благодарен, хотя...

— Признаться, я тебе даже завидую немного. Знаю, будет трудновато. Но я тебя знаю. Справишься.

Часть IV

Зулкарней Азнаурович оказался прав. И зарплата была поменьше, и трудновато было, и справлялся я. Объект сдали в срок.

Шло время. И вот следующее свидание с руководителем управления...

Тот же кабинет, та же взлетная полоса, такое же сердечное рукопожатие, тот же диван.

— Ну, как нам работается?

— Спасибо за внимание, Зулкарней Азнаурович. Объект сдан с оценкой «хорошо».

— Вот и отлично, что «хорошо». А теперь мы снова решили обратиться к тебе за помощью. Дело в том, что на другом объекте, по соседству от твоего, очень слабый начальник. Есть мнение: послать тебя к нему заместителем. Надо вырвать объект из прорыва. Лучше тебя никто не сможет это сделать. Помогги. Одна надежда на тебя. Не

знаю, что бы я делал без такого работника! Горжусь тобой. Дерзай.

И я дерзал. Ибо мной гордился сам Зулкарней Азнаурович. И это меня вдохновляло больше, чем зарплата, которая стала еще меньше. Ведь не в зарплате дело...

Ни в дождь, ни в зной не покидал я строительную площадку. Требовал, доставал, проталкивал, организовывал. Моя энергия зажигала прораба, мастеров, бригадиров, рабочих. Объект был сдан досрочно. О наших успехах писали в газетах и говорили по радио.

Часть V

Шло время...

— Ну, как нам работается?.. Молодец, молодец, Акылбашев. Никому я так не доверяю, никого я так не уважаю... Надеюсь, проявишь ты себя и в качестве прораба. Понимаешь, есть у нас один объект... И ты личным примером, своим талантом... Завидую тебе! Свежий воздух, живое дело, сознание того, что ты своими собственными руками... Успехов тебе! Счастья в жизни! Иди!

Часть VI

Шло время... Гордился мной Зулкарней Азнаурович и когда я работал бригадиром...

Часть VII

Шло время... Я уже работал... Нет, мне не хочется говорить, кем...

Часть VIII

Шло время...

Часть IX

Шло время...

Часть X

Шло время...

НАСЧЕТ ВЗЯТОК

... жизнь резко изменилась. Все стали
какие-то положительные, степенные.

Воруют мало. И взяток вовсе не
берут...

Конечно, насчет взяток дело обстоит
сложней.

М. Зощенко. 1932 г.

Человечество, сколько себя помнит, ведет ожесточенную битву против своих заклятых врагов. Иногда добивается успехов. Сокрушены такие страшные недуги, как чума, оспа, чесотка. Однако иные болезни, по мере нарастания борьбы с ними, коварно меняют свое обличье, стратегию и тактику своего поведения, что создает дополнительные трудности.

Взятка! Скользящая, как рыба, юркая, как ящерица, неуловимая, как солнечный зайчик...

* * *

...Тихо, но преждевременно умирал в своей холодной постели Домай Жанбермезов. Под конец у него оказалось достаточно душевных сил, чтобы поведать (можно было бы сказать исповедаться) тем, кому еще предстояла долгая жизнь, свою поучительную историю.

— Шла такая кампания в нашем благословенном управлении, — начал Домай слабым, но достаточно внятным голосом, — борьба с этой проклятой, но живучей бактерией. Я активно включился. Мои слова были ярки и жгучи, как искры, высекаемые огнивом. Казалось, такие же искры метали и мои глаза. Я был настойчив, подобно Джелаль-эд-Дину в войне против ненавистного Чингисхана. Не совсем, правда, было ясно, кто мои противники, ибо все меня поддерживали, все, как один, соглашались со мной и бурно рукоплескали моим выступлениям. А бактерия жила. Да еще и, наверное, втихомолку посмеивалась над нами.

В один из дней один из моих старых сослуживцев, человек бывалый и опытный, отвел меня в сторону и, доброжелательно улыбаясь, сказал:

— Ты излишне горяч, дружок. Слова срываются с острия твоего языка, не успев созреть в голове. Ты смешиваешь разные понятия. Гусей и кур загоняешь в один тесный сарайчик. Так нельзя. Есть взятка, но есть и Уважение, вернее, Намыс, завещанный нам самими нартами. Уловил, мой строптивый друг? «Намыс, Уважение, Благодарность...» Сколько благодарства в этих словах! Уважать надо уметь. И не только на словах. Я тебя научу, если хочешь. Если не хочешь наделать в жизни кучи лишних ошибок. Ты меня еще благодарить будешь, уважать.

И он стал меня учить. А я оказался прилежным и понятливым учеником. Схватывал на лету мудрые истины своего старшего друга. Правильно говорят, что в неначатом деле змея сидит. Главное — начать, а там все пойдет, как сыр по маслу. Или, кажется, наоборот. Особенно в таком деле.

...Горит змеиный глаз такси. Но хозяин восседает этаким египетским фараоном и не желает никуда ехать. Особенно со мной. Он смотрит вдаль и не смотрит на меня. И тогда я вспоминаю наставления моего наставника. «Я утрою показания этой вашей шкатулки», — говорю я, прозрачно намекая на троекратное уважение. И чудо свершается на глазах. Фараон сияет, как золотая маска на саркофаге, и везет меня куда надо, записит мой чемодан на пятый этаж. Расстаемся как любимый племянник с обожаемым дядей.

Так началась новая эра в моей жизни. Жизни по-новому, жизни, в которой намыс занимал все больше и больше места.

Наступает утро. Собираюсь на работу. Одновременно внимаю драматическому монологу хранительницы моего очага. Она жалуется на тысячу бед, свалившихся на ее несчастную голову из-за неблестящей учебы нашего наследника и отпетого шалопая. Недоросль с тяжелой натурой переходил из класса в класс, а его дневник пестрил весьма незавидными баллами. «Если ты отец, то должен непременно встретиться с его классной руководительницей и найти с ней общий язык! А если ничего не изменится, я покину этот невыносимый мир...»

— Думаю, мы уладим это дело, — успокаиваю я хранительницу и прошу ее отложить пока уход из нашего в общем-то неплохого мира. — Я сделаю уважение, намыс. Попробую.

Иду в шалопаяву школу с увесистым свертком. С сувениром. Приличным, но не дешевым. Деликатно вручаю его этой милой женщине «в соответствии с намысом и по

случаю знакомства». Подарок плотно укутываю в слова высокого к ней уважения. Говорю в конце диалога:

— Буду счастлив, если вы одарите нашего мокроносого бездельника более строгим и взыскательным вниманием. Уж очень травмируют нас его непрестижные отметки. Наказывайте этого телка бестолкового да пожестче. Правда, говорят, нога коровы телка не убьет...

Меня понимают совершенно правильно. Еженедельно наш недоросль получал предупреждение, что завтра будет спрошен на уроке по тому или иному вопросу. Прилежнее он не стал, но дела у него пошли в гору: начал получать четверки, а порой и пятерки. В доме воцарилось спокойствие.

Секретарь нашего Тамады, любезного начальника Управления,— верный страж Приемной, была осведомленной особой. В семейных делах Тамады тоже. Уважительный флакончик французских духов открыл мне доступ к этому источнику информации. В частности, она сообщила мне день рождения того, под чьим неусыпным оком мы трудились. А когда тот день настал, я оказался на высоте истинного намыса. Колечко было дорогое, с ценным камушком. И оно так тронуло сердце именинницы, что она в искреннем порыве благодарности обняла меня и поцеловала. Слегка, конечно. И с тех пор я находился в постоянном поле ее внимания и заботы.

Однажды, это уже после того, как меня в первый раз повысили в должности, Тамада уехал на отдых. Через пару недель я предложил трем доверенным сотрудникам навестить его, нашего благодетеля, выяснить, не скучает ли он без нас. Заодно и постараться повысить его престиж в глазах товарищей по курорту.

Уважение, как это обнаружили еще задолго до нас, требует и денег. От одних больше, от других меньше, но — требует. И вот четверо джигитов во главе со мной отправились в стокилометровый путь. Багажник машины был укомплектован вареной индейкой, фруктами, сыром и необходимыми сосудами. Моя идея (о том, что она — моя, я вскользь шепнул шефу) очень порадовала Тамаду, хотя поначалу он мягко, по-отечески пожурил. На прощанье он крепко пожал руки моим товарищам, а меня обнял, как брата.

Уважение рождало уважение. «Уважение — мать намыса», — вывел я для себя новую формулу.

Прошло чуть больше года, и я вновь сменил свое рабочее кресло на другое, в более просторном кабинете. Это случилось, как сейчас помню, вскоре после свадьбы сына

нашего Тамады. Парнишка большой любитель музыки. Особенно, если она записана на фирменном магнитофоне.

Скоро я стал тенью Тамады. Знал, что тень — это еще не все. Но усвоил, что тень от большого дерева лучше, чем от малого. Дерево с раскидистой кроной лучше защищает от жгучего зноя и злых ветров.

Зуб разболелся. Наверное, от усердия и от уважения. Иду к зубному врачу. А там на стене в коридоре небольшой красивый стенд с надписью «Поздравляем с днем рождения!» И пониже — фамилии, имена, отчества врачей, чьи знаменательные семейные даты выпали на текущий месяц. Как удачно, решил я. Здесь работают люди, понимающие толк в намысе. Сразу ясно, когда и кому оказать уважение! Вот и мой доктор, как раз в этом месяце...

Купил что надо. Красиво завернул. Сидеть в зубо-врачебном кресле было одно удовольствие. Он со мной как с братом родным. Готов был хоть все зубы удалить, стоило захотеть. Очень просил не дожидаться в следующий раз в этой скучной, наверное, очереди. Ослепительные зубы, трогательное прощание. Уважающий человек достоин уважения. В этом я был уверен. А ведь встречаются чудачки, не понимающие уважения. Но это не для них девушка за прилавком придерживает дефицитные конфеты, а для меня. Не в их карман попадут билеты на концерт дефицитной певицы, а в мой. Куда им еще деваться, этим билетам!

Но вот блестящая эта жизнь потускнела. И случилось это как-то неожиданно-негаданно.

Начинаю однажды утром бриться и... не узнаю себя в зеркале. Смотрит на меня какая-то мерзкая, лоснящаяся физиономия, да еще и с подленькой ухмылочкой. С издевательской: «Что, дружок, не узнаешь? А ведь это ты сам, собственной персоной, с преждевременной потной плешью, с дергающимся веком и набухшим носом. Другие, правда, этого не замечают, ведь лица-то у тебя в сущности нет. Да не старайся протирать зеркало! Говорю же тебе: я — это я, а ты — это тоже я. Все предельно просто. Мог бы и раньше заметить. Э-э! Не дури. Зеркало не виновато!»

С размаху швырнул проклятое стекло на кафельный пол. Осколков была чертова дюжина и в каждом криво ухмылялась одна и та же гнусная рожа. Я растоптал крупные осколки в мелкие, а мелкие в мельчайшие, и сотни крохотных физиономий смотрели на меня с пола, подмигивали, кривлялись и, как мне показалось, хихикали,

смеялись, хохотали на сотнях тоненьких, противных голосков.

Потом я лег на диван. Глаза сами собой закрылись...

Он входит бесшумно и останавливается у изголовья.

— Кто ты?— спрашиваю.

— Я ангел смерти. Жду тебя.

— Зачем так рано? Нельзя ли повременить? Уважение сделаю...

— Взятку предлагаешь?

— Откуда известно тебе это слово?

— Тебе подобные рассказывали, каялись. Но у нас нет ни уважения, ни взяток. Ничто тебе не поможет. Растранирил ты весь свой намыс. Вместе с совестью. Так что готовься, несчастный, в последний путь. Туда, где зноя хватает, а тени нет ни малейшей...

* * *

Домай горестно вздохнул:

— И вот так все ночи подряд...

Было видно, что он уже не жилец на этом свете.

ТИХАЯ БЕСЕДА

Как и всякого руководителя, Зулкарнея Азнауровича обвиняли во всяких мыслимых и немыслимых грехах, но никогда не упрекали в бессердечности или, извините за выражение, в грубости. Избавь, создатель, и нас от подобных упреков. А этот Зулкарней — человек добрейшей души. Спокойный, невозмутимый и, я бы сказал, тишайший. И потому всезнающую и всевидящую секретаршу, а также тонкого и наблюдательного Заместителя буквально оторопь взяла, когда они увидели своего любимого шефа разгневанным и яростным, как тот бык, перед посом которого вызывающе себя всл упрямый тореадор.

Мало ли бывает стрессовых минут у под луной родившихся? То дворовые футболисты заставят срочно искать стекольщика, то жена предъявит фантастические претензии по поводу твоего морального облика, то нахальный сосед выиграет ковер в лотерею... Жизнь есть жизнь, и она не каждый день подносит нам халву на серебряном подпосе и пятизвездочный шербет в хрустальном сосуде. Она, эта жизнь, частенько предлагает и другое меню, нарушая

душевное наше равновесие и вызывая порой отчаянный протест.

Как раз в таком состоянии и находился в то утро Зулкарней Азнаурович, когда нервным звонком вызвал вышеупомянутую Секретаршу и сказал ей kloкочущим голосом:

— Вот что... Этого собачьего сына, этого шайтаном сотворенного Айтека, найти и пригласить ко мне... Нет, не пригласить, а доставить! Срочно! Пока мой праведный гнев не остыл. Пока я способен выдать этому отпетому бездельнику, лиходею и вредителю моего здоровья все, что он заслуживает!

Тамада стал нервно мерить шагами светлый, как его помыслы, кабинет. Он сейчас напоминал голодного бенгальского тигра, мечущегося в своей клетке в ожидании кровавого бифштекса. Скоро тигр, то есть Зулкарней Азнаурович, притомился, рухнул в мягкое, как его характер, кресло и вытер свой умный, но изрядно вспотевший лоб.

Тянулись долгие минуты. Гнев, однако, не утихал. Кровь продолжала бурлить в натянутых, как тетива, жилах. «Вот сейчас ты явишься, изверг, конкистадор, басмач и диверсант... Я разорву тебя в клочья, растопчу в пыль и развею по ветру. А потом уволю по моему собственному желанию. И станет легче на душе. Все учреждение заживет мирно и спокойно. И никогда уже мне, руководителю нашего любимого учреждения, не придется переживать такой стыд, такое позорище перед лицом Высокого начальства из-за бездарно проваленного дела, которое поручалось этому кретину Айтеку... Я его растерзаю, как тот коршун того самоуверенного петуха! И перышка не оставлю. Довольно я терпел! Сколько выговоров влил ему, а он чихал на эти выговоры! Премий лишал, а он, кажется, и не замечал этого. Но теперь хватит. Наступила пора решительных оргдействий. Гнать в шею. В хвост и гриву. Эх, если бы можно было, как в старину, посадить его на кол или сжечь на костре вместе с импортными кроссовками... А еще вступится местком, найдутся всякие защитники; тебя же станут обвинять — не смог воспитать, не поставил на путь истины... Не-е-ет, любезный товарищ Айтек, на этот раз ничто тебя не спасет. Поискать сердобольных наставников тебе придется в другом месте! Сам файганбар тебе не поможет. Он увидит, как я умею собрать в сокрушительный кулак всю данную мне власть и шарахнуть тебя по башке. Видел создатель, сколь долго я терпел, увидит и сколь беспощадно я покараю зло...»

Грозные мысли Зулкарнея Азнауровича прервал скрип тяжелой полированной двери. Показалось румяное, как свежее испеченный лакун, лицо молодого человека, одетого в сморщенную кожаную курточку, потертые джинсы и расписные кроссовки. Это явился, как нетрудно было догадаться, пресловутый Айтек Сумонаев. Он кошачьей походкой прошел по мягкой ковровой дорожке и остановился чуть не доходя до обширного письменного стола. Затем сиротливо склонил красивую длинноволосую голову и заговорил уважительно приглушенным голосом:

— Прости, Зулкарней Азнаурович, что заставил ждать. Мог бы мигом явиться, но меня задержал телефонный разговор с Токмаком Башчиевичем. Как-никак старик наш непосредственный начальник и прерывать беседу на полуслове было не совсем удобно. Кстати, привет передавал. Как там, спрашивал, мой дорогой друг Зулкарней поживает? Пусть не переживает...

Тамада жестом показал на диван. Услышанное несколько озадачило его, но не настолько, чтобы заметно охладить пыл. Токмак Башчиевич — глава всего Управления... Уважаемый человек. Ну и что?

Айтек сел на краешек дивана, скромно положив холеные руки на колени. Ни тени греха на его невинном, но покорном лице, и лицо это будто говорило: «Голова моя у твоих ног, всемогущий тамада, а топор у тебя в руках. Поступай, как знаешь, но если можешь, пожалей».

И сообщение Айтека, и его покорный сиротливый вид, немного поколебали, как уже было отмечено выше, решительность Зулкарнея Азнауровича. Но все же настроен он был по-прежнему кровожадно:

— Та-а-к...— тамада проглотил слюну, откашлялся и тихо, очень тихо спросил:

— Скажи-ка, джигит, откровенно — ты еще не насытился моей кровью?

— Что за речи, тамада?— изумился Айтек, подняв блудливо-невинный взор карих глаз на Зулкарнея Азнауровича.— Какая «кровь»?

— Не прикидывайся дурачком, несчастный,— все тем же зловещим полусшепотом продолжал руководитель Учреждения.— Я давно знаю, что ты бессовестный прогульщик. Но этого мало. Ты и на работе только другим мешаешь. Ржавого гвоздя твоя работа не стоит. Псу под хвост такую работу. Какая вражья сила водила твоей халтурной рукой, когда ты карябал последнюю порученную тебе справку? И ты еще набрался нахальства послать ее наверх, минуя меня... До каких пор ты будешь портить

мою и без того очень нервную систему и отравлять мою усталую кровь? Когда прекратишь подлые ухаживания за моей секретаршей, ведь ты женился всего два года назад? Ты — сорняк на ниве благородной моего передового Учреждения. Ты — патентованный тунеядец, — голос тамады зазвучал чуть громче, хотя пока и оставался как бы полупридушенным. — Ты — кровососущий паразит на здоровом теле нашего коллектива, ты...

Но тут Айтек перебил готового разбушеваться шефа:

— Слава аллаху, которому угодно было создать меня не в шестнадцатом веке! — Он заговорил нагло-уверенным тоном, отбросив протокольную свою скромность и покорность. — Скажите пожалуйста! Такие обвинения! В шестнадцатом веке висеть бы мне вниз головой или гореть привязанным к ближайшему столбу телеграфному, как последнему еретику. Но мы в хорошее время живем. Охлахий, в хорошее...

— Что ты болтаешь, несчастный! Ты еще не все от меня выслушал, — начал было закипать тамада.

— Ну ладно, послушаем, — снисходительно сказал Айтек и прикрыл зевок ладонью.

— Ах, он уже заскучал, не зная, чем закончится этот разговор!

— Да нет, дорогой Азнаурович. Я весь внимание. Ты всегда так складно говоришь и умно выступаешь. Не зря же сидишь в этом уютном кресле. Неумного в него, наверное, не посадят.

— Не хами, молокосос! Не ухмыляйся. Я тебе не клоун. И мой кабинет не цирковая арена, — казалось, вулкан страстей вот-вот начнет извергаться. — Подумай о своей жалкой участи. Я решил тебя уволить. Нет, не уволить — дать пинка под зад. И чтоб глаза мои тебя не видели даже в кошмарных снах. И... и... да, черт с тобой, сделаю тебе последнюю уступку: вот бумага, перо — можешь собственной рукой...

— Что за шутки, тамада? Лучше послушай, что я скажу. Не будем нарушать тихое течение нашей беседы. Давай по-хорошему. Во-первых, я не собираюсь покидать это благословенное Учреждение. Во-вторых, этот чистый лист бумаги ты лучше побереги для другого применения в другом месте...

— Остановись, безумец... — прохрипел тамада.

Но Айтек сдвинул брови, подошел к столу и уселся на его край.

— Не такой уж я безумец, Зулкарней Азнаурович. Ты даже не представляешь себе, какой я смысленный. Советую

только что изреченные слова забыть начисто. Во имя нашего обоюдного блага. Зачем разбазаривать нервные клетки на такие хабары? Надо беречь здоровье. Это нынче самое бесценное достояние. Особенно в твоём почтенном возрасте, а?

— Что он мелет, несчастный...— задохнулся тамада.

— Сейчас поясню,— Айтек вынул заморские сигареты и фирменную зажигалку.— Ты, Зулкарней Азнаурович, принял меня на службу, если помнишь, по рекомендации Заурбека Локмановича. Он и Зекерья Ибрагимович двоюродные братья. Ну а кто такой Зекерья Ибрагимович тебе известно лучше меня. Кроме того, его племянник — закадычный друг Диммо — футболиста, отец которого некоронованный король торговли, под началом которого, кстати, твоя уважаемая супруга. Он же, этот некоронованный, выдал дочь за доцента университета, где учится твой шлопай-наследник. Пойдем дальше. Твоя дочь — ближайшая подруга моей жены, каковая является племянницей Зекерьи Ибрагимовича, находящегося в тесных дружеских отношениях с нашим начальником Управления Токмаком Башчиевичем. Больше того: готовится свадьба сына Токмака и дочери Зекерьи. Что же касается Заурбека Локмановича, то его прочат на должность... Ты побледнел, шеф? Налить водички? Не надо? Тогда слушай дальше. Видишь, какое ветвистое дерево получается... С мощным стволом и крепкими корнями. Но стоит повредить хоть одну маленькую веточку, всему дереву будет больно. Все дерево содрогнется. Будет землетрясение. Большой скандал. Меня просто невозможно уволить. Это опасно. Под твоим креслом может взорваться бомба. Образно говоря... Такие вот дела, дорогой Зулкарней Азнаурович, шеф мой любезный!

— Что же делать,— прошептал тамада про себя.

Айтек отодвинул бумаги на столе и уселся поудобнее:

— А что делать? Да ничего не делать. Это же так просто — ничего не делать. Разве что подумать о моем повышении. Надоел мне мой тесный кабинетик. Да и бумажки эти, которые вечно путаются или теряются, будь они неладны. Устрой-ка меня получше, уважаемый шеф. Чтоб авторитет был повыше, зарплата соответственно. И работа чтоб поспокойнее..

— О чем он говорит.... Куда повыше...

— Да хоть бы и своим заместителем.

— Он издевается...— упавшим голосом шептал Зулкарней Азнаурович.— Он решил доконать меня...

— Зачем же!— Айтек прямо посмотрел в измученные

глаза тамады.— Надо же молодые кадры выдвигать. А я чувствую в себе массу нереализованных способностей. Я отлично впишусь в руководящую когорту и буду там вполне на своем месте. Такой у меня талант... Тамада через годик-другой отправится на самый заслуженный покой, на самую персональную пенсию, а его кресло ведь сиротой не останется. Кого-то в него посадят. Так почему не меня? Вот и пришло время позаботиться об этом заранее. Шеф, тебе нехорошо? А-а, про пенсию напомнил. Что ж, такова се ля ви, как сказал один мой знакомый француз. Заодно вот о чем надо бы тебе пораскинуть мозгами, тамада. Шесть лет я безупречно вкальваю под твоим широким крылом, а не получил даже скромной медали. Где справедливость? Где логика? В чем дело, шеф? А-а, таблетки... Сердечные? Сейчас подам водички... Ну, я пожалуй, пойду. Много времени у тебя отнял. Станет легче — подумай, шеф. Пока!..

«КАК СЕРДЦЕ ПОДСКАЖЕТ...»

Те люди, которые утверждают, что беда обычно приходит неожиданно и в самое неподходящее время, правы только наполовину.

Их правда касается той части этого мудрого изречения, где сказано о неожиданности. И действительно, не предупреждая о своем визите ни по телефону, ни по телеграфу, беда обрушивается на избранную ею голову коварно и бесшумно, как тот камень со скалы, что висит над дорогой по пути в Герпегеж. (Заметим в скобках, что грозные силы не дремлют и способны порою настичь нас даже в самой цитадели комфортабельной городской цивилизации. Будь то цветочная ваза или бутылка из-под кефира, летящие с пятого этажа.)

Ну, а там, где речь о времени, автор афоризма и его последователи дали промашку. Ведь не бывает подходящего времени для беды! Не бывает. Это для радости время всегда подходящее!

Вот и наш старинный друг Зулкарней сын Азнаура тоже не планировал на несчастья ни одну из того великого множества минут, которые были отпущены ему природой для жизни. И тем не менее неприятные минуты случалось переживать и ему. Чаше он испытывал сладкую, как ореховая халва, радость, иногда — горькую, как гнилой орех, печаль. Да, жизнь все-таки не Эдем, где в райской оранжерее круглосуточно зреют персики, виноград и другие

сахаристые витаминизированные продукты, которые вам то и дело преподносят нежные гурии, эти улыбочные райские стюардессы.

...Того, что случилось с нашим Зулкарнеем Азнауровичем, мы не пожелаем даже недругам своим (особенно если в это время наши собственные дела идут хорошо.)

Лежит сын Азнаура в светлой и прохладной, как саван, больничной палате. Рядом на тумбочке — градусник, таблетки какие-то да стакан воды. Все вокруг погружено в крахмально-белую стерильную тишину. Слышит больной только стук своего чуткого, измученного сердца. А может, это стучат часы, вделанные в противоположную стенку? Нет, сердце. Его чуткое измученное сердце... Чем же все теперь кончится? Одному аллаху, самому безошибочному диагносту, да лечащему терапевту это ведомо.

Он вспоминает случившееся, будто кошмарный сон, который обычно посещает нас после жирной баранины, с аппетитом съеденной во время долгого товарищеского ужина.

* * *

А началось это, кажется, в пятницу. Зулкарней Азнаурович еще лежал в мягкой и теплой, как ладони жены, постели и внимал спору черного и белого джинов: первый говорил, что можно еще подремать и торопиться не надо, второй что-то робко ворковал о служебном долге и пагубных последствиях лени. Конец спору положил энергичный стук в дверь, а затем — протяжный мелодичный электрозвонок. Белый джинн победил. «Кому это не спится в такую рань?» — подумал Азнауров сын и толкнул в бок супругу, мирно посапывающую рядом.

— Эй, жена, к нам кто-то стучится и звонится!

Тихо постанывая и потягиваясь, жена встала, надела шелковый халат и зашлепала в стоптанных тапочках к двери.

— Кто это?

— Это я, Оймаков Заурбек, извините меня! — послышалось с лестничной клетки.

Неожиданный визитер был проведен в гостиную.

— Садитесь, пожалуйста. Я сейчас... — Бийче поспешила к мужу.

Не скоро хозяева вышли к гостю. А тот осматривал богатую обстановку комнаты: красновато-коричневое пианино, телевизор с экраном с корыто, столовый гарнитур из дорогого дерева, а в углу — скромно, но с достоинством поблескивающий округлыми формами белый телефон.

Гость покосился на свой сверток. «Не выглядела бы ты здесь,— подумал он,— как плешивая овца в благополучном стаде! Может, лучше устроить для Азнаурова сына хороший ужин? Недаром ведь говорят: «Не дари коня, да угости как следует!» Нарты в таких случаях не ошибались».

— О-о, дорогой гость!— Это вошел Зулкарней Азнаурович.— Как вы поживаете, как чувствуете себя?

— Спасибо,— визитер вскочил с места.— Мы живы-здоровы, желаем и вам всякого благополучия, уважаемый Зулкарней.

— Сидите, сидите,— сказал хозяин, бросив мимолетный взгляд на таинственный сверток.

Не прошло и получаса, необходимых для выяснения самочувствия всех родных и близких. Наступила пауза, в течение которой хозяин мог отдышаться, а гость — сойтись с мыслями.

— Я — Оймаков Заурбек, отец того шалолая, который стоит на трудовой вахте в поле вашего зрения.— Гость начал уверенно (чувствовалось, что первую фразу он сочинил еще вчера), но дальше, он, видимо, сбился и от волнения перескакивал с «вы» на «ты» и обратно.— Хотя и вижу я тебя впервые, но про вас слышал много. Диммо зовут нашего. Дай ему... вам то есть, аллах много здоровья и счастья. Добрых слов о тебе много говорят. Диммо — вы его, наверное, знаете.

— А-а,— оживился Зулкарней Азнаурович.— Знаю такого. Каменщик. Показывали мне его. Толку от него, говорили, ни... немало. Самый долговя... высокий в управлении.

— Да-да! Он самый. Пусть будет долговя... долгой твоя жизнь!

— Так какая помощь от меня требуется?

— Ну, как бы это сказать... Вам виднее. Большой начальник... Где уж нам к тебе со своими советами лезть! Давно парень наш работает. Утомился, бедняга! Вот и в отделе кадров скажут. Оттуда как раз заместитель на пенсию ушел. А этот шалолай из сил выбился. Усталый домой приходит. Качается. Ноги еле держат. Ведь не в конторе он все-таки...

Зулкарней Азнаурович задумался. Нахмурил брови и, скрестив руки на груди, он мрачно уставился в пол.

— Но зачем ему конторская работа?— спросил он наконец.— Сын твой молод. И потом профессия каменщика — пужная, почетная.

— Оно, конечно, верно,— с готовностью согласился

Оймаков.— Почетная. Почти как профессия заместителя начальника отдела кадров. Вы правы, как никто прав быть не может. Как считаешь лучше, так и сделай. Как сердце подскажет.

Заурбек встал, улыбнулся и, кротко поклонившись, направился к двери.

— Э-э, вы, кажется, что-то забыли!— напомнил Зулкарней Азнаурович.

— Не беспокойтесь,— тихо ответил Оймаков.— Это я от души. Чтоб не с пустыми руками в дом войти. По обычаю предков. Как сердце подсказало...

— Тогда останьтесь хоть позавтракать. По рюмочке, а?

Но гость, не переставая улыбаться расслабленной улыбкой, скрылся за дверью. Зулкарней Азнаурович так и простоял с раскинутыми в сторону руками и открытым ртом, пока в комнату не вошла бийче.

Она быстро развернула сверток и ахнула. Затем поставила это на стол и позвала мужа:

— Ты только посмотри, какое чудо!

Хозяин дома в растерянности разглядывал сделанное «по обычаю предков» подношение.

— Ты... ты знаешь, что это такое?— медленно растягивая слова, спросил он жену.

— Я же не слепая! Конечно, знаю. Хрустальная ваза. Да еще какая. В жизни не видела ничего подобного!

— Это — взятка!— твердо произнес Зулкарней Азнаурович.

— Всякие шутки с женой — это глупые шутки.

— Я не шучу. Надо вернуть это чудо хозяину, да еще и выругать его как следует!

— Но ведь он — от чистой души! Как сердце подсказывало! Не обижай человека. Это будет бестактно или просто грубо. Некультурно, понимаешь?!

— Как сердце, говоришь, подсказало?— передразнил хозяин и тихо опустился на диван.— А ты слышала, что он толковал о своем шалопае?

Бийче мягко подсела к мужу и ласково погладила его руку.

— Это ведь не нами придумано. Человек человеку — друг, товарищ и брат. Забыл, в какое время мы живем? Он тебе добро делает, ты — его шалопаю... Что здесь плохого? А взятка — это слово придумано завистниками. Да и где тут взятка? По-да-рок! Клянусь памятью покойного отца! Подарок...

— А я не уверен, что это подарок. Боюсь, не кроется ли здесь какой-нибудь подвох...

Ну что ты,—успокоительно щебетала его жена.— Разве не видно было, как этот человек говорил с тобой застенчиво и уважительно.

— Значит, подарок,— перебил Зулкарней Азнаурович, покосившись на вазу, искрометно сверкавшую идеально отшлифованными гранями.— А ты знаешь, сколько может стоить такое полуметровое сооружение из хрусталя, да еще оправленное сверху в позолоченное серебро?

— Да, пожалуй, сотни две,— неуверенно ответила жена, которая в других случаях обычно определяла цену вещам очень быстро и с большой точностью.

— А вот ты сама можешь сделать кому-нибудь подарок в двести рублей?— коварно спросил муж.

Бийче усмехнулась:

— Видно память, мой милый, у тебя ослабла. Разве наш ковер, который мы подарили твоему начальнику на новоселье, стоит дешевле?

— Вот глупая женщина!— возмутился Зулкарней Азнаурович.— Не путай разные вещи. Ведь мы— совсем другое дело! Мы— от души! Как сердце...— Он вдруг поперхнулся и замолчал.

— Правильно!— продолжала бийче.— По обычаю предков. Чтоб в дом не с пустыми руками. Мы— кому-то, кто-то нам. Все правильно!

Спорить больше было не о чем. Зулкарней Азнаурович встал с дивана и почему-то поплелся на кухню. Там он раскрыл окно и стал с жадностью вдыхать свежий утренний воздух. А в горле застрял комок и не давал дышать полной грудью. «Взятка ли, подарок ли?— Одна и та же беспокойная мысль мечется по лабиринту мозговых извилин и не находит выхода.— Выпить? Не поможет... Взятка ли, подарок ли?..»

Впервые, кажется, в жизни отправился на работу, не позавтракав. Погруженный в свои думы, не ответил на приветствия секретарши.

Грузно опустился в уютное насиженное кресло и весь ушел в свои тяжелые невеселые раздумья. А может, не надо так переживать? Может быть, бийче права? Вдруг этот человек хотел выразить свое доброе отношение ко мне, но не нашел слов и решил заменить их подарком? Стоит ли брать под сомнение искренность древних горских обычаев? Дарили же коней, бурки, сабли! Сегодня— он мне, завтра— ... Рука об руку... Рука дружбы... Рука— руку... Тьфу! На руку не чист... Тьфу, тьфу! Не то! Совсем не то! Рука дружбы протянута— прими ее! Вот!

Зулкарней Азнаурович протянул руку к пачке сигарет,

лежащих на столе, и заметил, что рука его будто чужая. Он не узнал ее, бледную, дрожащую. Он хлопнул левой рукой по правой, вскочил с кресла и нервно зашагал по широкой ковровой дорожке. И все-таки это взятка. Самая настоящая. Классический образец взятки. Не друг ему этот Оймаков, не родственник. Какого шайтана должен он подносить двухсотрублевые подарки?! Надо сейчас же позвонить домой и сказать жене, чтобы подар... то есть, пропади она пропадом, взятка была немедленно возвращена тому наглецу, который осмелился ее предложить.

Зулкарней сын Азнаура потянулся к телефонной трубке, но рука его бессильно повисла на полпути... Ваза, конечно, редкостная. А жена как обрадовалась... Итальянская, вероятно, вещь. А может, французская. Ни у кого такой нет. И где только раздобыл ее этот сукин сын?

Жена так обрадовалась...

Так обрадовалась...

Обрадовалась...

Нет, подарок, а не взятка!

Не взятка... Не взятка? Почему-то сухо во рту и влажно между лопаток. Не подарок? Проклятье!

Голова кружится, и сердце бьется учащенно. Пойти, что ли, пообедать? Уже время.

Взятка ли, подарок ли — да пусть горит адским пламенем! Разве мало других забот? Выбросить это из головы! Да! В огне не горит, в воде не тонет... Из головы не выбрасывается... Нет, надо идти обедать. И не домой, а в ресторан. И ни о чем не думать. Разве трудно ни о чем не думать? Раньше при желании это легко удавалось. «Под бокалов звон хрустальный...» Да про-па-а-ди ты!

Ресторан. На столе — хрустальная ваза с фруктами. Зулкарней Азнаурович отодвинул ее на край стола и отвернулся. На соседних столах — тоже вазы. Много ваз. И, кажется, все они шевелятся. Зулкарней Азнаурович прикрыл глаза ладонью. Послышался какой-то дурацкий нечеловеческий хохот на фоне мелодичного пения хрусталя.

Взятка или подарок, черт побери?! Кошелек или жизнь... нет, не то! «Я тебе свой дар заве-е-етный...»

Шарахнувшись от официантки с огромными серьгами из горного хрусталя, Зулкарней Азнаурович быстро покинул ресторан. «Вот сейчас приду домой,— думал он,— разобью эту вазу... или подар... и осколки брошу в ведро. В мусорное. В самое мусорное. Хватит. С меня довольно. Все станет на свои места. Домой только дойти бы. Почему такая длинная дорога? Сердце уже не выдерживает... Кто завел эту глупую песню? Почему, хочешь не хочешь, а

должен слушать вопли динамика на столбе?!» А из громкоговорителя неслось на всю улицу:

Не могу я тебе в день рождения
Дорогие подарки дарить...

Домой, домой.

А вдоль сквера — вазы с цветами, а многоструйный фонтан в лучах летнего солнца...

Скорее бы, скорее бы до дому!

...Жена постояла минутку в растерянности, затем приложила ладонь к мокрому от холодного пота лбу Зулкарней Азнауровича:

— Боже мой! Что с тобой творится? Кровь совсем ушла с твоего лица!

— Молчи, женщина. Прочь с дороги.— Зулкарней Азнаурович устало отстранил испуганную жену, вошел в комнату и остановился у серванта.

А на серванте... Тысячи ярких искр испускала ваза, величественно и гордо стоящая на самом видном месте большой гостиной.

Он не хотел касаться ее руками. Он схватил стул, поднял его высоко, замахнулся и... поставил стул на пол. Может, все-таки подарок?

— Да что же с тобой случилось?— почти закричала жена.— Вымолви хоть слово!

Зулкарней Азнаурович медленно закрыл глаза. А когда он их открыл, двое в белых халатах суетились вокруг него, заправляя шприцы и откупоривая флаконы с лекарствами.

«Зачем они пришли?— вяло подумал он.— И почему так ноет сердце? В это время будто из глубокой таинственной пещеры донеслись тягучие и гулкие слова: «Я принес тебе гостинец, и гостинец не просто-о-ой...»

...Лежит сын Азнаура в светлой, как саван, больничной палате. Рядом на тумбочке — градусник, таблетки какие-то да стакан воды. Все вокруг погружено в крахмально-белую стерильную тишину. Слышит больной только стук своего чуткого измученного сердца. А может, это стучат часы, вделанные в противоположную стену? Нет, сердце. Его чуткое, измученное сердце. Оно сейчас что-то ему подсказывает.

Что же, интересно? А то, что придется, наверняка придется назначить этого оймаковского шалопая заместителем начальника отдела кадров.

ПРОВОДЫ

Слух о том, что Зулкарнею Азнауровичу стукнуло шестьдесят и он собирается уходить на пенсию, обрушился на громоздкий аппарат управления с мощью и неожиданностью снежной лавины. Она, эта лавина, начав свой путь из приемной начальника, с гулким рокотом прошла, нет, пронеслась через все кабинеты и коридоры, прогремела по всем лестничным пролетам, выплеснулась, наконец, в вестибюль и едва не сшибла с ног обычно ко всему равнодушного вахтера. В страшном возбуждении забегали по длинным ковровым дорожкам работники управления: можно было подумать, что здесь намечается либо первая в истории встреча разумных существ из соседней Галактики, либо крупное сокращение штатов. Новость будоражила умы и волновала сердца:

— Уходит на пенсию, слышишь!— и указательный палец многозначительно возводился к небу.

— Как не слышал! Так-о-е да не слышать!

— Неужели правда?

— Что «правда»? Что ему шестьдесят?

— Нет, что уходит...

— А-а...

— Вот было бы событие!

— Тише, тише!

— Ну и сюрприз!

— Он от нас, мы от него...

— Да тише, вам говорят!

Прошло несколько дней мучительного ожидания. Не слышавшие услышали, не верившие поверили, не видевшие увидели. Увидели, что начинается подготовительная работа «по организации достойных проводов начальника на пенсию». Специальная оперативная комиссия приобрела на средства месткома (по статье культмассовых расходов) дорожную двустоволку и прикрепила к ложу прямоугольную пластинку величиной со штамп управления. И тесно было на этой пластинке чеканным изъятием безграничной любви, искреннего уважения и глубокой преданности.

Но вот пробил час, и торжественный вечер начался. Нарядно одетые служащие, смущенно улыбаясь и пряча глаза друг от друга, заполняют актовый зал, богато украшенный живыми цветами в глиняных горшках... Откуда-то

из коридора доносится звонкая медь бравурного военного марша.

— Хорошо-то как!— прошептал, едва не прослезившись, заведующий восьмым отделом.

Что именно «хорошо», он, правда, уточнять не стал.

— Не забуду этих часов, проведенных в его приемной,— с чувством проговорил заместитель заведующего.

— А кого, интересно, на его пост?— спросил один из служащих.

— Да мало ли умных, знающих свое дело специалистов?— ответили ему.

— И то верно,— согласился служащий.— Но так или иначе, а идиюку я зарезу сегодня. Не стану тянуть до праздника. После собрания прошу ко мне.

Все наконец расселись по местам и притихли. На сцену прошествовал Зулкарней Азнаурович и водрузился за столом президиума. Музыка смолкла. Наступила минутная тишина. Потом зал взорвался громом аплодисментов и восторженных выкриков. Затем собрание гладко покатилося по привычным рельсам, делая кратковременные остановки для смены ораторов. Уже было вручено почетное оружие, то есть двустволка, уходящему на покой командиру учреждения, уже отзвучало с десятком приветственных речей, похожих друг на друга, как один и тот же приказ, размноженный на ротаторе. Все выступления штамповались по такому вот примерному стереотипу:

— Дорогой Зулкарней Азнаурович,— надрывался с трибуны очередной провожающий,— ваш уход на заслуженный отдых непомерно об... огорчил нас. Сколько бесценных указаний мы от вас слышали. Работа с вами была для нас страшным... э... счастьем. Наши сердца... Мы никогда... Как мы переживем...

У Зулкарнея Азнауровича дрогнул подбородок.

—...Судьба, которая бывает порой безжалостна. Но судьба иногда бывает и такой доброй, что не знаешь, как ее благодарить. Вы покидаете нас. Мы благодарим вас за все, что было, чего не было и никогда не будет. И не надо. Как мы теперь станем жить без вас...

Зулкарней Азнаурович налил из графина воды в высокий стакан и, стуча зубами о хрусталь, выпил всю до капли.

— Дорогой наш, незабвенный, неповторимый, несравненный Зулкарней Азнаурович! Как непривычно будет работать без вас, как осиротеют стены любимого нашего управления! На кого покидаете! Как без вас обойтись! Вы для нас, как самый родной... Эх, да что там!— и последний

оратор, не договорив последнего слова, махнул рукой и, будто кровно кем-то обиженный, ушел со сцены.

И тут встал именинник. Губы его тряслись, а острый кадык то проваливался за узел галстука, то выныривал снова. Однако Зулкарней Азнаурович быстро взял себя в руки и пошел к трибуне, прихватив с собой (нечаянно, по-видимому) ту самую двустволку. Подойдя к микрофону, он вытащил левой рукой большой белый платок и мощно протрубил в него носом. В динамиках раздался такой звук, словно пара семитонных самосвалов опрокинула кузова, груженные камнями. Те несколько служащих, что подремывали в задних рядах зала, подскочили с мест и зааплодировали. Все остальные на всякий случай к ним присоединились. Зулкарней Азнаурович молча переждал овацию. Потом задумчиво поднял ружье, усталым движением приложил его к плечу и почему-то прицелился в центр зала. Служащие замерли. Наступила дрожащая тишина. Тогда Зулкарней Азнаурович приставил ружье к ноге и начал говорить. Начал, как и всегда, с гневного бичевания бесфамильных нарушителей трудовой дисциплины и безымянных бракоделов. По привычке отметил достигнутые успехи и по своему обыкновению призвал встряхнуться, мобилизоваться, догнать и обогнать. В этом месте он всегда останавливался в ожидании рукоплесканий. Прозвучали они и на этот раз. Затем он продолжил, но теперь непривычно тихим и даже сердечным голосом:

— Дорогие друзья, любимые подчиненные! Здесь много звучало сегодня теплых и справедливых слов. Очень хороших и умных слов. Я сидел, слушал и думал. Нет, не должно страдать производство. Я не хочу, чтобы это... чтобы стены осиротели. Не хочу бросать вас в беде. Без моего руководства и этих... бесценных... которые указания. Я решил идти не на пенсию, а идти навстречу пожеланиям коллектива. Остаюсь. С вами — до конца!

Зулкарней Азнаурович повесил ружье на плечо и твердой походкой, четко печатая шаг, двинулся в зал.

Все присутствующие в одну секунду онемели, оглохли, ослепли, застыли, как гранитные кладбищенские изваяния.

В ОЖИДАНИИ ОДИССЕЯ



ПОВЕСТЬ



От окраины села, где были проводы уходивших на фронт мужчин, мы медленно брели домой. Спешить не хотелось. Мама и даже я сам чувствовали, что дом без НЕГО будет очень грустным домом. Привыкнем ли мы к тому, что в этих стенах неизвестно когда еще раздастся ЕГО заразительный смех, прозвучат веселые — выдуманные и невыдуманные — рассказы... Все в доме будет напоминать о НЕМ и все будет кричать о ЕГО отсутствии. Особенно громадная наша библиотека. Может, и не громадная, но самая большая во всей округе.

Когда я пытался в те детские годы пояснее представить себе отца, то фоном к его образу обязательно вставляли полки с книгами, большущий письменный стол с короткими гнутыми ножками и лампа под широченным зеленым абажуром. На столе всегда лежали стопки школьных тетрадей, которые нам с братом категорически запрещалось трогать.

С книгами отец прощался, как с людьми. Бережно прошелся ладонью по корешкам, что-то прошептал и покачал головой. А эту книгу он взял в руки, раскрыл и задумался. О чем — неизвестно. И по глазам было не понять...

Первое время мы как потерянные ходили по нашему притихшему дому. Тишина эта пугала. Ее не нарушал даже мой совсем еще маленький братец, которому раньше ничего не стоило засмеяться или зареветь по самому неожиданному поводу. А в общем это был жизнерадостный и деятельный несмышлениш. Он только один раз спросил, где его папа. Ему ответили, и он уже никогда этого вопроса не задавал.

Я еще не научился читать, а братишка с ученым именем Алим недавно научился не рвать книги. И мы уже умели, не причинив книгам вреда, с увлечением перелистывать их и разглядывать картинки, а из книг без картинок строить дома и мосты.

Мама была довольна тем, что мы гораздо меньше стали бегать по пыльной улице и доставлять лишние хлопоты по стирке штанишек. И ссадины на коленках и локтях стали появляться реже.

Время с книгами бежало незаметно. Особенно быстро проходили часы от обеда до ужина. За столом у каждого

было свое место. Правда, Алим взгромоздился однажды на отцовский стул, но тут же получил негромкое строгое внушение: пока хозяин воюет, его место никто не смеет занимать. Алим больше не нарушал этого правила. Лишних подзатыльников, с помощью которых я помогал маме воспитывать младшенького, ему получать не хотелось.

Цену книгам мы с братом еще не знали, но нам было известно, что столько книг нет, наверное, во всем селе. И мы этим гордились. Вместе с мамой.

А вот соседка Майрусхан, дальняя наша родственница, имела насчет обилия книг особое мнение. Мне запомнилось одно ее высказывание:

— Люди с умом закрывают стены добротными коврами. А вы — одними книжками. Может, и деньги платили за каждую. А что толку?

— Да, платили, — ответила мама, чему-то задумчиво улыбаясь, вместо того чтобы рассердиться.

Дело, наверное, было в том, что она, как и я, не могла себе представить моего отца отдельно от книг, которые были частью его жизни, его мира.

Я чувствовал, что это и мой мир, пока еще таинственный, непознанный. Мир с картинками и без, с прямыми строчками, заполненными мелкими буквами. И ведь каждая буква что-то означала!

А какие разные были эти книги! Одни толстые, как наш другой сосед — заведующий сельмагом Таусолтан, которого, как говорили, нельзя было брать на фронт из-за слишком объемистой фигуры. Другие книги — тощие, как его жена — словоохотливая Марзият.

Однажды они заявили к нам с таким видом, будто пришли осчастливить бедных соседей, и радостно сообщили, что нашли покупателя на всю библиотеку целиком.

— Он купит все книжки до одной. Зачем они тебе? — убеждающе пыхтел толстый Таусолтан.

— Одной трудно будет, — стрекотала вертлявая Марзият. — А муки на зиму запастись надо? А детей одеть-обуть надо? Да мало ли еще чего!

— Кто вас просил об этом? — резко ответила мама и на секунду задохнулась. — Вы что? Хоронить вздумали хозяина этих книг? И как это вам пришло в голову!

Оторопевшие гости молча переглянулись и ушли.

...Та самая книга. Судя по картинкам и золотым кудреватым буквам на обложке, должна была быть очень интересной. Я попросил маму почитать ее вслух. Но она подержала книгу в руках и сказала погрустневшим голосом:

— Не спеши, сынок. Книга эта на русском языке. Будет судьба к нам жалостливей, закончится война, отец вернется, а ты пойдешь в школу. Там тебя научат читать и по-балкарски, и по-русски, а может, еще и на других языках. Тогда все наши книги ты сможешь прочитать. А пока...

— Я знаю, почему ты грустная,— вдруг сказал я.— Другие получают письма, а мы все ждем и ждем. Наверное, наш отец очень сильно занят, и ему некогда написать письмо.— Я хотел успокоить мать, но, кажется, из-за моих слов она стала еще печальнее.

Мама ничего не ответила. Погладила меня по голове и, будто спохватившись, заторопилась на кухню.

Судя по разговорам взрослых, война пока не думала кончаться. Наоборот, разгоралась с новой силой и приближалась к нашим краям. Наши солдаты отступали, а черная вражья сила наступала.

Я еще не понимал, какое горе обрушилось на миллионы таких семей, как наша, и какая злейшая беда грозит сотням и тысячам таких сел, как наше. Никакой опасности ни для отца с матерью, ни для себя с Алимчиком я, конечно, не предполагал.

Мы продолжали жить в своем мире. В том мире, где очень большое место занимали картинки с чудесными кораблями и горами, с таинственными лесами, зверями и рыбами, с диковинными домами и дворцами, а также с людьми, совершенно не похожими на наших односельчан.

2

Кукуруза была собрана, картошка выкопана. Стог пряно пахнущего сена для коровы занял свое место под навесом во дворе. Самые лучшие, самые красивые яблоки с румяными боками мы сложили в большой ящик и спрятали до возвращения отца.

Давно уже кончились теплые солнечные дни. По ночам за окнами жалобно стонал ветер, а по утрам он безжалостно охлаждал лицо. Нудный осенний дождь зарядил без передышки, превращая уличную пыль в густую непролазную грязь.

В один из таких непрекрасных дней зашла в дом вездесущая Майрусхан. Она выглядела сильно встревоженной. Все качала головой и что-то нашептывала, перебирая трясущимися руками гирлянду четок. Мать взяла ее под локти и усадила на кровать. Мы с Алимом обедали и не очень-то прислушивались к беспокойной беседе женщин. Потом, очистив тарелки, мы все-таки подсели к Майрусхан, кото-

рая всегда была ласкова с нами и, при случае, угощала то кистью винограда, то горстью конфет. Алим и теперь выжидающе поглядывал на тетушку Майрусхан, но на этот раз она пришла с пустыми руками.

— Бедненькая ты моя Зарият,— говорила она, положив ладонь на колено матери.— Книги придется поскорее сжечь и даже пепел закопать в землю.— Она посмотрела на стеллажи и осуждающе покачала головой.— Знаю, нелегко тебе это сделать...

— Ты что, Майрусхан? Как можно додуматься до такого! Что за нелепость...

— Никакой нелепости тут нет. А вот слушай сюда. Война, говорят, уже в Нальчике. Подлый и кровожадный враг сжигает дома, где есть много книг, вместе с хозяевами. Это точно. Да сохранит вас аллах, но дети дороже всяких книг, а башист есть башист.

— Это не в моих силах,— всхлипнула мама.— Что я скажу тому, кто долгие годы собирал их с такой любовью. Он каждой книге радовался, как ребенок хорошему подарку.

— Да я понимаю, милая. Видя, как вы влюблены в свои книги, я и сама уже начала их жалеть. Но когда, по воле аллаха, все обернется для нас к лучшему, появятся в вашем доме и новые книги. А эти не должны стать причиной неизбежного горя. Башисты, эти звери, да обрушатся на их головы весь небесный гнев, не щадят ни старых, ни малых. Увидят книги — поймут, что отец этих несмышленишей большевик и командир. И тогда все пропало. Решайся, милая. Я хочу тебе добра и хочу, чтобы лица этих шустрых мальчишек озарились счастьем встречи с отцом.

— А что если завернуть их и спрятать?— дрожащим голосом спросила мама.

— Ты, бедненькая Зарият, настолько добра и чиста, насколько и наивна. Слышала я, что у этих выродков есть остроухие собаки, обученные все находить по запаху, хоть в землю какую-никакую вещь закопай. Оставь сомнения. Поступай, как говорю. И нынче же дело должно быть сделано. Каждый час дорог...

В общем, Майрусхан убедила маму, что библиотеку надо предать огню, а пепел смешать с землей.

...Мы с мамой стали перетаскивать книги в огород за домом и складывать их в высокую кучу. Мама обильно проливали слезы, словно прощалась с близким родственником. Я догадывался, что заняты мы каким-то нехорошим, может быть, даже злым и постыдным делом. Правда, и опасность, о которой твердила Майрусхан, я как-то под-

сознательно чувствовал. А мой маленький и еще глупый братец с именем Алим, что значит ученый, взбирался на книжный холмик и весело скатывался вниз, оглашая задворки радостным смехом.

— Отойди, недоумок, в сторону,— строго сказал я.— Сейчас поджигать будем.

Алим послушался. Вообще он все чаще слушался меня. Либо оттого, что мог схлопотать подзатыльник, либо у него уже начало созревать природное чувство уважения к старшему брату. Алим шмыгнул носом, попятился к пеньку от старой груши, сел и, обхватив острые коленки руками, приготовился наблюдать за нашими дальнейшими действиями.

Я поднес горящую лучинку к той части книжной груды, где были тонкие брошюрки и какие-то журналы. И вот уже первые, пока робкие, язычки пламени стали неторопливо лизать печатные страницы. Мать громко заплакала и отвернулась. У меня тоже было непривычно тяжело на душе, но старшему мужчине в доме плакать не положено: я крепился.

И еще я заметил, что книги не хотели умирать. Обложки коробились медленно, не желая раскрывать огню тонкие, более податливые листы.

И все же каждая из многих сотен книг должна была сгореть, а ведь я не прочитал еще ни одной.

Книги не просили о помощи или пощаде, а лишь тихо, едва слышно потрескивали, словно перешептывались на прощанье. Они умирали с гордым достоинством. Некоторые — те, что в твердых переплетах, пока только почернели. Те, что в мягких обложках, легче покорялись огню...

Мама не выдержала этого зрелища и, закрыв лицо углом платка, пошла в дом. Мы с Алимом остались.

Книги умирали в муках...

Вдруг со стороны калитки раздался сердитый женский голос:

— Сумасшедшие! Что они делают!

Незнакомая, одетая по-городскому девушка забежала в огород и, схватив пустой мешок, валявшийся на земле, стала яростно гасить разгорающийся костер.

— Кто вам приказал жечь книги?! Где ваша мать?

— Не... не знаю...— растерянно пролепетал я.

— Чего таращите глаза? Помогайте тушить!

Мы вышли из оцепенения и начали, как могли, помогать девушке. Пепел летал в воздухе, дым ел глаза. Так или иначе, но добрые три четверти книг были спасены.

Девушка устало улыбнулась. Я запомнил ее сияющие на закопченном лице глаза и белые зубы.

— Спать книги, конечно, легче, чем хорошенько их спрятать,— кажется, она поняла все и без наших объяснений.— Эх, да что с вас спрашивать!— она нагнулась, подняла какую-то толстую книгу и осторожно, словно боясь поранить, раскрыла. Задумалась и забыла о нас, будто нашла то, что искала давно. В глазах ее светилась тихая радость и неудержимое любопытство, как у ребенка, получившего чудесную игрушку.

Наконец она оторвала взгляд от книги и посмотрела на нас. И удивилась: откуда, мол, взялись эти мальчишки. Она подошла к нам, села на охапку соломы и усадила нас рядом. Потом вынула платок и стерла пятна сажи на наших лицах. Ту толстую книгу она снова раскрыла у себя на коленях.

— Вы знаете, мальчишки, что это такое? Хотя — откуда вам знать...— Она снова задумалась, устремив взор куда-то в недоступную даль. Похоже было, что вспоминала нечто светлое и счастливое.— Уничтожив даже одну эту книгу, вы совершили бы злой, бесчеловечный поступок...

Мы с Алимом с великим вниманием слушали ее. Книга эта была мне, конечно, знакома. Она и заметно отличалась от других: тяжелый кожаный переплет — теперь уже с чуть обугленными верхними углами, золотые, но сильно потускневшие сегодня буквы на обложке, голубоватые листы, картинки, рассказывающие о смелых искателях приключений. Диковинные чудовища и причудливые корабли, странные люди, не похожие не только на наших односельчан, но и на людей из других книг. И вот я впервые в жизни узнаю о том, что рассказывается в этой книге. Узнаю от незнакомой девушки, которая только что спасла эту книгу от огня.

...В дальний и опасный путь отправились отважные путешественники. Впереди их ожидало множество тяжелых испытаний и удивительных приключений. Но их ничто не могло остановить на пути в сказочные страны. Предводителем мужественных моряков был Одиссей, настоящий герой, который безгранично любил свою родину Итаку. Много лет продолжалось его путешествие, но он вернулся домой. Бесстрашные мореходы сумели вернуться на родину, победив и страшных великанов-циклопов, и огромного дракона, и других кровожадных чудовищ.

Мама давно уже тихонько стояла рядом и тоже слушала. Незаметно спустились сумерки с серенького неба; Алим, привалившись к боку девушки, стал позевывать, а я... я готов был оставаться пленником чудесного рассказа всю ночь и весь день.

Ушли моряки в далекий путь, а на родной земле их

ждут дети, жены, матери и отцы. Славный Одиссей пройдет через все испытания, нигде не дрогнет его мужественное сердце, он одержит победу и вернется домой. И научит нас читать и писать. Иначе не может и не должно быть. Так сказала мама. И эта девушка тоже.

Они недолго обсуждали дальнейшую судьбу книг. Мать с готовностью последовала совету неожиданной гостьи.

— Другого решения и искать нечего!— твердо заявила девушка.— Слов нет, от фашистов добра не жди. Знаем, на что они способны. Но книги можно и нужно спрятать. Такая библиотека — ценность огромная! Хозяин вернется... Давайте не будем терять времени!

Книги были собраны в мешки и погружены в несколько ям, густо устланных сухой соломой. На эту работу ушла почти вся ночь, и свидетелями этого хоть и маленького, но подвига, мы с Алимом уже не были — крепко спали. А утром не смогли обнаружить в огороде никаких следов недавних событий.

Только одну книгу я оставил себе. Это была, конечно, «Одиссея» Гомера. Прежде чем спрятать ее где-то в доме, хотелось еще и еще полистать ее страницы, рассматривая чарующие картинки. Как хотелось поскорее научиться читать! Как хотелось, чтобы скорее вернулся отец! Я бы читал эту книгу и маме, и Алиму, а отец радовался и хвалил меня.

Девушка заночевала у нас и на другой день ушла. Она очень торопилась. Перед уходом сказала мне:

— Береги эту книгу. Мы вернемся скоро. А твоей учительницей в школе, наверное, буду я. Буду строгой, учти. Маму слушайся, хорошо ей помогай. Ты ведь старший брат, первый мужчина в доме.

Она погладила меня по голове, ущипнула Алимчика за щеку, обняла маму и быстро вышла на улицу.

Больше я ее не видел...

3

Деревья в нашем саду оголились, и холодный ветер гулял меж почерневших от сырости ветвей. Небо, еще недавно такое высокое и синее, плотно укутано низко нависшими серыми тучами. Земля стала подмерзать. Редко увидишь на улице случайного прохожего.

В один из осенних вечеров в село вошел враг. Вошел, воровато озираясь, держа на изготовку оружие. Кажется, не было в селе окошка, куда бы ни вглядывался черный зрачок автоматного ствола.

Мы с мамой все время помнили предупреждение Майрусхан о том, что «башисты» с помощью остроухих собак находят любые спрятанные вещи. Мы очень тревожились, тем более что этих собак Майрусхан уже видела на нашей улице. Однако «башисты», похоже, заняты были поисками не отцовской библиотеки, а чего-то другого, что беспокоило их гораздо больше. Правда, нам легче от этого не становилось: вражья сила всю хозяйничала в нашем селе — грабила и запугивала, гадила и разрушала. Мальчишки все больше отсиживались по домам. Даже маленький Алим и тот присмирел, хотя сначала шумное движение невиданных серых машин и трехколесных мотоциклов вызвало у него оживленное любопытство. Несмышлениш...

Проныра Майрусхан, до сих пор снабжавшая нас новостями одна страшнее другой, стала вдруг приносить отрадные вести:

— Ты не слышала, милая, наши у перевала Донгуз-Орун остановили-таки башистов. Ткнули их мордами в мерзлые камни и не дают головы поднять. Теперь настает наш черед...

— Да буду я жертвой твоей! — обрадовалась мать. — Значит, их скоро прогонят и перебьют, и наши скоро возвратятся домой?

— Ну, ты погоди насчет скорого возвращения, — сказала трезвомыслящая Майрусхан. — Побить проклятых врагов, конечно, побьют, но такие дела быстро не делаются. Уж я-то знаю.

Мама полностью полагалась на авторитет Майрусхан, но ей хотелось еще раз уточнить полученное сообщение:

— Но бить-то их начали по-настоящему?

— Да ты бы видела, сколько в последние дни привезли в Нальчик раненых да обмороженных! — тоном знатока заявила Майрусхан. — А где раненые, — там и до смерти убитые. Вот так-то, дорогая моя.

Эта гнетущая ночь продолжалась чуть больше двух месяцев. И вот в один из особенно морозных вечеров напряженную тишину разорвали грохот взрывов и треск пулеметных очередей. По тому, как всполошились «башисты», как в беспорядке и страшной спешке начали покидать село, побросав какие-то ящики, два-три вдруг загоревшихся грузовика и даже одну пушку, мы поняли: пришел счастливый, радостный, славный час освобождения. Жизнь сразу же стала жизнью, а не тем удушливым и унижительным существованием, которое приходилось влачить во время оккупации.

До весны было далеко, но все село бодро зашевелилось,

как перед началом пахоты. Казалось, и солнце светит теплее, и приглушенный говор реки, скованной льдом, звучит смелее и энергичнее: вот-вот взломается ледяной панцирь.

Мы с Алимом наверстывали упущенное: часами катались на санках, которые отец смастерил нам в последнюю мирную зиму. Иногда Алим пытался делать вид, что санки принадлежат ему одному, но я немедленно и весьма убедительно избавлял брата от такого заблуждения. Алим долго размышлял после этого и, наконец, приходил к выводу: чем лишаться санок совсем, лучше все-таки делить их на двоих. В общем, умнел на глазах.

Потом жизнь стала для нас еще интереснее: в сарайчике среди старого хлама отыскался хайнук — волчок из бычьего рога. Я до самозабвения гонял его по льду хлесткими ударами камчи, а санки совсем перешли к Алиму, чем он был крайне доволен.

В один из дней почтальон завернул и в наш дом — по его уверенной походке и улыбке можно было догадаться, что он несет добрые вести.

Вместе с письмом оказалась и фотография. Я не сразу узнал нашего Одиссея, до того прекрасно он выглядел в военной форме. Он сдержанно улыбался и говорил мне: «Такие вот, брат, дела. Воюем, как надо, и врага, конечно, одолеем». Мама тут же заметила, что он похудел, и заохала — не ранен ли? Но главное — она была так рада и счастлива, так сразу помолодела, что показалась мне немножко смешной. На девчонку похожей.

Получила письмо от сына и Майрусхан. В честь этого события пострадал чудом переживший оккупацию ее единственный баран, которого она ухитрялась скрывать где-то в окрестностях села. На курманлыке — щедром угощении для соседей — Майрусхан говорила: «Кушайте, кушайте, дорогие! Что из того, что животное последняя? Вернется сынок — найдем и еще!» Гости с аппетитом ели и сердечно желали Майрусхан, чтоб ее сын вернулся живой, здоровый и, дай аллах, с орденами.

Почтенная Майрусхан каким-то образом раздобыла в Нальчике кулек с леденцами и раздала сласти сельской ребятне. Вот был праздник!

Но не только отрадные вести озаряли лица моих односельчан. Иные письма приходили в черном обрамлении, и многие женщины на долгие годы облачались в одежды цвета неизбывного горя...

На короткую побывку, на долечивание после ранения,

стали изредка прибывать наши фронтовики. Дни радости, дни печали...

А я все ждал Одиссея. Ждал и возвращения своей будущей строгой учительницы — девушки, ушедшей в партизаны. Но что-то затянулось ее возвращение. На мои вопросы мать отвечала: будет, мол, тебе и учительница, и школа — всему свое время. При этом она становилась грустной и спешила отвести взгляд. Однажды она все-таки не выдержала:

— Ты уже смысленный парень, скажу как есть. Не вернется твоя учительница. Она бы выполнила обещание. Ее слово — верное слово. Но ты ее не жди. Убили ее фашисты... Погибла, как настоящий герой... — Мать вынула платок, дальше рассказывать не могла. Да и о чем рассказывать?

Тут я чуть не заплакал. Вспомнил ее смех, зубы-жемчужины, сияющие глаза на потемневшем от пепла лице. Трудно было поверить в то, что больше я ее никогда не увижу. Зато мне стало ясно, что уж забыть я ее не смогу никогда, хоть и знал эту добрую и решительную девушку всего каких-то несколько часов. И Одиссей вернулся, и отец вернется, а она — нет. Как смириться с такой мыслью? Вытащил книгу, которую держали ее руки, и долго-долго держал в своих...

Печаль и радость ходят рядом. Кто сказал эти слова? Не помню. Слышал их еще в детстве. Долгие месяцы нет писем от отца. После того, первого, с фотографией. Май-русхан успокаивает: фронт далеко, письма идут медленно. Но мы знали, что сама-то она письма получала, хотя фронт и далеко.

Жизнь шла своим чередом, и в ее большом оркестре все чаще звучали бодрые и звонкие ноты. Таял снег, и набухали почки деревьев, на солнечных склонах пробивалась первая зеленая травка. Прилетели жизнерадостные ласточки — вестники добрых перемен и грядущего благополучия.

Мы с Алимом вновь листаем наши книги, слегка пахнущие сырой землей и зимним холодом. Одиссея я, конечно, держу отдельно и показываю его Алиму «только из моих рук». А сидеть дома приходится почти все время. После одного жуткого события мама не выпускает нас за пределы двора. А случилось вот что. Ребята немного постарше меня отправились в лес за валежником. Весело шагая по тропе, они вдруг увидели какие-то незнакомые предметы. Подошли поближе: сапоги, ботинки, расписные коробки, окрашенные в зеленый цвет деревянные ящики. Трое парнишек стали с любопытством перебирать найденное, кто-то начал

разбивать ящик топориком... От мощного взрыва содрогнулся весенний лес, гулкие его раскаты были услышаны в селе. Это взорвались немецкие мины.

Рыдающие матери посылали фашистам страшные проклятия. Эх, был бы от них хоть какой-нибудь толк!..

4

Наше переселение в узбекский посслок для Алима и для меня было событием выдающимся. Весь долгий путь он чувствовал себя, как на веселом празднике, и не считал нужным скрывать своих щепячьих восторгов. И это несмотря на то, что взрослые совсем не радовались такому путешествию.

Я и на новом месте не расставался с любимой книгой. Одно время мама даже забеспокоилась — не свихнулся ли я на своем Одиссее, но потом решила, что лучше уж увлечение книгой, чем пустая беготня по улицам.

Я видел на картинках, как герой древности боролся со сверхъестественными чудовищами, как выплывал из бушующего моря, а вот прочитать обо всем этом со всеми подробностями, услышать со страниц книги речь славного Одиссея я не мог. Но уже тогда начал понимать, что просто обучиться чтению — этого еще недостаточно. Надо суметь войти в огромный и удивительный мир, называемый русским языком. В моем еще детском сознании русский язык представлялся чем-то вроде Одиссеева корабля, на котором можно смело отправиться хоть на край света и повидать множество далеких стран со всеми их чудесами.

Первым кормчим моего «Арго» оказался улыбчивый рыжекудрый моряк, недавно вернувшийся с фронта.

— Послушай,— сказал он.— Я почитаю, а ты послушай,— он раскрыл небольшую книжку:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Непонятных слов тут было для меня больше, чем понятных, но я сразу почувствовал песенную сокровенность этих слов, захотелось, чтобы моряк повторил их еще и еще. В тот же день я сам повторял их наизусть. И узнал от рыжего «кормчего» еще одно громкое имя, связанное с книгой на русском языке,— Лермонтов. Не знал я только, что Лермонтов станет для меня потом поэтическим проро-

ком на всю жизнь и я никогда не пойму, как можно переводить его строки на другие языки...

Мой моряк кораблями никогда не командовал, но был настоящим матросом-черноморцем, прошедшим огонь и воду. Теперь он сменил флотский бушлат на гражданскую одежду, но вместо майки носил полосатую тельняшку, сам ее стирал и вывешивал сушить во дворе.

Дом наш был низенький и длинный, с десятком комнат-близнецов, которые черноморец называл каютами. Одну «каюту», соседнюю с нашей, занимал он, веселый, никогда не унывающий моряк, в каждой из остальных располагалось по целой семье, вроде нашей.

Однажды моряк стал куда-то собираться. Достал из деревянного «сундука» черный бушлат с орденами и медалями и надел, позвякивая ими. Затем аккуратно подогнул пустую штанину и заколол ее булавкой. Все это проделал он быстро и ловко. Казалось, ему не доставляло никаких неудобств отсутствие одной ноги ниже колена. Казалось, он так и родился. Подняв голову и заметив, что я уставился на него круглыми неподвижными глазами, он улыбнулся:

— Садись, браток. Вижу, жалеешь ты меня.

Я смущенно отвел глаза.

— Но вот я еду в город и вернусь на мировой деревянной ноге. Начну сразу же учиться танцевать. Раньше это у меня здорово получалось. Понимаешь, братишка?

Я кивнул. И в самом деле, я уже многое понимал, о значении непонятных слов догадывался. Ежедневно в мой юный мозг, в основном с помощью умного и добродушного соседа-моряка, вливались целые потоки живой русской речи, и все чаще я сам задавал вопросы моему «кормчему».

— Ты правда сказал?— спросил я, заметив испарину на лбу у моряка.— Деревянную ногу?

— Это точно, братишка,— ответил он, зашнуровывая единственный ботинок.— Деревянная нога— это даже лучше. Зимой она не замерзает, а летом не потеет. Кроме того, такой ногой можно отлично колоть орехи!— Шутка понравилась ему самому, и он громко рассмеялся, вытирая лицо платком.— Есть и другие важные выгоды. Обычные ноги тянут под воду, а деревянная, как спасательный круг, все время будет на плаву. Понимаешь? Так что корабль наш на дно пока не собирается. Сломана и упала за борт мачта, но ведь руль-то и винты работают, верно? И шторм кончается, и на палубу уже светят веселые и теплые лучи солнца, а?— последние слова моряк говорил уже не смеясь, а сквозь зубы, и на скулах у него вздулись желваки.— До последне-

го, брат, причала еще топать и топать, а океан жизни — шутка хорошая, хотя и состоит он главным образом из берегов.

— А ордена за что?— глуповато и неуместно спросил я.

— О, это очень большой разговор. Расскажу потом, когда вернусь. И про Севастополь расскажу, и про «Огненную землю», и про Керчь. Были дела... Вечером поговорим. А сейчас мне пора. Извини, братишка.

Широкоплечий высокий матрос, позвякивая боевыми орденами, и бодро постукивая тяжелым костылем, пошел по пыльной дороге в сторону железнодорожной станции.

Как полюбил я этого человека, с какой гордостью думал о его дружеском отношении ко мне!

5

В последнее время мама стала прихварывать, сильно похудела. И Алим переживал не лучшие времена: запоносил, его шейка, и без того тонкая, стала еще тоньше. Смотрел на его огромные, непривычно грустные глаза, и жалость сжимала мне горло. Я дал себе слово никогда его не обижать. И маму тоже. Причина этих несчастий была, конечно, одна: мы слишком скудно питались. Часть хлеба, что получали по карточкам, мать меняла на молоко. Позже я заметил, что она сама ела гораздо меньше нас. Украдкой плакала.

В один из самых нелегких дней нашей жизни в комнату вошла пожилая узбечка. По ее усталым глазам было видно, что она очень добрый человек — из тех, кто никогда не знает душевного покоя, если рядом кто-то бедствует. Почтенная женщина сняла с головы большую кастрюлю и поставила на стол. Посмотрела на жалкого Алимчика, который таял на глазах, потом повернулась к матери:

— По всему видно, мальчик болен. Он в хорошем уходе нуждается. Мы должны беречь своих детей особенно старательно: слишком многих юношей унесла война.

— Да, это так,— прошептала мать и погладила голову тихого и грустного Алима.

— Значит, так,— деловито начала узбечка, снимая коричневыми узловатыми пальцами крышку с кастрюли,— я буду вам через день приносить вот такой айран. Это как раз то, что нужно. А скоро начнется хорошая жизнь. Война кончается. Возвратятся мужчины, и будут на земле покой и изобилие еще лучше, чем до войны. Так написал в письме мой сын.

— Да вернется он живой и здоровый!— подхватила наша мама.

— Спасибо. Дай аллах. Да будет счастливый и радостный праздник и в вашем доме! Мой приедет — и курманлык и свадьбу вместе сделаю. Девушку держу на примете. В школе вместе учились. Думаю, понравятся друг другу. Вот я стара, а самых больших радостей в жизни ожидаю впереди. А вы молоды, значит и радостей у вас будет больше. Теперь пойду я. Платить за айран ничего не надо. Сын писал, что его, раненого, выходила, поставила на ноги женщина-украинка, чужая мать. Ей труднее было. А я живу неплохо. Корова у меня хорошая.

— Нам бесплатно не надо,— слабо запротестовала мать.

— Ну, хорошо. Как-нибудь потом рассчитаешься. А пока сделаем, как я говорю. И не спорь со мной. Я больше тебя прожила на свете. Вот сыновья твои подрастают. Хорошие мальчики, воспитанные. Отец будет доволен. Только здоровье их подтянуть надо. Да и твое тоже.

Старая узбечка улыбнулась Алиму и мне и засемила к выходу.

Айран был превосходный! После нескольких глотков этого белого, чуть пузырящегося чуда у Алима заблестели глаза. Глядя на него, заметно оживилась и мама...

Вечером приехал сосед-моряк. Он и в самом деле предстал перед нами на двух ногах. Он был весел и счастлив. Деревянная нога, закрытая теперь штаниной, внешне совсем не отличалась от настоящей, тем более что обе ноги были обуты в новые ботинки. Шагал он, правда, медленно, и что-то там у него поскрипывало, но моряк смеялся: так всегда поскрипывает, говорил он, рангоут — деревянные снасти на корабле.

Не знаю почему — со мной он разговаривал подолгу и охотно. Главное, никогда не поддразнивал, если я коверкал русские слова, а спокойно, вроде бы мимоходом, поправлял и продолжал разговор.

— Трудный язык этот русский,— тяжело вздыхал я.

— Легких языков не бывает. А русский — он очень богатый и красивый. Будешь хорошо знать его — не пожалеешь. Грех забывать и свой родной язык, но с русским можно смело пускаться в плаванье по океану жизни — не пропадешь. Тебе ведь осенью в школу?

— Да, в школу.

— Вот и отлично. Вместе пойдем.

— Ты не учился в школу?— опешил я.

— В школе,— поправил он.— Но ты, братишка, плохо

обо мне думаешь. Я, дружище ты мой, в школе учил ребят постарше тебя. Целый год преподавал историю. Знаешь, что такое история? Узнаешь. Не будь войны, работал бы в школе до сих пор. Ребята, знаешь, слушали меня с удовольствием. Не подумай, что хвастаюсь.

Обычно после обеда и до темноты читал моряк разные книги и что-то записывал в толстую тетрадь. Потом, когда на столбе у нас во дворе загоралась единственная лампочка, он брал свою двухрядку, садился на им же сколоченную скамеечку и играл матросские песни. Собирались и взрослые, и детвора, а он приятным басовитым голосом пел про то, как раскинулось море широко, про то, как врагу не сдастся гордый «Варяг», про Севастополь и Одесу. И еще он пел про одно тяжелое сражение и как молодого черноморца несли с разбитой головой. При этом моряк то печально склонял голову, то, наоборот, вздергивал ее кверху и направлял отсутствующий взор в звездное небо.

А заканчивались эти в общем-то грустные концерты бодрым разудалым «Яблочком».

Однажды я застал нашего соседа стирающим тельняшку.

— У тебя жена есть? Мать, сестра есть?— спросил я его.— Почему сам стираешь?

Моряк покачал головой и ничего не сказал.

— Давай свою одежду. Моя мать будет постирать. Ей уже хорошо.

— Ничего, братишка. Я уже заканчиваю. Да и потом я в таких делах — мастер. Моряк должен уметь все. Вот, например, из макарон я могу приготовить шесть блюд, а из картошки — так все двенадцать.

— Где твоя семья? Ты почему один?— не унимался я, не зная еще, что такие вопросы надо задавать осторожнее, а лучше — не задавать совсем.

— А они, дружище ты мой,— вздохнул моряк, с силой выкручивая тельняшку,— остались в Севастополе...— Он повесил тельняшку на спинку кровати.— Здесь пусть сохнет. И в комнате будет прохладнее.— Он помолчал, задумчиво глядя на меня.— И жена, и совсем крохотный сынишка...

— Ничего,— сказал я.— Скоро война кончится — привезешь их сюда.

— Нет, не привезу. Севастополь уже освобожден, но туда не поеду.— Он сел, положив мокрые руки на колени.— Сгорели они вместе с домом. А я вот уехал подальше. Вон сколько тысяч километров отмахал от своих несчастий. От города своего любимого. Да только от памяти своей

убежать нельзя. И каждую ночь я снова там, в Севастополе. Вижу знакомые улицы, знакомые дома, знакомые деревья... И все это мне — как пригоршни соли на свежую рану. Просыпаюсь — будто пленка порвалась у плохого киномеханика — и темнота. Засыпаю снова — пленка раскручивается с самого начала. Понимаешь?

— Понимаешь, — засопел я.

— Такие вот дела. Такие морские сражения. — Он встал и, словно перешагнув через свои мысли, пошел в угол комнаты, схватил гармошку и... снова опустил ее на место. — Знаешь, я вспомнил нашего старпома, это главный на корабле после капитана. «Дайте смерти огоньку, ребята!» — кричал он во время боя. За день мы потопили подводную лодку и сбили два самолета. Славный был денек. Только скверно кончился. Тот старпом спас меня, выудил из воды... с одной ногой. Но хватит про грустное! Займемся лучше великим русским языком. Он стоит большего внимания, чем мы ему уделяем. Верно, братишка?

6

На длинном дворе нашего длинного дома в летний день не увидишь ни одного взрослого. Все на работе. А ребятня проводит время по-своему. Кто носится «верхом» на палочке, кто гоняет ржавый велосипедный обод. Пыль столбом. Руки и лица — в пыли. Волосы — тоже. Матери за это по головке не гладят. Горячие лучи азиатского солнца нас несколько не расслабляют, тем более что под боком — арык с водой, мутноватой, но охлаждающей.

А моряк на улице появлялся редко: он готовился к новому учебному году.

...Солнце завалилось за густые кроны карагачей, и я вспомнил «домашнее задание». Подмел пол в комнате, загнал домой Алима и помог ему отмыть чумазую мордочку, сдерживая его прыть шлепками и назидательными рассуждениями о пользе чистоты. Потом мы обстоятельно опустошили свои кружки с айраном и повздыхали по поводу отсутствия хлеба, нами же съеденного раньше времени.

— Теперь будем читать, — сказал я.

— Будем, — согласился Алим, который никогда и ни в чем не перечил старшему брату.

— И никуда не пойдем! — еще строже заявил я.

— Никуда, — подтвердил Алим.

Мы стали перелистывать родного Одиссея. Там, где буквы покрупнее, — названия глав, — я медленно, по слогам

читал вслух, тыча пальцем в каждую букву. Алим так же медленно и торжественно повторял за мной, хотя и не понимал, что это за магические заклинания произносит его большой и умный брат.

Постучали в дверь. Вошел моряк с каким-то свертком в руках. Он, как обычно, весело кивнул и подмигнул одновременно, развернул бумагу и выложил на стол буханку белого хлеба.

— У нас на флоте такой закон: чем богат, тем и делись с братишками. Так что получайте и не смущайтесь.

Мой братец отодвинул книгу в сторону и уставился на это чудо круглыми зачарованными глазами. Буханку в целом виде и такого умопомрачительного золотистого цвета он видел впервые. Да и я почти физически ощущал, как светилась она каким-то теплым волшебным светом. Мы с Алимом дружно сглотнули.

— Нам та... такой не надо,— сдавленным голосом сказал я, взяв себя в руки. Алим устремил на меня испуганный взгляд. Моряк слегка растерялся.

— Какой это «такой»?— обиженным басом заговорил сосед.— Это дружеское отношение к близким людям. Не рассуждать надо, а резать и рубать.

— Рубать не будем!— твердо ответил я.— Такой подарок нам не нужен. Такой подарок не бывает!

Честно сказать, упоительный запах этого, наверно, недавно выпеченного хлеба начал кружить мне голову. Вот наказание! Нет, ни за что бы тогда не поверил, скажи мне кто-нибудь, что кто-то ест такой хлеб сколько и когда захочет. Я старался вообще не смотреть на уже казавшуюся одушевленной буханку.

— Не обижайте, ребята,— сказал более мягким тоном хозяин хлеба.— Мне определена большая пенсия и роскошный паек. Денег — куча. Так что я теперь должен делать? Все лопать сам, пока не лопну? Глупо ведь. И еще,— оживился моряк, словно что-то придумал.— Будь я на вашем месте, а вы на моем и не поделись со мной,— я бы перестал считать вас друзьями. Понятно?

Я стал понимать. А может, хотелось понимать.

— Тогда... тогда,— осенило и меня,— у нас ничего нету, но вот, возьми это. Тогда будет хорошо и честно.— Я протянул ему нашего «Одиссея». Нашу единственную радость и утешение.

Сосед нехотя взял книгу.

— Это слишком высокая цена за хлеб, который съел — и нет его. И вообще мы не на базаре.

— Тогда мы тоже...— сказал я, оттаскивая Алима, который слишком приблизился к буханке.

— Ну ладно, гордецы мокроносые,— сказал моряк, завернув книгу в ту газету, в которой была буханка.— Я, пожалуй, пойду. А вы ешьте. Мать тоже не забудьте. Обидели вы меня. Я к вам как к друзьям-товарищам, по мужской дружбе, а вы... Ну, в общем — пока...

— Спасибо,— сказал я ему вслед, хотя он, наверное, и не слышал.

С золотыми буквами на коричневом кожаном прerreплетe, с множеством диковинных картинок, наше единственное богатство — книга ушла из наших рук. Грустно стало еще и оттого, что я уже начинал читать ее. Но замечательный запах свежего, белого и мягкого, как вата, хлеба вконец помутил мой рассудок. И еще этот испуганный взгляд Алимовых огромных глаз...

Не успела дверь закрыться, как Алим бросился на буханку, как изголодавшийся кот на растерявшегося мышонка. Я спокойно и деловито отобрал у него буханку, отмерил питкой сердцевину кирпича и разрезал его на две части. Половину завернул в газету — для матери. Она взрослая. И работает. Это я уже хорошо понимал. Другую половину мы с Алимом тоже разделили на равные части. Сначала я поиздевался над Алимом, предложив выбрать любую половину. Это было для него настолько мучительно, что я наконец взял кусок поближе, а ему оставалось взять другой.

Мы были богаты.

Мы были веселы.

Особенно Алим, который двумя руками держал чудо из чудес — добротный ломоть прекрасно выпеченного хлеба — и был счастливей всех на свете. Он сейчас не завидовал никому в целом мире. Я впервые тогда подумал, что для хорошей и веселой жизни надо не так уж много. Хотя такой вот хлеб — разве этого мало? А потом я еще подумал и решил, что для счастья нужно еще кое-что: чтобы мать никогда не болела и отец — Одиссей наш — вернулся с фронта. Хорошо бы еще иметь новые ботинки к началу занятий в школе, новенький портфель, книги и цветные карандаши. И еще — велосипед со звонком... Нет, пожалуй, велосипед — это уже слишком...

Мать, увидев наше пиршество, сначала опешила. Остановилась на пороге и с ужасом смотрела на своих сыновей. Но ничего не могла понять: почему у меня такой гордый вид и почему Алим так плутовато улыбается.

Мы развернули кусок, который оставили для нее. Она испугалась еще больше. Я подробно объяснял ей все, а Алим сидел и всю поддакивал на тот случай, если мать не поверит моим словам.

Уход из наших рук чудесной книги опечалил мать. Она задумчиво отломала кусочек от хлеба и отошла к окну. Мы подошли к ней. На впалых щеках матери мы увидели две слезинки. Но она их быстро вытерла, тряхнула головой, улыбнулась, и нам тоже стало весело: когда матери весело, в доме всем бывает весело и радостно.

— Ну что ж. Спасибо за угощение. Но я обещаю вам, что дела наши скоро пойдут хорошо. Неплохие трудодни выписали мне. У нас будет все. Почти все, что нужно. А ты будешь одет к школе не хуже других,— это она обратилась ко мне.— Я это обещаю,— каким-то задорным голосом сказала мать.— А теперь я вас угощаю яблоками.— Она достала из сумки три огромных красных яблока.

Это был далеко не худший день из всех дней нашего детства.

7

Когда до школы оставалась неделя, сосед-моряк обошел всех, кто должен был пойти в первый класс, и сделал всем неожиданные подарки: самодельные тетрадки и по одному карандашу к каждой. Не беда, что бумага в тетрадях далеко не белоснежная, а желтоватая и грубая, да и разлинована от руки,— все равно лучшего подарка нельзя было и вообразить.

Наш моряк, казалось, не знал усталости. Он обошел все дома нашего поселка. Встречался с матерями будущих школьников, советовал, как лучше подготовиться к учебе.

Оставшиеся дни и ночи тянулись до бесконечности. Но каждый новый день приближал нас к тому долгожданному сроку, который назывался первое сентября. Беспечную беговню по пыльным улицам, всякие там воинственные игры почти прекратились. Мы стали заметно серьезнее. Даже Алим, которого школа пока не ждала. Зато у мамы забот прибавилось — она старательно обновляла мой гардероб.

Наконец, когда я в новеньких ботинках, в черных брючках и ослепительно белой рубашке предстал перед зеркалом, неизвестно, кто больше радовался и гордился,— я или Алим. Но мать была сосредоточена. Она решила, что рубашка не совсем удалась в плечах, еще долго исправляла какой-то недостаток. Алим внимательно изучал мою одежду. И это неспроста. Он знает, что, когда

брюки мне станут коротки, они перейдут к нему. Рубашка тоже. На ботинки он, правда, зря рассчитывает. Я успею их износить раньше, чем они начнут жать. А пока он смахивал пылинки с моих брюк и рубашки, по-хозяйски проверял, крепко ли держатся пуговицы. Алим не завидовал мне. Наверное, твердо усвоил истину, однажды сказанную матерью: «Чем скорее вырастет твой брат, тем скорее вырастешь и ты. Он прибавит год, и ты — год. Он — два, и ты — два».

Только однажды он крепко позавидовал. А было так. Моряк прочитал мне большое стихотворение «Бородино». Я решил выучить его наизусть. Три дня подряд я мучил соседа, уговаривая читать «Бородино» снова и снова. И вот чудесное стихотворение накрепко запечатлелось в моей памяти. К тому же учитель объяснил многие непонятные слова, и мое чтение стало вполне осмысленным.

Матрос постучал пальцем по моему лбу и весело сказал:

— Ну, братишка, это у тебя, знаешь, того... неплохо сработано!

— Точно, — согласился я, употребив одно из любимых его словечек, и моряк рассмеялся еще больше.

И вот когда я с выражением продекламировал стихи наизусть перед зачарованными матерью и Алимом, то у моего брата после этого даже слюнки потекли, точь-в-точь как при виде белой буханки. Как ему хотелось быть похожим на меня!

Первого сентября утром наш длинный двор был похож на цветочную клумбу. И откуда только в это трудное время нашлось у людей столько нарядов. Вообще-то нарядны были дети — девчонки особенно, а не матери. Столько улыбок, столько радостных лиц, наверное, наш двор не видел давно...

Казалось весь мир сегодня праздновал и не было людского горя, не было войны.

Мать из глубины сундука извлекла свою красивую кофточку, повязала ее на загорелую тонкую шею и отправилась со мной. За нами семенил Алим, радостный и счастливый не меньше меня. Можно было подумать, что в школу иду не я, а он, тем более что я дал ему понести свои школьные принадлежности.

Наш поселок от всего остального мира, где станция, город, школа и великолепный базар, отделяла величавая, мутноводная река. А связывал с остальным миром, где и станция, и город, и школа, а самое главное — великолепный базар, деревянный мост через эту реку.

Школа была мужской: в те времена девочки и мальчики учились раздельно. До сих пор не знаю почему. Я, как мужчина, пошел в белостенную, стооконную (может, и не сто) школу, откуда уже нельзя было смотреть на мир прежними глазами.

Торжественный звонок был вершиной праздника, именуемого началом учебного года и состоявшего, кроме того, из речей директора, нескольких учителей и одной восторженной мамы.

Мы — первоклашки разных из-за превратностей войны возрастов — расселись по партам, заманчиво пахнувшим свежей краской. В незнакомой обстановке чувствовали себя стесненно, украдкой шныряли глазами в разные стороны, с любопытством рассматривали друг друга.

По правде сказать, вначале мой сосед мне не очень понравился. Одет он был очень опрятно, а лицо — круглое, как тарелка, щеки румяные, как поджаристые оладьи. Смешной выглядела его голова в огненно-рыжих кудряшках. С минуту мы молча изучали друг друга. И мне стало казаться, что, несмотря на смешные кудряшки, это, по-видимому, добрый мальчик. Больше всего за это говорили серьезные и умные глаза, хотя и зеленоватого цвета.

— Давай познакомимся,— сказал он наконец, протянув мне пухлую ладошку.— Меня зовут Валера.

Мы пожали друг другу руки по-мужски крепко и честно.

На первой же перемене Валера извлек из скрипящего портфеля картонную коробочку с конфетами и протянул мне.

— Угощайся. Бери сколько хочешь.

Я заколебался. Давно уже не видел конфет вообще, а таких и подавно. Это были шоколадные конфеты. Заметив мое замешательство, Валера протянул коробку и мальчику с соседней парты и тем, что сидели впереди нас. Это придало уверенности и мне.

Шли дни. Мы теперь писали не только палочки и крючочки, но и такие простые, такие близкие и родные слова, как «мама», «папа»... Все мы говорили на том языке, без которого разноплеменная наша школа не сделала бы и шагу. Мой русский, мой все убыстрявший ход корабль уверенно преодолевал и мертвую зыбь и крутобокие волны. Сосед-моряк преподавал в других классах, но дома все же находил часок-другой позаниматься со мной. Я научился уверенно произносить и правильно употреблять слова вроде «действительно», «замечательно», и мало кто смеялся над моим произношением, хотя ошибался я пока нередко.

Насмешил же я ребят совсем другим способом. И этот смех чуть не закончился для меня совсем печально.

Все началось с того, что сидевший позади мальчик спросил, что я умею делать.

Я не понял вопроса.

— Вот bestоловый,— сказал он.— Ну, вот я могу делать это...— Мальчик ловко вывернул веки и получилось очень страшно.

— А я могу...— сказал я,— шевелить ушами.

— А не врешь?

— Нет, правда говорю. Могу шевелить ушами, как заяц, как собака или ишак.

Ребята рассмеялись и плотно окружили меня, уставившись на мои в общем-то обыкновенные уши. Успех моего таланта превзошел все ожидания. Ребята давились от смеха, некоторые вытирали слезы.

— Ну точно как собака!

— Как заяц!

— Как настоящий ишак!

Я и сам не знаю, когда научился этой нехорошей привычке. Но всеобщий смех меня ободрял, и я старался еще больше рассмешить благодарную публику. Когда же я стал шевелить ушами попеременно — то одним, то другим, — в классе поднялся сплошной рев. Меня просили повторять «номер» вновь и вновь. А я не заставлял себя долго упрашивать. Что мне терять? Было бы весело всем ребятам. В такой вот момент в класс и вошла учительница. Мы дружно разбежались по местам и вразной поздоровались.

Начался урок русского. Мой самый любимый урок. Учительница вызвала меня. Мой ответ оказался, наверное, правильным, и учительница сидела и все кивала. И каждый раз увесистая серьга в ее ухе качалась туда-сюда, туда-сюда. Мне стало смешно. Но потом я решил, что серьгу шевелит она сама, и невзначай двинул ушами. По классу прокатился сдержанный смешок. И тут мне задали вопрос посложнее. Я крепко задумался, но уже по инерции, видимо, еще сильнее зашевелил ушами, как бы помогая мозгам. Класс развеселился всюю.

Учительница возмутилась, но ничего не поняла.

— Что же случилось?— спросила учительница, подойдя к мальчику, хохотавшему громче других.

— Он... он... он шевелит ушами. У-ой, опять зашевелил!

Учительница грозно посмотрела на меня поверх очков, и я почувствовал, как стали гореть мои уши. От стыда, наверное.

— Иди в угол,— сказала учительница негромко, но настолько внятно и четко, что я немедленно выполнил ее приказ.

Но теперь весь класс смотрел на меня неотрывно: было похоже, что урок мало кого волнует. И вдруг—о горе! Уши сами по себе шевельнулись еще раз, и в классе раздался новый взрыв смеха. Учительница подошла ко мне. Теперь она смотрела не поверх очков, а через очки. У нее были в этот момент совершенно безжалостные стального цвета глаза. Она опять негромко сказала... нет, не сказала, процедила сквозь крепко сжатые зубы:

— Выйди вон, а завтра придешь с матерью.

В коридоре непривычно тихо. Гулкие звуки моих шагов, казалось, отдавались в затылке.

Идти домой? Мать на работе. Алима отвела в недавно открытый детсад. Нет, домой не пойду. Схожу-ка я на базар. Вчера от пирожка отказался. Добавлю к сегодняшним деньгам—будет самса. Горячая, румяная самса. Нет, пожалуй, куплю отличного винограда. Того, черного.

8

Хотя сегодня вовсе не воскресенье, базар полон жизни. В многообразии ярких цветов он, этот базар, мог потягаться с цветастым платьем узбечки. Пронзительные голоса зазывал стремились перекричать друг друга. Бесконечно длинные столы под бесконечно длинными навесами полны яблок и слив, хурмы и айвы, груш и винограда, арбузов и дынь... Не тороплюсь, не спешу, мне хорошо и даже хочется петь.

— Поди, сынок, ко мне, побрею голову,— сказал дядя с кривым ножом.

— Зачем?— спросил я.

— Чтобы голова дышала, свежей была. Разве можно ходить таким косматым?

Только потом я узнал, что у мужчин-брадобреев имелось такое обыкновение—бесплатно брить головы мальчикам вроде меня.

Я ускорил шаг, а потом и побежал от этого настойчивого стригалы. Слишком опасно сверкал его кривой, по моему садовый, нож. А он остался на месте, недоуменно качая головой.

Мне не хотелось покидать это веселое царство красок и ароматов. Долго ходил я вдоль рядов с горами великолепных плодов. Ближе подойду—сдвигаются брови продавцов. Я отхожу.

По ту сторону виноградного холмика стояла женщина в черной парандже. Лица совсем не видно — ни глаз, ни щек. Но я не знал одного важного обстоятельства: через эту паранджу она видела меня не хуже, чем я ее виноград. Поэтому не успела моя рука коснуться верхней кисти холмика, как медная тарелочка от весов обрушилась на мою голову. Мелодичный звон волнами прошелся по рядам, и я, пока еще не все взоры обратились в мою сторону, поспешно втерся в толпу. Мало было надежды, что особа в парандже не повторит своего предметного урока, хотя я уже усвоил: если ты не видишь чьих-то глаз, это не значит, что эти глаза не видят тебя.

Не успел я пройти и десятка шагов, как сильная и холодная рука будто клещами вцепилась в мою руку и молча повлекла меня к воротам базара. Мы вышли из ворот и остановились в тени большого карагача. Но владелец руки-щипцов вовсе не собирался меня наказывать. Он улыбнулся, отпустил руку и голосом мягким и доверительным сказал:

— Не бойся меня, мальчик.

— А я и не боюсь,— пробурчал я, примериваясь, в какую бы сторону сигануть от этого типа.

— Если желаешь, сядем вон на ту скамеечку, и я научу тебя полезному делу.

Высокорослый мужчина в спортивной майке с короткими рукавами, в парусиновых брюках, в кепочке из такой же ткани и даже в парусиновых туфлях, шагал впереди меня, слабо размахивая потертым чемоданчиком. Он сел на скамеечку и чемоданчик поставил между колен.

— Садись, мальчик, и запомни: ничто так не унижает человека, как воровство. Оставь это дело...

— Вы что, какой я вам вор! Я просто так...

— Тогда я рад. Хочу иметь дело с порядочным человеком,— миролюбивым тоном сказал он, погладив мое плечо.— Отец-мать есть?

Я сказал, что да, но отец, мол, на фронте.

— Та-а-ак,— задумался мой покровитель.— Значит, ты в доме старший мужчина. Но учти: это не только почетно... Это, сынок, налагает и определенные обязанности. Ты отвечаешь за семью. Значит, должен помогать матери кормить и одевать эту семью. Раз так, считай, что тебе повезло. Ты будешь легко и много зарабатывать. Если хочешь — учись, но это никуда не денется. Вернется отец — пойдешь учиться. А пока... делом надо заниматься. Ты ведь не глупый.

— А каким делом?— спросил я, не в силах превозмочь любопытства.

— Вот в этом чемоданчике... Кстати, ты куришь?

— Что вы! Разве можно,— тихо возмутился я.

— Ну и прекрасно. А покуда изрядное количество людей не может обойтись без курева, мы должны им помочь. Да еще позаботиться, чтобы они не отравляли организм всякой дрянью, а курили интеллигентные папиросы. В этом чемоданчике много готовых папирос. Они связаны по десять штук. За день можно продать до двух чемоданчиков, если иметь быстрые ноги и звонкий голос. Каждый четвертый рубль — твой. Сколько зарабатывает мама? Так вот, за три-четыре дня ты будешь иметь столько, сколько мама приносит за месяц.

— А откуда вы их берете?— спросил я, глядя на ровные ряды папирос.

— Я работаю на фабрике... На табачной, где можно брать эти гильзы. А дома наполняю их табаком. Потом и тебя научу. Веселое дело.

— А почему сам не хочешь их продавать?— не унимался я.

— Чудной ты парень,— сказал мужчина, еле сдерживая гнев.— Я взрослый, смотри, какой высокий и... как бы тебе сказать... мне неудобно заниматься продажей папирос. Это делают дети или женщины. А тебе это с руки. Ну, что еще хочешь спросить? Говори, будешь со мной работать или я попусту трачу с тобой время?— в голосе прозвучала обида.

Я задумался. Заманчивое дело. Вот несу домой кучу денег, а мама удивляется. Покупаем много халвы, винограда, желтых дынь и Алиму красные ботинки. Вот обрадуется братец. Учебу, конечно, не брошу. Но зарабатывать должен уметь каждый мужчина. Если он к тому же старший в семье...

Я согласился, и мы ударили по рукам. Однако он доверял мне не полностью. Дал несколько пачек, а сам остался сидеть на скамеечке.

Дело шло гораздо быстрее, чем я предполагал. Похоже было, что человечество в своем большинстве только тем и занято, что курит папиросы. Немало я увидел мальчиков, которые торговали газетами и обыкновенной водой из помятых чайников. Но мое дело, я это быстро заметил, было гораздо выгодней. Не думал раньше, что папиросы людям нужнее, чем вода, и они готовы платить за них дороже, чем за воду. Ну и дела!

Иные платили мне даже больше, чем я просил. Но на-

шелся и такой тип, который взял десяток папирос, а вместо оплаты показал мне нож и тут же юркнул в толпу. Я не стал его преследовать. Не хотелось, чтобы меня убивали в самом начале торговой деятельности.

Один старик взял сразу четыре пачки, отсчитал мне деньги и лукаво улынулся:

— А сам-то куришь?

— Нет, — твердо ответил я, хотя и появилось желание узнать, почему люди не могут обойтись без табака.

— Молодец, — сказал старичок. — А в школу ходишь?

— Да, хожу, — холодно ответил я и вспомнил, что завтра в школу надо идти с матерью.

— Вот и хорошо, — сказал старичок и пошел, покашливая в сморщенную ладонь.

Хозяин был мной доволен. Он честно выдал мне мою долю и пожелал дальнейших успехов. Я получил новую партию товара.

— Это продашь — на сегодня хватит, — сказал хозяин, закрывая потертый чемоданчик. — Завтра начнем работать пораньше. Через неделю перейдем к вокзальной площади, а потом... Давай, малый, не теряй времени.

Хрустящие бумажки, которые поселились в моем кармане, придавали уверенности. Я начинал чувствовать себя вполне самостоятельным мужчиной.

Вновь я ринулся в гущу базарной толпы. Но скоро ощутил на себе пристальный взгляд человека, который стоял поодаль и, похоже, не решался подойти. Я узнал учителя, соседа-морняка. Сам к нему подошел. Нет, не обрадовался он встрече со мной... Более того, он, кажется, чем-то был сильно огорчен. Он волновался, и глаза его были сердитыми.

— Почему не на уроках? — спросил негромко.

— Меня выгнали, — произнес я.

— За что же выгнали?

— Шевелил ушами.

— Что-что? Чем, говоришь, шевелил?

— Ушами. Вот так.

— Очень интересно, — сказал учитель, но смеяться не стал. — Ты, извини меня, ишак или кролик, что ли? — спросил он тем же серьезным тоном.

— Не знаю, — почему-то вырвалось у меня.

— А это что за штуки? Откуда они у тебя?

Я рассказал учителю все как есть. И деньги, которые успел заработать, тоже показал.

— Познакомь меня с твоим, это... хозяином.

— Хорошо,— сказал я и повел учителя к скамейке, что у воротами под деревом.

— Получай, милейший,— невежливо сказал учитель моему папиросному хозяину в ответ на протянутую руку и бросил ему под ноги остатки папирос.— Поищи себе батрака на стороне, а мальчика оставь в покое.

— А какое тебе дело до этого пацана?— угрожающим голосом спросил мой хозяин, наступая на учителя.

— Тебя это дело не касается, спекулянт паршивый!

— Да кто ты такой, гнида!— зло скривил губы папиросник и схватил матроса за ворот.— А ну, повтори кто из нас паршивый?!

— Оставь, приятель, не надо драться при ребенке. Добром тебя прошу.

— Я тебе и другую ногу укорочу, змей! Может, ты ему и отца заменяешь?— прохрипел папиросник и лягнул моряка по здоровой ноге ниже колена.

Учитель пошатнулся, но, когда противник взмахнул кулаком, чтобы ударить в лицо, мой ловкий сосед, увернувшись от удара, сам стукнул торгаша по зубам. Владелец папирос грохнулся в пыль, как подкошенное дерево.

Учитель выпрямился и вытер лоб.

— Этого мне теперь только и не хватало. А ну, вставай, приятель,— похлопал он по щеке поверженного противника.— Вот-вот, вставай и больше не валяй дурака. Вот так, садись на скамеечку. Очухаешься — иди домой. Но запомни: драться с черноморцами рискованно, они и на одной ноге идут против двоих.— Он хлопнул «приятеля» по плечу, и мы пошли к мосту.

— Какой вы сильный,— сказал я, чтобы прервать молчание.

Моряк о чем-то сосредоточенно думал.

— Ты уж, братишка, извини, что так случилось. Не люблю я драк. Здесь просто не выдержал. А все, между прочим, по твоей вине.

Теперь задумался я. Чувствовал свою вину.

— В общем, дружище, я понимаю: трудно сейчас. Кому легко? Осталось потерпеть совсем немного. Война кончается. Все будет хорошо. А тебе никак нельзя школу бросать. И так поздно пошел учиться. Скоро тебе девять лет. А это торгашество засасывает, как болото. Грязное дело. Понял?

— Понял,— твердым голосом сказал я.

— Не огорчай свою мать. И так, наверное, ей несладко. С учительницей поговорю, постараюсь, чтобы она на первый раз тебя простила и не требовала приводить мать. А

что делать с ушами — ума не приложу. Гадкая привычка — что чесотка. Отрезать их, что ли? — учитель впервые улыбнулся.

— Не надо резать. Простите, не буду шевелить ушами. И папиросы продавать не буду.

— Прощаю, — весело сказал учитель. — И более того: про твою спекулятивную деятельность тоже никому не скажу. Ишь, коммерсант выискался.

На другой день при встрече с учительницей русского языка я поздоровался еще издали. Она ответила на приветствие сдержанной улыбкой, а приблизившись, положила руку мне на плечо.

— Ступай в класс. Возможно, вызову тебя к доске. Готовься.

9

Мой друг Валера пригласил меня однажды к себе домой. Объяснил, что его мать очень интересуется, с кем дружит ее единственный сын. Я почему-то насторожился. Но Валера сказал еще, что в желаниии матери ничего такого нет. А мы зато посмотрим папину библиотеку.

Это меня заинтриговало. Нужно было посмотреть их библиотеку. Чтобы сравнить с той. С нашей.

Не успели мы пройти через зеленую калитку во двор, как очутились в средоточии упонтельных ароматов, каких я не знал сроду. По обе стороны тропинки, обрамленной по краям белыми камнями, цвели великолепные цветы: пунцово-красные, ярко-желтые, нежно-розовые.

— Это мамины розы. Она говорит, что такие цветы редко встречаются, а здесь их вообще не бывает. Она сама их выращивает и даже новые сорта выводит. — Валера таинственно понизил голос, — скоро, говорит, люди увидят ее работу и удивятся, и благодарить ее будут.

— Красивые цветы. А что за работа у твоей матери? — спросил я.

— На работу ходит отец. Он инженер. А это наш дом. Где работает мать, я так и не понял.

Стены почти полностью были закрыты зелеными вьющимися растениями. Окна были большие, и лучи вечернего солнца словно золотили окна этого благополучного дома. Мне вдруг стало казаться, что здесь живут какие-то подозрительные люди.

Мы зашли в дом. Но не лимонное дерево с настоящими лимонами удивило меня, не диковинный сервант с множеством рюмочек больших и маленьких поразил мое вообра-

жение. Одна стена большой красивой комнаты снизу доверху была заставлена книгами. Книг было много. Пожалуй, больше, чем в нашей отцовской библиотеке. Я с величайшей завистью и восторгом пожирал глазами это богатство. Вспомнился и тот день, когда книги упорно не хотели гореть. И девушку вспомнил. И нашего дорогого «Одиссея», которого я отдал за буханку хлеба. И мне вдруг так сильно, сильно, как никогда, захотелось, чтобы вернулся отец, наш долгожданный и очень нужный отец, без которого было так трудно и грустно.

От этих воспоминаний и пожеланий разболелась голова. Да, слишком был счастлив Валера и слишком несчастен я. Так почему же мы тогда дружим? Мы же разные.

Но мы оказались не совсем разными. В этом я потом многократно убеждался. А сейчас...

— Почему, Валерий, не угощаешь своего товарища,— поющим голосом сказала полноватая женщина в халате с блестящими цветами, как те, что она посадила во дворе. Я представил ее сейчас среди цветов и глуповато хихикнул. Женщина, подумав, что я на ней что-то обнаружил, оглядела свой халат и ушла в другую комнату. Потом она принесла нам чай.

— Спасибо, я не хочу есть,— сказал я, стараясь не смотреть на стол, где уже было полно всяких сладостей.

Но Валера почти силой усадил меня и сам сел напротив. Не успели мы съесть по прянику, как пришел и отец. Он поздоровался с нами как со взрослыми и старыми знакомыми. Это был высокий мужчина с большой потной лысиной и, как я заметил, усталый. Отец Валеры, помыв руки, причесав жидкие волосы, подсел к нашему столу и спросил, улыбаясь:

— Ну, молодежь, как жизнь, учеба? Нормально все идет?

— Да, нормально,— сказал я, еще не зная, как вести себя с этим солидным дядей.

Он взял два небольших куска белого хлеба, ловко намазал на них масло, сверху положил по лепесточку сыра и протянул мне и Валере одновременно. Потом, не обращая на нас внимания, стал есть и отхлебывать из чашки горячий чай.

Дом был богат. Ковры на стенах и на полу, большой радиоприемник в простенке. Все это угнетало и одновременно изумляло мою неокрепшую душу. А пряники, что в стеклянной вазе, я все смог бы съесть сам. Но Валера почему-то жевал, как ленивый теленок, а мне было неловко брать их чаще, чем он.

— А в вашей библиотеке есть книга «Одиссея», которую Гомер написал? Такой старый и слепой писатель,— сказал я, ни к кому не обращаясь и стараясь найти в этой библиотеке хоть какой-то недостаток.

— Гомер? «Одиссея»?— поднял голову Валерин отец. Положив чайную ложку, он посмотрел на меня.— Нет у нас такой книги. Читать читал, а у нас нет. А сам-то ты видел ее?

— Да в коричневом переплете с золотыми буквами. И много картинок про старых моряков.

— А у вас есть такая книга?— видно было, что Валерин папаша не зря держит столько книг. Его вопрос смутил меня. Я не ожидал такого вопроса.

— Есть. То есть... была,— чуть было не соврал я взрослому человеку.

— И куда же вы ее дели?— поднял он брови.

— Поменяли на хлеб. На одну буханку хлеба.

И Валера, и его отец погрустнели. Переглянулись, но ничего не сказали.

— А где твой папа?— тихо спросил хозяин дома.

— На фронте его отец,— стал за меня отвечать Валера.— Я же вам говорил. А мать на хлопке работает. Младший братик еще у него есть.

Отец Валеры покачал головой. Глубоко вздохнул. Опустил голову.

— А вы были на фронте?— вырвалось у меня.

— Меня не взяли. Я бы с охотой. Но не взяли.

— У нас сосед есть. Бывший моряк. Орденов у него много.

— У папы тоже есть ордена,— горячо вставил Валера.

— Как это?— удивился я.— Не были на фронте и вдруг — ордена?

— Знаешь, друг мой,— задумчиво проговорил Валерин отец,— есть еще другой фронт, где не стреляют, но, скажу честно, там тоже нелегко. Ну, об этом мы еще поговорим, а сейчас я, пожалуй, пойду. Нашему брату надо очень много работать. Ну, пока!

О каком брате он говорил — я не понял...

Валерин отец ушел, а его самого мать позвала в другую комнату.

Я отчетливо слышал их разговор, который лучше было не слышать.

— Дружишь со всякими...

— Он хороший мальчик.

— Откуда ты знаешь? На лбу написано, что ли?

— Мы сидим за одной партой.

— Ну и что же? Мне этот, который книги на хлеб меняет... Нет, дружи с кем-нибудь другим.

Я почувствовал, как что-то сильно сдавило мне грудь и застучало в левом виске. Зачем же я пришел в этот дом и ел с этого стола? Я не знал, что теперь делать. Потом решительно достал из кармана деньги, которые дала мне мать на булочку, и положил их рядом с чашкой, из которой пил чай. Не дожидаясь Валеры, вышел и устремился к зеленой калитке. Уже на улице я услышал голос Валеры:

— Постой, постой! Что случилось?— он догнал меня и схватил за рукав.

— Больше я к вам не приду. Вы... вы — буржуи. Вот вы кто.

Валера склонил голову. Он, наверное, догадался, что я слышал их спор.

— Знаешь,— начал Валера, не поднимая головы,— моя мама боится, что я свяжусь с кем-нибудь. А тебя она совсем не знает. Я один у них, они всего боятся. Мухе не дают надо мной пролететь. Так сказал папа. Возьми свои деньги. Это нехорошо.

— «Мама боится»— повторил я.— Не работает. А папа тоже боится? На войну — боится?

Валера задумался. Наконец схватил меня за плечо и горячо сказал:

— Пошли в сторонку.— Он тревожно оглянулся по сторонам, в упор посмотрел на меня и еще крепче сжал мои плечи.— Я верю тебе. Поверь и ты. И еще: даешь слово, что не проболтаешься?— у Валеры так тревожно сверкали глаза, что вначале я даже растерялся.— Не проболтаешься?

— Если веришь, зачем спрашиваешь?— удивился я.— Даю слово, что...

— Ну ладно. Его не послали на фронт.

— А почему?

— Он работает на заводе. На военном. Большим инженером. Больше ничего не знаю. Часто приходит совсем больной. И еще говорит маме: «Лучше бы в самое пекло войны, чем здесь».

— Ты не врешь?— спросил я, взволнованный рассказом друга.

Валера быстро достал из кармана складной ножичек и резко уколол себя в руку. Пошла кровь.

— Теперь веришь?— сурово сказал он.

— Да, конечно,— прошептал я, ошеломленный поступком Валеры.

— Ну вот. А то — «буржуи, буржуи». Мы с тобой —

друзья. А друзья должны друг за друга в огонь и воду. Понял?

— Понял.

— Иначе мужчинам нельзя. Так сказал отец. А он хороший человек. Справедливый. Ну, позавидовал ты мне. А разве я виноват, что твой отец еще не приехал? Приедет. Я тоже так хочу. Потому что тебе хорошо — значит и мне хорошо. Понял?

— Понял...

Да, я многое понял в тот вечер. Я радовался, что у меня такой умный, такой хороший друг.

— Ну, пока! И больше в гостях за чай не плати.

— Хорошо! — сказал я.

О случившемся я не рассказал ни матери, ни учителю-моряку. У каждого настоящего мужчины должна быть хоть одна тайна. Если тебе очень хочется поделиться ею, а ты все же не сделал этого, — считай, что победил самого себя. Об этом тоже говорил умный Валера. Наша дружба оказалась крепкой. Долго после этого не ходил я в гости к нему, но дружбе это нисколько не повредило.

10

Общение наше с моряком-учителем, несмотря на его занятость по работе, не уменьшилось. Он часто приглашал меня и Алима, мы пили чай с бубликами и вели увлекательные разговоры. По моему настоянию, ему приходилось немало рассказывать о войне, о подвигах моряков, но я все никак не мог успокоиться. Он говорил о своих товарищах, а о себе — почти ничего, точно видел сражения лишь со стороны. Но я был настырен и без конца допытывался, за что же он получил главный свой орден — с изображением вождя и красным эмалевым флагом, на котором написано «ЛЕНИН».

— Да, жаркое было дело... — моряк прищурился, будто всматривался в глубины собственной памяти. — Много ребят положили головы...

Мы с Алимом затаили дыхание.

— Захватили фашисты один важный полуостров — кусок берега, что выдается далеко в море. Наставили там много больших пушек и не давали нашим кораблям выхода на широкий морской простор, а нашим сухопутным войскам — продвигаться вперед, чтобы разбить врагов, засевших за этим полуостровом и занявших все пути-дороги на запад, к своему, значит, звериному логову. Невелик кусок земли, а дела от него зависят великие. Надо было отбить

врага эту землю и удержать ее, пока не подойдут наши главные войска. А фашист здесь был силен и кровожаден. Столько снарядов, бомб и мин бросает на берег — земля горит ярким огнем. Но мы, морской десант, готовы атаковать эту землю прямо с катеров и лодок, вплотную подошедших к прибрежным скалам. Тут нам повезло: на море и берег опустился туман. «Ударил наш час, братишки! — крикнул командир. — Морской бог подарил нам туманную погоду, а славу придется добывать самим!» Высадились тихо, без шума. Но мы знали, что шум — да еще какой! — впереди. Так и случилось. Казалось, сами небеса обрушились на землю, и ударила наша дальнобойная корабельная артиллерия. Она умолкла в точно установленный срок и тут уже дело было за нами, за десантниками. Мы ринулись вперед и успели добраться до вражеских траншей раньше, чем фашисты опомнились после артобстрела. А тут и туман стал быстро редеть и таять, враги увидели бойцов в черных бушлатах и бескозырках. От страха и отчаяния фашисты дрались, как сумасшедшие, хотя и знали, что победить краснофлотцев в рукопашной схватке невозможно. Недолго продолжался бой в фашистских траншеях, где финки и штыки чаще шли в дело, чем пули и гранаты. Мы укрепились на завоеванном рубеже, а на следующее утро пошли дальше, оставляя по пути своих друзей... Командование армии, которой моряки расчистили путь к победе, нас хвалило. Но скажу, ребята, это очень больно, когда вчера слышал веселый смех и шутки друга, а сегодня он лежит глубоко под землей и никто уже не слышит ни его смеха, ни шуток. Награды мы получили высокие, но и заплатили за них дорого. Такие, братишки, дела. Вам тоже полезно знать все это и всегда помнить...

Мы готовы были слушать рассказы бывалого моряка хоть до утра. Но он вынул карманные часы на цепочке и, глянув на циферблат, покачал головой:

— Все. На сегодня хватит, а то тяжелые сны будут сниться. Поэтому объявляю «отбой» — по домам шагом марш!

Мы нехотя распрощались. На улице светила прекрасная жизнерадостная луна, зацепившаяся за острую макушку высокого тополя. Был слышен ровный шепот тысяч листьев этих ровно, как моряки на палубе, стоящих тополей. Было похоже, что на всей земле так же светит прекрасная луна и шелестят листьями высокие тополя.

Мать была уже дома. Увидев нас, встала и положила на стол большой сверток.

— Сейчас я вам кое-что покажу, — настроение у мамы

было хорошее, и мы приготовились узнать о чем-нибудь интересном, а может быть, и вкусном.

— Это грамота. Почетная грамота, которой наградили вашу маму. А это — масло и белейшая мука. И так как у нас имеется еще и картошка, — быть славным хычинам!

— Ура-а! — закричал я. Ко мне присоединился и Алим, хотя едва ли он помнил или вообще знал когда-то, что такое «хычин».

Это был один из радостных вечеров. Потому что мы были не просто сыты и веселы, — у нас получился настоящий праздник!

— Смотри, Алим, не лопни, — шутила мама.

— Не лопну, — еле выговорил тот, улетая теплый хычин за обе щеки. Он имел опасную привычку есть и тогда, когда уже сыт по горло. Мать по этому поводу сказала: это случается когда живот сыт, а глаза еще голодны. Однако Алим пошел еще дальше, потому что и «насытив глаза», пытался спрятать хычин к себе под подушку. В праведном гнсе я, конечно, прекратил такое безобразие.

Разумеется, мы не забыли и соседа-учителя. Я отнес ему пару горячих хычинов. Они ему понравились. Выходя из комнаты, я нечаянно окинул взглядом его стол и увидел... родного «Одиссея». Он лежал раскрытый. Я узнал его по картинкам. Перехватив мой взгляд, моряк промолчал: он только загадочно улыбнулся и похлопал меня по плечу. Я читал теперь почти свободно, но просить книгу не стал. Попрощался и ушел.

Учеба шла неплохо. Мать ежедневно просматривала мои тетради. Каждая отличная отметка радовала ее. Но радовалась она молча. Это чтобы я не зазнался и не возгордился. Любимое занятие Алима — разглядывание моего блокнота для рисования. А там — лихие матросы с плоскими затылками и бескозырками с развевающимися лентами. И морские сражения. Вот пушка краснозвездного кораблика выстрелила и насквозь продырявила черное судно противника. Черным дымом объят фашистский корабль.

...Незамтно пролетела мягкая узбекская зима. Настали ласковые теплые дни. Вдоль дороги в школу за одну ночь зазеленели стройные ряды тутовых деревьев по правой обочине и тополей — по левой. И с той и с другой стороны загомонили, как базарные зазывалы, птицы, занятые строительством новых гнезд.

Скоро вступит в свои права настоящий азиатский зной. А пока мы в легких рубашечках и с книгами в руках совершаем неблизкие походы через реку за знаниями. Улучив

минуту-другую, смотрим с моста вниз на тихое течение бурой реки. Купаться не решаемся; старшие предупредили, что в реке есть водовороты, которые могут затянуть на дно. Мать сначала очень боялась за меня. Теперь привыкла. Да и я, наверное, стал благоразумнее. Положение старшего в доме мужчины все-таки обязывало...

Скоро мы стали ходить в школу босиком. То есть не совсем так. Шли босиком до широкого арыка возле школы. Там мыли ноги и надевали свои тапочки, сандалии — кто в чем ходил. Возвращались домой тоже босиком по мягкой и теплой уличной пыли.

В один из таких вот дней весь мир облетела быстрокрылая весть о Победе, о конце войны, о будущей счастливой жизни. Никто не сидит дома. Стар и млад ликует, все обнимают друг друга, танцуют и поют. Иные плачут. От счастья или от того, что их сыновья или мужья не дожили до светлого праздника. Не сразу поймешь. Тогда я узнал, что можно плакать и от великой радости.

Имеющие радио расставили черные тарелки репродукторов по подоконникам. И крылатая весть звучит снова и снова. И снова музыка. И снова торжественные марши во славу великой победы великого народа, который потом станет считать свои раны, потом начнет искать без вести пропавших своих сыновей. Чтобы находить, чувствовать, оплакивать, сооружать памятники с вечным огнем...

Наш длинный, похожий на поезд дом особенно славит мужественного краснофлотца, который, несмотря на жару, надел свой бушлат со всеми орденами и медалями. Все его обнимают, он тоже, сияющий и счастливый, обнимает всех и поздравляет всех. Мужчины сильно бьют его по плечам, словно убеждая себя в прочности черноморца, его непобедимости.

— А ну-ка, морячок, разверни свою гармошку,— сказала краснощекая женщина.— Поскорей сыграй что-нибудь лихое и раззадорное. Уже ровно четыре года, как ни разу не плясала. Может, и позабыла, а может...— женщина вытерла платочком слезы и с вызовом оглядела толпу.

Танцуют почти все жильцы нашего дома и каждый — по-своему. Только лица у большинства сияют все тем же светом неподдельного, нескончаемого счастья.

Наша мама немножко всплакнула. Мы с Алимом плотней прижались к ней с обеих сторон, и она незаметно повеселела. Какая-то пожилая женщина стала извлекать из мешочка монеты и бросать их в мальчишечью толпу.

— Берите, мужички маленькие, да конфет себе купите в этот счастливый день.

Моряк, заметив, что танцующие поуехали, стал песни играть и петь. И снова — про молодого черноморца, которого несли с разбитой головой, про Севастополь и про холодные волны. В конце концерта — традиционное «Яблочко» — разудалая душа матросская...

* * *

Учебный год близился к концу. Вздуродраженная детвора уже с неохотой ходила в школу. Не то чтобы мы устали. Просто время тянулось медленно, и медленно приближалась та долгожданная пора, что называется мудреным словом — каникулы. Но вот настал, наконец, тот день, когда и родители и дети собрались в школе вновь. Все одеты по-праздничному. Собрание решено провести на улице: слишком мала была комната, которая почему-то считалась залом. Старшеклассники вынесли все стулья, и взрослые и дети свободно разместились перед столом, накрытым красной скатертью. За этим столом сели директор, завуч, учительница русского и наш геройский моряк — преподаватель истории.

После небольшого и немного скучного доклада стали отмечать учеников, которые хорошо закончили год. Им вместе с похвальными листами выдавали еще и подарки. Список читал директор, а подарки выдавал моряк.

Книги, блокноты, цветные карандаши...

Назвали и меня. Вместе с грамотой я получил набор замечательных цветных карандашей.

— Постой,— сказал учитель.— А это — от меня. Получай.— Это была книга, обернутая в газету.— Когда прочитаешь, поговорим. Будь счастлив, братишка,— почти шепотом добавил он.

Я передал грамоту маме, карандаши — восторженному Алиму, который тут же решил, что насовсем. А сам раскрыл книгу... Я поднял голову и посмотрел на учителя: он подмигнул мне с доброй ухмылкой — все, мол, правильно, не удивляйся.

В коричневом кожаном переплете с золотыми буквами и чудо-картинками моя книга, мое единственное сокровище вернулось ко мне. Радость, чувствую, комком застряла в горле. Спасенный от огня, отданный за хлеб, мой «Одиссей» вновь в моих руках.

Мать заметила мою радость и, видно, была взволнована не меньше моего.

— Береги ее и больше не меняй...

— Сам буду читать,— сказал я.— И Алима научу. У нас будет много книг. Все будут удивляться.

На станцию каждый день приходит зеленый поезд. Каждый день этим поездом возвращаются с фронта солдаты и офицеры. Изредка и моряки. В поселочке — праздник за праздником.

И каждый вечер наш друг-сосед разворачивает свою гармошку.

Мы с Алимом часто бываем на станции и смотрим, как прибывает зеленый поезд, как выходят из вагонов войны-победители.

Я знал из книги, что храбрый Одиссей, как бы долго ни странствовал, какие бы страдания ни испытал, наконец вернулся домой живой и здоровый. Знал и то, что наш Одиссей тоже выйдет из зеленого вагона, и мы бросимся ему навстречу. Так будет, потому что и я, и Алим, и мама наша очень хотели этого. А когда человек страстно мечтает о чем-то очень хорошем, то это хорошее в конце-концов обязательно сбывается.

11

По другую сторону улицы стоят несколько отдельных домов с зелеными калитками, на которых написано «Осторожно — злая собака». За прочными оградами — густые яблоневые сады и виноградники. В одном из них живет злой дядя с буржуйским животом и толстой шеей и сын его — тоже толстяк, с круглым и румяным, как свежeweпеченная лепешка, лицом. Айтек с нами не играет: то ли потому, что старше нас — лет пятнадцать ему, наверное, было, то ли по другой какой причине. Потом-то она стала известна.

Но когда наш моряк разворачивал свою гармошку, Айтек этот тоже приходил в наш двор и, стоя поодаль, слушал вечерние концерты. Видно, хоть и вредный, а музыке любил, и мы его не прогоняли, как это делал он, когда кто-либо садился на скамеечку возле их ворот. И еще учительница русского языка сказала, что музыка делает человека добрей и выше, что музыку любят в основном хорошие люди. Айтек, нам показалось, любил и, наверное, понимал музыку. Но, как после выяснилось, мы крепко ошибались.

Сначала о том, что Айтек не такой уж хороший, каким должны быть любители музыки. А потом и об айтековском музыкальном «таланте».

Мы с Валерой еще накануне договорились пойти в кино.

Возле станции был клуб, и там днем показывали фильмы для детей, а вечером — для взрослых. Я обещал зайти за Валерой.

Шел я мимо Айтекова дома и вдруг вижу — над калиткой свисает тяжелая ветка с румяными яблоками. Ну, думаю, сейчас эта красивая ветка еще больше провиснет, и яблоки могут упасть в придорожную пыль. Если даже не так и не упадут, все равно сорву парочку. Одно съем сам, а другое отнесу Валере. Встав на скамейку, я сорвал одно яблоко и положил в карман. Потянулся за вторым, но в этот момент кто-то схватил меня за штанину и резко рванул вниз. Сползли мои штаны, и сам я упал и крепко зашиб локоть. Смотрю — надо мной торжествующая физиономия Айтека:

— Яблочек захотел? Воришка несчастный!

В это время из калитки высунулось сердитое лицо Айтекова отца.

— Не скандальте на улице. Заходите сюда,— сказал он, оглянувшись по сторонам.

Не успел я подтянуть штаны, как Айтек втолкнул меня в калитку. А там, во дворе, заливается хриплым лаем небольшая, но, видно, злющая овчарка. До того злая, что натянула цепь, как струну, вот-вот сорвется.

— Убери собаку,— ленивым голосом сказал хозяин дома сыну.

Айтек загнал овчарку в конуру и поставил перед ней обрзок толстой доски.

— Тебя, молодой человек, надо передать в милицию. Чтобы посадили в тюрьму, как вора. Понимаешь?

— Понимаю,— сказал я, и стало так страшно, как никогда не бывало. Ну, думаю, засадят меня в тюрьму, и никто не спасет, не поможет. Я сразу представил себе заплаканные лица матери и Алима. И мне самому захотелось плакать.

— Так не хочешь в тюрьму?— вялым голосом сказал дядька с буржуйским животом.

— Нет, не хочу,— сказал я, почувствовав надежду избежать заточения.

— Правильно,— подтвердил хозяин и задумался. Потом поднял голову и улыбнулся.— Вот что, юноша. Любишь яблоки — хорошо. Только мужчина — если он, конечно, настоящий мужчина — яблоки не воровать должен, а честно зарабатывать. Вон там ящики. Вот большое дерево. Все яблоки аккуратно руками снимаешь и так же аккуратно без царапинки кладешь в ящики. И сам ешь сколько хочешь, и домой понесешь сколько можешь. Идет?

— Идет!— весело ответил я.

— Тогда начинай, молодой человек. Только убежать не пытайся. Собака будет доставать до калитки. А сюда она не достанет, не бойся. Ну пока — до вечера, если успеешь! Все дерево! Аккуратненько!

Отец и сын ушли, а я остался под раскидистым деревом с обилием яблок.

Работа мне вначале понравилась. И лесенка-пирамидка, и вкусные сочные яблоки, и предчувствие, как обрадуются домашние, когда я им принесу полную майку замечательных яблок.

Но когда я съел три яблока и заполнил один ящик, работа стала не такой привлекательной, как показалась вначале. И все же я решил выполнить ее до захода солнца. А то ведь неизвестно, как посмотрят хозяева, если за день не управлюсь. Захотелось есть. Съел еще два яблока. Больше не смог. Живот был полон, но чувство голода совсем не исчезло. Я заставлял себя думать о другом — о том, как же меня похвалит мама, как засияет мордочка Алима при виде таких крупных и красивых плодов.

Немного помогало.

Дважды за весь день присмотреть за моей работой приходил Айтек и один раз его отец. К заходу солнца дел еще оставалось много.

— Есть хочу,— сказал я появившемуся в саду Айтеку.

— Ешь яблоки,— ухмыльнулся он и молча поднес к моему носу дулю, сотворенную пухлыми короткими пальцами.

Есть яблоки мне не хотелось. И так начал побаливать живот.

Я еле-еле успел управиться до темноты и с чувством исполненного долга снял майку, завязал ее снизу и положил в нее десятка три хороших яблок.

Айтеков отец велел сыну снова запереть собаку, открыл калитку и вырвал из моих рук майку с яблоками. Их он спокойно высыпал на травку, а майку выбросил через калитку на улицу.

— Вы же обещали,— растерянно сказал я, не веря своим глазам.

— Ты и так немало съел яблок, молодой человек. Валяй, пока я добрый.

— Но вы дали слово... Это нечестно...

— А воровать чужие яблоки честно?— возмущился он и, повернув меня за плечи к калитке, дал такого пинка, что я чуть ли не носом зарылся в дорожную пыль.

Я пришел домой и, ни с кем не разговаривая, бросился

на свою кровать. Мне хотелось в голос зареветь. Конечно, я и сам был виноват, но уж никак не заслуживал, чтобы со мной так отвратительно подло поступили.

На другой день утром пришел Валера. Он был взволнован и удивлен, увидев меня в кровати.

— Я так и думал! Ты заболел?

— Нет, не заболел, но...

— Тогда понятно. Ты просто не человек слова. Очень жаль,— сказал Валера и повернулся, чтобы уйти.

— Да ты мне слова не дал сказать. Подойди поближе. Он подошел.

— Валера, посмотри что там,— сказал я и, сняв штаны, повернулся к нему.

— Ты что, с ума сошел?

— Да нет. Вчера меня один дядька сильно ударил ногой по этому месту. Посмотри.

— А ну, что там... вот это синячище!

— Я не могу даже садиться.

— Расскажи, чтобы я понял. Кто тебя ударил и за что. Я рассказал все по порядку. Мне стало даже легче.

— Я ведь как раз шел к тебе. А ты «не человек слова, не человек слова!». Тут ни сесть, ни встать, а ты... Тоже мне, друг! — я сделал обиженное лицо.

— Ну, ладно,— сказал Валера, хорошенько подумав.— Мы накажем буржуев. Я нарисую их морды, а внизу подпишем «Недобитые буржуи и кулаки».

— А «кулаки»— что?

— Тоже вроде буржуев.

— Не стоит этого делать. Они свою злую овчарку могут спустить.

— Напугал тоже,— рассмеялся Валера.— Я приведу нашего Рекса, и он распотрошит ее, как цыпленка.

— Нет, мы лучше этого Айтека побьем.

— Может, так и сделаем,— согласился Валера.

Но все решилось на следующий день и совсем по-другому. Утром, как и договорились, встретились мы на мосту. Полюбовались тихим течением желтой реки. И тут я заметил своего обидчика. Старший «буржуй» сидел на ящиках с яблоками, а бедный ишак еле тянул этот тяжкий воз.

— Это он!— сказал я.— Везет на базар яблоки, которые я собирал.

— Тогда вот что. Беги во-он туда, к тому дереву и смотри, что будет. Беги, а то он может тебя узнать.

Я выполнил приказ Валеры, который соображал быстрее меня.

Маленькая ишацья арба переехала мост, после чего начался подъем. Грузный хозяин нехотя слез и пошел впереди, подтягивая ишака за уздцы. Валера побежал к обрыву и срезал ножничком пару колючек. Арба медленно одолевала склон, и вот когда она почти вышла на ровное место, Валера сунул колючку под хвост бедного животного. Ишак не сразу уразумел, что произошло. Но потом так рванулся вперед, что три из четырех ящичков упали с арбы, и расчудесные румяные яблоки по некрутому гладкому склону дружно покатались вниз к реке. Растерявшийся хозяин сначала бросился было за ними. Но, опомнившись, помчался, тяжело дыша, за ишаком, который галопировал не хуже иной лошади и, подбежав к толпе, которая хотела его остановить, резко свернул в сторону. Оставшийся ящик тоже опрокинулся на пыльную дорогу. Откуда-то налетевшие мальчишки кинулись собирать рассыпанные яблоки.

— Мои! Мои яблоки!— кричал хозяин, и рев его был слышен далеко, до самого базара.— О аллах, за что наказал?

Ишак, наконец, уgomонился, а разнесчастный хозяин полпелся к своей арбе и грохнулся на нее лицом вниз. Он, кажется, плакал, закрыв лицо,— так дрожали его могучие плечи и бычья шея. Мне стало его даже на минутку жаль. А больше — бедного ишака. Но я вновь вспомнил его вчерашнее лицо, издевательские глаза, этот могучий пинок, от которого до сих пор продолжало болеть мое заднее место.

— Ну как?— торжественно спросил сияющий Валера.

— Все как надо. Но жалко ишака.

— Чудной ты, ну просто чудной! Но наказать дядьку надо же было? Верно?

— Верно,— сказал я.

Мы пошли в кино. Смотреть фильм про войну.

12

В середине лета случилось событие, которое всех нас сильно опечалило. После очередного вечернего «концерта» дорогой наш учитель-черноморец сказал, что решил возвратиться в Севастополь.

— Такие дела, братишки. Убегал, уезжал я от памяти скорбной, да ничего не получилось. Понял, что к гнезду своему — родному городу не могу не вернуться. Жаль мне с вами расставаться, да, видно, не здесь мое место.

Его пытались уговорить и так, и эдак. Кто-то из взрослых даже упомянул о женитьбе, выхлопочем, мол, боль-

шую квартиру, детки пойдут, привыкнешь — славно жить будешь.

Учитель только слабо улыбнулся.

Всем домом провожали моряка-черноморца до станции. Продуктов ему всяких на дорогу дали. Много всяких пожеланий высказали. Может, здесь впервые я узнал и то, как тяжело расставаться с человеком, которого привык видеть каждый день, который в твоей жизни занимал такое большое место.

— Счастливо, братишка! Я напишу письмо. Обязательно напишу. Может случиться, встретимся в моем Севастополе. Ну, прощай, дружище! — Он поцеловал меня в лоб и, тяжело ступая, подошел к зеленому вагону. Обернулся, помахал рукой и поднялся в тамбур.

По вечерам у стройных тополей больше не слышали знакомых звуков двухрядной матросской гармошки. Несмотря на то, что жизнь в общем-то стала веселей, очень в ней не хватало моего умного и неунывающего друга.

В один из таких тихих вечеров мы вдруг услышали гармошку. Но дальше, за тополями, а точнее — у «буржуйского» айтекова дома.

Трое-четверо мальчишек с нашего двора и я побежали узнать, в чем дело. Алим семенил за нами.

Велико же было наше удивление, когда за великолепным аккордеоном, сверкающим лаком и перламутром, мы увидели голову-тыкву старого знакомца — Айтека.

Он не обратил на нас решительно никакого внимания. Будто нас и вовсе не существовало на свете.

Лицо аккордеониста было напряженным и сосредоточенным. Короткими толстыми пальцами Айтек с силой давил то на один клавиш, то на другой, а то и сразу на несколько. Раздавались резкие и нервные звуки. Но они ничего не выражали. Это был случайный набор безутешно рыдающих нот, способных вызвать лишь отчаяние или ярость.

Мы, однако, с немалым терпением ожидали возникновения из этого дикого хаоса хотя бы одной захудаленькой мелодии. Но таковая никак не обозначалась. Даже отдаленно.

Но Айтек был не из тех, кто предавался унынию в самом начале большого дела. Он все нажимал и нажимал на клавиши, совершенно не глядя на них и не утруждаясь поиском нужного звука. Он так мощно тянул мехи трофейного аккордеона, что иной кузнец ему бы позавидовал. Вот уже лоб покрылся испариной, а наш неутомимый Айтек все гонял и гонял лихие, ничего не говорящие звуки

сверху вниз, снизу вверх и просто на одном и том же месте. Мелодия не рождалась. Даже убогая.

Кто-то из наших подошел к нему.

— Вот на эти тоже нажимай,— сказал мальчик, показывая на басовые кнопки под левой рукой «аккордеониста».

— Пошел вон!— прошипел Айтек, не поднимая взгляда на советчика-доброхота. Дело в том, что он и так держал целую дюжину кнопок под рукой с самого начала «игры».

Наше терпение кончалось. Но не иссякало терпение Айтека. Он все ожидал возникновения музыки или хотя бы чего-то похожего на примитивную песенную ноту, но густые басы издавали звуки, весьма напоминающие гогот десятка гусей, когда мимо проезжал грузовик, а клавиши издавали и вовсе нечто непотребное.

Пару раз выходил из калитки отец незадачливого музыканта. Он сердито смотрел на своего сына-великомученика и, махнув рукой, уходил назад. Ему было от чего сердиться. Стоимость годовалого бычка — немалая цена даже для такой роскошной вещи, как трофейный аккордеон. Ему, наверное, уже представлялось, как стайки говорливых девушек окружают его любимого сынка. А самое главное — будет играть на свадьбах, в сельском клубе, на всяких там торжествах и, разумеется, не бесплатно. Очень даже не бесплатно. Айтеков отец был вначале уверен, что стоимость бычка скоро и даже с лихвой окупится. Вон сколько кругом празднеств. И везде музыку подавай.

Но вот и овчарка стала тоскливо подвывать, и мать звала на ужин, и отец начал вслух сомневаться в музыкальных способностях сына.

Надоело слушать эту чепуху и нам. Даже гвалт андижанского базара в пору созревания винограда имел какой-то ритм. Но только не упражнения Айтека.

Мы ушли молча. Каждый из нас знал и понимал, что гармонистом становятся не вдруг... Учиться надо. Подбирать там какие-то лады. Что-то искать, соединять в самую простенькую мелодию. Но разнесчастный Айтек, видимо, надеялся, что эта проклятухая мелодия появится сама собой.

Мы шли молча. Но каждый думал о потертой и латаной двухрядке моряка-черноморца. Только когда мы подходили к дому, молчание нарушил мой братец Алим:

— Он не умеет играть,— сказал он неожиданно и весьма категорично. Было похоже, что устами шестилетнего младенца глаголет истина.

Но мы и не подозревали, какие испытания готовит все-

му нашему поселку бездарный оболтус по имени Айтек. Упрямый, как небезызвестное животное, и такой же выносливый, он начинал свои музыкальные пассажи после обеда и заканчивал поздно вечером. Шли дни, но никакого успеха не намечалось, и этот музыкальный камнепад, очень слышный жильцами нашего двора, усиливался к вечеру.

Удивительно было, как еще терпел эту пытку его отец,— уж, видно, очень он не любил бросать деньги на ветер. Считал, наверное, уж если он заплатит такую сумму за этот расчудесный и сверкающий аккордеон, так заиграет же он когда-нибудь! Такова была нехитрая, но конкретная философия Айтекова отца.

Вконец измученные люди послали делегацию, чтобы уговорить Айтека заняться столярным или сапожным делом, а если нельзя иначе, то играть не на улице, а дома.

Делегацию погнали обратно, пригрозив спустить на нее собаку, если она еще раз помешает «заниматься» музыкой.

Обращались за помощью и к участковому милиционеру. Но тот решил остаться в стороне. Не имею, мол, права мешать человеку, «который приобщается к высокому искусству». Мы пытались втолковать ему, что Айтек уже месяц «приобщается» и хоть бы на шаг продвинулся. «Он, бедолага, и сам мучается», был ответ сердобольного блюстителя порядка, который никак не хотел призвать к порядку нашего мучителя и кровопийцу, возмутителя спокойствия всей округи. Наконец айтековский папаша решил еще раз тряхнуть мощной и пригласил из города опытного музыканта. Тот поначалу проверил аккордеон и нашел, что трофейный инструмент в полной исправности. Но проверка музыкальных способностей Айтека результаты дала совершенно противоположные. Специалист сказал, что Айтек, по-видимому, хороший парень, но у него начисто отсутствует то, что называется музыкальным слухом.

— Это очень опасно, такое отсутствие?— встревожился отец Айтека.

— Нет, совсем не опасно, если мальчик займется другим полезным делом.

— А как с аккордеоном? Ведь добро же, ценность!

— А вы продайте его. Покупатели найдутся,— сказал приглашенный эксперт и уехал, холодно простившись с разнесчастным Айтеком и его не более счастливым родителем.

Тем же летом я получил приблизительное представление о том, что значит совершить подвиг. Для старших мое положение могло показаться смешным, зато мне тогда было совсем не до смеха. Я впервые ясно и отчетливо узнал, как нелегко и трудно преодолеть низкий, животный страх.

Дело в том, что по пути в школу меня начал преследовать целый косяк гусей, недавно заведенный семейством все того же Айтека, несостоявшегося виртуоза. Самое ужасное — гуси выбрали для своей травли только меня. И, как мне казалось, не случайно. Нарочно обучили, горестно думал я. Их злые светящиеся глазенки, мощные полураскрытые клювы да еще вдобавок злое шипение ввергали меня в состояние тошнотворного ужаса. Спина моя холодела, лоб покрывался испариной, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Первая атака была обрушена на меня, когда я проходил мимо злоеущего забора, надпись на котором предупреждала, что во дворе — злая собака. Гуси, вытянув вперед упругие шеи, бросились за мной. Бежать от птиц было неудобно и позорно, и я решил идти обычным шагом. Но они не оценили моего хладнокровия и дважды больно ущипнули меня за мягкое место.

На следующий день я избежал встречи с гусями позорным бегством. А потом они коварно напали на меня у реки, и к еще не зажившим физическим и моральным травмам добавились новые. Проклятушие птицы стали мне сниться по ночам. Нужно было что-то придумать.

Рассказал обо всем Валере. Тот внимательно выслушал и дал полезный совет. Он заключался в том, что я должен был вместо позорного бегства остановиться, подпустить самого злоеущего и агрессивного гусака, резко схватить за шею и так же резко дернуть и отпустить. Тогда гуси пересмотрят свое поведение.

— А сам ты пробовал? — спросил я друга.

— Не пробовал, но, говорят, верный способ.

Было солнечное утро. На небольшой лужайке паслись мои белошестые враги и обидчики. Еще издали я мысленно преследовал детали моего предстоящего подвига. Правда, по мере приближения к этим длинноклювым зверям моя решительность заметно убавлялась. Но отступить не хотелось. Гуси с воодушевлением двинулись навстречу. Впереди шел самый большой, самый главный кровожадный гусак — предводитель стаи, заносчивый и наглый. Всем своим видом он показывал, что собирается не просто ущипнуть

меня, а проглотить целиком, как маленького беспомощного лягушонка. Он ничуть не сомневался в своем очередном триумфе и никак не ожидал, что дальнейшие события приобретут для него такой нежелательный оборот. Когда он вытянул вперед свой наглый клюв на длинной упругой шее, я обеими руками схватил эту шею, резко рванул и отпустил. Результаты превзошли все ожидания. Гусак не только отступил, он сник, упал набок, а его гордая голова зарылась в придорожную пыль.

Соратники поверженного гуся и не думали меня преследовать. Притихшие, они обступили своего лидера и никак не могли понять, откуда взялась сила, способная сломить их гордого и непобедимого предводителя.

Я ушел, но двоякое чувство одолевало меня. С одной стороны, упоение собственной победой. Ведь я одолел свое малодушие ценой огромного напряжения воли. Превзошел, можно сказать, самого себя. Но очень жалел и гусяка. Как хотелось, чтобы он остался целым и невредимым, этот надменный красавец!

К своей превеликой радости на следующее утро я увидел того самого гусяка вполне здоровым. Несмотря на фиаско, он оставался вожаком, но вожаком, как мне показалось, более скромным. Я сразу узнал его. Он меня тоже. Немного наклонив голову, он выжидательно поглядывал на меня зорким красноватым глазом. Не знаю, о чем он думал, но я был рад, что он жив и не горит желанием отомстить за вчерашний позор.

Я махнул ему рукой и пошел своей дорогой. Уже безопасным и мирным путем.

Мой рассказ привел Валеру в невиданный восторг. Со стороны можно было подумать, что подвиг совершил не я, а он.

— Ведь говорил же я тебе, а ты не верил!— ликовал Валера.— Главное — крепко схватить и резко дернуть. Понимаешь?

— Я-то теперь понимаю, а ты попробовал бы сам!— заявил я слегка надменным тоном.

— И попробую,— уже не так запальчиво сказал Валера с нотками обиды в голосе.— Я похлестче кое-что покажу тебе. Ахнешь, когда увидишь.

— Змею за пазуху положишь?

— Нет, ужа за пазуху и дурак положит.

— Тогда... на школьную крышу залезешь?

— Глупости,— сказал Валера.— Пойдем к реке, там увидишь.

Всю дорогу я думал и думал, чем же сможет удивить меня мой друг.

Дошли до моста и остановились. Валера быстро разделся.

— Держи!— он подал мне рубашку и штанишки.— И подожди меня здесь.

Я не сразу сообразил, в чем дело и зачем он раздевается. Но когда сообразил, Валера уже летел, дрыгая руками и ногами с высоких перил моста. Вот он звонко плюхнулся в желтые волны реки и исчез под водой. Я растерялся. Все было так неожиданно! Но когда пришел в себя, Валера уже поднимался по глинистому берегу, заросшему редкими кустиками. За одним из них он выжал трусы.

Высота моста была метров шесть или семь, и я начал понимать, какой ослепительный подвиг совершил мой друг Валера.

Он подошел ко мне, заметно озябший, взял штаны и рубашку. Оделся.

— Это тебе не гуся душить!— сказал он спокойно и веско.

Дома я вновь вспомнил о замечательном прыжке Валеры. Сам-то я еще и плавать не умел, не то чтобы прыгать с такой высоты.

Валера не переставал меня удивлять. Однажды пригласил меня домой и пообещал научить играть в шахматы.

Я стал отказываться.

— А я знаю, почему ты не хочешь идти к нам.

— Почему же?

— Злопамятный потому что.

— Какой-какой?— не понял я.

— Долго помнишь обиду. Это нехорошо.

Опять мне задал этот Валера задачку. Теперь мне надо было выяснить — хорошо ли это: долго помнить обиду.

Даже у матери спросил. Но она ответила неопределенно: «Смотря какая обида. Если пустяковая,— забудь поскорей. А то, бывает, и другая, кровная, как говорят, обида. Ее и захочешь забыть, но не сможешь».

И я вновь вспомнил соседа-морняка. Он бы ответил. Он ведь мужчина. А мужчины лучше друг друга понимают. Мне часто не хватало нашего черноморца. А к Валере я все-таки сходил, и в шахматы он меня учил играть, и мать его совсем уже по-хорошему меня встретила.

* * *

В комнате матроса поселились две женщины. Одна пожилая, другая молодая. Дочь пожилой. Мать, судя по ее

желтому и грустному лицу, часто болела. Дочь была веселой, искроглазой и носила тугую черную косу, которую то и дело забрасывала на спину. Мать еще утром садилась на матросову скамеечку под деревом и не спеша вязала, время от времени разговаривая с собой. Или с пряжей своей. Дочь с красивым именем Жаннет работала в колхозе.

Нас с этой Жаннет сдружило то, что она, как и я, ожидала с фронта своего Одиссея. Уже не было войны, не было даже фронта, но ждать приходилось еще многих.

Родной брат этой Жаннет — его звали Мухажиром — писал домой, иногда присылал фотокарточки. Он был далеко. В самой Германии. На фотографии улыбался очень красивый офицер — капитан, весь в орденах и медалях. С левой стороны груди внизу блестел даже какой-то крест. Жаннет сказала, что это заграничный орден. Вообще-то у этого Мухажира на груди трудно было найти место для новых наград.

Про боевые подвиги своего брата Жаннет не смогла рассказать что-либо вразумительное. «Приедет — сам расскажет». Мы, естественно, думали: откуда девчонке, пусть она даже и старше нас, знать, что такое боевой подвиг и геройство. Девчонка она и есть девчонка.

14

Приезд Мухажира был радостью для всего нашего длинного дома и длинного двора. Он всем понравился не столько своими многочисленными наградами, сколько веселым нравом и какой-то, как говорили женщины, обворожительной улыбкой. Впервые за все время мы увидели улыбку и на лице его матери.

Этот невысокого роста, но крепкого сложения молодой офицер стал всеобщим любимцем как старших, так и детей.

Однажды я видел, как Мухажир разделся по пояс и стал мыться. Сестра Жаннет лила из кувшина воду. Когда я подошел поближе, заметил: все тело капитана было в коричневых и розовых рубцах. Может, поэтому Мухажир не тер кожу, а просто смачивал, а потом сестра помогала промокать полотенцем. Мухажир иногда морщился. От боли, наверное. И в это время его веселые глаза становились невеселыми, а взгляд — тусклым, печальным.

Да, подумал я, не так просто достались этому человеку его боевые награды.

Не прошло и двух месяцев, как славный капитан, наш любимец Мухажир начал болеть. А вскоре и вовсе слег.

Мы всем двором ходили в больницу, чтобы проведать его.

Нам рассказали, что лучшие врачи, которых можно было найти в тех краях, старались вылечить, поставить на ноги героя, но, как выяснилось, «на нем не было живого места...»

Умер воин.

Тысячи смертей пережил. Под пулеметным огнем, под разрывами мин и бомб вел своих бойцов за собой. В жарких рукопашных боях, в отступлениях и в наступлениях выжил. А умер на больничной железной кровати.

— Нелепо. Несправедливо,— сказал большой доктор, протирая свои очки.— Такой молодой и жизнерадостный. Жить бы ему сто лет.— Очень сокрушался большой доктор из-за того, что не смог отогнать смерть от нашего любимого Мухажира.

Неутешно рыдала Жаннет, плакали и многие другие женщины, когда готовили Мухажира, как говорят, в последний путь. Не плакала только... мать, старая, болезненная мать молодого офицера. Это было непонятно и непривычно. А потом одни стали говорить, что она помешалась, а другие — что она уже просто не могла плакать.

И все же радостных и веселых событий в нашем дворе и во всем поселке было больше, чем печальных. Еще бы! Продолжали возвращаться воины. Люди чаще смеялись и пели.

15

Каждый день мы ждали нашего Одиссея и все боялись, не придет ли он таким же израненным, как Мухажир. И хотя в своем последнем письме он сообщал, что с ним все в порядке, но мы с мамой (втайне друг от друга) очень волновались. Наступил сентябрь, а он все не ехал...

А в школе нас, мальчишек, взбудоражило одно поразительное событие. И речь шла даже не о том, что к нашей школе сделали пристройку, которая была, наверное, не меньше основного здания.

Интересным было другое.

Наша школа из мальчишеской стала смешанной. То есть к нам, в нашу увеличенную школу, в каждый класс пришли девчонки. И смешные первоклашки, и серьезные пионерки в красных галстуках, и совсем старшие — с комсомольскими значками. Школу невозможно стало узнать — она словно преобразилась.

Несколько девчонок появились и в нашем классе. Это были немножко смешные с виду, но с серьезными личика-

ми особы. Я бы сказал даже довольно строгие. Мы их воспринимали сначала как гостей, хотя они и пришли на-совсем. Однако они так важничали, словно не они к нам заявились, а это мы к ним пожаловали в гости.

Всякие косички, ленты, цветные кофточки и носочки сделали наш класс немножко похожим на живую цветочную клумбу.

Но скоро многие из наших ребят взгрустнули. Дело было в том, что девчонок-то оказалось меньше, чем нас. И когда учительница их рассадила — каждую с каким-то мальчиком, то на всех ребят девчонок не хватило. Я тоже оказался обделенным.

Не знаю, за что учительница меня так страшно наказала. Вроде бы я считался одним из самых послушных и учился не хуже других. А может, это была случайность, и зря я обижался на учительницу. Тем более, я скоро заметил, что не все обстояло так безнадежно плохо. Дело в том, что лучшая и самая красивая девчонка, которую звали Галия, села как раз передо мной. Рядом с конопатым и белобрысым Виктором. Он был ни рыба, ни мясо, с оттопыренными ушами. И то, что с ним посадили такую прекрасную девчонку, его, похоже, совсем не волновало. Он вроде и не замечал чудесной своей соседки. Бывают же такие люди: им сказочно везет, а они этого и не замечают. Будто ничего не случилось или так и должно быть.

Галия сначала с любопытством окинула взглядом своего непутевого соседа. Потом хихикнула и скромно сложила на парте свои беленькие пухленькие ручки.

Я сразу влюбился в эту Галию с огромными, но, как мне показалось, хитроватыми глазами. И голоса ее не слышал, еще не знал, умная она или глупышка, плакса или нормальная. Ничего не знал, а влюбился.

На первой же перемене сказал про свою любовь самому верному, а еще вернее сказать, единственному своему другу Валере. Так, мол, и так. Хорошо это или плохо?

Валера задумался. Уставился на свои ботинки и, наконец, тяжело вздохнул.

— Чего ты это? — спросил я.

— Да так, — уклонился Валера.

— Не хочешь говорить, — проницательно определил я.

— Понимаешь... — не своим голосом произнес Валера. —

Я тоже люблю ее.

У меня и челюсть отвисла. Ну и дела, думаю. Кто мог ожидать такого поворота? Я совсем растерялся и долго не находил ответа. Затем, с трудом оценивая сложную обстановку, я проговорил упавшим голосом:

— Тогда я не буду ее любить. Ты мой друг, и я не хочу тебе мешать.

— Нет, не надо,— так же невесело и не очень твердо сказал Валера.— Лучше я поищу другую девчонку. А ты продолжай любить свою.

— Тогда пусть не достанется никому, чтобы обиды не было,— ответил я, сам удивляясь собственной находчивости.

— Нет,— возразил Валера.— Так тоже не бывает.

— Откуда знаешь, что не бывает?

— Отец говорил. Уступать другу нужно все, только не любовь. Это он маме говорил после какого-то фильма.

И тут появилась она. Та самая Галия, судьбу которой мы никак не могли решить. Поравнявшись с нами, она окинула нас ничего не значащим мимолетным взглядом и, тряхнув большим белым бантом, венчавшим черную головку, упорхнула дальше. Мы смотрели ей вслед, широко раскрыв рты, в которые сейчас могли влететь воробьи средней комплекции.

А вообще она покорила всю мальчишескую братию. Она была не только отличницей, но и совсем не задавакой, скромной девчонкой. Руку поднимала, я заметил, не отрывая локтя от парты, не то что некоторые выскочки. Даже выговор ее, по-татарски чуть окающий, приводил нас в тихий восторг.

Понравиться ей старались все. Даже самые шаловливые, самые непоседливые возле Галии становились покладистыми и спокойными, а кому удавалось — и галантными.

Мне давно и очень хотелось, чтобы кто-нибудь попытался ее чем-нибудь обидеть. Вот уж был бы настоящий повод показать себя в лучшем свете!

Но такой «удачи» никак не выпадало. Я, конечно, часто ее о чем-нибудь спрашивал, а она охотно мне объясняла. Откуда ей было знать, что вопросы мои были в общем-то надуманными, а ответы на них не так уж были для меня важны. Но кто мог отказаться от услуг такой глазастой и внимательной «наставницы»!

Не прошло и недели, как представился отличный случай оказать Галие рыцарскую услугу, о чем я давно мечтал. Еще издали я заметил, как в конце коридора Галия и ее несносный сосед краснокудрый Виктор затеяли какую-то тяжбу. Я радостно рванулся вперед, намереваясь съездить обидчику в ухо, постоять за честь дамы. Но, к моему великому сожалению, «дама» опередила меня. Пузатенький портфель, описав крутую дугу, обрушился на шею бес-

пardonному Виктору. Обидчик не устоял на ногах и шлепнулся на дощатый пол коридора.

У меня сразу испортилось настроение: ведь не станешь бить битого да еще лежачего. Бессмысленно и неблагоприятно. Да и Галия уже убежала в класс.

Но самое обидное случилось потом. Едва начался урок, Галия, я заметил, погладила Виктора по руке и шепотом сказала: «Ну, помирились, ладно?». Тот молча кивнул. Как мне хотелось в этот момент «приласкать» его красные кудряшки на длинной шее! Очень досадно было миролюбие Галии.

Сплошные неожиданности.

Скоро я понял, что в любви бывают и безвыходные положения, когда и не знаешь, как поступить, что предпринять. Дело в том, что Галия с удовольствием принимала мои ухаживания. Тем более, что другие, боясь меня, не старались ей навязываться со своими услугами. А, может быть, она только мне и нравилась? Да еще Валере, который молча вздыхал, встречаясь с взглядом ее огромных, полных лукавства миндалевидных глаз.

Всеми было замечено, что я превратился в ревностного охранника ее, Галии, бесценной персоны. Это стало вызывать тайные насмешки и подозрительные перешептывания других девчонок, а затем и мальчишек.

А однажды произошел и вовсе скандальный случай.

Мы шли после уроков домой. Почти до конца дороги нам с Галией по пути. «Подержи портфель», — сказала моя попутчица, когда нас догнала ее подружка и соседка по дому. «Ее портфель тоже подержи». Я получил еще один портфель. «Ну, ты шагай, а мы поиграем и догоним!» — крикнула подружка и, перепрыгнув через арык, помчалась по тополиной аллее. Обе девчонки, забыв обо мне, бегали, скакали, догоняли друг друга. Их звонкий смех начал меня раздражать. Плелся я по пыльной дороге с тремя портфелями, которые в эту несносную жару становились все тяжелей, и нести их было не так-то удобно.

В это-то время меня и догнал тот краснокудрый Виктор со своим таким же нахальным и неряшливым приятелем. Увидев меня и оценив ситуацию, оба громко расхохотались, а Виктор подошел поближе и, скорчив жалостливое лицо, сказал:

— Ну, что ты, как лакей, как ишак, носишь девчачьи портфели?! Лучше айда с нами на речку.

Налицо было самое настоящее оскорбление. Я положил портфели, и в это самое время снова раздался звонкий смех подружек.

— Еще и смеются!— Виктор подлил масла в огонь.

Сильное желание сцепиться с Виктором сменилось растерянностью. Да, пожалуй, со стороны моя фигура и впрямь выглядела несколько комической. Подумав немного, я решительно потащил портфели на тот берег арыка, на аллею и бросил их к ногам Галии. Заодно швырнул и свой собственный. По ошибке.

Девчонки смолкли, наклонились к портфелям. Галия подобрала мой портфель, смахнула с него пыль и протянула мне, смущенно помаргивая вдруг погрузневшими глазами.

— Я вам не лакей и не ишак!— сгоряча, но не очень злобно успел я сказать и круто отвернулся.

И тут я неожиданно и наповал был сражен этой чертовкой Галией, которая подошла ко мне, посмотрела своими как никогда добрыми и честными глазами мне в зрачки, нежно погладила по руке и тихо сказала:

— Прости, пожалуйста...

Я не знал, что ответить, как себя вести. В такое неловкое положение я попал, кажется, впервые в моей жизни длиною в десять лет. Я шел домой, не видя ни дороги, ни высоких тополей, ни говорливого ручья, что струился совсем рядом. В голове звучали два слова, сказанные таким и нежным, и милым голосом. А перед глазами моими — умные и честные глаза Галии.

* * *

Время шло, а отец не возвращался. Последнее письмо мы получили от него в конце августа, с другим номером полевой почты и, как мы поняли, с «другого конца света». Наш Одиссей «заплыл», кажется, гораздо дальше, чем Одиссей гомеровский...

Мы ждали. Ждали каждый день и каждый вечер, а главное за многие годы событие все равно оказалось неожиданным, как внезапно хлынувший ливень с только что безоблачного, дышавшего зноем неба.

Утром в воскресенье мама сказала:

— Поедем к тете в гости, навестим ваших двоюродных братьиков и сестричек, а вечером вернемся назад.

Однако поездка не состоялась.

Не успели мы позавтракать, как наш Алим вдруг навострил уши и направился к двери, вытирая по дороге «усы» от кислого молока. Это он слышал чьи-то шаги у порога. Гостям он всегда радовался больше, чем я.

Открылась дверь, и в комнату шагнул улыбающийся военный с чемоданом в руке.

— Гостей принимаете? — он опустил чемодан на пол. — Ну, вот мы и...

Это был наш отец. Наш родной, наш долгожданный Одиссей.

Мама медленно подошла к нему, словно не сразу узнавая, потом обняла за шею и припала к его груди. По ее вздрагивающим плечам нетрудно было догадаться, что она плачет. И я это правильно понял, потому что уже знал: плакать можно и от радости.

Мы с Алимом стояли растерянные и смущенные. Отец обнял меня, удивляясь, как я вырос, в какого, мол, превратился мужчину. Алимчик все прятал свои глаза и дал себя обнять как-то уж слишком сдержанно. А в общем, они с отцом заново друг с другом познакомились. И, кажется, друг другу понравились.

Мама смотрела на них, одновременно смеясь и вытирая слезы.

В те минуты или, вернее, в тот день я отчетливо и очень остро осознал, какое это великое счастье — встреча с отцом, вернувшимся с войны, и какое, наверное, бесконечное несчастье — не дожидаться отца, знать, что он никогда не вернется.

Мне стало еще сильнее жаль своих приятелей-сверстников, которые уже получили, как тогда они назывались, «черные письма». И мне было горько оттого, что помочь этим ребятам ни я, ни кто другой ничем не мог. В школе я рассказал всем о своей радости, а в качестве ее иллюстрации у меня на голове красовалась новенькая пилотка со звездочкой, привезенная отцом специально для меня, для своего старшего сына.

Мы готовы были часами слушать рассказы отца и наперебой отвечать на его вопросы о нашей жизни. И еще мы вместе иногда листали гомеровского «Одиссея», мечтая о возвращении в родные края, где нас ждали величественные горы и густые леса, кристально чистые реки и яблоневые сады. И книги отца, хранящиеся у его кабардинских друзей.

Однажды у нас в гостях побывал отец Валеры. Он и мой отец долго и с увлечением беседовали; я удивлялся даже: чем этот тыловик мог так заинтересовать фронтовика, у которого ордена и медали во всю грудь! К тому же, они раньше и знакомы-то не были. Сидеть вместе с ними мама нам, конечно, не разрешила, и до меня долетали

лишь отрывки разговора, причем речь шла о каких-то огурцах. Странно!

Несколько позже я узнал: во-первых, «огурцы»— это мины; во-вторых, Валеркин отец — главный инженер завода, выпускающего боеприпасы; ну, а в-третьих, мой отец командовал, оказывается, минометной ротой. Зауважал я сразу этого боевого инженера и стало мне неловко, что раньше думал о нем не очень-то лестно. Ну что стоило ему взять да и рассказать о себе: такой, мол, я человек, все равно как офицер, и так далее. Но нельзя, наверное, было рассказывать, догадался я. Иначе рассказал бы. И я живо представил себе Валериного отца за чертежами, на которых он рисует мины, похожие на огурцы, а они потом летят и продырявливают насквозь танки с паучьими крестами...

* * *

Жаркое лето сменилось теплой ласковой осенью. Любимое время года! Потом наступила зима, не всегда для меня приятная. А за ней — весна, которую я тоже люблю. Вновь оделся в свой блистательный парад стройные тополя, в густых кронах карагачей начались многоголосые концерты чернотелых хоров. Каждое утро меня будит неистовый поток солнечных лучей, заставляющих сверкать никелированные шарики на спинке нашей с Алимом кровати. Встаю, подхожу к окну. И хочется мне крикнуть: «Здравствуй, утро!— и еще:— Здравствуйте, люди! Я рад видеть вас и слышать! Видеть всех и везде: в школе, на улице, на базаре...

Здравствуйте!»

ЗА ПОРОГОМ — УТРО РАННЕЕ

ПОВЕСТЬ



Рассказ первый

В СЕМЬЕ, ГДЕ ВСЕ ВОСПИТЫВАЮТ ХАСАНА

Хасан вечно спешил. Слова срывались с его языка, не успев дозреть в его голове. На вопросы Хасан отвечал, не успев их выслушать до конца. В хлебный магазин он бежал так, словно голодал уже целую неделю. На речку мчался сломя голову. Торопился даже в школу, хотя и не всегда являлся на уроки без опоздания.

Вечно спешил Хасан.

Он даже родился раньше положенного срока. Этим вначале и объясняли его хрупкое сложение. И долго еще дома с любовными нотками в голосе называли его Кишкой бледнолицей. Прозвище, прямо скажем, незавидное.

Хасан привык к этой и подобным неблагоприятным кличкам. Вот только к жалости привыкнуть не мог. Его в младенческом возрасте все очень жалели. Потом продолжала жалеть в основном сестра Света. И ничего с этим поделать было уже нельзя. Казалось, сестра была уверена, что без ее жалости душа Хасанова покинет его жалкое и немощное тело. Однако душа оставалась на месте. И все прочнее укреплялась в теле, которое не становилось пока слишком атлетическим.

Хасан рос, замечал изменения в себе и окружающих. И только одно неприятное обстоятельство было неизменным и чувствительно терзало его гордую душу: Хасан оставался самым младшим в семье.

У балкарцев есть поговорка «Лучше быть щенком среди псов, чем младшим в семье». Положение это, конечно, спорное. Но неоспоримо одно: автором афоризма наверняка был еще в стародавние времена кто-то самый младший среди братьев и сестер.

Младшим везет только в сказках, изрек однажды Хасан. Там они совершают сногшибательные подвиги, рубят, как дрова, головы у драконов — обычно по девять штук, а при наличии — и все двенадцать. После такой красивой работы ханская дочь-красавица, естественно, и тоже младшая, вусмерть влюбляется в сына простого горца, а владыке ничего не остается, как отдать дочь любимую герою, отвалив заодно и полханства в придачу.

Естественно, и кургузая лошаденка везучего недоросля

вдруг превращается в статного скакуна арабской или кабардинской породы, способного по воле седока, а точнее — рассказчика, перемахнуть через самые внушительные препятствия — будь то высоченные горы или почти бескрайние моря.

Все это в сказках.

А в жизни? В жизни — так. Все сидят и смотрят телевизор. Острейший момент у ворот прославленного голкипера. Канадцы прут, как чингисханово войско. Или Штирлиц почти в лапах кровожадного Мюллера. И тут звонит телефон. Беги, Хасан! Ты младший. Или кому-то из сидящих вдруг приспичило выпить чаю или айрану. Пошевеливайся, Хасан!

Или еще. Если тебе повезло попасть за пиршественный стол (как-никак уже шестнадцать лет!), тамада может удостоить тебя чести получить из его рук полуопаленное баранье ухо. И ты должен быть счастлив от такой высокой милости. А если запоздавшему гостю нужно место за столом, — вылетай, как пробка, и усади на свое место того, кто старше тебя.

Младший чаще других бывает в центре внимания. Особенно если все остальные — взрослые, сложившиеся личности. А ты еще не совсем человек и вовсе не личность, и взрослые горят желанием сделать из тебя человека. Идет сплошная педагогика. Вернее — смешение всех систем педагогики от Ушинского до Сухомлинского, с одной стороны, и от средневековых прадедовских времен — с другой. Тут вслед за утонченным и деликатнейшим внушением может засвистеть пресловутый ремень, а то и веник, связанный, между прочим, металлической проволокой.

Когда иной младший чрезмерно радуется чему-нибудь или возликует по какой-либо причине, балкарцы говорят: «Восторгается, словно мать родила мальчика». (Кстати, смысл такого восторга вполне понятен: ведь младшим уже становится другой, а «бывший» переходит «в люди».)

Все это Хасан знал.

Но младшим он оставался уже многие годы. Знал он свою горькую долю и потому старался стойко переносить великие муки несчастного объекта семейной педагогики.

Какая-нибудь чепуховская провинность, и мать — чуть ли не в истерику. Отца еще дома нет, но ему все будет доложено. Брат, даром что врач, подносит к носу кулак. Но больше всех изводит Хасана сестра Света. Она никогда не кричит на Хасана, не грозит веником. Не ворчит и не поучает. Она делает хуже — жалеет.

От этой жалости Хасану становится до того мутно,

что он порой начинает ощущать сильнейшее, едва преодолимое желание стать на четвереньки и завывать по-собачьи, может, и покусать ее за ноги. Однако Хасан был уже в том возрасте, когда мужчина начинает понимать, что самая блистательная победа — это победа над собой, умение хладнокровно переносить все подзатыльники судьбы, способность удерживать себя от непродуманных поступков и прочее.

Вот, например, очень хочется заехать приятелю Борьке в ухо за то, что он не так посмотрел на Зухру, которую Хасан любит чуть ли не с третьего класса. Или оттягать за уши ту же Зухру, чтоб вела себя поостороже.

А Хасан, хотя и с великим усилием, держал себя в руках. И сам восхищался своим долготерпением. Он давно понял, что мир этот во всем своем великом многообразии и обилии противоречивых явлений весьма любопытен. И стоило, право, очень даже стоило поспешить с появлением на свет божий.

— В наш дом Хасан пришел вместе с первым телевизором, — вдруг ни с того ни с сего сказала Света.

— А что общего между мной и этим волшебным ящиком? — поинтересовался Хасан.

— А то, дорогой братец, — начала умничать Света, — что это был такой жалкий телевизор с экраном чуть больше папиной ладони. И ты тоже был такой несерьезно маленький! Толком и ходить еще не мог. Плакал таким жалким голосом...

— Ну, а теперь как?

— Постой. Еще. Все были помешаны на телевизоре и на тебя не обращали никакого внимания. Оно и понятно. Детей в доме трое, а телевизор, чудо эпохи — один. И тогда ты «показал» себя впервые в жизни. Это был потрясающий протест. Ты подошел к этому чудо-сундуку на своих слабеньких дрожащих, — сестрица всхлипнула, — ножках и закрыл собой экранчик. Вот тут-то все разглядели тебя настоящему и как следует. А отец даже сказал: «Хорошо растет этот малый. Кстати, сколько ему?» С тех пор стали тебя лучше замечать.

— Ну, теперь и телевизоры другие, и я, наверное, уже не той модификации?

— Да, конечно, — продолжала Света, — ты все более и более становишься похожим на джигита. А твои успехи в школе, особенно по физике и математике... Мы начинаем тобой гордиться!

— Приятно слышать, — с ехидной ухмылкой ответил Хасан.

— Да-да. Возможно, из тебя выйдет настоящий человек, если нам повезет.

— Уж постараюсь, сестричка, чтобы вам повезло. Мне вас так всех жалко.

Между прочим, Света недавно отметила свое двадцатилетие и теперь, впрочем, как и раньше, большую часть своего времени проводила перед зеркалом. И каждый раз смотрела в это холодно-равнодушное стекло с таким интересом, будто впервые видела свое отражение. После окончания школы, а потом медицинского училища Света начала работать в больнице медсестрой и никак не могла понять, почему лучшие юноши села, которое теперь называют поселком, до сих пор не передрались из-за нее, а местные красавицы не пересохли от ревнивой зависти.

Это слова матери. Ее, кстати, не всегда поймешь — где она шутит, а где говорит всерьез. По правде сказать, Света, как полагал Хасан, была стройна и глазаста, в общем — красива. Хотя и не совсем умна. А последнее, согласитесь, не всегда для девушки обязательно.

Хасан давно заметил, что полочки у кровати Светы, которые были раньше набиты только книгами, теперь наполовину были заставлены всевозможными духами, кремами и импортными шампунями. Хасана это настраивало на иронический лад. Мать и брат Магомед (о нем — потом) относились к резко изменившимся вкусам некогда прилежной школьницы с пониманием.

Да и отец — он по натуре философ и рассуждал, следовательно, по-философски — высказывался вполне определенно: «Желание женщины выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, — это нормальное, закономерное явление».

Вообще-то отец человек очень спокойного нрава. Говорит немного, но знает цену словам, звучащим из уст главы семейства. Как выразилась однажды Света, папины слова весомы оттого, что в них — сгустки умных мыслей.

И еще. Отец, как и подобает истинному горцу, очень сдержанно проявлял любовь к своим детям. Говорил с ними на равных. Потому, наверное, и казалось, что он их просто уважает как товарищей по работе. И все же отцу трудно скрывать свой интерес к шутливым репликам младшего, которого, он порой, казалось, уважал больше других.

— Не смейтесь над моей худосочностью, — говорил Хасан, — может, именно мне суждено прославить всю нашу фамилию.

— Ой, держите меня! — воскликнула Света и стала так

неуместно и глупо хохотать, словно ее щекотали всей семьей.

— Смотри еще чем прославить,— буркнул брат Магомет, который был молодым хирургом и с каждой хвалебной заметкой о нем в газете становился степенней и рассеяней.

Он относился к Хасану насмешливо-снисходительно. Но в общем-то это не мешало их дружбе. Хасан тихо ему завидовал. Больше гордился...

— Отстаньте от него!— сказала мама, как всегда в таких случаях.— Он умнее всех вас, клянусь моим единственным братом.

— Суворов, например, тоже был вначале такой же тонкокостный, как я,— не унимался Хасан, которому пришлось подогревать всеобщий интерес к своей персоне.— А кем он стал потом?

— Также мне, фельдмаршал!— фыркнула Света.— Не лучше ли — Хасан Македонский? Звучит?!

— Опять же — Наполеон,— невозмутимо продолжал Хасан.— Также вроде меня был «кишкой», как вы невежливо и не совсем точно меня обзываете.

— Если на то пошло, мне больше нравится Кутузов, который колотил твоего Бонапарта,— сказал брат Магомет, устало откинувшись на спинку дивана.— Но что делать, если не будет войн и твой полководческий гений останется нереализованным. Так что, брат Хасан, уже пора серьезно задуматься над будущей гражданской профессией.

— Подамся, пожалуй, в науку. Недаром Ахмат Мусавич говорил, что в моем котелке булькает аналитический ум, ищущий простора в сфере математики и физики.

— Но в твоем котелке и пены хватает,— снова пачала умничать Света.— И еще ветер под крышку задувает.

— Ветер — это хорошо. Чтобы плесень не заводилась. Небольшой сквознячок — это, знаете, совсем даже неплохо для мозга.

— Ответ, достойный джигита,— сказал серьезным тоном Магомет и одарил Свету пренебрежительным взглядом. Потом молодой хирург посмотрел на часы и стал собираться на дежурство. Мать вышла с ним, а отец обозрев свою газету и выдав Хасану легкий поощрительный подзатыльник, ушел в свою комнату.

Хасан подсел к Свете и доверительным тоном сказал:

— Вот вы все зубоскалите, а я уже начал задумываться над своей жизнью.

— Так это же прекрасно!— ответила Света торжественным тоном.— Доверься мне, брат мой!

— Послушай,— начал Хасан,— я очень уважаю вашу с Магометом медицину...

— Начнем, дорогой, с того, что медицина не наша с Магометом, а принадлежит всему человечеству. Понял? Теперь продолжай.

— Так вот, я окончательно решил поехать на карьер.

— Это что за «карьера»?

— Не «карьера», а карьер, непонятливая твоя голова.

— Прости, но я не знаю, что это такое,— сказала Света, даже не обидевшись на «непонятливую голову». — Это — где землю роют?

— Это где горы передвигают. Вообще тебе слишком долго надо объяснять. Да и то вряд ли поймешь. Но пойми одно — в медицине, как вы все советуете, не пойду.

— А в медицине разве нельзя горы передвигать, если ты имеешь, как говорят, «аналитический ум»? Правда, там много еще чего потребуется, кроме бульканья мыслей,— задумчиво сказала Света, будто всем этим «много» она уже обладала. — И кроме того, ты же обещал маме, что станешь врачом.

— Это ошибка. Кто не ошибается! Круглые дураки только не ошибаются. И вообще, что за помешательство на медицине?! Фамильную больницу, что ли, хотите открыть? Очень уважаю я вашу профессию, но...

— А мы, особенно мама и Магомет, так хотели видеть тебя врачом. Вот я тоже через пару лет...

— Пойми, что три врача на одну семью — не только много, но и неприлично. И так вас, врачей и сестер, в селе больше, чем больных. Куда еще? Люди-то ведь все здоровее становятся. По крайней мере телом. Не пьяль глаза, это, как говорил Остап Бендер, медицинский факт.

— Карьер! И кто это тебя надумил! — почти с отчаянием в голосе сказала Света, глядя на Хасана как на безнадежного больного.

— Не трепыхайся, сестричка. Ведь скоро у нас по врачу на дом придется. Не жизнь, а сплошная поликлиника.

— Хватит паясничать! — начала сердиться Света.

— И еще, сестричка, мне надо очень много денег. Целую кучу червонцев.

— Что-о?! — глаза Светы округлились, и она в страхе подскочила с места, будто Хасан признался в похищении этой кучи червонцев.

— Успокойся. Мне и в самом деле потребуются скоро изрядные средства для осуществления своего давнишнего плана.

— Какого плана, несчастный?

— Мне нужно повидать свет. Хотя бы полсвета. А еще точнее — я мечтаю съездить в Индию и покататься на слоне.

— Милый братец, я раньше думала, что все твои чудачества — это издержки нежного возраста. А когда девятиклассник плетет такую чушь, — это уже, прости меня, патология. Лечить тебя надо. У психиатра. Тогда у тебя исчезнет желание кататься на слонах.

— Света, я прошу тебя не спешить и не отправлять меня в обитель скорбных умом. А я, если поклянешься, скажу еще одну тайну.

— Ну говори, что еще ты затеял.

— Поклянись.

— Клянусь братом.

— У тебя их два. Которым?

— Обоими клянусь! — сказала Света, побледнев.

— Так вот слушай. Хотя ты и старше меня возрастом всего лишь на четыре года, но почти такая же умная, как и я. Храни эту тайну вечно. Хорошо?

Рассказ второй

СПАСЕНИЕ БЕДНОГО БОЙНАКА

— Собака не только друг человека. Это честнейшее животное. Оно в будущем нам понадобится еще больше, чем теперь, — торжественно изрек Хасан.

— Это точно, — согласился толстоногий Махмут.

— Нет, не в качестве сторожа. Люди скоро разучатся воровать. Собака нам нужна для сохранения надежного контакта с природой, — Хасан погладил круглую, как арбуз, голову Махмута, который гладил дынеобразную голову старого лохматого Бойнака. — Она не умеет угодничать и лицемерить. Она умеет только любить или ненавидеть. Иначе говоря, достойнейшая это личность — собака, — сказал Хасан.

— Про собаку вон сколько хороших стихов написано, — поддержал друга Махмут, — а про лису, например, одни басни.

— Глупости, — сказал Хасан, которому реплика Махмута показалась недостаточно глубокомысленной. — Какие стихи, какие басни! В том ли дело...

— Бедный Бойнак, охрип, потерял голос. Не может прилично лаять. Поэтому отец хочет от него избавиться.

Но не знает как. Жалко ему пса. Мы все к нему привыкли.

— Надо пса полечить,— сказал Хасан задумчиво.— Тут необходима психотерапия.

— Да,— подтвердил Махмут, хотя и не понял, что имеет в виду Хасан.

У Махмута была странная привычка всегда и во всем со всеми соглашаться, даже не улавливая сути дела. Хасан предупреждал друга, что это весьма опасная привычка, но пока ничего не получалось. «Ты врожденный лакей. Это такая специальность была в старые времена»,— сказал он однажды Махмуту, и тот, вместо того чтобы возмутиться, спясть с готовностью согласился. Бывают же такие люди!

Но парень он был добрейший, и Хасан дорожил его дружбой.

— Бедный Бойшак, какой он был голосистый,— вздыхал Махмут, прижимая к себе собаку.

— Не горюй,— сказал Хасан.— Я, кажется, кое-что придумал.— И, чуть помедлив, добавил:— Завтра мы с тобой побываем в салиховском радиокабинете и тогда... Я верю в успех своей идеи. А сейчас — пойдем.

— Куда?— равнодушно спросил Махмут.

— Придем — увидишь. Джигит не спрашивает «куда», а немедленно седлает коня. Уловил?

За речкой возле родника, который почему-то называли Телячьим, была большая поляна, на которой обычно тренировались футболисты. А у самого склона, заросшего густым орешником, был самодельный турник.

— Если хочешь, Махмут, стать человеком, давай будем приходить сюда каждый день в любую погоду. Тренироваться будем. Как-никак — турник. На ржавчину не смотри — доведем до блеска. А вместо штанги вот этот камень будем вжимать. Вот посмотри, Махмут.

— Так все это есть в школьном зале,— удивился Махмут.

— Там тоже будем заниматься. И еще до самой зимы, до первого хотя бы снега, будем купаться в речке. Договорились?

— Зачем все это?— с искренним удивлением спросил Махмут.

— Как «зачем»? Впереди — тысячи трудных, крутых и дальних дорог,— повторил Хасан давно заученную фразу.— Готовиться надо.

— Ладно,— неуверенно сказал Махмут,— только мать-то разрешит?

— Эх ты, маменькин сынок!— Хасан брезгливо посмотрел.

ред на нерешительного друга.— В армию призовут — тоже у матери будешь отпрашиваться?

— Это другое дело.

— Чтобы стать настоящим мужчиной, нужно иметь железные ноги и стальные руки, а легкие — как у горного тура. Посмотри на себя — пухнешь на глазах. Жиреешь, как бычок мясной породы на хорошей ферме.

— А ты?— наконец обиделся краснощекий круглолицый Махмут.— Посмотри на себя. Недаром кишкой зовут. То же мне...

— Верно, называли, — согласился Хасан.— Я пока далек от античного Аполлона. Но пойми, дурья башка, мы оба — крайности. Нас бы сложить, хорошенько размешать и разделить пополам. Правда, я оказался бы в проигрыше.

— Почему?

— Я стал бы немного глупее.

Махмут ничего не ответил. Наверное, не понял очередного оскорбления.

На том и разошлись после первой тренировки.

— Не забудь, завтра — радиокабинет!— крикнул Хасан вдогонку Махмуту.

— Ладно, не забуду!

* * *

Эффект от «лечения» бедного охрипшего Бойнака превзошел все ожидания. Несчастный пес, которого хотели «списать» за потерю голоса — этого не последнего качества сторожевой собаки, вначале сам удивился мощным аккордам своего грозного рычания. А когда он рявкнул, и трубный звук эхом отозвался с каменистого обрыва, что по другую сторону речки, Махмут и Хасан, довольные, переглянулись.

Бойнаку явно понравилось многократное усиление его немощного голоса, и он, гордо задрав голову, просто так, без всякого на то повода, вдруг залаял с давно забытым энтузиазмом. Вообще-то он обычно не любил много лаять, как те самонадеянные и легкомысленные дворняги. Когда нужно было, он поднимал голову и говорил громко и внушительно свое «гав», и этого оказывалось достаточно. А сейчас он лаял с удовольствием, и глаза его, в последнее время тусклые и усталые, вновь заблестели живыми огоньками.

Через минуту-другую к Махмутову двору сбежалась вся ребятня села. Начали останавливаться и прохожие взрослые. Одни с нескрываемым удивлением, а иные с тревогой

смстрели на знакомого Бойнака, словно видели его впервые.

Собака собакой, как и многие другие кавказские овчарки. Но этот могучий громовой лай, слышный во всех концах села, не на шутку встревожил население, особенно матерей малолетних ребят. Кто-то уже успел пустить слух, что Бойнаку сделали операцию горла, и теперь звук, не задерживаемый никакими преградами, так и рвется целиком наружу, подобно грому мотоциклетного двигателя, с которого сняты глушители.

Чтобы как-то снизить опасный интерес людей к этому фантастическому превращению, Махмут принес псу поест, и тот, не обращая внимания на толпу изумленных зевак, начал энергично, как и подобает владельцу такого голоса, уничтожать густую похлебку, налитую в чугунный котелок. Вдоволь поев, Бойнак преспокойно отправился к своей конуре, лег на сухую рогожу и мгновенно заснул. Но был слышен его мощный храп, больше похожий на львиный рык.

Люди между тем стали потихоньку расходиться, шумно обмениваясь впечатлениями и своими догадками в связи с увиденным, вернее, — услышанным.

К вечеру пришел с работы отец Махмута. Но он не обратил внимания на рассказы о чудесном возрождении Бойнака.

Зато ночью началось такое, что Хасану пришлось бежать к Махмуту, чтобы совместно принять срочные меры. Дело в том, что, выспавшись и вспомнив о великолепии своего нового голоса, Бойнак решил еще раз хорошенько проверить горло и затеял такой громовой лай, что переполошил весь поселок. В ночной тиши лай Бойнака гремел словно грозный камнепад в горах, грохотал будто сорвавшаяся с заоблачных вершин снежная лавина. От этого лая, усиленного не менее могучим эхом и дружно поддержанного десятками других собак, село, казалось, заходило ходуном. Люди лишились сна.

Хасан и Махмут бросились к Бойнаку, и скоро громоподобный лай перешел в обыкновенный с болезненной хрипотцой и старческим покашливанием.

Это Махмут и Хасан отключили крохотный микрофон на ошейнике, утопающем в мохнатой шерсти пса и связанном через цепь и провод с динамиками, спрятанными возле ворот, в конуре и на крыше дома.

— Утром надо отрегулировать громкость, — сказал Хасан. — Бойнак, кажется, поверил в свои силы и начал лаять

намного лучше, чем вчера. Эксперимент надо продолжать. А то у пса и в самом деле могут быть неприятности.

— Ты прав,— сказал Махмут,— надо отрегулировать, а то мы ему окажем недобрую услугу.— И, подумав, добавил:— А не лучше ли, Хасан, отнести его к ветеринару? Так, мол, и так, просим вылечить.

Гениальные идеи просты, как сковородка!

Хасан повернулся и в упор посмотрел на Махмута, как будто тот сказал нечто непотребное.

— Ну, Махмут, до того ты умный, до того, что даже противно! К ветеринару!.. Скажет тоже. Наш ветеринар в телячьих поносах никак не разберется, а ты к нему с собачьим горлом.— Затем Хасан немного подумал и добавил:— Разве только в Нальчик, к настоящему специалисту...

Рассказ третий

ОХ, УЖ ЭТИ СТАРШИЕ! И ВСЕ ТАКИЕ УМНЫЕ...

— Это кто?— спросил Хасан, увидев рядом с Махмутом худенькую девочку лет десяти. Огромные ее глаза смотрели с грустью, а на щеках не было ни пятнышка румянца — неперемешанного отличия сельских девчонок. Она была похожа на какую-то болезненную зверюшку и смотрела на Хасана не то с опаской, не то стесняясь собственной хилости.

— Моя сестренка Фаризат. Ты не узнал ее, что ли?— ответил Махмут, положив ладонь на темную головку девочки.— В третьем классе учится.

— А-а, Фаризатка! Прощеньица просим... Тебя сразу и не узнать, что-то непохожа на себя стала. И откуда такая интересная бледность?

Фаризат смущенно-кокетливо улыбнулась и плотней прижалась к брату.

— Страшная у нее болезнь,— таинственным полусшепотом объявил Махмут.— Неизлечимая и безнадежная.

— Чего ты мелешь?— Хасан перевел взгляд на Фаризатку, которая выжидающе смотрела на Махмута.

— Видишь ли, ей крупно не повезло. У нее обнаружился слух,— трагическим тоном заключил Махмут.

— Слух? Гм, до сих пор я считал, что это глухим не очень-то повезло.

— Да я не про тот слух! Я про музыкальный. Девчонка моментально запоминает любую мелодию. А самое страш-

ное — может повторить ее в точности хоть сразу, хоть потом, через месяц, без малейшей фальши. Это называется абсолютный слух.

— Не врешь?

— Не вру. Учительница сказала. Которая из музыкальной школы приходит самодеятельность репетировать. Так и сказала: «абсолютный слух».

— Что теперь с ней будет?— забеспокоился Хасан.

— А что будет? Музыкантшей будет. Вот и пианино купили. Такие вот дела,— тяжело вздохнул Махмут, поглаживая смоляные волосы сестреники.

— Талант... может, это и не совсем плохо?— улыбнулся Хасан Фаризатке,— а там, глядишь, слава, почести, восторги. По телевизору будут тебя показывать.

— Я тоже так думал,— сказал Махмут.— А девчонку просто замучили. И так бешеная программа в школе — хоть давься. А тут еще это... как ее...

— Сольфеджио,— подсказала Фаризатка.

— Вот именно. У нас в доме совсем помешались на ее способностях. Ни часу на детские игры. Подружки ее — розовощекие, бойкие... А она — великомученица несчастная. Жалкая жертва таланта. Пока слава придет — смотреть будет не на что.

— А ты пробовал объяснить домашним, что пропадет девочка из-за чрезмерных стараний? Надо же и меру знать!

— Объяснить невозможно.

— Ну, тогда...— Хасан задумался.— А ты пока беги к своим однокласскам,— он легонько подтолкнул Фаризат.— Беги, вон они, к речке идут. Пока можно — наслаждайся жизнью.

В тот же день вечером Хасан снова встретился с другом:

— Сделал, как я говорил?

— Ага!— радостно подтвердил Махмут.— Я открыл крышку этого мучителя — фоно и засунул туда махровое полотенце.

— Ну и?..

— Ну и добрая половина клавишей вместо «бо-о-м, бо-о-м» просто «тук, тук». И не испорчены, а из игры вышли. А без них ни гамм, ни этюдов, ни прочих кошмаров не выдавишь.

— Вот видишь, хоть на какое-то время будет для девочки передышка. На неделю — не меньше.

— По крайней мере на пару недель. Это же мастера надо из района приглашать, да еще очереди дожидаться.

Инструменты есть в каждом селе, а мастеров — раз-два и обчелся.

— Узнают — влетит, — сказал Хасан.

— Это уж точно. Но за доброе дело и пострадать не жалко. Пусть Фаризатка за это время свежего воздуха наглодается. Хоть румянец появится у бедняжки на щеках.

Одной из подружек Фаризат повезло в этом отношении гораздо больше. Ревнивая Фатимина мама Майрусхан тут же приобрела пианино, как только узнала, что у Фаризат оно уже есть. Она ведь была непоколебимо уверена в том, что собственная ее дочь никогда и ни в чем своим сверстницам не уступит. Каково же ей было очутиться в гостях у соседей как раз в тот момент, когда все домочадцы с умилением внимали первому фаризаткиному соло на повеньком сверкающем инструменте! Тоненькие пальчики отчетливо выстукивали простенькую и трогательную мелодию, а члены семейства только блаженно охали да качали головами. Майрусхан на минуту оцепенела. Да как же это... Всего три месяца, как девчонка позанималась у музыкальной учительши, а пианино купили только сегодня и вот... домашний концерт!

Майрусхан некоторое время замороженно слушала музыку, а потом неслышно выскользнула из комнаты и заторопилась домой. Дочку застала за уроками.

— Твоя худосочная подружка Фаризат играет у себя дома музыку, как музыкантша настоящая, а ты, непутевая, целыми днями или на улице болтаешься, или над книжками киснешь! Ты разве не могла бы на пианино играть?!

— Ну что ты, мама! Во-первых, у нас пока нет пианино, а во-вторых, у Фаризатки — настоящий музыкальный талант.

— А чем ты хуже ее? — насупилась мать.

— Наверное, ничем не хуже, но абсолютного слуха у меня нет, — резонно ответила дочь.

— Не болтай глупостей, лентяйка! Ты тоже, слава аллаху, не глухая. А мы с твоим отцом не беднее своих соседей. Купим этот пианино, и только попробуй от своей приткой Фаризатки отстать, косы оборву. Учти.

Майрусхан слов на ветер не бросала. Очень скоро в доме появился дорогой инструмент. И очень скоро ее длинно-косая Фатима проявила полное равнодушие к этому инструменту. Мать была в отчаянии. «Как теперь людям смотреть в глаза», — причитала она. Лишь после одного внушительного высказывания обычно терпеливого мужа она перестала настаивать, чтобы дочь училась музыке.

Справедливость восторжествовала. Но пианино надо было куда-то девать. Искать покупателя Майрусхан стеснялась. Она не хотела стать посмешищем своих злорадствующих подруг. Но ее мучило и то, что за этот злосчастный сундук отдано немало денег.

Наконец Майрусхан осенило. Пусть это блестящее чудо постоит до замужества дочери. А там можно будет сплавить его как часть приданого. Пусть новые родичи поломают голову над тем, что делать с таким приобретением.

Муж согласился, дочь возликовала. Пусть себе стоит пианино. Пока не потускнеет.

Несчастный инструмент, достойный лучшего применения, молчал. Молчание ему предстояло многолетнее. Его ожидало безнадежное одиночество в тоске по чарующим звукам.

История эта озадачила Хасана. Он задумался над некоторыми странными поступками взрослых. Над поступками, которые скорее можно было ожидать от неразумных недорослей, но не от умудренных жизненным опытом взрослых людей. Поразительнее всего было то, что червоточина зависти появлялась иной раз и у людей вполне рассудительных, с виду даже благородных. Хасану казалось, что между завистью и ненавистью нет существенной разницы. Зависть, пожалуй, еще вредней, еще бессмысленней, поскольку чувство это, унижительное и подлое, чаще всего подводит самого завистника.

Случай с Майрусхан — вроде бы, на первый взгляд, просто забавная целевица. Хасан даже пытался уговорить себя похихикать над глупостью сельской гордячки да и забыть все это. Но не получилось. И он решил поговорить на эту тему с отцом, которого тихо боготворил.

— В твоём возрасте,— спокойно сказал отец,— очень бурно развивается критическое начало характера. Постарайся видеть в людях не только дурное...

Было похоже, что разговор не состоится, и Хасан не настаивал на продолжении диалога.

Магомет оказался более разговорчив. Он в последнее время вообще лучше относился к своему брату, у которого над верхней губой определялся недвусмысленный пушок.

— Понимаешь, братец,— глубокомысленно начал Магомет.— Если мы будем замечать у людей только слабости или даже пороки, которых, кстати, и у самих немало, мы просто останемся без друзей.

— Я не о том, Магомет. Я о другом. Почему люди завидуют друг другу? Почему они часто говорят не то, что думают, а то, что выгодно сказать?

— Ну, ты глубоко копаешь. Эти милые слабости еще не окончательно определяют человеческий облик. Вот у меня в палате есть пациент. Безнадёжно больной. Его дни сочтены. При современном уровне медицины его никто не спасет. Я это знаю. Другие врачи тоже. Знают и родные. Но никто не говорит ему, что он не жилец на этом свете. Все мы врем, все мы дружно утверждаем, что его дела идут на поправку.

— Нет, Магомет, ты тоже не о том. Есть ложь «во спасение». Я понимаю, вы хотите, чтоб он хоть последние дни жил с надеждой. Это хорошо. Я про другую ложь. Про лицемерие.

— По-моему, отец прав. Ты большой критикан. Мрачная ты личность. Но ты сам еще не раз убедишься, что хороших людей в мире намного больше, чем плохих. А последних мы замечаем лучше, потому что первые — норма, а последние — отклонение от нее. Когда я прослушиваю сердце, мое внимание заострено именно на переboях, то есть на аномалиях. А нормальные удары у меня даже эмоций никаких не вызывают.

— Ты все про свое. Про врачебное. Твоя работа — это одно благородство. Сколько про тебя говорят и пишут! А про великого трудягу — нашего учителя физики Мустафу Ибрагимовича я что-то в газетах не читал. Разве он хуже знает свое дело, чем ты? Мне порой даже кажется, что он мог стать знаменитым ученым.

— Я согласен с тобой, — сказал Магомет, подумав. — Но вот в чем дело. Откровенно говоря, мне приятно, когда о моей работе добрым словом обмолвятся. Но, видишь ли, работа хирурга видней работы учителя. Не важней, а заметней и эффективней. Выписался больной после удачной операции — результат налицо.

— Получается, хвалят за хлеб только пекаря. Хотя до него был и пахарь, и сеятель, и жнец.

— Во-во, ты почти прав. А те, которые пишут, берут то, что на поверхности, что ярче блестит... Но мы ушли от нашей темы. Ты, Хасан, скоро начнешь вплотную штудировать эту штуку — жизнь. Хлебнешь и горечи, и сиропа. Но помни одно. Быть личностью с собственным характером, с целью в жизни — это, брат, надо воспитывать в себе. И не быть мелочным. Легко нахвататься верхушек, прослыть культурным, эрудитом, пускать пыль в глаза и даже добиться успеха. Дешевого успеха. Но порядочного человека это не устроит. Скажу тебе одну тайну. После института у меня была возможность поступить в аспирантуру. Вот бы радовались старики! Ученый сын. А какой из

меня ученый, если я и десятка приличных операций не сделал?

— Слушай, Магомет, я, кажется, начинаю гордиться своим братом,— сделал «серьезное лицо» Хасан.

— Давно пора. Не так уж он незначителен, каким тебе казался раньше. И раз ты уж начал мной гордиться, то начинай прислушиваться и к моим советам. И первый совет такой: ищи в людях прежде всего хорошее и на этом хорошем заострай, как говорят, внимание. Понял?

Рассказ четвертый

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР ПРО «КАВКАЗСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО»

Хасанов дядя был не только «самых честных правил», но и директором совхоза. Он имел, как и положено иметь руководителю процветающего хозяйства, большой кабинет с длинной ковровой дорожкой, в конце которой громоздился гигантский лакированный стол. При кабинете была приемная, а в приемной — вечно чем-то озабоченная, чрезмерно гордая и чуточку сердитая секретарша. Во дворе стояла пыльная бледно-голубая «Волга» и при ней — румяный шофер, который директора называл Хозяином. Словом, директор как директор.

Но от других директоров совхозов этот отличался тем, что имел любимого племянника Хасана. Разница, конечно, существенная. И не всегда в пользу директора.

Хасан с малых лет любил ездить с ним, задавать ему самые разные, порой весьма сложные вопросы. И просвещенный дядя не отмахивался, как малословный отец, а старался давать исчерпывающие ответы.

Следует отметить, что от такого родства Хасан терпел и некоторые неудобства. Дело в том, что окружавшие директора люди здоровались с Хасаном как с равным, были не прочь и поболтать. А Хасан все никак не мог выяснить — это они от чистого сердца или из мелкого подхалимажа перед начальником. Он еще не знал балкарской пословицы о том, что если почитают хозяина, то кидают кость его любимой собаке. Пословица довольно сомнительного свойства, ее слышат обычно уже в зрелом возрасте.

Хасана привлекала в дяде его фантастическая осведомленность в мире житейских взаимоотношений. Дядя же ценил в Хасане беспредельную любознательность. Знающие

люди всегда любят спрашивающих, а Хасанов дядя знал, кажется, все.

И вот в одно прекрасное утро, когда весна, убедившись, что ее программа выполнена с лихвой и можно передать дела молодому лету, удалилась за горы высокие, когда солнце впервые припекло по-настоящему еще до того, как Хасан успел вернуться домой после зарядки, его остановил личный голос директора совхоза. Облако пыли, которое следовало за «Волгой», обогнало остановившуюся машину, мимоходом облепив серым пушком ее полированные бока.

— Послушай, племянник. Если ты не очень занят, не мог бы поехать со мной? Дело есть.

— Джигит не спрашивает «куда» и «зачем», он седлает копы,— солидно ответил Хасан и подбежал к машине.

— Коня оставь, садись в мою телегу, джигит,— сказал директор.

— Сегодня тоже гости?— между прочим спросил Хасан, поглаживая повенький чехол сиденья.

— Откуда ты знаешь?— всерьез удивился директор.

— Чего тут знать-то. Погода отличная, можно проверить состояние посевов или ферму посетить, заодно посидеть у озера, где к вечеру, надеюсь, будет стоять добрый стол, густо заставленный...

— Ты почти угадал, племянничек. Ну до чего смыслелый!

— Если добавить к этому столу еще и дымящуюся баранину...

— Верно, верно, Хасан,— сказал директор, бросив взгляд в зеркало, где отражалось лицо румяного шофера, который старался сдержать улыбку.— Мы — народ хлебо-сольный.

— Сам-то гость откуда?— так же между прочим спросил Хасан, сделав вид, что ответ его не очень-то волнует и можно вовсе не отвечать.

— Оттуда,— директор возвел взгляд кверху, одновременно подняв указательный палец.

— Если учесть, что наш совхоз выше всех совхозов над уровнем моря, это — с неба... Из космоса, что ли?— не унимался Хасан.

— Не дури, Хасан, не до шуток, тем более таких плоских,— сказал директор негромко, но внушительно.

— А я ничего. Я просто думаю про гостеприимство. До чего же это великое качество горцев!

— Здесь ты прав,— заметил директор и тронул шофера за плечо.— Ты, Лхмат, подожди здесь, а мы посмотрим, как там дела.

Хасан выскочил из машины и потянулся, как это делает обычно дядя, возвращаясь из Нальчика.

Несмотря на то, что взрослый народ села в это время был в поле и на сенокосе, возле озера под навесом суетилось четверо здоровенных парней. Заготавливали дрова, устанавливали котел и очищали площадку от остатков предыдущего пикника. А поодаль в прохладной тени раскидистой чинары лежала на росистой траве большая овца. Хасан сорвал пучок свежей травы и протянул ей, но овца посмотрела на него тоскливыми глазами и задрожала мелкой дрожью, словно в предчувствии неприятных событий.

Дядя положил руку на плечо Хасана.

— Пошли.

— А теперь куда?

— Джигит не спрашивает «куда», он седлает коня.

— Один — ноль в твою пользу, дядя, — сказал Хасан и побежал к машине.

Несмотря на то, что дорога в поселок из города единственная, гостя поехали встречать, хотя он не был космическим пришельцем и местные края навещал нередко. Когда гость не просто гость, а руководящий, проверяющий гость, отношение к нему становится соответствующим — особо трогательным и нежным.

Хасан первым заметил вдали светло-серую «Волгу». По жесту директора, румяный шофер поднажал, словно обнаружил за собой погоню, и, вмиг подъехав к совхозной «границе», остановился у зеленой балки, куда через минуту подъехала и машина с гостем.

Из светло-серой «Волги» вышел моложавый человек в ладно сшитом костюме и помог выйти другому — главному гостю, тоже не старому, но почему-то хмурому и как бы... утомленному. Директор устремился к нему и пожал небрежно поданную руку. Директор был счастлив и радостен. Главный гость задумчиво осмотрел окрестности, как полководец, выбирающий место будущего генерального сражения.

Хасан во все глаза рассматривал гостя и вспомнил, что не далее как месяца два назад он уже приезжал, но с большим количеством спутников. И тоже была проверка. Тогда кукуруза только начинала пробиваться сквозь рыхлую и влажную почву. Но шашлыки были великолепны. Гости были довольны всходами, похвалили директора и главного агронома. Они довольны были и шашлыками, а в честь жалбаура и его творца — самого директора! — провозгласили специальный тост.

Гости были тогда довольны. И под конец, несмотря на

солидность и миссию солидную, они, захмелевшие от звездных напитков, даже запели. И даже с удовольствием. Директор, правда, участвовал в этом хоре без особого вдохновения: по-видимому, только из солидарности.

И вот позый визит того самого, вышестоящего...

— А это кто?— спросил он властным тоном, показывая на Хасана.

— Племянник мой,— радостно сообщил дядя, и Хасан заметил какое-то на сей раз особо нежное звучание дядиного голоса.— Вот кончает школу. Достойная смена растет, просвещенная смена.

— Да, видно, толковый парень,— согласился главный гость и протянул руку, чтобы потрепать Хасана по плечу. Хасан, вежливо улыбнувшись, уклонился от высокой ласки, и гость сразу стал вновь серьезным.— Ну, что ж, директор, поедем, посмотрим твоё хозяйство.

Многое было непонятно для Хасана. Почему этот уважаемый и очень, наверное, знающий свое дело гость — такой гордый, до изумления гордый и даже властный. Кукуруза ведь была что надо, а директор совхоза пахал и сеял еще тогда, когда не было на свете ни Хасана, ни этого совхоза, а гость, возможно, не знал еще, как выглядит кукурузное поле. В праздники дядя рядом с боевыми орденами и медалями надевал и награды, полученные за многолетний труд именно в этом совхозе, который по урожайности кукурузы никому в районе не уступал.

Естественно, что Хасан не мог понять, почему сельское начальство во главе с любимым дядей так волнуется при встрече с «гостями» из района, и тем более — из города. А роскошные угощения казались ему, Хасану, явно выходящими за рамки того, что называется кавказским намысом — уважением, гостеприимством, многократно воспетым поэтами и красочно описанным писателями всех мастей. Кстати, во всех этих описаниях пышность намыса все-таки вполне соответствовала и случаю, и обстановке...

Гостя провожали поздно вечером. Провожали до «границы». Хасана он не замечал и с ним не попрощался. А директору напоследок сказал неопределенное: «Ну, давай, действуй».

На обратном пути Хасан долго не решался задать давно мучивший его вопрос. Но все же решился.

— Знаешь, дядя, я хочу тебя спросить об очень важном.

— Ну, ну, валяй,— сказал директор усталым голосом.— О важном — так о важном.

— Какое, по-твоему, самое неприглядное человеческое качество? Ну, одно из самых-самых?

— Знаешь, Хасан, их, этих качеств, к сожалению, так много, что не сразу и определишь, какое из них «самосамое». Это, наверное, жестокость, нечестность, вероломство... Ну, мало ли!

— А великий революционер написал в своей знаменитой анкете — угодничество.

— М-да, пожалуй...— Не сразу ответил директор.— Свойство не из лучших. Угодничество — это, конечно, и в самом деле скверно. Только растолкуй, чего ты, на ночь глядя, пристал с ножом к горлу?— Дядя откинулся на спинку сиденья. Он немного выпил, хотя часто говорил, что врачи запрещают — сердце. Хасану стало неловко, что он затеял этот разговор.

— Понимаешь, дядя, когда наши предки, еще со времен нартов, делили с гостем последний чурек, резали для него последнюю курицу и укладывали спать в лучшую постель, не спрашивая, надолго ли приехал, — это мне понятно.

— Чего уж тут непонятного, — задумчиво ответил дядя, — неписанные законы здорового горского гостеприимства...

— Жаль, что «неписанные», — сказал Хасан. — Забываться стали законы эти...

— Слушай, философ доморощенный, к чему ты все это? — директор положил руку на угловатое плечо любимого племянника.

— К тому, что наше сегодняшнее гостеприимство ничего общего не имеет с тем, «неписаным».

— Разве тебе шашлыки не понравились, жалбауры пришлось не по вкусу? — шутливым тоном сказал директор.

— Шашлык хорош и жалбауры великолепны. Только непонятно, зачем ты и все другие перед этим товарищем... Я же знаю, что вы трудитесь не покладая рук. Совхоз среди лучших. Передовой. Столько лет знамя держите. А вы как гоголевский городничий перед ревизором. Ну, с городничим все ясно — отпетый мошенник. Но вы же...

— Знаешь что, племянничек! — уже начал волноваться дядя, — болтай да не забалтывайся. Много ли ты смыслишь в наших делах, в наших обычаях? — Дядя был «самых честных правил», но сейчас в его голосе звучали металлические нотки. — Ты еще и рубля не заработал собственными руками, а уже берешься судить судитки пожилых людей. Что же дальше из тебя получится?

— Ты же сам говорил, если что непонятно, — не стесняйся спрашивать. А я только и прошу объяснить, что такое угодничество и как его отличить от некоторых форм нашего славного гостеприимства. И еще, дядя, я и правда за свою

жизнь заработал не много. Но с третьего класса каждое лето, не выезжая в какие-то там лагеря, работал в ученической бригаде. Уже шесть лет. Сам же в прошлом году брочал мне грамоту.

— Вот школу кончаешь,— с отчаянием в голосе сказал дядя,— а все же, прости меня, дурак дураком. Ей богу, так. Акселерат недоделанный.

Услышав термин, похожий на шоферский, румяный водитель оглянулся.

— Зря вы его. Толковый он.

— А ты на дорогу смотри получше. Все вы толковыс. А ум, Хасан, начнет прибавляться, когда станешь самостоятельно познавать цену человеческого труда. Ну, а насчет гостя,— тут голос директора снова вошел в спокойное русло,— я от него лично для себя ничего не ищущу и не прошу. В благосклонном же отношении его к совхозу нашему, не скрою, заинтересован. Хочется ведь, чтоб во время уборки транспортом помогли раньше, чем другим, технику помогли обновить, стройматериалы поскорее выделили на новую ферму... Родной совхоз. Родное дело. Вот в этом и слабость наша...

— Во-во-во,— оживился неделикатный Хасан.— Слабость, это точно. И через эту слабость за один только месяц совхоз изводит на так называемые «внутрихозяйственные нужды» десяток баранов, не считая другой закуски.

— Может, фельетон напишешь, племянничек?— усталым голосом спросил директор.

— От такого здорового горского гостеприимства может не поздоровиться нашему овцеводству.— Хасан заметил, как лицо директора помрачнело. Хасан ждал бури, но дядя заговорил тихо, почти оправдываясь:

— Да сам знаю... Не то гостеприимство. Но тебе легко умничать. А окажись ты на моем месте... Мои интересы — прежде всего дела хозяйства. Все видят — любой механизатор живет лучше меня, и это в общем-то хорошо. Когда мы вернулись в эти горы, тут был не совхоз, а богом забытый хуторок. А теперь? Не скажу, что мы звезды с неба хватаем, но жизнь-то стала несравнима с прежней. Всего у нас полно. И критиков доморощенных, вроде тебя, тоже хватает. Это, кажется, у Руставели: «Каждый мнит себя героем, бой смотря со стороны». Воллаги, лучше не скажешь.

Показались огни поселка. Директор легонько ткнул толстым заскорузлым пальцем Хасану в ребра:

— А может, мы не только постарели, но и устарели?

Может, и на заслуженный отдых пора?— Дядя, надо полагать, размышлял вслух и ответа не ждал.

Хасан и не ответил. Тем более, что после беседы с дядей-директором не слишком-то многое стало для него ясно. Да и могло ли стать?

Рассказ пятый

АЗРЕТ ИЗ ДОЛИНЫ ВЕТРОВ

Так звали старшего брата Махмута.

Он жил и работал в молодом горняцком городе, уютно угнездившемся в Долине Ветров. Приезжал часто. В Со-старе был личностью популярной, уважаемой: первый инженер-горняк из своего села! И еще его любили все девушки (Азрет до сих пор не женат!) и вся поселковая детвора. Натура у Азрета жизнерадостная, веселая, а для ребятни у него всякий раз — полные карманы конфет.

Каждый его приезд становился пусть и не очень значительным, но событием.

На этот раз он прикатил на собственной машине, которую малышня мгновенно облепила и принялась за ее дотошное изучение. Автомобиль ничем вроде не отличался от других ему подобных «жигулей», которые шныряли по сельским улицам, но детвора, видимо, сама хотела в этом убедиться. Тогда Азрет раздал мальчишкам и девчонкам по толстенькому пакетику «жвачек», привезенных из-за рубежа, и тем самым спас свою машину от чересчур пристального внимания юных горцев.

Об Азрете, именитом горняке, бригадире проходчиков с инженерным дипломом, который и так имел достаточный авторитет, Махмут рассказывал Хасану много причудливых легенд. Именно легенд, так как разобраться, где реальное событие, а где плод наивной фантазии добродушного толстяка Махмута, было почти невозможно.

Азрет Хасану всегда нравился, но по-настоящему брат Махмута вырос в Хасановых глазах после одной неторопливой доверительной беседы. Свою мечту о путешествии в Индию и передвижении по дорогам экзотической страны на слоньем загравке Хасан ни от кого не скрывал. Высказал ее в полушутливом духе и Азрету. Ответ оказался неожиданным:

— Я тебя понимаю,— задумчиво проговорил Азрет.

Хасан даже немного растерялся. Ведь никто всерьез его

мечту еще не принимал. Мать считала ее милой возрастной блажью, отец мягко иронизировал: сначала, мол, надо как следует «оседлать аттестат», а потом уже слона. Магомет вертел у виска указательным пальцем, а Света называла «слоновью» мечту манией или «идеей фикс». Верный Махмут благодушно расценивал эту мечту просто невинной фантазией.

И вот встретился единственный человек в мире, который понял Хасана,— Азрет. «Я тебя понимаю...» Это прозвучало, как волшебная музыка. Хасан впервые тогда ощутил, до чего же это здорово, если тебе говорят «понимаю». Пусть даже спорят с тобой, пусть считают неправым, лишь бы понимали. Хоть личностью себя чувствуешь. Личностью, чьи взгляды уважают, чьи слова внимательно выслушивают.

— Вот что я тебе скажу сейчас,— все так же задумчиво продолжал Азрет.— Был я тогда чуть даже моложе тебя...

Слово «тогда» Азрет произнес с каким-то особым вкусом.

— Мне вдруг до боли неудержимо захотелось увидеть море. Живое, огромное, беспредельное...

Все трое: Азрет, Хасан и Махмут — сидели на плоском трехметровом валуне у реки, греясь на солнышке после купания в холодной воде.

— По правде сказать, это было и не совсем уж «и вдруг». Видел я море во сне, в кино, на картинах. Слышал о нем в прекрасных сказках про Синдбада, которые мне рассказывал добрейший в мире дед Бисолтан. Мудрый старик умер в Киргизии, так и не увидев «живого» моря. А потом я встречался с морем в лучших книгах моего детства. То я был одним из детей капитана Гранта, то плыл под гриновскими «Алыми парусами», то высаживался на Остров сокровищ под пиратским флагом морских разбойников Стивенсона, то бороздил океаны юнгой у Ушакова, Нельсона, Нахимова и Макарова одновременно. Я, не выдавший ни разу в жизни живого моря, бредил этим морем. И когда еще мальчишкой решил осуществить свою мечту, то и не надеялся, что меня поймут.— И Азрет покачал головой, словно удивляясь сейчас той дерзкой своей отваге, когда с другом своим Равилем они бежали из дому и ринулись, очертя голову, на поиски далекого теплого океана...

— Грош цена человеку, у которого никогда не было заветной мечты. Как стать человеку мужественней и добрей без этой мечты? А когда он не просто какой-нибудь Мани-

лов, а целеустремленный, действующий мечтатель, это уже хорошо.

— Даже если мечтает оседлать слона?— спросил Махмут и, криво ухмыльнувшись, посмотрел на Хасана.

— Даже,— ответил Азрет твердо.— Во-первых, чтобы поехать покататься на слоне, надо поехать в Индию. Во-вторых, такую поездку нужно заработать. И морально, и материально.

— Это верно,— согласился Хасан.— Особенно материально.

Что же касалось хасановского намерения поехать на работу на рудный карьер, тут надо было вести уже более деловой разговор.

— Понимаешь, Хасанчик, это может оказаться не таким уж привлекательным,— Азрет не стал рядить свою профессию в романтические одежды.— Прежде всего, это довольно тяжелая работа. Пока к ней привыкнешь...

— Скажи мне, пожалуйста, Азрет. Почему старшие любят часто говорить «вот я в твои годы», а сами не доверяют нам того, что сами делали в эти наши годы? За кого нас принимают? Каким считают наше поколение?..

— Брось ты это, Хасанчик, сам отлично знаешь, что плетешь чушь. Твой отец, например, подростком был, когда люди вышли в первую послевоенную весну пахать да сеять. Совсем мальчишка, а дело свое делал не хуже, чем сегодняшние взрослые. Да ведь все село держалось на еще не окрепших плечах сверстников твоего отца.

— Во-во-во! А я о чем говорю!— оживился Хасан.

— Старшие жалеют вас. И, кроме того, они хотят, чтобы вы образованными стали. А вы, как молодые торопливые петушки, все к самостоятельности рветесь, все кукарекнуть во все горло стараетесь.

— Хорошо, хорошо, Азрет,— продолжал наступать Хасан.— Но все-таки повези меня туда, где вы «горы представляете». Хоть посмотрю, что к чему: может, и не понравится.

Азрет испытующе посмотрел на Хасана, словно собирався тут же решить, делать ли из Хасана человека или не стоит.

— Повезу!— наконец решительно сказал Азрет.— И покажу весь карьер. Но кроме «экскурсии», ничего больше пока не обещаю. Ссориться с твоей матерью не входит в мои планы. И что-либо с ходу тебе советовать тоже. Нет ничего легче, чем давать советы. Кстати, нет ничего и рискованней. Так-то, братишка Хасан.

ОДИН ДЕНЬ НАД ОБЛАКАМИ

На подступах к городу горняков на небольшой площадке за обочиной шоссе стояла большая гранитная глыба, на которой были выбиты рельефные изображения двух горняков с перфораторами в мощных руках. Сверхтвердый металл вгрызается в неподатливый скальный монолит...

Азретова машина прошла последний виток горной дороги, и взору Хасана внезапно открылась многоцветная перспектива аккуратного городка с белыми и розовыми домами, зелеными скверами и бурливой рекой, которая извивалась вдоль главной улицы. Крутые массивы гор по обе стороны узкой долины молчаливо и участливо смотрели сверху на вытянувшийся по берегам реки яркий городишко, словно два великана — отец и мать — на своего младенца в каменной колыбели.

Было еще довольно раннее утро, но неутомимый здешний ветерок уже согрелся лучами щедрого летнего солнца и не охлаждал, а приятно освежал лицо.

С вершины горы к подножью и обратно по еле заметным с нижней окраины города стальным канатам скользили подвесные вагончики.

— Вот так и движутся они и днем и ночью, — сказал Азрет. — Несут руду «звездного» металла. Такое вот придумали ему с некоторых пор название... Что ж, оно и верно. Именно этот металл, братец ты мой, металл, способный не рушиться и не сгорать при космических скоростях орбитальных станций, пачинается здесь, в этом ущелье, в недрах этих гор.

— Да, великие вы дела проворачиваете, — с чувством вздохнул Хасап. — Не зря вам ордена дают. Мужская работа.

Азрет усмехнулся комплименту, но ничего не сказал.

Машину поставили в гараж, затем плотно позавтракали в горняцкой столовой и отправились к нижней пассажирской станции «канатки».

— Здесь, брат, поднимаются в шахту. Везде принято говорить «спускаются», а у нас — наоборот. Поднимаются до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. — Тут Азрет заметил знакомого товарища и окликнул его: — Миша! Постой, дружище, дело к тебе есть. Вот поистине «на ловца и зверь бежит». Я собирался искать тебя наверху.

— А ты чего это здесь?— спросил Миша, здороваясь,— у тебя же вроде выходной.— Небольшого роста, смуглолицый, с обветренными губами, парень этот Хасану понравился сразу.

— Знаешь, дорогой, ты должен сегодня покатать этого джигита. С начальством карьера я договарюсь,— сказал Азрет.— Кстати, познакомься.

— Корреспондент?— спросил Миша.

— Еще хуже,— ответил за Хасана Азрет.— Мой земляк. Не исключено, что будет у вас работать. Может, в твоей комсомольско-молодежной.

— Как же, как же!— несколько двусмысленно отозвался Миша и испытующе осмотрел Хасана с головы до ног.— Ну что ж, Хасан, покатаемся, посмотрим паше заоблачное хозяйство. Скажу откровенно, нам нужны новые люди. Только не хлюпки и гастролеры, а серьезные мужчины. Ну, об этом еще поговорим. Вот наша телега подкатила...

Могучие канаты задрожали, закачались, и краснобокий домик причалил к бетонному перрончику, где стояла несуетная толпа горняков из очередной смены.

— Ну, Хасан, я тебя доверяю и поручаю Мише. Попробуй понравиться ему. А я пошел звонить тамошнему начальству. Вечером встречу тебя здесь же.

Раздался звонок, краснобокий домик дрогнул, качнулся и заскользил вверх. Заметив интерес Хасана к этому виду транспорта и впечатляющей картине, начавшей открываться за окнами, Миша понимающе ухмыльнулся.

Хасан любовался неповторимой панорамой молодого города в лучах утреннего солнца: дома скоро стали до смешного маленькими, стадион — с ладонь, а извилистая река больше напоминала небрежно уропанный серебряный пояс.

Скоро скальный выступ, на котором у самого края гордо стояла небольшая сосенка, закрыл уплывшую вниз панораму города, а еще через несколько минут вагончик достиг верхней станции.

Все вышли, горняки не спеша разошлись, закуривая на ходу. Но для Миши и его пескольных спутников это было немногим более половины пути. Дальше надо схватить уже на машине.

Белоснежные облака плотно прижались к крутому склону отвала. Но скоро эти облака остались внизу. Хасан заметил, что солнце здесь ярче, воздух прозрачней. Высота и тишина. Изредка слышны вздохи ветра, здесь более зрелого и солидного, нежели его шустрый городской братишка. А с противоположной стороны ущелья за камени-

стыми кручами, за лесистыми и безлесыми пространствами открылся грандиозный парадный строй островерхих ликов Главного Кавказского хребта. И эта бездонная синева небеса... Хасан с детским восторгом впитывал могучую красоту природы и удивлялся, почему до сих пор не удалось ему открыты для себя эту неповторимую чудо-картину!

...Вдруг мощный взрыв потряс землю и вершинный воздух. Гулкий грохот раскатыстым эхом раздробился среди дальних скал. Водитель мастодонта-«Белазы», на котором сехали Хасан с Мишей, покачал головой — ну и заложили сегодня!

...Кабинет главного инженера, если можно так назвать небольшой зеленый домик, собранный из толстых дощатых щитов, стоял у самого обрыва.

Миша передал главному просьбу Азрета.

— А-а, это он! Азрет мне уже звонил. Посиди пока здесь, юноша, а чуть попозже поедешь и на карьер.

Иван Павлович, небольшого роста, но с виду крепкий мужчина с красным лицом, в грубой робе поверх шерстяного свитера и в обыкновенных кирзовых сапогах, был, по понятиям Хасана, мало похож на инженера, тем более на главного. Он давал короткие указания, и люди быстро покидали задымленный «кабинет». Говорил Иван Павлович негромко, но четко и, глядя на собеседника в упор, будто пытался тут же определить, как дошли его слова.

Экскаваторщики, бульдозеристы, транспортники спешили к своей технике, как танкисты или пилоты к боевым машинам. Хасан на секунду представил себе главного в мундире генерала. Получилось. И голос, и отрывистые приказы, и короткие ответы «есть» — все соответствовало.

— До встречи наверху! — сказал Миша Хасану и тоже побежал к своему «Белазу».

— Ну что ж, юноша, — весело сказал Иван Павлович, — оседлаем и мы своего «гнедого»!

Главный продолжал давать указания и в «газике». Но уже по рации. Хасан удивлялся, каким образом он понимает ответы в сплошном скрежете, гудении и писке своего радиоэфира. Этот деятельный и энергичный мужчина находил при этом время поговорить и с Хасаном, сидящим на заднем сиденье.

— Не вдруг и не всеми была поддержана идея открытых разработок на этом карьере. О том, что чудо-металл нужен теперь в гораздо большем количестве, чем прежде, ясно каждому. В наш космический век без него ни шагу. А шахтный способ... На нем далеко не уедешь. У противников открытого способа были свои доводы. Карьер на

грехтысячестровой высоте, понятно, не дешевое предприятие. Масштабы вскрышных работ колоссальны. Но дело-то в том, что после снятия «крышки» открывается доступ к таким массивам чистой руды, что и не снилось! К тому же транспортировка се налаживается не по малопроизводительной «канатке», а по мощным трубам-пульпопроводам. Вот это будут дела. И это уже факт, а не реклама!

«Газик» Ивана Павловича обогнул крутогрудый утес, и выехал на край гигантского котлована. Мощный экскаватор исполнинским ковшом хватал породу и в два-три размаха заполнял стальные кузова сорокатонных «Белазов». Нагруженные машины, взревев мощными моторами, быстро покидали площадку и уезжали к отвалам, чтобы через короткое время вернуться вновь.

В эти минуты Хасан почувствовал себя таким хрупким и незначительным, что слегка загрустил. Он видел разные виды работ. И горячую пору уборки кукурузы, и нелегкие будни на току, и часы крайнего напряжения в период стрижки овец. Но это было совсем другое. Он видел собственными глазами, как люди и впрямь передвигали горы. Обыкновенные люди. А может, не совсем обыкновенные?

Его раздумья нарушил голос из очередного «Белаз». Это был Миша.

Хасан поблагодарил главного и побежал, спотыкаясь, к самосвалу.

— Ну как пейзажик?— спросил Миша.

— Хоть стой, хоть падай!— Хасан зажмурился от обилия света, заливавшего ветровое стекло.

— Бери вот эту стеганку, а то у нас дороги не асфальт — потрахивает.

— Ничего, выдержу.

— Такая наша работа,— не без гордости сказал Миша, переключая скорость своего гиганта.— На первый взгляд однообразная: нагрузился, повез, скинул, вернулся... Друг друга торопим. Наша комсомольско-молодежная бригада простоев не любит. Ребята-экскаваторщики тоже что надо. Понимаем друг друга с полуслова. Соревнуемся, как полагается. Вот и подгоняем товарищей. С планом — порядок. Но дела могли пойти лучше, если бы не случилось сидеть разутыми. Шины здесь лысеют быстро, а новую резину получаешь не всегда вовремя. С запчастями тоже... А так машина — зверь!— Миша ласково погладил руль своего «Белаз», будто гриву любимого коня.

Начал сгущаться туман. Вскоре все ущелье закрыла белая пелена, которая стала, как сдобное тесто в кастрюле,

ползти вверх по обрывистым склонам. Появились первые капли на ветровом стекле.

— С погодой тут не часто везет,— вздохнул Миша.— Приходится снижать скорости. Опасно все же. И грустно. Когда ясно, безоблачно, высоту чувствуешь. На уровне белых вершин работаешь. К солнцу близко, и воздух вроде бы вкусней. А туман — это плохо. Словно в сметане барахтаешься. Еле ползешь. И настроение не то. В нашем деле настроение, скажу тебе,— штука важная. А если его нет, не тот план, не та работа. Были и такие, которые не выдерживали на первых порах. Поработают с год, а то и меньше и — салам алейкум. Но остаются те, кто не только за большими заработками поднимается в поднебесье... Есть такое русское слово «причастность». Хорошее, большого смысла слово. Мы, горняки, очень даже причастны к делам космическим. Металл, что добывается здесь,— это наши крылья, мощь наших кораблей. Такой он — звездный металл. А причастность надо еще почувствовать. Нутром своим. Понял? Тогда и работу свою ни на что не променяешь.

«Белаз» возвращался в карьер. Хасан сидел рядом с Мишей и слушал его рассказы о друзьях, о жизни городка, о погоде зимой и летом. Время бежало незаметно. И вдруг туман начал таять буквально на глазах. Вскоре ярко заблестели в лучах полуденного солнца мелкие капельки влаги на стеклах кабины, которую вновь стало заливать ярким светом. Посветлело и сосредоточенное лицо молодого водителя.

— А как отец и мать отнеслись к твоему решению работать здесь?— спросил наконец Хасан, до сих пор только слушавший своего бывшего собеседника.

— Не очень-то были довольны. Они считают работу водителя опасной, в горах — тройне. В чем-то они правы. Но скоро привыкли. Часто бываю у них. В Малке живут. Сад у родителей хороший, дом добротный... Мы, жена и малыш, чуть ли не каждый выходной гостим у наших. Сын, правда, маленький. Три годика. Требуется внимания. И не хочет понять, что матери его учиться заочно и одновременно его развлекать не так просто. А я помогаю, как могу. Но, по правде сказать, и самому хочется еще немного подучиться. Время такое. К тому же отставать от жены не только не солидно, но и...— Миша со значением хмыкнул,— опасно: двойной получится гнет.

«Белаз» подкатывает к экскаватору, и многотонные глыбы обрушиваются в стальной кузов, сотрясая тяжелую машину.

Туман окончательно рассеялся, и по другую сторону

ущелья вновь восстал во всем своем ослепительном величье Главный хребет: словно могучая армада серебряных кораблей вышла и плыла по белопенным волнам. Солнце спустилось пониже, и сбоку «Белазы» ползет его могучая тень. Она то взбирается на отвесные скалы, то ныряет с крутого обрыва.

Заканчивается очередная смена. Водители-высотники собираются на «диспетчерку». Кто-то рассказывает забавный случай, окружающие хохочут. Кто-то хлопает по плечу только что подошедшего Мишу.

— Ну что, экскурсант, доволен?— спросил один из водителей, посадив Хасана рядом.

— Доволен,— коротко сказал Хасан.

Пока еще нечетко, но он уже осознавал, что проникается уважением к этим очень разным по внешности, настроению и, наверное, характеру парням. Его подкупало то, что они вершили свое большое дело так, словно бы отроду ничем иным и не занимались. И не знали, что есть на земле более земная, легкая жизнь. Что есть люди, которые живут, не зная жгучих ветров высоты и дорог по краю бездны, живут себе без сиюминутного риска и нервного напряжения, которое было нормальным состоянием этих сильных и веселых людей.

Красный вагончик быстро поплыл вниз. Миша и Хасан молча смотрели на очертания вечернего города. Снова — дома-кубики, стадион с ладонь и та блестящая река-змея, но уже с розоватым отливом. Все это увеличивалось и врод бы поднималось вверх, к вагончику.

На нижней станции Хасан заметил Азрета, который с кем-то оживленно беседовал, что-то доказывая и энергично жестикулируя.

— Ну, как у высотников дела?— обратился Азрет не то к Мише, не то к Хасану.

— Нормально!— ответил Миша, похлопывая Хасана по плечу.— Все показал, рассказал — что мог, как настоящему корреспонденту. Ничего не утаил.

— Ну что ж, Хасан,— сказал Азрет серьезным тоном.— Теперь размышляй. Не торопись. Может, твоя точка жизненной опоры находится там, на высоте.

Это был, наверное, самый насыщенный впечатлениями день Хасана. Что он мог ответить? А в общем-то, его и не торопили с ответом. Впереди — госэкзамены. И вся жизнь. С тысячами дорог, троп и тропинок. Одно было ясно: этот день встряхнул его основательно.

Утром, после ночевки в азретовском общежитии, Хасан отправился домой.

ПРОЩАЙ, ШКОЛА, ПРОЩАЙ, ЛЮБОВЬ!

Хасан никак не ожидал, что прощание со школой окажется таким безрадостным. Хотя школа и надоела изрядно, но теперь предстоял крутой поворот и начало неизведанного, пугающе нового пути. Как бы там ни говорили, как бы ни старались взрослые рисовать будущее совершенно ясным и до деталей конкретным, оно, это будущее, виделось Хасану довольно зыбким, расплывчатым, то в лучезарно-розоватом свете, то тоскливо-туманным, то вообще никак не виделось.

Правда, брат Магомет как-то сказал самоуверенную наполеоновскую фразу: «Главное — ввязаться в бой, а там видно будет». Хорошо этому прожженному полководцу: он имел опыт и мог «ввязываться» без страха.

Но постепенно Хасан стал понимать, что некоторая неуверенность и «смятение чувств» порождены осознанием неизбежной разлуки со всем привычным: с друзьями детства, с родным домом, с учителями, школой. Вот потому он, вероятно, и загрузился, хотя аттестат получил что надо. Хасан не был круглым отличником. И шутливо объяснял это тем, что с детства, подобно одному поэту, недолюбливал всякие круги, окружности, овалы, эллипсы и прочие «скользкие» фигуры. И все же в глубине души, на самом ее доньшке, испытывал порой зависть к отличникам, которые не смогли бы тягаться с Хасаном в литературе и истории, в химии и физике, но стали победителями в многолетней изнурительной гонке.

Теперь даже эти победители, с которыми он не очень-то дружил, казались ему родней и добрей. Предстояла разлука.

В разгар выпускного вечера Хасан, холодея от страха возможного отказа, пригласил в пустой класс Зухру. Это была не первая встреча наедине, но Хасан чувствовал, что именно эта встреча самая важная. Потому что он хотел, наконец, сказать ей то, о чем никогда не говорил. В отличие от других одноклассников Хасан не обижал Зухру неуместным словом или примитивной шуткой. А ей нравилось, что он с нею разговаривал не как с девчонкой, а просто как с тем же Махмутом или другими закадычными приятелями. И Зухре тоже был приятен этот «доморощеный философ-юморист», как она назвала его однажды.

Зухра, как и подобает сельской красавице, имела пару

огромных и выразительных глаз, смотревших на мир с удивлением и добротой. Когда она смеялась, на левой щеке появлялась ямочка, при виде которой Хасан испытывал доселе не ведомое ему чувство — не совсем похожее на простую товарищескую симпатию к однокласснице. Зухра много читала, и по литературе, кроме пятерок, других оценок не имела. Но она была беспомощна, когда приходилось иметь дело с формулами, уравнениями и задачами по химии или физике. Эта ее беда приводила в восторг Хасана, который при каждом удобном случае старался ей как-то помочь, заодно блеснув своей «химико-физической эрудицией».

Хасан втайне мечтал совершить на ее глазах какой-нибудь подвиг. Но случай не представлялся. «Хоть бы упала с всячего мостика в речку. Или кто-нибудь обидел ее...» Но ничего подобного не происходило. А на Хасановы выкрутасы на турнике она взирала без особого интереса.

И вдруг... Должно же было состояться наконец это «вдруг»! Вдруг, когда ученическая бригада возвращалась после прополки кукурузы, ребята на главной улице поселка заметили такое, от чего у многих похолодели спины.

Известный выпивоха и неуч Ахмадья гонял свой «Беларусь» по улице и выделявал такие кренделя, что женщины повыскакивали из домов и бросились загонять по дворам свою малолетнюю ребятню. Пьяный тракторист, заметив такой эффект от своей рискованной джигитовки, еще более обнаглел и, заметив группу учеников с тяпками, направил свой «Беларусь» на них: это он так «шутит». Все разбежались, а трактор уже подкатывал к самому краю обрыва. Хасан бросился вдогонку и прыгнул в кабину, дверца которой то открывалась, то с треском хлопала. Трактор остановился, из кабины вывалился Ахмадья и упал в заросли крапивы. Затем спрыгнул на землю и Хасан. Ахмадья был взбешен, выкрикивал весьма некрасивые слова, но Хасан не собирался бежать. Он ловко увернулся от увесистого кулака Ахмадья и нанес ему такой удар в челюсть, что грозный выпивоха обмяк и плюхнулся на свежую весеннюю травку.

Единственное, что в этой суматохе услышал Хасан, был голос Зухры:

— Есть еще у нас мужчины!

Более высокой оценки Хасан и не ожидал. Подоспевшие к тому времени взрослые увели незадачливого джигитатракториста домой. А Хасан увел трактор на колхозный баз, поставил и вернулся к друзьям.

Это было в недалеком прошлом. А сейчас Хасан при-

гласил Зухру в соседний с залом класс и даже немного растерялся, когда она согласилась. Будто весь вечер ждала этого приглашения.

— Понимаешь, Зухра, я хотел тебе сказать...

— Нет, не понимаю,— сказала смеясь Зухра и закружилась в вальсе между рядами парт.— Говори, Хасан, пока у меня хорошее настроение. А то мне так тяжело и грустно через минуту станет, что даже плакать захочется.

— Ты что, Зухра? Я что-то серьезное хочу сказать, а ты...

— Говори, говори, Хасанчик.

— Ну стой же ты!— почти закричал Хасан.— Оставайся и садись сюда.

— Хорошо, Хасанчик,— Зухра села рядом за парту.— Я — вся внимание.

— Зухра, ты, я очень прошу тебя, не смейся... Я хотел сказать... Я хочу сказать... Я всю жизнь люблю тебя. Понимаешь, Зухра, какое дело. Я не мог не сказать тебе об этом. Даже если ты будешь смеяться и рассказывать об этом своим подружкам.

— Хасан! Милый Хасанчик, это так на тебя не похоже. Любовь — и ты... Но голос Зухры не был насмешливым. Она положила ладонь на холодную руку Хасана.— Это же такое слово... И я слышу его из твоих уст. Удивительно и странно.

— Я знал, что только рассмешишь тебя этим.

— Нет, нет, не рассмешил. Милый Хасанчик, разве с этим шутят? А смеются над этим глупые.

— Зухра, Зухра! Давай поедем в Долину Ветров. Будешь моей женой. Я буду любить тебя, как никто никогда не любил.— Он хотел ее обнять, нежно поцеловать и говорить, говорить, пока не выскажет все-все. Но Зухра тихо отстранила его руку.

— Хасан, дорогой, послушай меня внимательно. Я не дура и понимаю тебя хорошо. Ну, какие мы с тобой муж и жена? Какие семейные дела, когда впереди... Я в университете хочу поступать. Надеюсь, повезет.

— Я тоже надеюсь и буду ждать тебя хоть десять лет,— хриплым голосом сказал Хасан.

— Не надо, дорогой Хасанчик. Я всегда тебя уважала, и мне очень жаль, что скоро мы расстанемся. Клянусь единственным братом, я любила тебя. Но тоже как брата. И давай договоримся, Хасан, будем всегда друзьями. Я верю в хорошую дружбу парней и девушек. А теперь пошли. Будем танцевать. Если не возражаешь, будем весь

вечер танцевать вместе.— Она вскочила и выпорхнула в коридор.

Хасан сидел, как пришибленный,— будто большая беда обрушилась на него. Будто неумолимый камнепад этих обыденных, немножко книжных слов все еще колотил и колотил по его отяжелевшей голове. А сердце продолжало биться неистово, и Хасан не знал, то ли идти в зал, то ли убежать домой и не показываться никому на глаза.

Немного посидев, он вышел из опостылевшего класса и лицом к лицу столкнулся с Махмутом, который пришел на вечер без приглашения и с тихим восторгом смотрел на ребят, уже переставших быть школьниками.

Хасану стало чуть веселей от глуповато-восторженного вида неразлучного друга.

— Зря ты с этой Зухрой...— начал Махмут, который подумал, что Хасан с Зухрой поссорились.

— Молчи, не твое дело,— оборвал его Хасан.

— Не обижайся, Хасан. Может, ей родители запретили с тобой дружить. Или брат. Они все такие отсталые.

— Может, все может,— равнодушно сказал Хасан, когда они вышли в школьный двор, благоухающий сиренью.

Чую твоего жилья тепло,
Мы — соседи, сакли наши рядом,
Но меж нами столько верст легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.
Твой отец тому и брат виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твоя закрыта предо мной,
Как пред грешником — ворота рая.

— Здорово ты сказал и так складно,— заметил Махмут с восхищением.

— Здорово и толково, но не я. Кязим*.

— Все равно здорово,— сказал Махмут.— Верно и точно. Но знаешь, Хасан, я до самой смерти не женюсь. Ну, что в этом хорошего? У нас дома дня без скандала не бывает. И все по пустякам. Даже не верится, что мои родители когда-нибудь любили друг друга.

— Что ты понимаешь в этом деле!— небрежно обронил Хасан.

— А то, что все это выдумки. Интересно читать «Лейлу и Меджнуна», «Тахира и Зухру»? Интересно. А все выдумка — продолжал морализировать румянощекий и тол-

* Кязим Мечнев — классик балкарской поэзии.

стопогий Махмут, который пока признавал лишь любовь к румяным нежным хычинам или свеже сваренному баранку.

Но Хасан уже не слышал его. В ушах заунывным звуком звучали слова Зухры: «Люблю, как брата».

Знаешь, Махмутик дорогой, давай искупаемся в реке, — вдруг сказал Хасан.

— Ты что! Холодная ведь. Да к тому же кто ночью лезет в реку?

— Какая разница! Теперь мне что ночь, что день — все равно ночь. Пошли, Махмут, постоишь на берегу.

Махмут ни в чем никому не умел отказывать. Тем более Хасану.

— От несчастной любви, между прочим, не купаются, а топятся, — рискнул пошутить Махмут, когда подошли к реке и начали раздеваться.

— Глупый ты, завидую твоей глупости. Она упрощает жизнь, — сказал Хасан и упал пластом на луну, которая гримасничала в холодных волнах горного потока.

Махмут, взвизгнув, бросился за ним, но тут же выскочил на берег как ошпаренный.

— Жизнь хороша еще и тем, что есть в природе бодрящая и чистая вода! — крикнул Махмут, хотя пробыл в этой «бодрящей» воде лишь мгновение.

А Хасан знал, что жизнь не так плоха, если есть такой верный и веселый друг, как Махмут, который всю дорогу до самого дома шутил и острил — хоть не очень остроумно, зато беспрестанно.

...Не менее трудный разговор состоялся на утро следующего дня. Все были дома — выходной.

После завтрака отец дружески похлопал Хасана по плечу и сказал в приподнятом, так несвойственном ему тоне:

— Ну, товарищи, вы как хотите, а я считаю, что совсем даже не будет лишним сотворить курманлык по поводу возмужания моего любимого младшего сына. — Все было странно в этой речи. И то, что отец «совершеннолетие», как говорят в таких случаях, путал с «возмужанием», то, что он впервые назвал Хасана любимым младшим сыном. Вообще, он был радостно возбужден, а мать, наоборот, — печально-задумчива.

Брат Магомет то и дело толкал Хасана плечом, по-своему выражая удовлетворение его «подвигом». Мать говорила мало, все суежилась по столу, время от времени как-то по-особому поглядывая на своего меньшого. Только она одна и заметила, что ее сын не в таком уж «порядке».

Хасан знал, что семейный совет сейчас будет решать, что с ним теперь делать, куда его «двигать», куда посылать учиться. Ни один из них не знал собственных, Хасановых, планов.

— Ну, так в какую же сторону ты думаешь направить своего коня, о достойный джигит?— спросил отец.

— Мой конь в растерянности,— сказал Хасан.

— Он в Индию хочет ехать,— глуповато хихикнула Света.

— Это похвально. Но хочется знать, в каком качестве: послем, атташе, советником?— отец продолжал шутить.

— Погонщиком слонов,— опять сострила Света, и все переглянулись.— Такие специалисты в Индии дефицит.

— Хватит болтать!— прервал Свету Магомет.

— В Индию потом,— начал Хасан нарочито спокойным, рассудительным тоном. Все уловили этот тон и стали слушать внимательно.— Видите, когда я ездил в Долину Ветров, там на высоте обнаружил точку. Свою точку опоры. Я долго приглядывался к ней. Действительно ли она моя? И обнаружил, что она довольно прочная, почетная и, скажу я вам, и денежная тоже.— Хасан оглядел сидящих за столом. Все молчали. Отец сосредоточенно мял вилок и без того мягкий кусок хычина, брат Магомет внимательно рассматривал грани бокала, словно пытался найти в них какой-то изъян, мать суетливо вытирала руки о фартук. На лице у Светы улыбка угасала, как в замедленном кино.

— Воздаю должное твоему юмору, в общем-то не совсем понятному. Но дело-то ведь серьезное,— сказал отец.

— Серьезное,— подтвердил Хасан.

— Постарайся, братец, хоть раз поработать головой по-настоящему,— солидным тоном сказал Магомет.— С твоими данными, особенно по физике и химии, можно найти для себя применение получше.

— Клянусь всеми вами, я не знаю пока, где прославлю нашу фамилию. Но пока хочу стать на собственные ноги,— твердо заявил Хасан и, не удержавшись, скаламбурил,— собственными руками.

— Подумай, сынок,— почти в слезах начала мать,— что скажут люди! Мы-то с твоим родным дядей в Нальчике все обговорили, поступай в университет на любой факультет.

— На любой не могу, мама. Мне надо посмотреть на жизнь. Ну хоть пару годков или три. Подумаю, определюсь, поступлю. Вот увидите. Хватит мне сидеть у вас на шее. Ведь в этом доме один я — безработный. Стыдно мне.

— Брось ты эти театральные монологи,— досадливо махнул рукой Магомет.

Потом говорили все. Кто уговаривал, кто угрожал, кто просто смеялся. Первым устал отец. Он пересел на диван и раскрыл газету. Но, судя по тому, что он сидел уткнувшись в одну точку, было видно, что он слушает. Внимательно слушает. Хасану это сидение напоминало «совет в Филях». Кутузов молчит. Даже вроде бы дремлет. Но он скажет. И будет так или должно быть так, как он скажет.

И он сказал:

— Хватит. Пусть отдохнет и поедет в свою Долину Ветров. Он не настолько глуп, чтобы там вековать. Там трудно. А где трудно, там лучше думается.

— Но ведь в горах! Высоко в горах, где пропасти, обвалы,— причитала мать.— Я не отпущу его.

— А твой отец, да будет рай пристанищем его души, всю жизнь косил сено на крутом склоне, обвязавшись веревкой.

«Молодец глава семейства! Совершенно положительный отец. Bravo, Кутузов! Во мудрейшая голова! Заработаю там кучу денег — золотые часы ему куплю. Пусть порадуетя», — так думал Хасан, а вслух сказал:

— Могу поклясться на Коране, я не буду вековать на карьере. Он будет только стартовой площадкой в моей стремительной судьбе.

— Неисправимый фантазер,— сказала Света.

— Смотри рога себе не обломай на этой каменной точке опоры,— предупредил Магомет.

На том и закончилось экстренное заседание семейного совета, который принял резолюцию, вполне угодную Хасану.

Отец, правда, после этого заседания больше не разговаривал «с любимым младшим сыном». Мать продолжала вздыхать и постанывать. Брат Магомет и сестра Света смотрели на него как на ненадежного, не оправдавшего их доверия человека. Уходя из дома, Света хлопнула Хасана по затылку:

— Начнем карьеру с карьера!

— С места в карьер. Лошадиный присм,— поддержал Магомет.

Мать переживала по-настоящему. Она то и дело вытирала слезы, будто сын ее собирался не на работу, а на битву, откуда мало кто возвращается целым и невредимым.

На улице у магазина Хасан встретил Махмута.

— Ну как, буря тебя не остановила?

— Нет, главный перевал пройден. Впереди почти ровная, не считая холмов и оврагов, долина,— ответил Хасан.

И ВНОВЬ — НАД ОБЛАКАМИ.
ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕ В ГОСТЯХ

«Да, за этот годик тут многое изменилось», заметил Хасан. Дороги стали шире, много новых машин, а рядом со свежевыкрашенной «кибиткой» главного стоял красивый домик, весь облепленный разноцветными досками с социалистическими обязательствами, «молниями», лозунгами.

В домике сидели на скамьях шоферы самосвалов и — перед началом смены — шумно рублились в домино. В комнате клубились облака табачного дыма.

Никто не заметил Хасана, когда он вошел, хотя его одежда — фасонистая капроновая куртка, джинсы, кроссовки — резко отличалась от видавшей виды грубой робы водителей-высотников.

Хасан тронул за плечо первого попавшегося болельщика. Тот нехотя повернулся.

— Чего тебе? — здоровый загорелый верзила выдохнул в лицо Хасану густое облако табачного дыма.

— Здравствуйте!

— Здорово, — парень оглядел Хасана с головы до ног.

— Мне нужен начальник смены или бригадир молодежной бригады.

— Про бригадира не знаю, а начальник скоро нарисуется.

— Мальчик, а зачем тебе начальник? — вмешался один из тех, кто держал в огромных ладонях маленькие черные костяшки.

— Нужен, — твердо сказал Хасан. — И я вам не мальчик. — Хасан оглядел остальных играющих. Это были, как ему показалось, грубоватые, но простодушно-веселые люди. Одни — в засаленных кепочках, другие — без. Говорили все громко, басовито, а от взрывов хохота дребезжали стекла этой очень неудобной комнатки.

— А у нас, малый...

— Я не малый. У меня имя есть, — оборвал Хасан своего нового собеседника. — Хасаном меня зовут. Может, не забудете.

— Молодец, парень, Хасан, то есть. Ты мне нравишься, хотя и немного того — псих.

— А вы мне пока нет.

— Вот как, — покачал головой высотник. В этих словах прозвучало, можно было уловить, не столько удивление,

«сколько угроза. Водитель поднялся, глаза его метнули искры, и он негромко, но с решительными нотками в голосе заявил:— Так вот, милый Хасанчик, выйди-ка вон, постучись в дверь: «Дяденьки, можно войти?» и извинись за беспокойство.

В это время вошел начальник смены и, увидев Хасана, спросил:

— Вы не ко мне, молодой человек?

— Если вы начальник, то к вам. Вот бумажка.

— Давай посмотрим. Та-ак. А, да ты тот самый Хасан! Азрет говорил про тебя. Все же надумал? Молодец!

Хасан сдержанно кивнул.

Начальник смены, судя по обращению, был человек весьма интеллигентный, молодость Хасана, кажется, его не очень смущала.

— Заур,— подозвал начальник того, кто предлагал Хасану выйти.— Ты до возвращения Миши из отпуска возьми шефство над этим парнем. Наверное, он вам уже успел понравиться?

— Да, очень понравился. Такой деликатный, уважительный. Подружился.

— Бедный пацанчик, кто же его сагитировал?— сказал кто-то, когда Заур и Хасан вышли.

— Немочь бледная. Однако хорохорится.

— Скоро из детсада будут набирать водителей самосвалов.

— А вы на внешность не смотрите,— возразил начальник смены.— Внешность обманчива. На этом деле я однажды очень опростоволосился. Урок получил на всю жизнь.

— Каким же образом?

— Ну, расскажу, пока есть время. Это, наверное, всем будет интересно. Где-то на втором курсе один из активистов наших обнаружил, что я не охвачен ни одним из видов спорта. Выбирай, говорит, и немедленно приступай к тренировкам. Пристал, проходу не дает. А парень-то я деревенский. Сено косил, дрова рубил, вот и весь мой спорт. И выбор в общем-то был не богат. Волсейбол, велосипед и бокс. Я почему-то выбрал бокс, хотя ни одним из трех видов никогда не занимался. То ли я хотел научиться драться, то ли интереснее показалось...

В секции тренер, мужик в годах, подал мне перчатки и долго объяснял, что бокс — это вовсе не драка, а красивый спорт. Спорт мужества, дескать. А в зале то там, то здесь тренируются ребята. Десятка два. Все незнакомые. После долгих объяснений тренер похлопал своей ладонью-лопатой меня по плечу и стал высматривать мне напарника.

Наконец высмотрел. Такого, как вот этот,— начальник кивнул головой в сторону двери.— Чубчик его смешной запомнился. Володя, говорит тренер, поработай с новичком.

И стал он, этот «юнец», работать со мной. И ростом меньше меня и тоньше раза в полтора, а попер без страха и сомнения. Несколько раз он меня задел крепко, что нарушило мое благодушное состояние. Ну, шантрапа несчастная, думаю,— и в атаку. Но этот чертов сын, так ловко увертывается, что я молочу воздух, а он меня. Ах ты, прохвост, ну прочу тебя за твое нахальство! Бросаюсь на него с полной решимостью поколотить основательно. Но тут же получил пару молниеносных прямых — один в челюсть, другой — под глаз. И я потерял, как говорят, ориентировку во времени и пространстве. Тренер остановил бой, а лучше сказать — избивание новичка, и сделал мне массу замечаний. Все сводилось к одному: надо много тренироваться. Заодно объяснил, что мой противник — способный боксер — перворазрядник в полулегком весе. Мне, право, от этого не стало легче. А тут один остряк «успокоил»: назвал мой живописный фингал под глазом визитной карточкой в секцию. Я обозлился и пришел на следующий день. Тогда меня приняли окончательно. Так что на внешность не смотрите. Иной юноша поколотит и опозорит, будь здоров...

Между тем дождь перестал, и Заур с Хасаном поехали на «Белазе» выше, к новому участку карьера.

— Да, «это не Рио-де-Жанейро»,— сказал Хасан.

— Чего?

— Не слишком здесь весело. И сырость, как в погребке. Вредно для здоровья. В прошлый раз было лучше.

— Что, передумал?— почти со злорадством спросил Заур, который до сих пор никак не мог смириться с независимым поведением этого «выскочки».

— Еще нет. Но вы не бойтесь. Постараюсь не стать обузой.

— А ты и так не будешь мне обузой. Главная работа твоя сегодня — это ничего не делать, а смотреть, что другие делают. Просто кататься.

— Как на экскурсии!— оживился Хасан.

— Почти что. Это раньше было проще. Теперь все стало хитрей. И сложнее. Трудно стать водителем-высотником.

— Так я, значит, пока еще никто?— спросил Хасан.

— Извини, но это так.

— А зарплату с какого дня станут давать?

— Это с сегодняшнего, если приняли.

— Значит, вы не совсем правы. Я уже не «никто», а «кое-что». А это уже для начала неплохо.

— Постарайся сохранить свой юмор до конца смены. И тогда из тебя, быть может, получится глина, из которой возьмутся лепить высокогорного водителя.

— Вы слишком осложняете дело. Плохо знаете меня. Сами-то, небось, тоже не вдруг стали тем, чем стали.

— Не сразу. Тысячи километров отмерил за два года. И все больше по бездорожью... А ты еще того — круглый салажонок. Технику-то хоть любишь?

— Права третьего класса получил. Вожу трактор, любую грузовую, «Волгу». Даже велосипед.

Заур озадаченно посмотрел на собеседника.

— Чудной ты. Сверху донизу чудной. Не пойму, кто ты. Или аферист какой, или порядочный.

— Порядочный. Честное слово, в этом я уверен. Насколько — не скажу, но человек я надежный.

— Все равно чудной, — решил Заур, вздохнув, и добавил: — Вообще-то ты не дурак, это я заметил. По-моему, даже сообразительный.

— Подающий надежды?

— Верно, — покачал головой Заур, взглядывая вдаль. — Очень даже подающий. Только один у тебя порок.

— Если бы один... — вздохнул Хасан.

— Болтливый ты немного. Здесь меньше говорят, больше делают. И собранность здесь нужна. Карьер, как правильно заметил, — это не Рио-де-Жанейро и даже не Герпегеж. Это ты усвой крепко. Пока я за тебя отвечаю, мое слово уважай. Порядки здесь строгие. Когда получишь машину — сам узнаешь. За нарушение здесь дают по шею, а то и под зад. В зависимости от степени проступка. Грубо, но необходимо. Рыбий жир пил?

— Не знаю... то есть, нет.

— Так вот, противная штука, но полезная.

— Понял, — ответил Хасан.

...В городке между тем Азрет занимался устройством Хасана в общежитие. По слезной просьбе Хасановой матери, Азрет решил новоиспеченного водителя-высотника поселить в своей комнате, где, кроме него, был еще молодой врач, которого звали Мурадином.

— Вот это твое лежбище, — сказал Азрет, показывая кровать, застланную чистейшим и даже накрахмаленным бельем. — Наша комната не раз получала вымпел за образцовое санитарное состояние. С твоим приходом, думаю, мы не упустим завоеванных позиций.

— Не упустим,— заверил его Хасан.— Не курю, не пью, на пол не плюю, у порога вытираю обувь.

— Я это серьезно. А Мурадин — парень что надо, и вращ, говорят, хороший.

— Эх, Азрет, умереть мне до самой смерти не дадут,— вздохнул Хасан, шупая докторскую постель.— Дома — врачи, здесь тоже. А между прочим, у него постель мягче, чем моя. Понятно, новичку можно и пожестче.

— Не будь столь изнеженным,— назидательно заметил Азрет, наливая воды из графина, что красовался на столе.— Заруби себе на носу, что ты уже не дома. Мама и сестрица далеко, а постель утром надо прибирать самому. Гладенько и аккуратненько.

— Это я умел и раньше.

— А когда женишься, еще квартиру приличную дадут.

— Я не женюсь. Никогда. Женщины коварны. Не поймешь, чего они хотят. Так и жди подвоха с самой неожиданной стороны.

— Ну и ну. Сказал тоже,— развеселился Азрет.— С каких это пор ты хоть что-нибудь смыслишь в женщинах?

— Вот ты, например, не женат. Хотя намного старше меня!

— Я,— это другое дело. У меня сложилось неудачно,— вдруг загрустил Азрет и нахмурил брови.— Ты на меня не смотри...

Азрет не знал: рассказать Хасану про свои дела в плане любви или перевести разговор на другую тему. Он подошел к окну и долго молчал. Хасан заметил, что его поспешность подвела его и на этот раз. Было ему мучительно стыдно, что вдруг задел, по-видимому, незажившую рану этого сильного, но и много испытывавшего человека.

— Я, брат, очень любил ее. Порой казалось, что без нее и свет померкнет. Вместе учились. С самого первого курса. И родители ее уважали меня. Часто приглашали к себе домой. Но все разрушилось, когда дело дошло до госэкзаменов. Они, ее родители и она сама, стали уговаривать меня остаться во Фрунзе. Поступай в аспирантуру, а нет — мало ли работы! А я не мог не поехать в свой Состар, который покинул, когда мне было лет девять-десять. Я помнил отчий дом, грушу во дворе. Все помнил. Мне нельзя было не вернуться. Я не мог иначе. А они не соглашались. Какая, мол, родина, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Я не любил эту поговорку. У меня была своя, горская:

Покидая, не ругай страну отцов.

Ты возвратишься в этот край в конце концов.

Ее я, по правде говоря, почти уговорил ехать туда, «где за тучей белеет гора». Но случилось то, чего я не ожидал. Родители, начав разговор на вежливых тонах, уговаривая меня остаться, перешли совсем на иной тон. «Нет, молодой человек,— сказала властная и твердая характером мама,— моя единственная дочь будет в поле моего зрения, более того, вот в этой совсем неплохой квартире, где есть место и для ее будущего мужа». Отец говорил мало. Но он согласился с ней. Я сидел и молчал. Я был уверен, что она сейчас скажет твердо и громко, что поедет со мной, как бы далеко это ни было. Но она молчала. Я встал и, холодно попрощавшись, ушел. Целую неделю ждал в общежитии. Она не пришла и не позвонила даже. Я долго всматривался в толпу провожающих на перроне, когда поезд, медленно набирая скорость, стал покидать пределы города, с которым была так прочно связана моя юность, моя любовь. Многочисленные друзья махали мне руками, шапками, кричали какие-то наставления. Я не слышал никого. Никого не видел. Искал только ее. И не находил...

История, конечно, почти банальная. Но не для того, кто испытал все это. Я не терял надежды. Ждал письма. Сам написал несколько. Но не было ответа. Словно не было и пяти лет надежды на только счастливое продолжение нашей с нею душевной близости. Все это, конечно, почти зарубцевалось. Почти — это потому, что нет-нет да и шевельнется вот здесь, внутри занеет...

— Вот и женись после этого,— закончил Азрет и хлопнул Хасана по плечу.— А ты, брат, такой еще юный! Все, как говорится, у тебя впереди. И радости, и печали.

— По-моему, она недостойна тебя,— решил Хасан в надежде как-то утешить своего такого умного, красивого и сильного старшего товарища.

— Да в этом ли суть, кто кого достоин или недостойн. Прошлого не воротишь... Одного тебе желаю, братишка: пусть с тобой не случится ничего подобного.

Хасан не стал рассказывать о своей «несчастной и безответной» любви к Зухре, оставшейся в Состаре.

Скоро появился и второй из «аборигенов» этой комнаты — молодой и очень веселый человек:

— Привет пролетариату и технической интеллигенции! Хасан — это ты? — ткнул Мурадин юношу в грудь.

— Да, я. Чего уж тут скрывать,— скромно ответил Хасан.

— Другим представлял тебя.

— Каким же? — поинтересовался Азрет.

— Деревенские парни обычно выглядят коренастыми,

румянощеками, в общем полными жизни. А предо мной стоит бледнолицый и худосочный юноша — единственный сын богатых родителей.

— Вы сразу так во многом ошиблись...— вздохнул Хасан.

— А вы, оказывается, еще и горды,— заметил доктор.— Забудьте гордыню и сходите набрать воды в наш фирменный самовар. И не думайте, что Азрету так легко удалось уговорить меня, чтобы поставить здесь третью кровать.

Хасан взял самовар и вышел из комнаты. Мурадин вынул из портфеля бутылку шампанского.

— Послушай, доктор, ты мне парня не разлагай,— усмехнулся Азрет.

— И не думаю. А по глотку шампанского даже врачи иногда позволяют. Так что ловите момент.

Хасан пришел с самоваром, включил его и сел за стол.

— Это конфеты,— Мурадин придвинул коробку к Хасану.— Вот теперь заживем,— сказал он, открывая бутылку.— Есть кому вечером тушить свет, утром проветривать комнату, через день ходить на Зеленый рынок за витаминами...

— Вы имеете в виду меня?— Хасан вопросительно посмотрел в смешильные голубые глаза Мурадина. В белом халате, он, наверно, выглядит солиднее.

— Да-да, юноша, ты догадлив. Все это будешь делать ты.

— А на дворе, между прочим, давно Советская власть,— осторожно заметил Хасан.

— Ты, Хасан, прав. Но дисциплина, порядок, соблюдение субординации — это не только не вредит Советской власти, но и весьма ее укрепляет. А я, если придешь ко мне на прием, приму тебя без очереди.

— Это тоже по-советски?— съязвил Хасан.

— О, да мы еще иронизировать умеем! Азрет, мы с ним не заскучаем.

— Да, Хасану палец в рот не клади. Знаю я его. Давай, доктор, за его здоровье.

— Да будет он в труде и в быту образцовым. Да будет начало его трудовой деятельности лучезарным!— провозгласил доктор.— Аминь!

— Желаю, братишка, удачи,— очень серьезным тоном сказал Азрет. Все трое соединили высокие тонкостенные стаканы.

— Мне нравится эта штука,— сказал Хасан.

— Ну, считай, что сделал первый шаг к алкоголизму,—

сказал голубоглазый Мурадин.— Но сделать второй мы не позволим! Запомни!

— Не позволим,— подтвердил Азрет.

— Я сам себе не позволю, будьте уверены,— без улыбки сказал Хасан,— в нашем роду такого не бывало, и не мне быть первопроходцем в этом деле.

— Похвально, юноша, похвально!— сказал Мурадин.— Ты уже начинаешь мне нравиться, а это, дорогой, совсем для тебя не плохо. В жизни пригодится. А теперь чай наливай...

Рассказ девятый

ПЕРВЫЙ И ТАКОЙ ДОЛГИЙ ДЕНЬ

— Вот он, твой красавчик, Хасан. Береги его, как в старые времена истинный горец берег своего скакуна. Машины этой фирмы всему миру известны. Не подведешь — не подведет.— Начальник участка был настроен торжественно.

И Хасану начало передаваться это его настроение. Он волновался. Все, что предшествовало этому дню, этому часу, чувствовал Хасан, было прелюдией.

А это было настоящим началом.

Долговязый Заур и старый знакомый Миша стояли рядом и попеременно чувствительно хлопали Хасана то по плечу, то по спине.

— В свой первый рабочий рейс покатаешь рядом Заура. А бригадир твой — Миша. Оба они — твои наставники. Няньки — наставники. Чуть что — они опора и поддержка. Смело обращай к ним. Не стесняйся. Все мы когда-то начинали. В добрый путь, дружище!— Начальник участка повернулся к Зауру.— Ну, как говорят,— с богом!

Хасан слышал и не слышал начальника. Он жадно, во все глаза рассматривал «сорокатонник» с колесами выше своего роста и чувствовал, как гордость и волнение по горло заполняют грудь.

— Прошу вас,— чуть церемонно обратился он к Зауру, и тот, привычно взобравшись по лесенке, сел справа от водительского места.

Хасан взглянул на Мишу. Миша ободряюще улыбнулся и подмигнул. Ответив тем же, Хасан полез в кабину.

Мощно зарокотал мотор, и «Белаз», ведомый самым молодым шофером-высотником, плавно двинулся вперед. Самосвал-гигант был способен чутко откликаться на любое,

даже очень легкое усилие водителя, и Хасан, во время стажировки, хорошо это почувствовал. Сейчас, правда, его немного стесняло присутствие Заура. Без него было бы как-то спокойнее. Но Заур не спешил с замечаниями, хотя новичок, может, излишне резко переключал скорость или «газовал не по делу». Заур видел: парень справится, у парня — все задатки хорошего водителя.

— Ты не вцепляйся в баранку мертвой хваткой,— нетромяк сказал Заур.— Расслабь спину, а то скоро устанешь.

Хасан расслабился, но опять отреагировал в своем духе:

— Не забывайте, товарищ Заур, что на сей раз не я ваш пассажир, а вы — мой. Прошу со мной поделикатнее.

— Чего ты заладил «ваш» да «вы»! Мне как-то не по себе от твоих «деликатностей».

— Все же я помоложе. И рядом со мной — нянька, то есть наставник.

— Неисправимый трепач...

Подъехали к экскаватору. Надо было быстро развернуться и точно подставить кузов под ковш, чтобы экскаваторщику не пришлось ждать, пока водитель исправит свой промах. Получилось отлично. Никто бы не заподозрил, что за рулем новичок. С грохотом обрушил ковш-гигант свой многотонный груз в стальной кузов хасановского «Белазы». Следом подкатывал Миша, а Хасан уже освобождал подъездные пути своему второму наставнику. На ходу обменялись приветственными жестами.

— Молодец! Чистая работа!— крикнул Миша.

Хасан не расслышал. К рудоспускам ехал, как бы чувствуя десятки тонн за спиной. Нужно быть еще внимательней.

Заур изредка ронял «нормально», «хорошо».

— Ну, как первые впечатления?— спросил Хасан после нескольких рейсов.

— О впечатлениях — потом. Вечером поговорим. А ты не гони. Запомни крепко — карьер не космос. И скорости тут свои — четко рассчитанные. И что скажу еще — опасайся собственной тени. В отличие от равнины тень здесь то на скалы лезет, то с обрыва падает. Не замечай ее. Коварная это штука — изменчивая тень.

— Здорово сказано: «Не замечай собственной тени». Не сказал бы, так и не замечал бы. А теперь...

Рейс пятый, шестой, восьмой...

Солнце клонилось к высокому зубчатому горизонту. Слоны-«белазы» один за другим занимали свои места на площадке. Водители-высотники тяжелой походкой шли к

той давно знакомой Хасану комнатке, где подводились итоги дня.

— Ну что, джигит, хлебнул воздуха высоты?— хлопнул Хасана по плечу один из парней.

— Ну, как тебе, интеллигент, наша веселая работенка?

Краснобокий вагончик скрипнул, качнулся и бодро пополз вниз по многожильному черному канату. Рядом с Хасаном стояли долговязый сутулый Заур и коренастый Миша, бригадир комсомольско-молодежной бригады водителей. Хасан, облокотившись о поручень, смотрел на всплывающий ему навстречу горняцкий городок. То там, то здесь стали загораться огни, и вдруг вдоль главного и единственного проспекта засветилась сплошная гирлянда фонарей. Это было неожиданно и показалось Хасану настолько красивым, что даже настроение стало праздничным.

Однако придя домой, Хасан обнаружил, что устал как никогда. Первые рейсы с грузом, острые ощущения езды по заоблачным кручам — этого хватало с лихвой для первого рабочего дня. После столовой и душа Хасан лег и тут же уснул.

Не едет, плывет «сорокатонник». Вот он оторвался от земли и, невесомый, сказочной силой, взмыл за облака. А там, внизу, машут руками Миша и долговязый Заур. Поодаль стоит Азрет и кричит ему: «Держись, Хасан!» Вот встретилась стайка облаков, которая облепила окна. Но скоро стало светло. Ярко и светло. А в далекой глубине бушует зеленый океан. Нет, это не океан, а индийские джунгли. И вдруг Хасан обнаруживает, что сидит не в кабине своего «Белаза», а на спине индийского слона. Держаться не за что, вот-вот он свалится в пасти крокодилов, окруживших могучего слона. Но тот невозмутимо перешагивает через зубастых гадов и идет, идет. Плавно так и ровно. А Хасан не падает. Вскоре кончились джунгли, и на лужайке, сплошь заросшей чудесными цветами, стоит Зухра. Она смеется, машет ему, Хасану, рукой. Но не замечает, что сзади к ней подползает гигантская змея. Вот она сейчас схватит Зухру, обовьется вокруг ее тонкой шеи. Но добрый слон, ведомый своим погонщиком, опережает страшную змею и топчет ее ногами, потом хватает хоботом и швыряет прочь. «Есть у нас еще мужчины», — говорит Зухра и исчезает в зеленых зарослях. Хасан ищет ее, долго ищет и не находит. «Все они такие», — слышит он успокаивающий голос Махмута. И снова — вместо доброго и сильного слона — гудящий самосвал. Тоже добрый и сильный. И снова Миша и долговязый Заур. А вокруг — близкие горы в ослепительной белизне, а над Хасаном доброе

и близкое солнце. Одно-единственное в глубоком, синем и тоже близком небе.

Когда Хасан проснулся, в открытом окне увидел золотистый отблеск раннего летнего утра. Он быстро оделся и, стараясь не разбудить Азрета и Мурадина, схватил полотенце и побежал в душевую в конце коридора.

Когда Хасан вернулся, Мурадин уже одевался. А Азрет еще спал.

— Тише,— сказал Мурадин.— В полночь пришел. Там у них после смены бурное было собрание. С начальством лопался. В сквернейшем настроении появился.

— Было бы любопытно посмотреть, как он умеет сосраться.

— Сейчас увидишь,— вдруг зарычал Азрет и бросил подушку в Хасана.— Ну что за народ! Поспать по-человечески не дадут,— он повернулся на другой бок. Хасан услужливо сунул ему под голову толстую подушку.

От общежития до нижней станции «канатки» минут десять ходьбы. Хасан шагает по только что вымытому тротуару, вдыхая неповторимый запах утра. Он идет, перекинув пиджак через плечо.

На станции Хасан встретил Заура. С какой-то недовольной миной на лице, он частыми затяжками «съедал» сигарету. Но, увидев Хасана, улыбнулся, и Хасанова тонкая костлявая рука утонула в лопатистой ладони Заура.

— Ну как, братик, кошмары не снились после трудового дня?

— Снились. Не очень страшные, но довольно занимательные. Как ты узнал?

— Что узнавать-то? Со всеми это бывает одинаково. И я не был исключением. Ну, ничего, теперь голубые сны пойдут. Кажется, день будет хороший, должны план перекрыть. Может, старичков сегодня положим на лопатки.

«Старички»— это все, кроме комсомольско-молодежной.

— Да надо бы положить, я не возражаю,— согласился Хасан.

Снова закачалась и поползла вверх кабина подъемника. Туда, где рядом с облаками лежала точка опоры Хасана. Твердая надежная точка. Он в этом был почти уверен.

Ребята негромко переговаривались, а юный водитель-высотник смотрел на них — рыжекудых и черноусых, задумчивых и веселых.

Ему захотелось стать своим в этой когорте молодых крепких мужчин. Стать частью этого единого целого, но и, конечно, остаться самим собой.

Краснобокий вагончик уже прошел над утесом, на котором крепко стояла одинокая сосенка на семи ветрах, но обласканная лучами щедрого горного солнца.

Рассказ десятый

ПРО АНАБИОЗ. И ПРО СОВЕСТЬ ТОЖЕ

— Хасан, ты вообще много спишь. Неужели и сейчас завалишься,— сказал Азрет, возвратившийся из комнаты отдыха, где смотрел телевизор.— Это нам, старичкам, в пору на покой, а в твои годы...

— У меня не было желания смотреть фильм про шоферов. У нас на карьере можно увидеть в живом виде то, чего не увидишь ни в каком фильме. А насчет реплик и не говори. Сплошной фольклор, сдобренный такими красочными словечками... Что же касается сна, так он удлинит жизнь. Верно говорю, доктор?

Мурадин молча слушал, положив книгу рядом с подушкой. Он вообще-то мало говорил, но поддерживал беседы с удовольствием. Хасан же, который так забавно спешил стать взрослым, был ему явно симпатичен. На этот раз Мурадин не полностью поддержал Хасана.

— Здоровый сон, конечно, необходим. Но спать сверх всякой меры — это значит не удлинять жизнь, а наоборот, — сокращать. Я имею в виду сознательную, творческую жизнь.

— А я вот хотел бы заснуть и проснуться через лет двести-триста,— размышлял Хасан.— Земля совсем другая. Люди уже давно при коммунизме. А я им: «Салам алейкум, милые потомки! Как жизнь молодая? Предок я ваш трехвековой давности. Примите меня в свой кош, и я вам расскажу кое-что такое любопытное из вашей скандальной истории». Представляю, как бы они обрадовались.

— А ты уверен, что предок, задряхнувший еще в юности, был бы так уж для них интересен? — спросил Азрет.

— О чем ты говоришь! Увидеть живого предка! Представьте, Емельян Пугачев вваливается к нам, а рядом — великий весельчак Ходжа Насреддин. Или сам Александр Сергеевич. Здравствуй, дескать, племя младое, незнакомое! Вот было бы!

— А я все-таки считаю, что Пушкин, да заодно и Ходжа Насреддин, перед потомками не в долгу. А тебе было бы неудобно и невежливо являться к потомкам после трехвековой спячки,— стоял на своем Азрет.— Чем ты, собачий

сын, занимался, пока твои современники трудились в поте лица во имя нашего светлого настоящего? Проспал, братец, свою эпоху! Тунеядец ты и паразит.

— Его нужно обследовать,— сказал Мурадин.— У него патологические сдвиги в сознании.

— Еще чего?— всерьез удивился Хасан.— Обследовать себя я мог бы доверить только будущим поколениям. Для них я был бы как живой экспонат археологии. Или истории.

— Скорее как экспонат отжившей психологии,— поставил диагноз Мурадин.— Со всеми пороками, присущими твоему поколению.

— Какие же это, интересно знать, пороки?— Хасан поднялся на кровати. Его явно увлекла тема разговора.

— Такие пороки, как чрезмерное самолюбие, тщеславие... Эгоизм, если хочешь.

— И все?

— Постой... Корысть, плутовские наклонности, стремление к наживе. Сам же все говоришь о зарплате, которая «украшает» жизнь. И еще — неискренность...

— Не слишком ли много грехов вы на меня навешиваете?— плачущим голосом спросил Хасан.— Я вполне честный, уважительный и достаточно для своего возраста и времени интеллигентный человек, у которого все впереди.

— Ага, чуть не забыл. Еще в тебе копошатся микробы хвастовства и самоуверенности.

— Все равно многовато,— буркнул Хасан.— Вот если бы все это разделить поровну между жителями этой комнаты...

— Ты не обижайся,— начал успокаивать Азрет.— Семьна этих пороков имеются у многих. Только прорастают они не у всех. А люди будущего от них начисто избавятся. Они будут чистыми и легкоранимыми. Закалки-то нет. Потому и встреча с тобой для них окажется очень опасной.

— Ну уж и скажешь,— запротестовал Хасан.— Я вот читал недавно, что один богатый американец в преклонном возрасте, узнав, что его болезнь на современном уровне медицины неизлечима, распорядился, чтобы его законсервировали до «лучших времен»...

— Перевели в состояние анабиоза,— подтвердил Мурадин.— Я тоже читал эту статью.

— Ну и как, доктор, ты оцениваешь эту историю? Сумеют ли оживить этого типа через сотню-другую лет?— спросил Азрет.

— Кто знает... Во всяком случае, какие-то теоретические шансы у этого бедного богача имеются. Но я, по прав-

де сказать, не слишком охотно взялся бы его оживлять.

— Почему же? А клятва Гиппократа?

— Клятва клятвой, но сегодняшний миллионер со своими эксплуататорскими замашками, с желанием вернуть свои былые привилегии, со своей дурнопахнущей психологией мог бы отравить окружающую среду.

— А по-моему,— вставил Хасан,— все претензии этого выроodka здорово рассмешили бы наших потомков. И они бы его либо выкинули на свалку, предварительно продезинфицировав, либо основательно промыли его капиталистические мозги.

— Возможно, что поступили бы и так,— серьезно согласился доктор.— Но все же...

— А вот я — дело другое,— тоже серьезно сказал Хасан.— Не миллионер, не капиталист какой. Мне бы они обрадовались. Дорогой Хасанчик, ну-ка садись и поведай хабар, как вы там жили-поживали и все такое.

— По-моему, они перво-наперво основательно намяли бы тебе бока,— сказал Азрет.

— За что же?

— А за то, что ты добровольно ушел от своих современников — друзей и близких. За то, что позволил себе пережить на века Мурадина и меня, которые продолжали трудиться, когда ты бессовестно дрыхнул, ожидая своего блаженного часа.

— Да, сложная это штука,— согласился Хасан.— Может, они и вправду шею бы мне намылили. Как дезертиру, сбежавшему из своего родного века.

— А посему,— подытожил Азрет, натягивая на себя одеяло,— лучше оставить потомкам добрую память о себе, чем лезть к ним самому. И вообще пора, наверное, спать. Кто выключает свет? Ах да, Хасанчик!

— Вот так, Хасан,— сказал Мурадин, позевывая.— С анабиозом придется повременить. Кстати, и дело это пока не очень надежное. К тому же и потомки, занятые делами поважней, возьмут да и забудут тебя разбудить...

— Спать, спать, спать!— приказал Азрет.— Завтра надо пораньше встать. В Долину нарзанов едем. Выключай свет, юноша!

— Ладно,— пробурчал Хасан, с неохотой вставая.— Нашли теперь штатного светотушителя. Неужели до меня вы спали при лампочке?

— Не гундось,— сказал Мурадин и повернулся к стенке.

Впечатлительный Хасан долго еще не мог уснуть. Шутки шутками, но он мысленно представлял себе людей, по-

хожих на жителей Туманности Андромеды. Бог с ними, пусть живут лучше нас, веселей и интересней. А впрочем, у них будут свои понятия о веселье, свои интересы. И стоит ли им завидовать? Хасану и в Долине Ветров неплохо. Только — что сделал Хасан? Ровным счетом ничего. А ведь почти два десятка лет жизни позади.

Хасан впервые, не совсем ясно, почти подсознательно чувствовал, что в общем-то беззаботная юность потихоньку покидает его. Навсегда, безвозвратно. Впрочем, грусти не было: «Мы юность теряем без грусти».

Рассказ одиннадцатый

ВСТРЕЧА С «УСТАЛЫМ» ИНОСТРАНЦЕМ

Проворный «жигуленок», повизгивая шинами на поворотах, за полчаса домчался до верховий ущелья. Долина нарзанов... Азрет часто приезжал в этот благословенный уголок Приэльбрусья. Здесь, на берегах бурной ледниковой реки, среди великолепных сосен и зарослей облепихи, он чувствовал себя, как на седьмом небе, и никак не мог насытиться чудесным высокогорным воздухом, насыщенным ароматом хвои и альпийского разнотравья.

— Ты не знаешь, Хасан, когда будет конец Света?— спросил Азрет, заруливая на стоянку.

— Когда перестанет работать здешняя шашлычная,— не задумываясь ответил Хасан.

— Это еще можно пережить. А по-настоящему будет страшно, если люди перестанут удивляться и радоваться этому чуду.— Азрет окинул взором могучий лес, сквозь ветви которого, как через гигантское сито, пробивались косые лучи утреннего солнца.

— Ну, это ты загнул, Азрет,— сказал Хасан,— тысячи людей здесь пили водку, пока ее еще продавали, и ели шашлыки, а к вечеру под мухой отправлялись по домам, так и не заметив чудес этой природы.

— Ты тоже загнул,— недовольно ответил Азрет.— Не тысячи, гораздо меньше. А что касается шашлыка, то он совсем не мешает. Сейчас ты в этом убедишься.

— Во-во!— обрадовался Хасан.— Не зря сердце и желудок живут в столь близком соседстве. А я сейчас голоден, и способность воспринимать красоты природы во мне слегка притуплена. Сначала накорми, потом — удиви!

— Тебя и сытого удивить непросто. Но я сделаю из тебя человека.

— Только после завтрака, ладно? Кстати, сегодня вся программа — за мой счет, — Хасан солидно похлопал по своему карману.

— Давай-давай, купчик! — развеселился Азрет. — Тряхни мощной. А то я и вози, я и корми. Этак ты привыкнешь жить на дармовщину — трудно будет отвыкать.

Через час Хасан первым поднялся из-за длинного дощатого стола, с чувством исполненного долга погладил себя по животу и стал рассматривать подъезжающие машины.

— Ты уже готов любоваться природой? — спросил Азрет, допивая нарзан.

— Я теперь готов на любые подвиги, — сказал Хасан, поглядывая на длинноногую девушку в ярко-желтой куртке и синих брюках. — Человек все же красивей самой красивой природы. Тем более что эта красота природы скоро будет несколько подмочена. Вон какие тучи наплывают...

Скоро и в самом деле засеял мелкий морозящий дождь. Люди стали сбегаться к навесам кафе и турбазе, что была чуть подальше.

В баре, куда спустились Азрет и Хасан, было темнолюдно.

Из транзистора разливалась ленивая заунывная мелодия.

— Музыка под стать погоде, — заметил Хасан.

На скамейке в баре — груды грязно-зеленых туго набитых рюкзаков, а за столиками сидят туристы в ожидании погоды. Длинноволосый парень в куртке на молнии что-то негромко и словно бы нехотя объясняет сидящей рядом девушке, которую Хасан уже видел. Она, похоже, не очень-то внимательно слушала. Поближе к стойке расположился пожилой мужчина с кружкой пива.

— Что может быть хуже дождя в горах? — сказал, зевнув, Хасан.

— Особенно если ты не в отеле, а на тропе, — откликнулась девушка в желтой куртке.

— Ветер хуже, — с умудренным видом сказал Азрет. — Если к тому же дырявая штормовка. Это страшнее дождя.

— Страшнее всего в горах — это когда стреляют, — вмешался в ленивую беседу пожилой мужчина.

Его лицо, загорелое, покрытое мелкой паутиной морщин, седая голова, серые, как дождливое небо, глаза, — все это, подумал Хасан, могло принадлежать только человеку, которого не баловала судьба. Говорил незнакомец неторопливо, как бы пережевывая слова. Заметен был легкий немецкий акцент. Ничего удивительного: в Приэльбрусье

приезжает из-за рубежа много туристов, альпинистов, лыжников, особенно немецких и австрийских.

Уловив во взглядах молодых людей интерес к своим словам, иностранец взял свою кружку с пивом и подсел поближе к Хасану и Азрету.

— Поверьте,— продолжил он после небольшой паузы,— самое страшное в горах — это даже не камнепад, а... когда стреляют. Я испытал. Я знаю... Именно здесь, в ваших местах.

— Любопытно,— сказала длинноногая девушка.

Не сразу начал свой рассказ иностранец. Отхлебнув глоток пива, он долго и пристально наблюдал, как струйка дыма от только что прикуренной сигареты поднимается вверх, к потолку. Он вспомнил что-то давнее, пережитое.

— Знаете, что такое «Эдельвейс»?—спросил он наконец.

— Красивый такой белый цветок,— оживилась девушка.— В переводе с немецкого «благородно-белый»...

— Не совсем есть так,— прервал ее иностранец.— Но такой цветок тоже есть. Только я говорю про германскую горнострелковую дивизию «Эдельвейс»...— лицо его вдруг посуровело. Он сердито засопел и обронил:— Однако, к чему это нужно, что я болтаю...

— Нет, вы, пожалуйста, расскажите,— попросил Азрет, сев поудобнее.

— Мы слушаем,— сказал Хасан.

Иностранец обвел молодых людей задумчивым взглядом, несколько раз глубоко затаился, помедлил и начал:

— Я вспомнил об этом еще и потому, что в тот день было так же пасмурно. Вспомнил... вернее сказать, никогда не забывал... Шел такой же мелкий дождь. Наши войска уже вошли в ущелье. Но каждый шаг приходилось делать с боем. Вот тогда нас, альпийских стрелков, послали вперед. Это метров пятьсот отсюда. Тропа к перевалу. Я вчера был там. Узнал эти места. Да, да, наш передовой отряд был именно там выброшен с парашютами.

Иностранец помолчал. Стряхнул сигаретный пепел.

— Мы были хорошо вооружены, молоды, настроение у всех было бодрое. И местность знали превосходно: перед войной бывали на Кавказе дважды как молодые альпинисты. Карты имели подробные. Дивизия наша называлась «Эдельвейс». И мы были уверены, что она непобедима.

— Вы были, извините, самоуверенны,— заметил Азрет.

Иностранец будто не расслышал его и продолжал тем же ровным тоном:

— «Эдельвейс» знал только победы... У нас были удивительно легкие военные успехи в норвежских фьордах и

на острове Крит. Мы гордились значками «Эдельвейса», которые носили на своих суконных шапках.

Хасан смотрел на этого битого, но все же уцелевшего, и никак не мог представить этого старого человека молодым в то время, когда он ступил на нашу землю как враг, как завоеватель.

— Приземлились мы благополучно, — продолжал свой рассказ «непобедимый».

На своих слушателей пожилой иностранец уже не обращал внимания, даже если рассеянный взгляд его и оставался на ком-либо из них. Он рассказывал о событиях более чем тридцатилетней давности, весь поглощенный невеселыми воспоминаниями о бесславном конце некогда прославленной дивизии.

...Отряд десантников удачно приземлился. «Эдельвейсовцы» сложили парашюты, без особого труда нашли друг друга, собрались вместе и, определившись по картам маршрута, не спеша двинулись в путь. За выступом скалы слышался шум осыпающихся камней, блеяние овец. Два пастуха гнали отару в сторону перевала. Немцы не тронули пастухов. Укрылись за скалой, наблюдали. Отара прошла мимо, немного выше того места, где притаились егеря.

— Жаль, пропадает столько свежего мяса, — сказал кто-то.

Остальные молчали. Темно-серая ткань тумана затягивала ущелье. Десантники имели задание разведать подступы к перевалу и ожидать подхода основных сил. В общем довольно простое задание...

Неожиданно тишину ущелья разорвал винтовочный выстрел. В то же мгновение, вскрикнув, схватился за голову шедший впереди егерь и рухнул замертво на тропу...

Все остальные бросились на землю, попрытались за камнями, пытаясь определить, откуда стреляли. Это не так просто в горах, где эхо многократно повторяет звук... Затем тропу окутал густой туман. Охотиться за снайпером не было смысла: слишком дорого могла обойтись охота...

Слушатели не прерывали иностранца. Интерес к его рассказу смешивался с чувством острой неприязни к самому рассказчику, который приходил на их родную землю как враг. Все, особенно Азрет, смотрели на него посерьезневшие, сосредоточенно строгие. Да, когда-то он был врагом. Но теперь перед ними сидел уставший от жизни человек, седой и весь в морщинах. Говорил он вроде бы с сожалением, но неясно — об утраченной ли молодости грустил или о содеянном в молодости.

— Когда подошли наши части, мы немедленно сообще-

ли командиру подразделения о засаде. Он недостаточно всерьез принял наше предупреждение, а тут еще и туман начал рассеиваться,— и повел себя неосторожно. Тут же прогремел выстрел. Снайпер бил наверняка — опять в голову. Ober-лейтенант даже не успел вскрикнуть... На этот раз укрытие снайпера обнаружили. Он выбрал позицию на крутом склоне, среди огромных валунов. Подойти невозможно. Мы ни разу в своей воинской практике не использовали минометов против одного-единственного человека. Но сейчас это, пожалуй, не стоило считать унижительным. Третьей миной его накрыло. Это был совсем молодой солдат. Спутники мои молчали. Не верилось, что безусый юнец остановил нас. Он помог своим выиграть время. Перевал не сдавался. Мы так и не смогли его взять и пробиться в Закавказье.

Мы отрезвели. Людей теряли обе стороны, но топтание на месте продолжалось. Это было неприлично и зловеще. А все началось с того, что два наших ветерана отправились к праотцам по милости мальчишки с обыкновенной винтовкой.

Однажды темной холодной ночью пришли скверные вести из Сталинграда. И каждый новый день приносил все новые огорчения. Сообщение о страшном, неслыханном разгроме армии Паулюса совпало с уничтожением еще одной усиленной нашей группы у перевала. Мы еще не понимали, что это начало конца. На головы боевых стрелков знаменитой дивизии «Эдельвейс» срывались не камнепады и лавины, а беспощадные смертельные удары — месть некогда гостеприимной к немецким альпинистам земли...

Иностранец выпустил плотное колечко дыма, подождал, пока оно растает в воздухе.

— В ледниковых расщелинах, под плотным нетающим снегом осталось много моих бывших товарищей. Каждый день гибли люди — пленники той ужасной войны...

— Не пленники, а обыкновенные захватчики,— сказал Азрет.

— И кончили так, как обычно и кончают в таких случаях,— добавил Хасан.

— Можно себе представить, каким стал бы мир под игом ваших, как вы называете «товарищей»,— сказала девушка в желтой куртке.

— Да... да...— вежливо закивал иностранец, хотя было видно, что он отвечал не собеседникам, а собственным мыслям.

— Вы были обречены, и ваша беда, что не знали этого. Вы сжигали города и села, убивали миллионы ни в чем не

повиных людей, а сейчас оплакиваете своих дружков, которые получили по заслугам.— Азрет явно стал возмущаться. Но его сдерживала и старость этого человека, и то, что он гость, как-никак.

— Нас всех греет одно солнце,— как бы извиняясь, проговорил иностранец.— Пора освободить память человечества от ужасов прошлого.

— А вот это уж, извините, господин,— сказал Азрет.— Это вам легко «освободить» память. А мы не можем и не хотим. Долго будем помнить. Чтобы все это не повторилось...

— Может, вы и правы,— согласился иностранец.

Дождь перестал. Туманная мгла тоже исчезла под лучами горного солнца. Небо вновь сияло синевой.

Туристы разобрали рюкзаки и вышли во двор.

На земле блестели лужицы. Воздух вновь обрел густой аромат хвои.

Скоро на площадке появился широкоплечий парень с черной бородкой и в потертой штормовке. По его властному хриплому голосу и решительным движениям нетрудно было догадаться, что он инструктор — персона в горах самая значительная. Он дал команду и придирчиво всех оглядел.

— Если позволите, мне было предложено присоединиться к вашей группе...— иностранец протянул инструктору документы.

Тот посмотрел бумаги, бросил изучающий взгляд на их владельца и молча кивнул. Путевка была в порядке.

— Товарищи!— сказал инструктор.— Вы знаете, что путь к морю лежит через перевал, который наши войны защищали в Великую Отечественную... И пройдем по местам боевой славы...

Иностранец улыбнулся. Это была первая улыбка, которую увидели в тот день его молодые слушатели.

Теперь он мог беспрепятственно пройти перевал и легко достичь теплого моря.

Когда тени сосен стали длиннее самих деревьев, Азрет и Хасан завели машину и покатали вниз по ущелью.

Ехали молча. Хасан сейчас отчетливо представлял себе того юного снайпера. Перед мысленным взором возникал молодой боец с винтовкой в тонких обветренных руках. Он был худощав, но крепок, жилист. Сам того не подозревая, Хасан наделял вымышленный образ собственными качествами. Боец был молод и мечтал. Конечно, не о кончине на холодных камнях от осколков вражеской мины. Чем же особенным он отличался? Просто любил родную землю

и ненавидел врага. Просто ему суждено было стать солдатом. И он просто выполнил свой солдатский долг. А просто ли все это? Уйти из жизни юным? Хасан мысленно сжимал ту винтовку и целился во врага. И он чувствовал, что винтовка не дрожит в его тонких, но крепких руках и что глаз верен, хотя и чуточку слезится от напряжения.

...Впереди показались огни Долины Ветров.

Рассказ двенадцатый

ЗНАКОМСТВО С ПРОДАВЩИЦЕЙ ЧЕРНЫХ СЛИВ

Она стояла на том же месте, что и в прошлое воскресенье...

Хасан уже не первый раз любовался многоцветьем этого базара, который почему-то называли Зеленым. Он бы назвал его Пестрым или Радужным. Хасан бывал здесь часто: базар всего в одном квартале от общежития.

Хасану нравилось ходить на рынок. По обязанности младшего он должен был снабжать «дом» витаминами. То есть разными фруктами и овощами. Что покупать — определял доктор, который, когда надо и когда не очень надо, повторял, что человечеству грозит гибель от неправильного питания. И Хасан дал слово спасти хотя бы ту часть человечества, которая проживала в их комнате.

Но сейчас Хасана манили на зеленый базар не витамины. Не яблоки и груши, не поздняя вишня и не ранний виноград.

Она стояла на том же месте...

Во врачебных рекомендациях сливы до сих пор не значились. А она, таинственная незнакомка, продавала именно сливы. Ее торговля шла не слишком-то бойко. И не только потому, что этого фрукта было на рынке довольно много.

Дело в том, что она не зазывала покупателей, не расхваливала товар на манер восточных торговцев, не сутилась, как те шумливые соседки, громко утверждавшие, что их яблоки — как раз те самые, о которых только и мечтают настоящие знатоки. Порой доморощенные коммерсанты так усердствовали, что становилось непонятным, почему же эту пищу богов они привезли в город, а не съели ее дома сами.

А она молчала, словно отбывала наказание в этом сре-

доточении шума, толкотни и возбуждающего духа наживы...

..Сливы как сливы. Очень даже приличные. Видно было, что их тщательно перебрали и вымыли, прежде чем отправить на Зеленый базар Долины Ветров. Аппетитные сливы.

Но торговля не шла.

А она, словно это ее совсем не волновало, смотрела отсустывающим взглядом поверх этой пестрой суетливой толпы. Ее красивая гордая головка на смуглой длинной шее размышляла о чем-то, видимо, далеко, не здешнем. О чем — понять было невозможно. Но огромные, как те черные сливы, глаза выдавали не слишком веселое настроение таинственной незнакомки.

По-детски пухлые губы, нежный овал подбородка и эти глаза-сливы на этот раз всерьез приковали внимание Хасана — заготовителя животворных витаминов.

Сперва Хасан почувствовал сострадание к этой, конечно же, очень гордой, но грустной девушке в черной кофточке и голубой косынке на плечах. Ему хотелось заговорить с ней, но он не знал, как начать.

И все же он сделал глубокий вдох-выдох, словно вышел на борьбу с опасным противником, и осторожно, будто боясь ее спугнуть, подошел к аккуратной горке блестящих черных слив.

Она скользнула по нему усталым взглядом и отогнала муху, усевшую на самую верхнюю сливу. Хасан заметил ее тонкую с длинными пальцами руку.

В этом возрасте, подумал Хасан, у девушек бывает если и не маникюр, то, во всяком случае, хотя бы дешевое колечко. У нее не было ни маникюра, ни колечка. Наверное, вся семья на ее плечах. Самая, наверное, старшая из восьми детей. Почему из восьми? Да просто так показалось...

— Здравствуйте,— негромко сказал Хасан чужим, даже каким-то неприятно тонким голосом.

На приветствие она никак не отреагировала. Будто он поздоровался не с ней, а с соседкой, которая, заметив интерес Хасана к девушке, замолкла и на секунду забыла о своем торговом интересе.

— Здравствуйте, меня зовут Хасан.

— Ну и что дальше?— негромко ответила она.— Вы хотите купить сливы?

Она вопросительно посмотрела на растерявшегося покупателя и насмешливо улыбнулась.

— Нет... то есть да,— Хасан увидел ее ровный, словно зерна на кукурузном початке, ряд зубов и вспомнил слова

доктора о том, что красивые зубы преобразуют даже посредственные лица.

— Плохо идет торговля,— почему-то некстати сказал Хасан и тут же осекся.

Сливообразные глаза девушки прищурились, но искр не последовало.

— Решили покуражиться,— также тихо сказала она,— или вам просто делать нечего?

— Как так!— пришел в себя Хасан.— Я всю неделю работал, а вчера и сегодня отдыхаю.

— Так отдыхайте! Только базар не самое изысканное место для отдыха.

Это уже Хасану понравилось. Он боялся, что она и говорить не станет. И ему не удастся услышать ее голоса.

— Если вы скажете, как вас зовут, я берусь угадать вашу фамилию, а заодно село или город, откуда вы приехали.

— Вы неудавшийся сыщик?— ответила она, одарив взглядом и соседку, у которой отвисла челюсть от любопытства.

— Почему неудавшийся? У меня есть определенные задатки. Вот смотрите. Во-первых, эта торговля, которая к тому же идет очень вяло, вас, конечно, нервирует. Для этого дела вы слишком горды и чрезмерно красивы. И таланта нет. Да-да, коммерческого таланта.

— Тоже мне, Шерлок Холмс.

— Не торопитесь. В вашем кошельке нет и десятки.— Услышав это, зачарованная соседка подобрала отвисшую челюсть, а кошелек, лежавший под рукой, запрятала подалее.— Фамилия написана вот на этой вашей газете...

— А где я живу?— уже развеселилась девушка.

— В Баксане. Это было легко узнать. Я вас уже провожал до автобусной станции, где вы покупали билет. А имя ваше... Сами скажете или назвать?

— Потрудитесь.

— Галя. Галина. В наше время кабардинцы и балкарцы своих дочерей часто называют русскими именами.

— А как вам это удалось узнать?

— Ваши попутчики называли вас по имени.

— Не так уж все это сложно,— разочарованно сказала она.— Вам не удалось меня заинтриговать.

— А что вы можете «вычислить» обо мне?

— Ничего не желаю вычислять. И так видно, что вы шпион, кем-то приставленный ко мне. Поэтому в следующий раз я приеду с братом. Он, кстати, милиционер.

— Будет приятно познакомиться... на будущее. Если он похож на вас, обязательно должен мне понравиться.

— Но я не уверена, что вы ему понравитесь. И вообще, не могли бы вы отойти в сторонку. А то покупатели совсем стороной проходят.

— Они и раньше не толпились,— поиздевался Хасан.

— Ну, знаете ли...— Она в гневе была еще прекрасней.

— За сливы не волнуйтесь. Я их уже купил.

— Как «купил»,— вновь смягчилась она.— Вы это... заготовитель? У меня целых две корзины.

— Ничего, денег у меня хватит. Захочу, весь этот ряд смогу купить. Со всеми яблоками, чесноком, луком и даже петрушкой.

— Вы миллионер?

— Не совсем. Но на ваши сливы хватит с лихвой. Не беспокойтесь.

— Вы кто?

— Спасибо, что наконец заинтересовались. Водитель гигантского самосвала. Там, на горных высотах работаю. Так что давайте свои сливы.

— Берите.

— Нет, вместе. Я один не смогу. И вообще, чего вы боитесь? Брат ведь милиционер. Берите одну корзину. Другую возьму я. Общежитие за углом, третий дом. Ну, что вы смотрите на меня? Если боитесь...

— Я ничего не боюсь,— решительно сказала Галя и стала собирать сливы с прилавка, высыпая их в корзину.

Возле общежития Галя остановилась.

— Я подожду здесь.

— Не понимаю, почему вы стесняетесь войти в образцовое рабочее общежитие, да еще и днем. Пожалуйста, проходите.— Хасан открыл двери и вежливо коснулся локтя девушки.

Она испытующе посмотрела на него и тихонько, словно боясь кого-то разбудить, вошла.

— Вот и наша берлога.

— Как вы сказали?

— Ну, комната, значит, наша.

Галя постояла в нерешительности, затем последовала за Хасаном.

— Садитесь здесь,— у нас не очень уютно, но жить можно. Я сейчас освобожу корзины.— Хасан вышел и скоро вернулся.

Галя заметила, что комната несмотря на скромность обстановки очень уютна и аккуратно прибрана. Правда, ее смутил один из ковриков, что висел над кроватью. Он весь

был облеплен журнальными портретами самых разных девушек. Одна из них была — из журнала «Советское фото» — почти полностью раздета, хотя и ослепительно при этом улыбалась.

— Это, конечно, ваша кровать, — сказала Галя, брезгливо глядя на плотное скопление девушек на любой, как говорится, вкус.

— Нет, не угадали, **неудавшийся психолог**. Ешьте лучше конфеты. — Хасан придвинул к ней раскрытую коробку. — Это кровать доктора. Но не подумайте, что он неисправимый бабник. Он изучает типы женских улыбок. С научной целью, наверно. Моя кровать — вот эта. Под стариком. Узнаете?

— Вы любите Хемингуэя?

— Люблю. Но дело в том, что он еще похож на самого старого в роду Дадашевых, то есть в нашем роду. А родича своего я люблю ничуть не меньше.

— А я полагала, что Хемингуэй ваш любимый писатель.

— Один из любимых. «По ком звонит колокол», «Старик и море». Надо быть последним олухом, чтобы такие книги да не любить. Он очень честный и смелый писатель. А жизнь его самого — лучший роман.

— Да-а, — согласилась Галя, вставая. — Ну, мне пора. Спасибо, что выручили. Я поеду. Только больше не смейте меня провожать.

— Куда вы поедете, Галя? Автобус-то ваш не скоро. Так что успеете в кино сходить, в городе погулять.

— Уж не вы ли приглашаете?

— Буду счастлив... если бы Галя захотела пойти со мной в кино. — Это было сказано так чистосердечно и с такой неподдельной грустинкой, что Галя не сразу ответила. Она вновь сверху донизу оглядела новоявленного кавалера.

— Пожалуй... — нарочито неуверенно произнесла она. — Пожалуй, ничего особенного в этом нет — пойти с вами в кино. Только я сама куплю себе билет.

— Хорошо, — сказал сразу повеселевший Хасан. — Это не совсем удобно для меня. Но если хотите — хорошо. Тем более, что вы почти до дна опустошили мой карман своими сливами.

— Я вас не просила их покупать... И вообще, зачем вам здесь столько слив? Мне все равно, но любопытно все же. Варенье сварите?

Хасан решил на весьма рискованный ответ:

— У нас в общежитии много девушек. Угощу всех.

Галя промолчала. Только как-то странно улыбнулась и, повернувшись к Хасану, все же сказала:

— Я понимаю. Вы этим хотите сказать, что у вас много девушек и в то же время ни одной. Зачем вы говорите это мне?

— А я и не говорю. Это вы говорите,— ответил Хасан.— Да посидите, не спешите. Если я говорю какие-то глупости,— простите. От волнения это, честное слово.

Галя наконец рассмеялась и даже взяла конфетку.

— Удивили вы меня... э-э...

— Хасан.

— Так вот что, Хасан. К подобным знакам внимания я давно привыкла. Все ребята в нашем классе...

— Все они юнцы,— перебил Хасан, к которому вернулась способность шутить.— Мелочь несчастная. Вам больше подхожу я, человек солидный, настойчивый, целеустремленный...

— Уж не сватов ли собираетесь посылать?— видно было, что этот разговор явно развлекал Галя.

— Какие сваты? Это пережитки. Я вас просто увезу.

— А это не пережитки?

— Но не на коне, не в фаэтоне. Я вас это... самолетом. В Индию.

— Почему именно в Индию?

— Заодно чтобы эту чудную страну посмотреть. На слонах покататься. Мечта детства. И свадебное путешествие!

— Вы экономный человек. Сразу два дела. Да каких!— и Галя вздохнула.— Знаете, Хасан, я вижу: вы говорите чушь и надеетесь, что это меня забавляет. Вы, наверное, нехороший человек.

— С первого взгляда и ошибиться нетрудно. Но это не беда. Тем приятнее вам будет убедиться в собственной ошибке. Я ведь совсем неплохо начал свою самостоятельную жизнь. Во-первых, моя работа чертовски выгодна и престижна. Во-вторых, я встретил вас...

— Как в романсе!..

— Ну, зачем вы сердитесь? Почему вы мне не верите? Ведь вы даже не подозреваете, как я вас... как я вам благодарен.

— Я пошла, Хасан,— спокойно сказала Галя.— До свиданья. Прошу вас, не провожайте. Я сейчас уеду. Поймаю такси. В кино пойдем в другой раз. Честное слово. Я приеду еще.

— Галя, как же так?

Но Галя ловко подхватила корзины и направилась к двери.

— Мы еще увидимся, Хасан. Я стала вас уважать. Честное слово. Мы еще увидимся. Я обещаю, Хасан. До встречи!

Она ушла. А Хасан сел на свою кровать и попытался как-то осмыслить события дня.

«Смятенье чувств...»

«Печаль и радость ходят рядом...»

Рассказ тринадцатый

ПРО СТАРОГО УЗЕИРА

— Передай, Хасан, привет родителям. И моим, и своим. Скажи, что я, как обещал, воспитываю тебя с великим терпением и усердием. Стараюсь, чтобы даже муха не посмела сесть на твою кудлатую голову. В общем, знаешь, как сказать. Чтобы были спокойны,— Азрет хлопнул Хасана по плечу и втолкнул в автобус.— Всему Состару от меня горячий горняцкий привет!

— Все передам, ничего не утаю. Даже добавлю,— ответил Хасан на прощанье.

Пассажиры расселись по местам, и автобус отправился в путь.

В дороге Хасан грустно размышлял о строптивой девушке с глазами-сливами. Страшно давно — почти целую неделю Хасан не видел ее, а ожидание новой встречи вызывало в нем какую-то неосознанную тревогу. А что, если она никогда уже больше не придет и он никогда ее больше не увидит? Неужели тот день останется в памяти как случайный праздник, как детская сказка? Чтобы как-то уйти от этих тревожных мыслей, Хасан развернул газету. Читать не смог. К тому же сильно трясло, и строчки сливались в серые колеблющиеся полосы.

К полудню, пересев на другой автобус, Хасан приехал в родной Состар.

Немного времени прошло с тех пор, как он расстался с утопающим в зелени поселком. Но сейчас Хасану все казалось новым и немного уменьшенным. И дорога была поуже, и дома пониже, и даже вечная мелодия реки слышалась каким-то незнакомым тоненьким голоском. Об этом я где-то читал, подумал Хасан. Так бывает, когда возму-

жавший вдали от отчего дома человек навещает родные края. Вот так-то, любезные земляки...

Мать сначала долго разглядывала сына, будто искала какие-то нежелательные изменения в его облике. Но, убедившись, что все на месте, если не считать, что лицо Хасана покрылось загаром высокогорья, она, охая и ахая, стала тащить на стол все, что было съедобного в этом доме.

— Ты, мать, так суетишься, словно он целый месяц сидел в погребе без пищи и воды,— заметил отец.

— Что ты, папа, он же еще продолжает расти,— умильным тоном сказала Света, которая открыто любовалась младшим братом.

— Если верить слухам, ты делаешь там успехи,— сказал брат Магомет.

— «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...»,— ухмыльнулся Хасан, хватая ногу только что сваренного индюка.

— Слух слуху-то рознь. Дай бог, приятный слух,— добродушно пошутил отец, рассматривая пустую тарелку.

— Э, да я забыл самое главное!— Хасан бросился к своему чемодану.— Дорогой глава семейства!— обратился он к отцу.— Учитывая твоё великое терпение и в ознаменование выдающихся заслуг по воспитанию молодого поколения в моем лице, награждаю наручными часами, купленными на собственные заработанные деньги. Смею сразу заметить, что часы отнюдь не из дешевых. Вот так.

Отец усмехнулся, покачал головой, оглядел присутствующих и принял подарок.

Получили свои презенты и брат с сестрой.

— Ну, а маме— вот это. Пусть она и далее остается молодой и красивой.— Хасан накинул ей на плечи яркую шаль, и мать совсем растерялась. Уголкем этой шали она прикрыла рот и слегка всплакнула. А Хасан с чувством исполненного долга степенно и церемонно сел на свой стул и снова взялся за индюшачью ногу.

— Мама, мне кажется, твой сын там скоро разбогатеет,— глупо и неуместно хихикнула Света.— Скажи, Хасанчик, сколько ты получаешь?

— Во-первых, я давно не Хасанчик. Никаких тебе «чик». Во-вторых, зарабатываю больше, чем все медики этого дома, вместе взятые.

— Вот здорово! — льстиво восхитилась Света.— Я знала, что в тебе есть доброе и умное начало.

Хасан только сейчас в полной мере почувствовал, как он любит обитателей этого дома и как мечтает сделать для них такое, чтобы весь Состар говорил: «А младший-то из

Дадашевых того, видный человек, солидный по всем статьям».

Когда первые радости поутихли, отец Хасана сказал:

— Ты приехал кстати. Узеир заболел и вчера просил, чтобы к нему доставили самого младшего из рода Дадашевых. Чтобы ты, значит, навестил его в последнюю минуту. Мы его и так, и эдак уговаривали: дескать, жить тебе еще и жить. А он все свое. Хасана хочу перед смертью увидеть. Мы уже собрались тебя вызвать, а ты сам приехал.

— Что же это с ним, отец, с твоим дядей?

— Постарел наш патриарх. И сильно сдал. Дело, говорят, безнадежное. Ни разу в жизни не болел, и вот на тебе. Мы-то думали, что до сотни шутя-играя доберется. Два годика до сотни осталось.

— Я сейчас же пойду,— заторопился Хасан.— Сейчас же.

Узеир Дадашев был не просто долгожителем. Он был самой, бесспорно, колоритной личностью в поселке. В до-революционной молодости своей — отпетый конокрад и возмутитель спокойствия, Узеир часто бывал на грани гибели из-за свдих сомнительных и весьма рискованных предприятий. Кроме кражи лошадей у богатых коннозаводчиков, были и умыкание, по найму, невест, и посредничество между спекулянтами всего Северного Кавказа, и контрабанда. Неизвестно, каким образом это ему удавалось, но Узеир вполне сносно освоил русский, кабардинский и грузинский языки. Куда бы Узеир ни ездил, где бы ни скитался, но на курман-байрам приезжал в родной Состар. Являлся вооруженным до зубов и на коне, которому могли позавидовать самые именитые князья. Бедняков Узеир не обижал. Более того, имел слабость к сиротам-батракам. Услышит, что мальчишку-работника обижает кто-то из богатеев, — избивал обидчика публично, обещал в следующий раз и вовсе убить. Обиженному он совал золотой червонец и уезжал.

Родные братья Узеира недолюбливали, хотя и боялись ему об этом говорить. Дело в том, что за проделки старшего брата отвечать частенько приходилось ни в чем не повинным младшим.

Пришла Советская власть. Но замашки Узеира не вдруг изменились. По привычке он еще продолжал свои прежние занятия. Зато когда с князьями вопрос, как говорится, был решен, Узеир скоро понял, что новая власть сделала его «профессию» бессмысленной. Ведь бедняков он никогда не грабил. К тому же председатель сельского ревкома недвусмысленно намекнул Узеиру, что и новая власть может от-

править его туда, где круглый год морозы такие, что собственный нос отвалится, если попытаешься высморкаться.

Такая перспектива Узеира, конечно, не устраивала, и он решил приспособиться к новой жизни. Нелегко было ему честно трудиться, как родные братья. И тогда его женили на волевой и упрямой вдовушке Кермахан.

Родился сын, потом и другой. И в характере Узеира произошли странные изменения. Он стал до того хозяйственным и экономным, что братья просто не узнавали его. Узеир рубил дрова и тут же аккуратно собирал щепу. Увидит на дороге ржавый гвоздь или обломок подковы — в карман. Впрочем, Кермахан это даже нравилось. Узеир не курил, как и прежде, и вовсе перестал пить, хотя здоровье имел — дай бог каждому. Это тоже нравилось его любезной супруге. Хотя и не совсем нравилось многим мужчинам-горцам. Мужчина-скряга — это, знаете, явление в горах не частое и весьма непохвальное.

Трудился Узеир упорно. Часто устаивался похвалы колхозного начальства. Каждую грамоту с любовью вешал на стенку.

Но вот началась война. Отправил Узеир своего старшего на фронт и сильно загрустил. Он был из тех горцев, что любили сыновей самой тайной и самой крепкой любовью.

Пришли немцы. Некогда шумный Состар погрузился во мрак. Люди — старики и женщины, дети малые и подростки — бедствовали. Но Узеир где-то раздобыл тощую кургузую лошаденку и стал возить в Нальчик дрова. Выручка не ахти. Но жить можно было. Никто ему не мешал. Даже немцы не позарились на жалкую старикову кобылу.

Но возмутил немцев другой случай.

Едет Узеир из Нальчика и видит — вдоль дороги сквозь кусты и деревья тянется какой-то диковинный провод с резиновой кожурой. Перерезал Узеир эту находку, сел и поехал на своей арбе, аккуратно сматывая провод на рукоять камчи. Едет и радуется. Скоро он подъехал к Состару и полюбовался на тяжеловесный моток. Вот и жена порадуетя! Белье сушить на таком проводе — одно удовольствие.

Узеир еще не успел обдумать, где еще, кроме этого, применить добро, как впереди появился мотоцикл с двумя солдатами. Они заметили нехитрое, но весьма дерзкое занятие старика, пригнали Узеира в село и стали допрашивать. Тучи сгущались над несчастным Узеиром. Немцы не собирались прощать ему «диверсию» с телефонным проводом, соединявшим штаб в городе с гарнизоном в селе.

Допрос с целью выявления сообщников ни к чему не привел. Тогда немцы решили собрать других стариков. Но

те стали хором объяснять, что Узеир сделал свое дело только из побуждений личной наживы. И что вряд ли было в его планах лишать германскую армию телефонной связи.

Тогда офицер дал команду, и немцы пристрелили и без того немощную лошаденку, а самого Узеира, жестоко избитого, выбросили старикам.

Другой случай — уже после оккупации — был менее трагичен, но все же поучителен для Узеира.

Скоро благодаря своему недюжинному здоровью старик поднялся на ноги и снова стал заготавливать дрова. Немцев уже не было, и жизнь входила в свое прежнее русло. Идет Узеир по лесу и видит издали: что-то темнеет у некрутого склона. Подошел — самолет. Обгоревший немецкий самолет торчал, уткнувшись носом в рыхлую землю. Узеир обошел свою находку и, решив, что это добро не должно пропадать, стал обдирать металлическую обшивку. С немалым трудом приволок неровные листы домой, сделал напшаке еще один рейс. И скоро Узеиры легкие ведра из трофейного металла стали радостью многих хозяек. Не безвозмездно, конечно. С хвостовым листом вышло осложнение. Под слоем копоти и грязи проявился зловещий когтистый крест. Узеир замазал его какой-то известкой и сотворил дверцу для сарая. Однако после первого же дождя, к великому ужасу старой Кермахан и Узеира, известку смыло, и зловещий знак возник вновь. Узеиру ничего не оставалось, кроме как изрубить дверцу с этим крестом на мелкие части и выбросить на свалку.

Сын старика, молодой офицер Ахмат Дадашев, вернулся живой-здоровый при множестве орденов и медалей. А другой сын со временем выучился и стал директором школы. И сказал тогда старик, что проживет не меньше ста лет. От радости и гордости за сыновей...

Он встретил Хасана слабой улыбкой и погладил его руку своей легкой иссохшей ладонью.

— Хорошо, мальчик, что ты пришел. Хорошо. Теперь я могу и умереть. — Он прикрыл глаза, и кто-то из женщин начал голосить. Он тогда открыл свои потускневшие глаза и велел всех женщин выгнать вон из комнаты. — Ишь, собрались, приготовились. Как вороны. — Потом велел позвать старенькую Кермахан. А рядом — сыновья.

Хасан любил старика. Любил за его причуды и доброту. За его не совсем нормальную, но интересную жизнь.

— Хасан, мой мальчик. Эти оболтусы рожают одних девочек, и у меня нет внука. Но зато есть ты. Самый младший из нашего рода. Я знаю, ты смышленный малый и не подведешь нашу фамилию. В твоём возрасте я сделал много

глуостей. Я сжег свою молодость без добрых дел. Бить меня было некому. Зло из меня выбивать. А ты добрый. Добрый и просвещенный. Я хочу, чтобы ты стал настоящим мужчиной. Экономь свои годы. Будь щедрым. Но не на годы. Я вот умираю... Много повидал. Дожил до той поры, когда люди стали не только богаче, но и умней. И жизнь добрая, и воздух прозрачный, и власть мудрая... Я уже не могу говорить. Почему смерть такая торопливая? Будь мужчиной, Хасан, будь лучше нас... Иначе никак нельзя. Вот сейчас умру, а ты закроешь мне глаза. А женщин сюда не пускайте, пока я как следует не умру. Ну, прощайте...

Старый Узеир последний раз улыбнулся, оглядев своих пожилых сыновей и Хасана, и тихо угас. Глаза его закрылись сами.

Хасан был потрясен. Как можно так угадать свою смерть! Как можно было после столь ясной и мудрой речи умереть почти добровольно. Как будто договорившись с самой смертью. К тому же он, Хасан, видел смерть впервые.

Хасан приложился лбом к холодеющим рукам старика и не чувствовал, как горячие слезы потекли по этим грубым, узловатым и уже неживым пальцам, которые в свое время не только хлестали Хасана крапивой, но и ласкали самой нежной, самой теплой скупой мужской лаской... Помер Узеир.

Все село провожало своего патриарха Узеира Дадашева, чья сложная, долгая, полная самых неожиданных поворотов жизнь уже начала превращаться в легенду.

Рассказ четырнадцатый

ПРИЧАСТНОСТЬ К ДЕЛАМ ВЫСОКИМ. ЗНАКОМСТВО С КОСМОНАВТОМ

Несмотря на то, что первая встреча чуть не закончилась конфликтом, или попросту дракой, Хасан и долговязый Заур с течением времени крепко подружились. Те немногие, кто помнил первую их встречу, улыбаясь, качали головами и говорили: «Водой не разольешь, а познакомились, как молодые петухи...»

Терский кабардинец Заур, несмотря на внешнюю грубоватость, был сердечный, честный и прямой человек. Ну, правда, иногда мог прихвастнуть тем, что доводится, пусть даже дальним, но родственником самого Хабалы Беслане-

ева — известного революционера и человека редкого мужества и отваги.

Заур часами мог рассказывать об этом бесстрашном большевике, его нелегкой судьбе, драматических днях службы Хабалы у самого Узун Хаджи в «премьер-министрах» и о том, как «великий визирь» — большевик Бесланеев околлачил новоявленного имама и заставил его воинство служить повстанческой армии красного командира Гикало.

Рассказ Заура кончался, как правило, скептически: «То были мужчины... А мы? Длинный рубль в карман — и рады, что сыты и веселы. Настоящих горцев больше нет...».

Хасан не разделял его скепсиса, но и не спорил. Хотя бы потому, что в чем-то Заур был прав. Оба они, делая свою нелегкую работу, конечно, не полностью осознавали, что живут так, как жил бы сейчас и сам Хабала, будь он на их месте. Ну, может, если не так, то почти так...

Но произошел один случай, который во многом изменил их отношение к собственной работе. Помог лучше познать значимость повседневных рейсов за облаками, почувствовать причастность к делам большим и совсем не простым.

Был выходной. Азрет и доктор Мурадин уехали к своим, а Хасан сидел в комнате и читал. Читалось плохо. Все время думал о последней встрече с Галей. Прошла не одна неделя, но она не приезжала. Хасан проклинал себя, что не узнал ее адреса. Дважды собирался поехать в Баксан и с утра до ночи ходить по улицам и переулкам этого города. Но скоро понял сомнительность этой затеи. Во-первых, поиски отнимут черт знает сколько времени. Во-вторых, как раз в это же время она могла приехать в Долину Ветров или — того хуже — уехать, допустим, в Нальчик.

Целыми часами бродил Хасан по Зеленому базару. Но Гали не было. Может быть, она заболела. А быть может, сливы в ее саду уже кончились, и она решила больше сюда не ездить. А может быть... она вышла замуж.

От этой мысли Хасан совсем загрустил и стал ходить по комнате, как делал дома брат Магомет, когда бывал чем-то озабочен.

Никак Хасан не мог допустить, что она, Галя, могла его обмануть...

И в эти тягостные минуты в комнату ворвался Заур.

— Ты еще дома?! Ты что, спал до сих пор? Пошли!

— Куда? И кто за тобой гонится?

— Космонавт приезжает.

— Что-о?! — Хасан даже растерялся. — Ему что, некуда ездить, кроме нашего затерянного в ущелье городка?

— Значит, не совсем затерянного. Давай, одевайся, да

поприличней. Что творится на улице, знаешь? Сплошной байрам!

— Вообще-то здорово!— стал забывать Хасан свои печали и, быстро одевшись, вышел с Зауром на действительно праздничную улицу.

Люди шли в сторону Дворца культуры. Вдали были слышны звуки бодрого марша «Все выше, и выше, и выше...».

Два молодых милиционера пытались оттеснить людей от площадки перед Дворцом, где, надо полагать, остановится машина с дорогим гостем. Но это у них не получалось. Приходилось вмешиваться дружинникам. Постепенно образовался довольно узкий «коридор» между дорогой и ступенями Дворца.

И вот кто-то громко крикнул с балкона:

— Едут!

Скоро показался кортеж «волг», который завернул в живой «коридор» и с трудом протиснулся к Дворцу.

Вышли из машин несколько военных и невоенных.

Вышел наконец и он.

Улыбчивый и подвижный, обыкновенный и необыкновенный русский парень. Теперь, когда Хасан увидел его живого и так близко, он мог поклясться, что уже встречался с парнями, очень похожими на него. Даже здесь, в Долине Ветров. И все же это был единственный, который совсем недавно совершил такой подвиг, какого до него никто не совершал. Весь мир рукоплескал ему. А сейчас он был в объятиях горняцкого города. Городка, вовсе не затерянного в горах!

Несмотря на громкую славу, он, казалось, немного смущался от этого восторженного приема.

Рыжеватый крепыш в форме обыкновенного военного летчика, сопровождаемый своими спутниками и городским начальством, прошел на празднично убранную и всю в цветах трибуну и сел у края длинного красного стола. Его пригласили к середине, и он, продолжая смущаться, последовал настоянию хозяев.

Выходят люди и говорят. Говорят часто невпопад, недостаточно складно. Волнуются. Но одно явно в их словах — любовь и уважение высокое к парням Страны Советов, которые первыми прокладывали дорогу в неведомое.

Хасан стоит недалеко от сцены и смотрит на этого крепкого и еще очень молодого полковника.

Отличные русские товарищи. Они первыми восстали против всемогущих господ и дали последний и решительный бой загнивающему и жестокому миру насилия. Русские парни вместе со своими братьями со всех концов многона-

циональной страны выстояли и победили в невиданно страшной и тяжелой войне. И вот внук и сын тех, кто «не ради славы, ради жизни на земле» создавали новый прекрасный мир, вышел в открытый космос, словно открыл дверь своего дома в темную, непроглядную, холодную ночь. Самым первым. А сейчас весь его вид говорил: «Что ж тут такого, и зачем мне так много почестей, когда я сделал то, что мог бы сделать любой другой».

Все народы достойны уважения. Но русский народ, великодушный в своем могуществе и скромный в своем великодушии, занимает в истории особое место.

Наконец дали слово гостю.

Он не спеша прошел к трибуне. Мгновенно воцарилась чуткая тишина.

Космонавт рассказывал о своих друзьях, ставших пионерами Вселенной. Он рассказывал о своих ощущениях и чувствах в ответственный момент выхода в доселе неведомый открытый космос. Он говорил о работе, ставшей его профессией. Он, конечно же, гордился своей профессией. Но не было в его рассказе и намек на исключительность этой профессии.

— Дорогие друзья, товарищи. Мне очень приятно побывать в вашем городке, теперь и моем, поскольку здесь меня только что удостоили высокого звания почетного гражданина Долины Ветров. Сердечное вам спасибо за это.

— Теперь свой. Наш он,— сказал Заур, стоявший рядом с Хасаном.

— Не вздумай только попросить его, чтобы с собой в космос свозил,— ответил Хасан.

— Вам спасибо еще за то,— сказал космонавт,— что добываете металл, без которого мы бы и шагу не сделали в космос. Хороший металл добываете, самый стойкий металл. Все мы причастны к делу освоения космоса. Вы даете этот чудо-металл, сотни и тысячи людей дают все остальное. Вся страна готовит наши крылья. Вся великая наша страна. Но путь в космос начинается, можно сказать, от ваших шахт и карьеров.

Голос космонавта звучал спокойно и убедительно.

«Я, значит, тоже причастен.— подумал Хасан.— Вот так, гоняешь целый день своего «слона» по горному серпантину и не осознаешь, что какая-то крупинка того, что ты возишь, уже побывала там. В космосе побывала. Так-то, товарищ Дадашев. Причастен. Хорошее русское слово. И твоя, пусть даже самая малая доля, но все же есть в этом великом

деле. Не зря, значит, ешь свой хлеб, не зря топчешь землю. Причастен. Хорошее русское слово...»

— Ну что, Заур, здорово он тебя?— Хасан задел Заура локтем.

— Что «здорово»?— Заур не отводил взгляда от космонавта.

— Помнишь: «длинный рубль в карман — и рады, что сыты и веселы»?

— Хорошая у тебя память.

— Еще бы! Ты это твердишь не в первый раз.

— Ладно болтать!— отмахнулся Заур.

Потом сфотографировались. Волею случая Хасан оказался рядом с космонавтом. И тот положил свою теплую руку на плечо Хасана.

— Давай, коллега, поближе. Горняк?

— Да.

— Тогда еще ближе.

Нет, совсем не шутливым тоном было сказано слово «коллега». Видно было, что космонавт шутки любит и понимает. Но с этим словом, Хасан был уверен, космонавт не шутил.

Хасан по-мальчишьи заметил, что космонавт чуть пошире в плечах, а ростом меньше. Подумал и слегка рассердился на себя за этот «сравнительный анализ».

Настала пора прощания. Хасан надолго запомнил дружелюбный взгляд и крепкую руку человека, первым побывавшего в открытом космосе.

Дома расскажу, Азрету и Мурадину скажу, что с самим космонавтом поздоровался. Так, запросто. Как со старым знакомым. Такие, братцы, дела, уважаемые коллеги, товарищи по звездным делам.

Рассказ пятнадцатый

ПРИТЧА О «ДУРНОМ СВИНЦЕ»

Хасан держал обломок руды с кулак величиной и внимательно рассматривал его при ярком свете полуденного солнца. Какими только цветами не переливался этот кусок горной породы! Искристые белые кристаллы и черные, в мельчайших блестках, прожилки, желтовато-зеленые вкрапления и дымчато-серые разводы — было что рассматривать и чем любоваться.

Другой раз Хасан, может, и не стал бы так долго раз-

глядывать рудный обломок — ведь сам уже перевез тысячи тонн этой породы, что тяжелее и тверже гранита. Но после вчерашней встречи со старым Исхаком...

— Эй ты, что там нашел,— крикнул подъехавший Заур. И Хасан, заметив, что какая-то мелкая поломка в экскаваторе устранена и громадный ковш, набрав свой груз, начал описывать привычную дугу, мигом вскочил в кабину.

А в памяти вновь и вновь оживала история, поведенная ему бывалым горцем.

Как-то Хасан и Заур решили после смены идти не на «канатку», выйти на старую вьючную тропу и — не спеша — вниз. Завтра выходной, можно и прогуляться пешочком.

И вот еще издали заметили они у обелиска в память первого геолога чуть сгорбленную фигуру немолодого уже человека.

— Кто это?— Хасан вопросительно посмотрел на Заура.

— А-а! Это живая история рудника. Пенсионер Исхак. Он тут каждую тропу знает. Каждый камень. И весьма причастен к открытию месторождения. Пошли к нему.

Исхак, несмотря на свои годы, очень еще крепкий и выносливый горец, часто навещал своих друзей-чабанов за скалистой грядой. Посидит среди них за шашлыком и айраном и обратно. Но каждый раз, проходя мимо обелиска, останавливается здесь, смотрит на каменную пирамидку и думает о чем-то пережитом. А ему было что вспоминать, было что рассказывать молодым...

— Да, друзья мои, здесь каждый камень мне знаком и дорог. Камни живут долго и видят много. Только молчат, не разговаривают...

Еще отец моего отца, да будет рай пристанищем его души, охотился здесь. Туров здесь водилось много. И потому хорошему охотнику всегда сопутствовала удача. Это я к тому, что ходить в этих местах — не то что в долине. Особенно зимой. И снежные заносы, и камнепады, и прочие неприятности. Но не ленивые люди жили здесь. Правда, иначе и нельзя было. Земли пахотной мало. Пастбища не слишком богатые. Значит, охота была не последним источником пропитания горца.

И вот, помню, совсем я был ребенком. Ну, семи или восьми лет, может быть. Упросил отца взять меня с собой. Долго не соглашался. Я — в слезы. Согласился. Нелегко было поспевать за отцом. А он предупреждал, что будет трудно. Поэтому я крепился изо всех сил, но не жаловался. Он сам заметил мои мучения и присел на камень. Давай, говорит, непутевый спутник, поедим немного да отдохнем.

Вот тогда-то я и заметил перед собой тот камень с чер-

ними блестящими прожилками. Свинец нашел, говорю я. А он смеется. Знаю, говорит, твой свинец. Дай-ка сюда. Подал я ему тот камень. Ну да, говорит. Это дурной свинец. Толку от него, как от козлиного помета. Возьми, если не веришь. Если ты его расплавишь и отольешь пулю — винтовка твоя. Договорились? Договорились.

Вечером я, несмотря на усталость, старался доказать отцу, что у меня не такой уж плохой свинец. Я его положил на сковородку и долго-долго держал на огне. Ничего не получалось. Скоро я убедился, что свинец этот и в самом деле дурной, а отцовской винтовки не видать мне, как своего затылка. Со злости я закинул этот камень с коварно блестящими крапинками подальше. И больше не вспоминал об этом. Мало ли было других забот?

Скучно и однообразно протекала жизнь здесь, в Долине Ветров, хотя сама эта жизнь скоро стала зажиточной. К тому же открыли школу, и я стал учиться.

Потом произошли события, которые изменили мою судьбу.

Приехали геологи. Поставили свои причудливые домики и стали бродить по ущелью. Часто поднимались и по скалистым склонам. Мы знали, что они ищут металлы, и старались помочь им чем могли. Мы — это я и двое моих друзей.

Больше всех полюбилась нам среди этих геологов молодая и очень веселая девушка. Айраном угощали в первую очередь ее. А она в тихие вечера после трудного дня готова была часами сидеть со мной, чтобы выучить меня русскому, а самой научиться говорить по-балкарски. У нее получалось лучше. А я все смотрел на красивые, хотя и очень короткие волосы, на внимательные и добрые глаза да вздернутый нос дорогой гостью. Я слушал ее певучий голос и плохо запоминал слова этого трудного русского языка.

При каждой встрече я радовался, как младенец. Я с восторгом бросался выполнять ее несложные поручения. А сидя с ней рядом, слушая ее, я чувствовал, что быстро взрослею и набираюсь ума. Скоро я всем сердцем своим понял, как будет мне тяжело, какой станет пустой моя жизнь, если геологи уедут, а вместе с ними уедет и моя Ира.

И уже совсем другие, неведомые мне чувства стали терзать мою душу, когда я чаще, чем это было необходимо ей по работе, видел Иру с молодым начальником экспедиции. Ничего не мог поделать. Мне, пятнадцатилетнему мальчишке, никак не удалось бы поколотить высокого и сильного мужчину. Да, я видел, что он с Ирой разговаривал далеко

не как начальник. Я чувствовал, он ее любит, и мне становилось тоскливо и больно.

Несмотря ни на что, Ира была со мной все так же ласкова и дружелюбна, как всегда. Она искренне радовалась моим скромным успехам в русском языке и весело хвасталась перед окружающими своими познаниями в балкарском.

Мне от этого было чуточку легче. Я благодарил судьбу и за то, что мог ежедневно и подолгу видеть Иру, слышать ее, получать ее задания, иногда сидеть с ней, уже, правда, реже, у вечернего костра. Вечера теперь все больше стал занимать тот долговязый старший.

Геологи делали много записей. Собирали разные камни. Дробили их и рассматривали, передавая друг другу.

Все они успели загореть. Одежда их была уже изрядно потрепана. Часто стали чинить свои выдавшие виды ботинки. Но не от этого стали они суровой и печальней. Я чувствовал и догадывался, что поиски они ведут пока безуспешные. Что они недовольны своей работой и очень этим огорчены. Я не знал, как их утешить. Особенно мою Иру.

— Чем бы я мог тебе помочь?— спросил я ее.

— Ничем, мой дорогой. Я буду скоро дома, а тебе желаю успехов в учебе. Ты будешь мне писать, хорошо?

— Хорошо,— грустно ответил я.— Но почему ты уезжаешь? Поживи еще немного.

— Ты, дружок, пойми одно: нам не очень повезло с нашей работой. Кое-что сделали. Но ожидали большего. Ваши горы и в самом деле не слишком радуют геолога.

Я был в отчаянье. Дома я никому не говорил о своем горе. С уроками тоже не получалось. Тогда я вспомнил почему-то о «дурном» свинце. Среди камней геологов, я видел, были самые разные, но не было там «дурного» свинца. А может, он им и нужен?

И все же я поднялся на гребень скалистой гряды, нашел обломок «дурного» свинца, а наутро принес его в лагерь геологов. Они уже складывали свои палатки, а Ира сидела на каком-то ящике, и глаза ее были более грустные, чем когда-либо.

— Тебе грустно, Ира?— спросил я.

— Да, мой дружок. Очень даже грустно. Столько времени, столько трудов! И все не то.

— Ты не огорчайся,— пытался я ее утешить.— Может, в другом месте больше повезет. А я тебе принес «дурной» свинец. Добавь к своим камням.— Я протянул ей кусок породы.

— А почему «дурной»?— почти равнодушно спросила она. — Дай-ка сюда...

— Потому что он никак не плавится,— ответил я. Но Ира уже не слышала меня. Она вдруг стала внимательно рассматривать этот камень. Она уже не была грустной. Она была не то сильно напугана, не то сильно удивлена.—«Дурной», говоришь?

Я ничего не сказал. А Ира вмиг собрала вокруг себя всех ребят. Мой «дурной» свинец переходил из рук в руки, и все рассматривали его с великим интересом. Даже тот, долговязый, который, вроде, ничему не удивлялся и вообще мало чему радовался.

Наконец все вспомнили обо мне.

— Ты где нашел свой «дурной» свинец? — спросила Ира.

— Там,— указал я рукой.— Могу целый мешок принести. Его там много.

— Нет, милый,— сказала Ира, обняв и поцеловав меня.— Мешок — мало. Надо гораздо больше. Веди меня туда. Немедленно.— Она была так решительна, что мы тут же и отправились с Ирой к скалистому хребту.

Долго я не мог понять, что мой свинец не такой уж дурной, если лагерь вновь ожил, а через некоторое время из Нальчика приехали новые люди. И все говорили о большом открытии.

Вскоре я горько пожалел о том, что принес Ире злополучный кусок породы. Тяжкое горе свалилось на мои детские плечи. Я долго плакал и долго еще проклинал и тот «дурной» день, и тот «дурной» свинец. Не будь того дня, она, быть может, осталась бы жива и жила бы и по сей день, думал я.

А случилось вот что. В дождливый и ветреный вечер, какие здесь бывают часто, переходила она горный поток по висячему мостику. Шла все с той же заботой об этом драгоценном, как она говорила, камне. Вдруг сверкнула молния, озарившая мокрые валуны и стремительные струи речной воды, налетел шквальный ветер, и этот проклятый мост перевернулся, опрокинулся. Не стало моей Иры.

Ее провожали с большими почестями. Но я был безутешен. О ней говорили, что она совершила подвиг в геологии, большое открытие. Но мне от этих слов было еще больнее. Померк тогда свет перед моими глазами...

Рассказчик помолчал, словно стараясь вспомнить какую-то деталь. Хасан и Заур молчали.

— Шло время. Закипела в некогда скучном и забытом миром ущелье большая работа, большое строительство. Я

к этому времени подрос и стал тоже работать, как десятки моих сверстников.

Сначала по частям поднимали разное оборудование вверх к будущему руднику. На ишаках таскали. Потом на ишаках же стали спускать в долину ценную руду.

И так было жалко, что Ире самой уже не суждено было видеть этой большой работы, начало которой положила она!

Почтенный Исхак скупно рассказал и о том, как этот, созданный в тяжелейших трудах и муках, рудник пришлось ему взрывать собственными руками. Это когда фашисты начали занимать ущелье. Немногословно говорил и о том, как мешок за мешком переправляли готовый концентрат за перевал. И как яростно работали он и его друзья-комсомольцы на восстановлении обогатительной фабрики и рудника после разгрома фашистов.

...Обелиск, подсвеченный лучами закатного солнца, казался теплым и живым, словно в нем еще сохранился жар комсомольских сердец. А рассказчик, будто желая ощутить это тепло, легонько провел ладонью по верхней гранитной грани памятника. То же самое, совсем произвольно, сделали и Хасан с Зауром, а перед их мысленным взором стояла улыбающаяся и красивая русская девушка, чье имя пережило ее короткую, сверкнувшую метеором жизнь.

Солнце скоро спустилось за дальнюю гряду, оставив на горизонте густой кизилово-красный отсвет.

Горняки стали спускаться вниз, в город, который давно уже погрузился в прохладные сумерки.

Улицы Долины Ветров были ярко освещены. Люди спешили к Дворцу культуры. Принаряженные девушки, шумливые парни... Все торопились жить, веселиться. Звуки музыки, взрывы звонкого смеха заглушали извечную воркотню быстроструйной горной реки. По другую сторону потока тысячами звезд светились огни комбината-гиганта.

Удивительно, подумал Хасан, что каких-то четыре с небольшим десятка лет назад здесь всего-то и стояло две-три палатки. В одной из них жила и та, которой суждено было начать первую страницу истории гигантского высокогорного предприятия.

Вот по этому берегу не раз ходила Ирина, навеки оставшаяся молодой, чтобы люди здесь жили и радовались, любили и мечтали о еще лучшей жизни.

«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ»

Со строгой и своенравной комендантшей образцового общежития у Хасана были отношения довольно прохладные. И не только потому, что энергичная эта тетя пыталась превратить общежитие в нечто вроде казарменного заведения с соответствующим режимом. И даже не потому, что однажды Хасан, забыв, что ему в ближайший выходной предстояло нести санитарное дежурство, взял да и уехал к себе в Состар.

Конфронтация у них началась после того, как Хасан обозвал ее фельдфебелем в юбке.

Бывает, что от любви до ненависти всего один шаг. Оказывается, в обратном направлении такая же дистанция. Любовь комендантши Хасан снискал, подарив ей полцентнера великолепных слив. Та, весьма тронутая щедрым подписанием, спросила дрогнувшим голосом:

— За что такое внимание ко мне?

— Это просто выражение моей любви к вам, — спокойно продекларировал Хасан. — Тайной любви. Слов не находил и вот... этот подарок.

Властная дама вдруг порозовела и сказала:

— Глупо, конечно, но приятно. Ей богу, приятно.

— Любовь всегда глупа, если это настоящая любовь, — изрек Хасан и откланялся.

Но хозяйка образцового общежития решила не остаться в долгу, и через десяток дней на столе Хасана появилось несколько литровых банок с вареньем из тех же черных слив.

«Видно, мне от них не избавиться», — решил Хасан, заковывая банки в тумбочку доктора.

Но сливы, заточенные в стекле, навевали грустные думы. Галя не приезжала. Ему пришла идея поискать ее через милицию Баксана. Во-первых, он нашел бы там ее брата, а через него, наверное, и се. Но можно, во-первых, навлечь на нее неприятности. На себя тоже. Это во-вторых...

Размышлениями своими он поделился с друзьями.

— Женщины коварны, — изрек Азрет.

— Вдвойне, если еще и красивы. Красота — страшный яд, — добавил Мурадин и, подумав, сказал: — Ты, юноша, ко всему еще и влюбчив. Пропадешь, парень. Ни за что пропадешь. Зря мы тебя сделали уполномоченным по витаминам. Зря. Нельзя пускать тебя в торговые ряды.

— Пойду и завтра. Если не встречу — поеду в Баксан. Найду, увижу и скажу...

— Ну и что ты скажешь? — Азрет пренебрежительно усмехнулся.

— Даже не знаю, — Хасан тяжело вздохнул.

Наутро Хасан встал пораньше, оделся понарядней, прилизал непокорные волосы бриолином и пошел на Зеленый рынок. Его молча встретил дежурный милиционер, которому он давно уже примелькался.

Хасан заметил «слежку» и не выдержал:

— Вы что за мной следите, как за шпионом?!

Молодой милиционер даже растерялся от неожиданного и прямого вопроса. Это был тоже еще совсем молодой человек и, несмотря на строгую форму и положение, в его синих глазах светилась детская наивность.

— А почему вы каждое воскресенье здесь без дела расхаживаете? Инспекторов я знаю, а вы кто? — догадался наконец спросить молодой сержантик.

— А я, знаете ли, проверяю работу местной милиции, — сказал Хасан, хотя и не был уверен, что юноша поймет его рискованную шутку.

Но юноша оказался не только словоохотлив, но и вообще симпатичен. Ему, видно, поднадоело это дежурство среди шумной базарной компании и достойному собеседнику он, похоже, был рад.

Заметив это, Хасан выложил все начистоту. Так, мол, и так. Девушку потерял. Такую красивую, с глазами-сливами.

— Какие еще приметы? — профессиональным тоном спросил сержант. — Опишите, как можете.

— Ну, такая красивая, стройная и вообще...

— Также мне, нашел приметы. Стройных и красивых и со сливовыми глазами, я тебе здесь десяток найду, если не больше.

— Нет, не найдешь... такую не найдешь. Второй такой нет, — вздохнул Хасан, оглядывая ряды, которые уже стали заполнять приезжие торговки.

— Влюблен. Точно влюблен, — сделал заключение милиционер. — А ты ее, извини, не выдумал? У влюбленных это бывает. — Но встретив недобрый взгляд Хасана, стал его успокаивать: — Будем искать.

Было похоже, что молодой милиционер даже обрадовался, что нашлась, наконец, серьезная работа. Но он тоже, видно, был любитель шутить:

— Как появится, я ее сразу же арестую.

— За что же?

— А за то... за нанесение морального ущерба такому симпатичному молодому человеку. Я не потерплю таких штук.

— А я терплю... и жду, надеюсь...

— А, может, она того... фьюить и ускакала,— неудачно сострил милиционер и тут же поправился,— нет, она так не должна поступить. Обещала — значит приедет.

И вдруг! Тысяча солнц засветили сразу! В лучезарное сияние погрузился мир. Хасан почувствовал, как радость наполнила грудь, не давая дышать. Она, Галя! Это она!

— Галя, здравствуйте! Наконец-то вы приехали!— Хасан разглядывал ее с детским восторгом.

— Да, приехала...— видно было, что она тоже рада этой встрече.— Я помнила вас. Даже хотела написать, но кроме имени... Это когда я валялась в больнице с этой ужасной ангиной.

— Вы немножко бледны. Но сейчас-то вам лучше? Дайте же сюда ваши яблоки. Сегодня торговать буду я. Я вам покажу, как это делается.

— Как это?— растерянно посмотрела Галя на Хасана и подошедшего молодого милиционера.

— Очень просто... это сержант, мой помощник. Он обещал тебя арестовать за все мои страдания и муки. Но если ты это... неосознанно, не по своей воле, он, наверное, простит.

— Пожалуй, пожалуй,— молодой милиционер, лихо отдав честь, удалился, качая головой.

— Галя, скажите честно, вы действительно помнили обо мне?— немного успокоившись, сказал Хасан, с грустью глядя в глаза-сливы.

— Да, помнила. Почему-то не забывала. Может, потому, что вы заметно отличаетесь от других.

— В лучшую сторону?

— Трудно сказать, я ведь вас почти не знаю...

— Узнаете — не разочаруетесь,— осмелел Хасан.

— Что неисправимый хвастунишка, я обнаружила давно,— Галя стала строить пирамиду из крупных ярко-красных яблок.

— Та-ак,— стал суетиться Хасан,— сегодняшнюю вашу продукцию я не смогу купить оптом, поэтому будем продавать яблоки населению.

— А я надеялась. Вы-то, оказывается, обедневший милиционер,— Галя, сама того не подозревая, чувствовала себя счастливой от общения с этим веселым и непонятым парнем. И радости своей не скрывала.

— Товарищи, граждане покупатели! Не забудьте купить яблок, если вы понимаете в них толк!

— Грубовато,— заметила Галя.

— Лучший сорт! Помесь австралийской и верхнекурпской яблони. На выставку послали, медали получали. Покупайте, пожалуйста, пока они есть. Таких яблок вы не видели и не ели. Сам Ходжа Насреддин сидел под деревом, с которого сорвали эти чудесные плоды! Товарищи-граждане, не проходите мимо, на обратном пути вы уже не найдете этих плодов, в которых мед и сахар вперемешку со всеми витаминами, которые есть на свете.

Очень скоро яркая Хасанова реклама возымела действие. Люди постепенно стали сходиться к красной пирамиде. Иные за яблоками, другие — просто так поглазеть на веселого продавца. Но и эти «просто так» уже брали яблоки. Другие продавцы яблок недружелюбно посматривали в сторону неистового Хасана и молча качали головами.

Подошли двое парней с карьера.

— Ты что, Хасан, здесь делаешь?— удивился один из них.

— Торгую, как видишь. Купи пару килограммов да поскорей,— сказал Хасан и шепотом добавил:— Купи, если денег нет, я займу.

Хасан был неутомим.

— Подходите, товарищи-граждане, если вам нужны настоящие яблоки...

Когда соседки, которые тоже торговали яблоками, стали уже серьезно коситься на Хасана, он немного поубавил свой рекламный пыл.

— Здорово это у вас...— искренне удивилась Галя, складывая деньги в кошелек.

— Еще бы! Я весь ваш сад мигом распродам. Прямо на корню. Подходи, народ, как в свой огород, половина сахар — половина мед, райские яблоки. И умирать не надо, чтобы их отведать в раю. Ешьте при жизни — за два рубля килограмм. Чудные яблоки — от них жирные становятся, как кипарис, а худые пухнут прямо на глазах...

— Это вы что-то уже не того,— рассмеялась Галя и коснулась щекой плеча Хасана,— талант начал иссякать.

Но покупатели, одобрительно смеясь, доставали деньги, и фрукты таяли на глазах.

— Не знаю даже, как вас отблагодарить, Хасан,— сказала Галя, сооружая последнюю пирамиду.

— Очень просто. Или выходите за меня замуж, или для начала примите приглашение в кино.

— Первое, скажем, не так-то просто, а второе, пожалуй, вы заработали.

— Вы тоже немало заработали на моем врожденном коммерческом таланте. Ведь время — это тоже деньги.

— Это уж точно,— сказала Галя. И по-деловому добавила: — Может, друзьям твоим оставим эту горку австралийско-верхнекурпских медовых, как вы сказали. Кстати, им понравились черные сливы?

— Более того. Сначала они их сильно полюбили. Потом возненавидели. Доктор сказал, что мои крайности навредили их желудкам. Кстати, тебе, то есть вам, стоило бы с ними познакомиться. На случай, если придется их отправлять сватами к вам в Баксан.

— У вас, то есть у тебя, Хасан, порой бывают странные шутки. Ты всерьез уверен, что я бы согласилась... это... замуж?

— Если бы так,— грустил Хасан, шагая рядом с Галей по только что вымытому поливальной машиной тротуару.— Мне кажется, что я вас, то есть тебя, знаю всю жизнь... Я готов всю жизнь торговать сливами и яблоками, если бы только ты была рядом.— Хасан вдруг резко повернулся и схватил Галю за плечи:— Я люблю тебя, Галя! Я с ума сходил, пока столько дней рыскал по этому Зеленому рынку. Я не могу без тебя,— голос Хасана звенел на высокой ноте, глаза блестели.— Возьми меня, пожалуйста, в мужья. Ты будешь самая счастливая жена в мире.

Галя тихо отстранила Хасана:

— Дорогой Хасанчик, ты очень торопишься. Мне уже неловко стоять с тобой рядом. Я не могу тебе сейчас ничего сказать. Не скрою — ты мне тоже нравишься... но не надо. Прошу тебя, пожалуйста, не надо сейчас об этом. Дай мне прийти в себя. Ты просто ошеломил меня. Знаешь, я как-то сказала брату о нашем знакомстве... а он...

— А он что? — встрепнулся Хасан.

— «Я тебе покажу базарные знакомства, глупая девчонка!» — вот что он сказал.

— А ты?

— А я сказала, что его зовут Хасан и он очень интересный парень.

— А он? — Хасан с таким вниманием и нетерпением ожидал ответа, будто от него зависело решительно все.

— А он... он повертел пальцем у виска, а потом показал кулак и сказал более спокойно: «Закончишь десятый, восемнадцать стукнет, тогда и найдем тебе где-нибудь жехиха».

— Пусть ищет в Долине Ветров. А вообще я с ним договарюсь...— задумчиво сказал Хасан.

— Сначала со мной договорись,— пошутила Галя.— Кино, кажется, здесь?

— Да-да, кажется, здесь,— стал приходить в себя Хасан.

— А помнишь, как мы первый раз собирались в кино...

— «Я помню чудное мгновенье...».

В зале было шумно. Детский сеанс. Шел какой-о заграничный приключенческий фильм.

Хасан положил ладонь на теплую руку Гали. Она не отняла руки. Только шепотом сказала:

— Тише, мы, кажется, все-таки в кино.

Рассказ семнадцатый

НУ И ДЕШЕК!

— Дамы и господа, христиане и правоверные. Аллах нам послал пищу и не только пищу. Он расщедрился на эти два сосуда с веселящей влагой. Да не повредит она здоровым желудкам и болезни да не посетят жилы, по которым пройдет настоящий армянский ереванского разлива.

Так сказал доктор Мурадин и положил на стол вареную индейку и поставил рядом две бутылки.

— Хасанчик, где наш доблестный скоропроходчик Азрет? Пусть озарится и его лицо тоже.

— Сегодня он не с к о р о п р и х о д ч и к. Они, по-моему, готовятся удивить мир, шараянув по нему рекордной месячной проходкой. Вот и совещаются, что и как, разрабатывают тактику и стратегию.

— Да, они удивят мир. А мы удивим его, соорудив роскошный стол. Давай сюда, Ромео, красные яблоки, подаренные твоей Джульеттой со сливовыми глазами. Надеюсь, это яблоки мира, а не раздора.

— Мира, мира. И любви... к ближнему.— Хасан стал сервировать стол.— Да, кстати, в честь чего эта роскошная трапеза? Записку там не приложил всевышний?

— А в честь моего девиза: «Живи, радуйся и радуй других». Нужно пригласить девчонок тоже. И за конфетами сходить.

— Честно, Мурадин, по какому поводу байрам? Должен

же я заготовить тост, чтобы не опростоволоситься перед твоими дамами.

— Вот зануда! Повод ему нужен. Просто один благодарный больной, вернее, уже бывший больной, приволок все это и одарил меня. Угости, мол, друзей на здоровье.

— Как это «одарил»? За что?— Хасан в упор посмотрел на Мурадина.

— А разве не ясно? Я рылся в его, извини, внутренностях, чтобы ему потом жилось весело. Удалил нежелательные там штучки, и он от радости и уважения к моему труду взял да и одарил.

— И ты принял этот... дар?

— Как видишь. Нельзя же обижать больного, травмировать его нервную систему. Он сделал намыс, то есть, как говорят старшие, уважение, и спасибо ему. Чего это ты вытарачил глаза, словно проглотил баранью лопатку? Не знаешь родных обычаев?

— Знаю. Обычаи знаю. Но ты, врач, принял от больного взятку.

— Взятку так взятку,— согласился Мурадин, переставляя бутылку с коньяком.

— Это же не благородно, даже подло...— Хасан внимательно разглядывал Мурадина, словно только что поймал его на месте преступления.

— Ну это ты брось, юноша. Глупые шутки твои сейчас не к месту. Лучше сходи в магазин за конфетами... «Взятка!» Выдумал тоже...

— Как ты мог? Врач, исцелитель, к которому идут с надеждой и мольбой?

— Ну, насчет мольбы ты загнул. С требованием идут, с требованием. Я, конечно, ничего против этого не имею. Право больного требовать, обязанность лекаря — лечить, и будь здоров — в прямом и переносном.

— Врачи — это пророки, святые. Это самое чистое, благородное дело. Мурадин, ты что...

— Пророки, говоришь?— Мурадин поднял голову.— Оставь эти мелодраматические штучки.

— Ты — взяточник. Я бы мог как-то простить это кому-нибудь. Но ты — воплощение доброты, на тебя молятся, как на спасителя, считают ангелом в белом халате. Как же можно...— Хасан ходил вокруг стола и размахивал длинными руками. Мурадин смотрел на него, снисходительно улыбаясь. Наконец улыбка с лица доктора исчезла, и глаза его зло засверкали.

— Послушай, брось дурака валять. Я думал, ты шутишь, и терпел, как и все твои прочие глупые шутки. Ты

что, вчера родился или всю жизнь ходил с завязанными глазами? Тоже мне, доморощенный ангел, чистоплюй...

— Я не шучу. Ты, может быть, и вылечил того человека. Но ты же и в душу ему плюнул. Твой белый халат уже не белый. Пятен на нем ты не замечаешь. Может быть, у этого больного денег совсем мало. Может, он для самого себя не каждый праздник покупает индюка да еще эти дорогие бутылки.

— Хватит. Я не взяточник. Я ему не намекал, не просил. Я его оперировал бы так же аккуратно и в полную меру моих сил, как любого другого. Нам плохо работать не разрешается. Может быть, я сопротивлялся и не хотел брать. Но не идиот же я законченный, чтобы без конца торговаться с ними!

— Ты должен был ему объяснить, что это грязно и низко...

— Не злоупотребляй, Хасан, моим терпением. Лучше спроси у своего брата Магомета, который, как ты рассказывал, лучший хирург в вашем районе. Что он делает, когда после тяжелой операции пациент, уходя здоровым домой, делает какой-то жест, который, по-твоему, называется «взяткой»?

— Не трогай моего брата!— совсем вышел из себя Хасан.— Если бы он поступил, как ты... Я бы... я бы перестал его считать своим братом.

Мурадин подошел к Хасану и, видно было, что врач тоже начал выходить из себя:

— Тебе, юнец, легко рассуждать. Едва закончив школу, ты стал зарабатывать вдвое больше меня. А я шестнадцать с половиной лет учился— кровь из носа, тружусь с утра до вечера в сильнейшем нервном напряжении, по локти в крови и... Ты там покрутил баранку— и хвост по ветру!

— Покрутил бы сам. Еще не поздно переучиться. Я, конечно, понимаю, что не все и не сразу находят свое призвание. Но лекарем должен быть человек, у которого это призвание в собственной крови.

— Возможно, я и ошибся, полагая, что врачебная деятельность— это белый халат и чистенький кабинет-приемная,— вдруг ровно стал говорить Мурадин.— Но я свое дело делаю добросовестно и не поглядывая на часы. Но слишком много умников вроде тебя, которые полагают, что работа врача— одно сплошное удовольствие и больше ничего. Наверяд ли ты испытывал чувства, которые я испытывал, когда привезли ко мне молодого парня с перитонитом в безнадежной форме и он скончался у меня на глазах, прямо на операционном столе. Тебе ли это понять? И не

только тебе. А умничать — все мастера, — Мурадин уже не смотрел на Хасана. Говорил как бы сам с собой, размышлял вслух.

Хасан молчал. Он, казалось, даже пожалел о том, что испортил вечер другу-доктору, с которым до сих пор было так хорошо и весело. И вот проклятая эта взятка или дар, черт бы его побрал. Может, я и в самом деле зря затеял этот скандал, думал Хасан. А окажись на месте этого больного я сам? Конечно, даров сомнительного свойства я бы не стал делать. Но... может, я еще круглый дурак и слишком сгущаю краски. Может, этот больной в порыве, может, в самом искреннем порыве, не нашел ничего, кроме как подложить этого индюка с бутылками. И все же... нечисто. А вдруг он, этот больной, снова попадет в больницу — тогда уже подход и уход за ним окажется другой...

Хасан молча накинул пиджак и вышел на улицу. Он тихо брел по аллее, уже многолюдной и шумной, и пытался проследить весь этот конфликт с самого начала. Жалко было Мурадина. Он сейчас представлял доктора с мокрым лбом и воспаленными глазами за операционным столом, где решалось жить человеку или не жить. Он, Мурадин, стоял сгорбившись, с окровавленными руками. Да, это, пожалуй, не баранку крутить. Куда крутанул — туда машина и пошла. Вправо — вправо, влево — влево, нажал — остановил. Может, зря весь этот разговор. Может, ничего тут особенного? Подумаешь, возблагодарил его один несознательный тип... Да нет, брат. Один возблагодарил, другой. А третий — нет, не смог или знает, что это — грязно. Что тогда? А если такие подношения станут нормой жизни? Неписанным правилом? Ах, черт, что это я ломаю голову, как будто это мне решать! А кому решать?

Хасан добрел до стадиона. Ворота открыты. Зашел. Непривычная тишина для такого заведения. Хасан сел на скамейку и среди пустых трибун почувствовал себя совсем одиноким и маленьким.

Но грусть прошла. Хасан увидел, как юноша с девушкой примостились где-то там, наверху. Девушка положила голову парню на плечо, и так они сидели, глядя на желтую луну в ясном безоблачном небе. Хасан почувствовал зависть к этому парню. Но вспомнил, что такую зависть называют, кажется, белой. Белой, как платье этой девушки.

Будь здесь Галя, они с ней тоже могли сидеть здесь и вот так же молча смотреть на эту желтую и добрую луну. До утра бы сидели и молчали. Как мало надо для счастья. И как много.

А ссора с Мурадином все никак не выходила из головы.

Внутренне не соглашаясь с доводами врача, он сейчас его жалел. А себя укорял. И в самом деле, имел ли он право так грубо и жестоко обходиться с товарищем, которого уважал не только как старшего по возрасту. Вспомнил и тот неприятный разговор с дядей по поводу гостеприимства. Может, я слишком прямолинеен, подумал Хасан. Жизнь-то гораздо сложнее. А может быть, я сейчас ищу какой-нибудь компромисс с собственной совестью...

Юноша и девушка уже не смотрели на луну. Насмотрелись, наверное. Они уже целовались. Ну что ж, все правильно. Чего изучать эту луну, тем более без телескопа, когда кругом теплая ночь и во всем мире они видят только друг друга и больше никого.

Хасану стало неловко: вдруг они заметят его, третьего, совершенно лишнего на этом стадионе.

Третий должен уйти, решил Хасан, и тихо поплелся в сторону общежития. По дороге вспомнил, что он и в комнате — третий.

Он еще долго бродил по начавшей пустеть аллее. А в голове то ссора с Мурадином, то снова и снова Галя.

Хасан встретил в дверях комендантшу. В другой раз и другого она немедленно стала бы отчитывать за позднее возвращение. Но Хасана только ласково спросила:

— Что грустен, Хасанчик? Зазноба, что ли обидела?

— Да, обидела...

— А ты не волнуйся. Это они сначала так хорохорятся. А поди брось их да к другой — всю ночь подушку будут кусать. Знаю я бабий характер. Только попомни мое слово, нынешние девки — так те все больше гордых и дерзких любят. Не та сейчас романтика у любви. При всех случаях надо быть мужиком. Нежность и эту, как ее, сентиментальность не все принимают.

— Может, вы и правы... — согласился Хасан.

— А ты молод. Столько еще на твоем веку будет девок! И все разные...

— Нет, не будет! — грубоватым тоном ответил Хасан и, сухо попрощавшись, пошел в свою комнату.

Здесь было душно и надымлено. После свежего воздуха улицы смесь табачного дыма с ароматом недорогих духов показала Хасану особенно противной и какой-то давящей. В комнате сидели Азрет, Мурадин и две девушки.

— О, полуночник явился! Это ваш знаменитый Хасанчик? — высокая и красивая гостья положила сигарету и предложила Хасану свою рюмку: — Наказать юношу! Непременно наказать! — она была заметно навеселе. Хасану с первого взгляда показалось, что ей, этой привлекательной

девушке с золотистыми локонами и лучистыми глазами, даже шло легкое опьянение. Но глаза как раз и выдавали. Обрамленные длинными, наверно приклеенными, ресницами, глаза были усталы и невеселы.

— Для начала хоть познакомьтесь,— скучным голосом сказал Азрет.

Мурадин мрачно молчал. Кажется, он и не притрагивался к вину.

— Вот это — Хасан, это — Валя, а это — Галя,— представил Азрет.

— Галя? — переспросил Хасан.

— Ты что, знаешь ее? — спросил Мурадин.

— Нет, не знаю,— ответил Хасан. Он взял рюмку из тонких Галишых пальцев, окинул взглядом сидящих и... поставил рюмку на край стола.

— Весьма многозначительно,— сказал Азрет.

— Юноша снова преподает урок,— добавил Мурадин.

— Молодец, Хасанчик,— сказала красивая Галя и, как младенцу, сунула ему конфету в рот.— Сам не пьет и своих старших отучил. Надо же, еле вымолила у доктора пару глотков коньяка — все остальное из окна он вылил, на клумбу. Варвар! Между прочим, Хасан, я пришла в этот вигвам не из-за твоих друзей — старых, испорченных и потертых, а из-за тебя. Честное слово.

— Чтобы испортить и меня,— пошутил Хасан.

— Ну, мальчики, пора,— сказала серьезная Валя, и красивая Галя стала нехотя собираться. Она ловко обозрела себя в маленькое зеркальце, сделала штрих губной помадой, поправила кудряшку, свисавшую у виска и, взмахнув тяжелыми ресницами, сказала категорическим тоном:

— Меня провожает Хасан. Ясно?

Оказалось, что Валя жила на втором этаже «образцового общежития», а Галя в так называемом соцгородке.

Хасану не хотелось провожать. Ему хотелось спать. Но он не смел отказаться и пошел с Галей по темной аллее.

— Ты просто прелесть, Хасанчик! — сказала она, поцеловав его в щеку.

— «Львица-девица», вспомнил Хасан выражение Мурадина.

— А вот мы и дома,— сказала Галя, коснувшись пальчиком носа Хасана.— Ну, что остановился?

— Я пойду. Спокойной ночи.

— О господи, я боюсь темного подъезда.

На четвертом этаже Галя извлекла ключи из сумочки и открыла дверь.

— Спокойной ночи, Галя,— вежливо повторил Хасан.— Всего хорошего.

— Хасанчик! Что за глупости. Я до смерти хочу кофе, а одна пить не могу. Входи быстренько, а то все соседи уже, поди, прилипли к своим глазкам.— Она втокнула Хасана и закрыла дверь.— Посиди здесь, а я быстренько... Она быстро выхватила что-то из шкафа и вышла.

Это была уютная, со вкусом обставленная комната. Коврик над диваном, цветы на маленьком столике, аккуратная книжная полка. И какая-то диковинная маска над телевизором.

Хозяйка явилась грациозно неся подносик с кофейными чашечками. Теперь она была в пестром длинном халате с глубоким вырезом на груди.

— Не скучай, Хасанчик. Кофе будет подан через три минутки. Я, кажется, чуточку опьянела, но ты, надеюсь, простишь...

Она села в кресло и закурила. Потом встала, погасила люстру и включила торшер. Она сидела, закинув ногу на ногу, и локоть ее касался руки Хасана. И кофе был подан и коньяк, и Хасан опять отказался выпить рюмку. Он смотрел на эту красивую девушку лет двадцати трех и не мог понять, почему она до сих пор одна. Спрашивать не решался.

— Может, потанцуем?— Галя встала и, открыв секретер, включила музыку.

— Танцор из меня, прямо скажем...

— Не беда. Теперь танцуют все, кто мало-мальски может передвигаться на ногах.

Она была ростом почти с Хасана. Галя, напевая мелодию танца, опустила голову на плечо Хасана, и ее золотисто-рыжие волосы коснулись его щеки. Запах волос, музыка, голос хозяйки дома... Хасан чувствовал, как стала кружиться голова и гулко стучать сердце.

Вдруг «львица-девица» повалила юношу на диван и стала неистово целовать. Хасан захлебывался от ее горячего дыхания, но не имел сил вырваться из цепких объятий.

— Родненький мой, я давно заприметила тебя... ну что ты... так холоден ко мне... Хасанчик...

— Галя! Галя!— повторял Хасан и та, другая Галя зримо возникла перед его глазами. Та, с глазами-сливами и единственной в мире улыбкой.

Хасан аккуратно оторвал, вернее, отделил от себя новую знакомую, поднялся с дивана и отошел к окну.

— Не надо. У тебя... у тебя имя такое. Я знаю только

одну Галю... прости, ты очень хорошая и красивая. Но так случилось... Я очень ее люблю, мою Галю. Так что...

— Ты мужчина или...— стала приходить в себя «львица-девица».

— Мужчина, мужчина, не сомневайся. Но я люблю ее, понимаешь ты, дуреха. Прости, пожалуйста. Я не виню тебя ни в чем. Но сейчас я еще больше понял, что не могу без нее. Я бы после не смог к ней подойти. Понимаешь?

— Господи, а я-то думала, что таких уже больше нет. Скажешь — не поверят,— Галя застегнула пуговицу на халате и стала поправлять волосы.— Господи, откуда ты взялся на мою голову...— Она подошла к Хасану и, не смея смотреть в глаза, сказала: — Можешь думать обо мне что угодно. Мне остается только завидовать ей. Пусть ей повезет. Она не виновата. Прости, Хасан. И постарайся меня не осуждать. Впрочем, это твое дело.— Она поцеловала Хасана в щеку.— Бог с тобой. А я и вправду думала, что перевелись такие.

— Не надо, Галя. Ты так молода и чертовски красива. У тебя должна быть красивая, ослепительная, я бы сказал, жизнь. Не надо тебе мужчин. Пусть будет один. Он будет счастливым человеком.

— Говори, говори... Был такой. Счастливый. Господи, зачем я опять его вспомнила?

— Не было, Галя, у тебя никого. Только будет. А я пойду. Хорошо? Я честно, от души желаю тебе счастья. Не на один вечер. На всю жизнь. Честное слово, я верю в это. Поверь и ты.

Она стояла, облокотившись о шкаф. Потом, подняв свою красивую голову, проглотив подкатившийся к горлу комок, тихо сказала:

— Ладно, Хасан, иди. Спасибо тебе. Иди. Что стоишь?

— Прощай, то есть до свидания. Спокойной ночи, Галя. Я пойду.

Хасан вышел в прохладную ночь. Та же луна, но с другой стороны неба, густой рой мерцающих звезд на безоблачном небе.

Ну и денек! Хасан был доволен собой. Кто там сказал о главной победе — победе над собой? Ну и денек...

СЛУЧАЙ НА КАРЬЕРЕ

День был как день. Как и много других осенних будничных дней. Несмотря на мелкий дождь, зарядивший с самого утра и, похоже, надолго, работа на карьере шла в обычном темпе. Самосвалы-гиганты один за другим подходили к экскаваторам и, нагрузившись, выворачивали на дорогу к отвалам.

Шли вскрышные работы. Пустая порода залежала на участке мощным слоем: было известно, что придется еще долго перетаскивать этот бесполезный грунт, пока не обнаружится рудное тело.

Хасан подъехал к экскаватору, но замешкался и услышал сзади голос Миши:

— Хасанчик, что там у тебя?

— Ничего особенного! Сейчас отъеду.

— Нажимай, дорогой, а то старички на пятки наступают. Обгонят — со свету сживут своими подначками.

— Ничего, нашим ветеранам проиграть не стыдно! — сказал Хасан. — А где наш юный Муталиф?

— Это и я у тебя хотел спросить. Где-то застрял он, что ли? Увидишь — скажи, пусть пошевеливается. От него тоже зависит и план, и все последствия.

— Хорошо! — сказал Хасан.

Несмотря на скверную, всеми проклинаемую погоду, настроение было приподнятое: Хасан получил от Гали первое письмо. Письмо как письмо, ничего, на первый взгляд, необычного, и говорилось о вещах обыденных, зато заканчивалось оно просто замечательно. Галя приглашала Хасана съездить в Пятигорск. Просто так. Погулять. Он даже не стал себе задавать вопроса, почему именно в Пятигорск? До субботы, правда, оставалось еще целых два дня, но эти длинные дни можно было прожить в сладостном предвкушении исполняющейся мечты. С самого утра неотвязно завладела памятью мелодия незатейливой песенки «По горным дорогам». Хасан то и дело ловил себя на том, что начинает непроизвольно петь вслух ее известные слова:

По го-орным дорогам,
По го-орным дорогам
Спешите на свадьбу мою...

«Дворники» отметают капельки, густо облепившие стекло. Хасану кажется, что они, эти «дворники», порядком

устали и скользят уже с трудом, нехотя, со скрипом. До конца смены оставалось менее часа, и Хасан стал думать о вечере, о Мурадине, об Азрете, который со своей бригадой скоро пойдет на побитие рекорда скоростной проходки. Но больше думал Хасан о письме, и безотчетная тревога нет-нет да и перехватывала дыхание. А вдруг передумает, а вдруг... мало ли какие могут быть «вдруг»...

Подъезжая к отвалу, Хасан еще издали заметил чью-то темную сиротливую фигурку. Кто-то сидел, съжившись, на камне у самого края обрыва и, обхватив руками голову, не то плакал, не то дремал. Подъехав ближе, Хасан узнал Муталифа.

Это был совсем юный, моложе, наверное, даже Хасана, водитель-новичок. Не прошло и полугода как Муталиф, успешно пересдав на первый класс, перевелся на карьер строительного управления. Парень скоро стал всеобщим любимцем. Но дружил больше с Хасаном. И это понятно: говорили — рыбак рыбака...

— Ты что, Муталиф?..— с тревогой в голосе спросил Хасан, подойдя к парню.

Муталиф повернул голову, но ничего не ответил. Он был бледен и, казалось, крайне напуган.

— Где твоя машина?

— Там,— указал Муталиф,— в пропасти. Полетела туда...— и вновь обхватил голову руками.

— Ты что мелешь, друг дорогой?!— Хасан схватил юношу за плечи и потащил в сторону своей машины.— Что произошло?

— Туда упала,— сквозь слезы выговорил Муталиф и отвернулся.

Случилось то, чего не случалось со дня открытия карьера. Молодой водитель, как и обычно, подал свой грузовик назад, к краю отвала, и вдруг в момент подъема кузова обнаружил, что, несмотря на то что тормоза были вроде исправны, машина тихо поползла в сторону пропасти. Муталиф судорожно надавил на тормозную педаль и снова рванул ручной тормоз, который и так был достаточно затянут, но неуклюжая громадина уже ухнула задними колесами с обрыва и продолжала, задрав нос, сползать дальше. Муталиф мигом выпрыгнул из кабины и... стал свидетелем жуткой картины. Самосвал, громыхая, полетел вниз, задев отвесные утесы и опрокидываясь, как игрушечный автомобильчик. Муталиф на мгновение подумал, что широкий скальный карниз пониже остановит машину. Но под самым ударом многотонной груды металла был сокрушен каменный уступ, а у машины оторвалось одно колесо, потом

кузов, и, уже не останавливаясь до самого дна глухого каньона, уменьшаясь в размерах, неистово стуча и кувыряясь, разваливаясь на части, погибал на глазах своего молодого хозяина могучий самосвал...

Хасан и не пытался утешить Муталифа, который находился в том тяжком состоянии, когда беда, растерянность и безнадежность разом потрясают душу. И тут Хасан, словно что-то вспомнив, бросился к Муталифу и стал его обнимать и хлопать по спине:

— Братишка, дорогой! Ведь сам-то ты живой, ну машина — что поделаешь... Но сам-то ведь тоже мог туда... Ты живой, черт возьми, это такое счастье, братишка! Ну, не кисни, ведь могло быть в тысячу раз хуже, в миллион раз!

Хасан тормозил Муталифа, колотил его по плечу, словно тот собирался сейчас же уснуть или умереть. Со стороны было похоже, что не машина обрушилась в пропасть, а великое счастье обрушилось на головы молодых парней.

— Клянусь, ты курманлык должен устроить? Есть у родственников бараны или хотя бы индюки? Если нет — купим. Великолепный курманлык сотворим в честь того, что ты уцелел. А машина... жаль машину, но сколько их стоит никому не нужных, бесколесных, ржавеющих под дождем! Железо одно. Металлолом. Главное — ты живой, черт возьми!

Хасан без усталости суетился вокруг Муталифа, и тот, в самом деле, начал было приходить в себя, даже слабо улыбнулся. Но скоро он снова впал в уныние. Ведь так ужасна была картина аварии!

На собрание водителей приехали новый начальник карьера и секретарь парткома комбината.

Секретарь парткома, хотя и относительно молод, пользовался давней и доброй славой. Бывший бригадир скоропроходческой бригады горняков считался, как говорили, «из наших». Хотя иные и ворчали, что он якобы приобрел «начальственную» осанку и уж слишком солидную манеру поведения. Может, ему кто-то завидовал, а может, большая власть и на самом деле способна внести заметные изменения в горняцкий характер.

Хасан как член комбинатского комитета комсомола с ним встречался нередко. И каждый раз Залимгерий — секретарь самой высокогорной партийной организации — с ним говорил как с близким товарищем и даже как с давнишним и равноправным другом. «Игра в демократию», думал вначале Хасан, хотя ему было приятно вот так, запросто беседовать с большим партийным руководителем — Залим-

герием Унажиковым. Этот по-спортивному худощавый, интеллигентного вида мужчина лет под сорок нравился Хасану еще и не по годам спокойными и умными речами. И речи его не были внешне эффектными, не давили на слушателей, не «играли на публику». Короче говоря, как замечали водители-«старички», мужик хоть и молод, но голова, хоть не так уже прост, но все-таки свой.

Новый начальник карьера, Николай Митрофанович, которого с чьей-то легкой руки стали называть Митрофанычем, а то и просто Митранычем, был человек крутого нрава. Ценил превыше всего дисциплину: при каждом удобном случае утверждал, что причина всех бед — это расхлябанность и разгильдяйство. И наоборот — основа успеха — деловитость и собранность. С ним никто не спорил.

По праздникам он надевал пиджак с четырьмя рядами орденов колодок и был еще серьезнее, чем в будни.

И все же этот мрачный мужчина, на лице которого даже самая сдержанная улыбка выглядела неуместной, пока еще не снискал особой популярности среди «карьеристов».

Контакт, душевный контакт с нами нужен, а не окрики и грубые придирки, даже если они справедливые, заметил как-то Хасан по своей резонерской склонности: очень уж сильную взбучку устранивал Митрофаныч Зауру перед смелой.

Начальник резко повернулся к Хасану. Измерил его недобрый взглядом.

— Я до тебя доберусь, философ. Ишь ты, «душевный контакт».

— Я не философ. Всего лишь водитель самосвала. Если позволите.

— Это еще надо проверить, какой водитель. Видали его?!

Но Хасан не стал дальше пререкаться с Митрофанычем и удалился, махнув ободряюще рукой Зауру.

...На собрании Митрофаныч сидел за столом с видом прокурора и, нахмутив брови, сверлил взглядом юного Муталифа — «именинника» этого собрания.

Получив слово, начальник высокогорным грифом накинулся на и без того несчастного парня. Митрофаныч яростно доказывал, в какую копейку стране обходится каждая машина. Муталиф в его обличительной речи скоро предстал уже не как водитель, а чуть ли не диверсант, в задачу которого входит истребление дорогостоящей техники. А если это и не сознательно, заметил Митрофаныч, обнаружив, что слишком загнул, так это от никомудышной дисциплины, не-

соблюдения правил техники безопасности, от поведения на уровне хулиганства.

Муталиф сидел совсем согнувшись, и было видно, что он вот-вот разрыдается.

— Страна доверила вам первоклассную технику,— продолжал Митрофаныч,— кровью и потом созданную...

— Это уже демагогия,— сказал Хасан, сидевший в первом ряду с Зауром.

— Что ты там бурчишь, Дадашев?— обратился Митрофаныч к Хасану.— Может, отсюда скажешь свое мнение, чтобы все слышали?

— Скажу, если позволите!— Хасан встал и не спеша подошел к столу президиума. Посмотрел сначала на Муталифа, вид которого напоминал терзаемого угрызениями совести преступника на скамье подсудимых. Потом перевел взгляд на Митрофаныча и Залимгерия.

— У Муталифа не одна вина, а целых две,— начал Хасан.

В зале зашушукались. Все ожидали, что Дадашев будет на стороне несчастного Муталифа. Что с Хасаном?

— Первая, что согласился работать на машине с совершенно лысой резиной. У нас такой порядок: новая резина — передовикам да ветеранам. А молодежь обойдется. Хотя план для всех одинаков, для всех — закон. Вторая вина в том, что он, Муталиф, сам не полетел в пропасть вместе с машиной.

— Что ты хочешь этим сказать?— прервал его Митрофаныч.

— Сначала хочу спросить. Мы знаем вас, дорогой начальник, как геройского танкиста, гордимся вами...

— Я тебе не барышня и комплименты свои брось,— перебил Митрофаныч.— Ближе к делу!

— О вас рассказывали, как вы покинули горящий танк, а потом на новом продолжили сражение. Сильно вас поругали за то, что вы покинули горящий танк, а не остались в нем?

— Ты мне тут божий дар с яичницей не путай? — начал бушевать Митрофаныч.— Будь такие, как ты, на моем месте в тот момент, в штаны наложили бы. Это вы здесь мастера философствовать.

По залу прошелестел смехок.

— Нет, Митрофаныч, не наложили бы,— серьезно сказал Хасан.— Я согласен с вами, что и дисциплина хромает у нас, и с техникой безопасности нелады. Но как член комсомольского комитета требую, чтобы и вы и все, кого это касается, употребляли свою энергию и авторитет для того,

чтобы обеспечить машины запасными скатами. Мы не по асфальту ходим. Каждая восьмая машина нашего парка стоит босая под дождем и снегом. Не это ли больше похоже на вредительство? Да, мы выполняем планы. Но какой ценой! Душу вытряхиваем из техники. Из себя тоже...

Митрофаныч побагровел, даже привстал, но секретарь парткома его усадил и что-то шепнул на ухо. А Хасан все говорил, и из зала громко раздавались крики одобрения.

— Ты был как молодой бог,— сказал Заур, хлопнув Хасана по плечу.— Но учти, старика обидел. Не надо было так резко.

Выступающие поддержали Хасана. На некоторое время даже забыли о молодом Муталифе, который теперь заметно воспрянул духом и распрямил спину.

Потом говорил секретарь парткома Унажоков.

Нет, не слишком-то страстной была его речь. Зато чувствовалось, что он знает цену своему слову. Он не стал, сломя голову, бросаться в бой, как Хасан. Но по всему чувствовалось, что секретарь явно уважительно отнесся к заботам и тревогам комсомольцев-водителей.

— Должен вам сказать,— закончил он свое слово,— партком одобряет заинтересованное отношение к делу нашего уважаемого Николая Митрофановича, который вполне принципиально и справедливо ставит высокую дисциплину во главу угла. Но, дорогие комсомольцы, даже самая справедливая критика остается пустым звуком, если не будет самого активного участия молодых в насущных вопросах карьера. А что касается молодого водителя, я думаю, будет справедливым дать ему новый самосвал и хорошенько... попросить, чтобы впредь «не ронял» технику в ущелье.

На этом и закончилось это бурное собрание.

— Знаешь, Заур, мне кажется, я чересчур дерзил в адрес Митрофаныча,— сказал Хасан.

— Было немного. Не без того. Можно было со стариком тоном пониже. Какой ни есть, но бывалый и справедливый дядька. Хотя методы и стиль, как говорят, смахивают на казарменные...

Рассказ девятнадцатый

«И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ»

— Ты даже представить себе не можешь, как я счастлив!— Хасан рассматривал Галю, словно после вековой разлуки. А она стояла возле автобуса в синем плаще, в си-

нем берете, и слабый ветер теребил ее черные волосы, ниспадающие на плечи.

— Хасан, прошу тебя: поубавь эти опасные восторги.

— Почему «опасные»?— спросил Хасан.

— Не забудь, что мы находимся в моем городе, где очень много моих родственников и знакомых.

— Ну и что же?

Галя вдруг засмеялась.

— Чего ты смеешься?— удивился Хасан и стал смотреть по сторонам.

— Я вспомнила любимую фразу мамы. Это: «мужчины глупы от рождения. Но они потому еще мужчины, что неисправимые эгоисты».

— Да, нелегко живется твоему папе, если в его доме принята этакая философия. А почему ты об этом вспомнила?

— Ты напомнил. Знаешь, сейчас в нашем городке теперь скучный сезон. Никаких новостей. А знакомая девушка, укатившая с незнакомым парнем в сторону Пятигорска... Не бог весть какая новость, но для разговоров хотя бы на один вечер — достаточная вполне. При мало-мальски развитой фантазии — это уже пища.

Они сели в автобус, и, когда машина тронулась, Хасан сказал:

— Прости, пожалуйста, «глупого от рождения», но эгоистом он быть не согласен. Я понял, чего ты опасешься. Однако для местных сплетниц я бы придумал нечто более интересное...

— Например, поездку в Индию? Этого хватило бы, пожалуй, и на неделю для всех моих знакомых. А для родственников — и подольше.

— Тогда считай, что ты моя пленница. Дорогая бесценная пленница.

Галя покраснела и повернулась к окну.

— Смотри, мы едем, а горы медленно ползут за нами...

Хасан наклонился, а Галя, повернувшись, задела щекой его щеку и откинулась на спинку кресла. Она смотрела в окно, но Хасан заметил, как задрожали ее ресницы.

— Да, похоже,— сказал он, положив ладонь на холодную руку Гали.— Горы будто движутся в медленном танце. Только без музыки... А рука почему-то холодная.

— От страха, наверное,— шепнула Галя,— кто знает, что на уме у мужчин.

— Даже если они глупы от рождения?

— И еще злопамятны и обидчивы.

— Ошиблась. Один из этих глупцов просто счастлив и

благодарен. Ты рядом на целое мгновение длиною в день.

— Красиво,— заметила Галя.

А Хасан смотрел на ее профиль. На почти русский вздернутый носик, почему-то немного смешные пухлые губы и смуглую шею.

...Хасан давно полюбил этот город у подножья Машука. Здесь было причудливое смешение самых разных архитектурных стилей. Некогда, сотню лет назад, построенные с большой претензией на солидность, небольшие дома, сейчас выглядели забавно из-за соседства с высотными стококонными красавцами, снисходительно глядевшими поверх крутоскатных черепичных крыш, подновленных и подкрашенных кирпичных заборов и арок с причудливыми изгибами. Трамвайные звонки, правда, напоминали этим гордым красавцам, что старина еще жива и не утратила своей прелести.

Хасан и Галя прокатились на неторопливом транспорте до Цветника и оказались в самой гуще многоцветной, мюголикой и очень веселой толпы.

— Мне нравится со стороны смотреть на отдыхающих людей, а тебе?— спросил Хасан.

— Мне тоже. Они все кажутся большими детьми. Я это заметила еще в Нальчике.

— Люди больше похожи сами на себя, именно когда отдыхают. Они не прикованы к производственным рамкам, которые требуют от одного — солидности, от другого — собранности, от третьего — осторожности. Да здравствует курорт, где все люди — дети! Смотри, во-он на того с мощной шеей и царственной походкой. Непременно директор завода.

— Вот и ошибся,— шепнула Галя.— На руки посмотри — большие и загорелые. Кузнец или даже тракторист.

— А дама что рядом? Отгадай ее профессию.

— Попробую. Так... Внимательный, почти ласковый взгляд. Очень опрятна, со вкусом одета. Интеллигентна.

— Ну и приметы! По ним немного угадаешь...

— Погоди. Обрати внимание на характерные жесты, походку. Учительница.

— А по-моему, драматическая актриса,— решил Хасан.— Давай обгоним и ближе рассмотрим. Только незаметно.

Когда Хасан и Галя приблизились, незнакомка случайно перехватила уж очень любопытные взгляды молодых и, улыбнувшись им, продолжила разговор со своим собеседником. На груди ее блестел знак летчика-испытателя.

— Ну и ну,— сказала Галя,— такое только на курорте и увидишь... А все же ты проиграл.

— Так не учительница же!

— Она «учит летать самолеты». А ты — «драматическая актриса». Покупай две порции «пломбира» с изюмом и двойным сиропом. Вот и кафе рядом.

— Что ж, я согласен. Уютное кафе. Вообще тебе повезло. Я буду каждое утро приносить тебе мороженое в постель.

— Смотрите на него! Ну и самоуверенность! Кстати, в постель, говорят, подают кофе, а не мороженое. Я бы возненавидела мужчину, который вообще встает раньше жены. И заискивает перед нею.

— Вам не угодить. Может, ты против равноправия мужчин и женщин? Даже если кто-то из женщин летчик-испытатель?

— Я против того равноправия, при котором муж хозяйничает на кухне или стирает наволочки. Пусть он будет немножко выше своей жены, умнее, сильнее, образованнее. Пусть будет даже, как бы сказать... властелином.

— Ого! Я не узнаю тебя, Галя. Это у тебя от холодного мороженого.

— Я ведь вижу, как у нас дома. Мама много говорит, спорит, доказывает. Но чаще всего дело решается именно так, как скажет мой немногословный отец. И все же это не значит, что он не любит ее. Что прекрасней невысказанной, ненавязчивой любви горца! Помню, заболела мама. Он ходил в больницу каждый день. Я видела, как он переживал. Как радовался, когда маму выписали. И все это было лучше тысячи раз повторяемого «люблю».

— Может, ты и права. Но так или иначе я сейчас закажу шампанское и провозглашу тост за мужчин, за их все-силы и господское положение.

— Я не люблю вина.

— Это мне решать, кто что любит. Мы будем пить шампанское, а вы, женщина, извольте слушаться и повиноваться. И в самом деле, от равноправия один разброд и неразбериха. Шампанского и шоколада! — Хасан так громко говорил, что его слышали и за соседними столиками.

— Ты переигрываешь, Хасан! — предостерегла Галя.

— О женщина, вы позволили себе сделать мне замечание! — нахмурил брови Хасан.

— Успокойся, Хасан. Мы же говорим о правах мужчин и женщин в семейном плане.

— Я это понимаю в более широком э... аспекте. А вы возьмите ваш бокал и радуйтесь жизни. Я добр, щедр, великодушен. Пользуйтесь этим.

— О мой повелитель, я рада принять бокал из вашей сильной руки,— шепнула Галя.

— Так бы и давно,— сурово ответил Хасан.— Ну что, получается!

— Мне даже стало страшновато.

— Ну вот, опять не угодил...

Косые лучи солнца освещают узкие улицы старого города. Прогромыхал очередной трамвай. На остановке остался только юноша с цветами в руках. Он держит цветы почему-то за спиной и с гордым видом вышагивает по площадке, поглядывая на часы — то на свои, то на те, которые висят на металлическом столбе... Но она не пришла — прибежала. Вся — сиянье, радость, юное ликование и, видимо, объяснения по поводу опоздания. Но юноша не слышит ее. Он неловко вручает цветы, и от былой мрачности — ни следа.

Хасан и Галя пошли по тенистой аллее. Потом свернули на уютную и тихую площадку, в глубине которой стоял бронзовый бюст мятежного поэта. Хасан здесь бывал и раньше. И каждый раз гордый лик поэта виделся ему как-то по-новому.

В стороне от людской суеты, в тени могучих деревьев Лермонтов казался порой задумчиво-грустным, порой мечтательно-нежным. Взгляд его был устремлен туда, «где за тучей белеет гора», в сторону вершинных снегов, воспетых им, одушевленных поэтическим словом человека, родившегося вдали от гор Кавказа.

...Что же мне так горестно, так трудно,

Жду ль чего, жалею ли о чем,—

продекламировала Галя, не отводя взгляда от человека, который так полюбил ее родину и гордо встретил смерть на земле ее предков.

— Как живой,— прошептала Галя.— Кажется, я слышу его голос. Он печален...

— Скорее гневен,— Хасан видел, как закатные лучи коснулись широкого лба поэта, и лицо Лермонтова приобрело уже иной вид.

— Ну что ему стоило в тот страшный вечер сказать Мартынову «нет, не буду стреляться. Я так молод и еще так много предстоит сделать».

— Нет, не мог он этого сказать. Это был бы уже другой Лермонтов. Совсем другой...

«В небесах торжественно и чудно...». А роковая пуля в пистолете Мартынова уже наготове...

«Спит луна в сиянье голубом...» А гордую грудь поэта заливают кровь его мятежного сердца...

Хасан и Галя шли молча. И все казалось им в небесах торжественным и чудным. Поэт подарил им небеса именно такими. А вскоре и «звезда с звездой» заговорила...

Машук, эта гигантская зеленая пирамида, в вечернем небе, казался огромным медведем, который после суетного дня, наконец, прилег отдохнуть. То там, то здесь на его склонах загорались огни. А первой вспыхнула звездочка света на самой его вершине.

Маршрутный автобус, нутужно ворча, преодолел подъем, и вдали показалась фиолетовая гряда Главного Кавказского хребта.

Галя положила голову Хасану на плечо. А он беззвучно целовал ее волосы. Он был счастлив. Его сильное плечо было опорой для той, которую он любил, без которой он уже никак не представлял своей жизни, своего высокого счастья.

Рассказ двадцатый

КАК ВАЖНО «ВОВРЕМЯ УЙТИ»

— Здравствуй, солнцеподобная, ликом своим лучезарным ослепляющая несчастных правоверных! Как поживаешь, хранительница порядка и очередности в священном директорском предбаннике?— приветствовал Хасан секретаршу директора совхоза, «дяди Хамзата».— Э, да ты, я вижу, успела отчекрыжить свои медовые косы, некогда помутившие мой ум...

— Спасибо, юноша, но твои слащавые комплименты, как всегда, начинаются с халвы и так несносно заканчиваются перекишим тузлуком,— отвечала «солнцеподобная».— Но я на тебя, сам знаешь, не могу обидеться. Грех на таких обижаться.

— Постой-постой, лунолика, ты очень хорошо сделала, укоротив свои тяжеленные хотя и очаровательные косы. Просто замечательно! Я вижу перед собой, правоверные, саму Одри Хёлберн в кавказском исполнении...

— Ну хорошо-хорошо,— сказала секретарша, обозревая только что покрашенные ногти. Затем встала и отвесила Хасану церемонный поклон, подняв на него взор черных с волококой глаз, похожих на глаза годовалого теленка.— А ты, Хасанчик, уже того, возмужал, в плечах раздался, стал настоящим джигитом, клянусь единственным братом. Ты ли это, бывший Хасанчик, тот самый, подобный некогда недожаренному лакуму?

— Это ты, сестрица, конечно, загнула. Никогда я таким не был. Но я не обижаюсь на тебя. Грех на таких обижаться.

— Нет-нет, передо мной настоящий джигит с обликом неистового абрека. Клянусь единственным братом. Хасанчик, милый, век не забуду твоей доброты, если найдешь мне в вашем городе хорошую, чистую, солидную, не очень утомительную и, конечно, денежную работу. Ты же знаешь, чего мне надо? Культурной жизни мне надо!

— Знаю, сестричка, знаю, в чем еще немало ты нуждаешься. Клянусь твоим единственным братом.

— Точно! Ты такой понятливый и умный. А этот новый такой придирчивый, такой занудливый, просто житья нет. Помню золотые времена при твоём дядюшке. Вот была жизнь! Уважение... Доброта...

— Что ты, о чем ты говоришь? О каком «новом» ты говоришь, куда вы дели моего любимого дядю? Что с ним случилось?

Хасан бросился к черной дерматиновой двери, но секретарша оказалась более проворной и преградила ему путь.

— Постой-постой, друг мой сердечный! Отошли те времена, когда ты мог входить сюда так же просто и свободно, как в отцовский двор. Теперь все иначе. Я выберу момент, доложу о тебе. А ты посиди там на стульчике.

— Хватит морочить голову! Скажи, где мой дядя? Что с ним стряслось?— начал нервничать Хасан.

— Твой дядя, Хасанчик, теперь бригадир. А здесь — другой дядя. И он директор. А дядя Хамзат теперь командует огородами. И, кажется, совсем об этом не жалеет.

— А за что его выгнали?

— Вот и ты туда же! Заладили все: за что выгнали, за что выгнали! Да поймите вы: никто его не выгонял. Сам ушел. По своей доброй воле. Более того — настоятельной просьбе. По райкомам, райисполкомам ходил. Просил, угваривал. Неужели это первый в мире случай, когда директор сам, добровольно переходит в бригадиры? Я понимаю, с такой должности чаще выгоняют или повышают. Но, — девушка так возмущалась, что Хасан решил дальше ее не мучать, пойти к дяде Хамзату домой и самому узнать из первых рук, что мол и как.

Почему же ему дома ничего не сказали? Думали, наверно, сам знает? Но ведь Долина Ветров — это не Состар, и сельские новости туда не так скоро доходят.

«Бригадира огородниц» дома еще не было. Жена его радушно встретила Хасана, усадила дорогого гостя и нача-

ла суетиться вокруг стола, чтобы достойным образом угостить любимого племянника мужа.

— Дорогая невестка, оставь свои хлопоты и скажи, где до сих пор гуляет бывший директор?

— Да должен, пожалуй, скоро прийти, — неуверенно ответила она. — Правда, часто задерживается. Нет ему покоя и на новой работе. Думает, что еще молод, совсем мальчишка — заботиться о своем здоровье еще рано. А врачи-то ведь не зря предупреждали, чтобы берег свое немолодое сердце.

Наконец, у веранды дома раздалось знакомое кряхтение. Лицо новоявленного бригадира было чем-то озабоченно. Но, увидев любимого племянника, Хамзат шумно оживился и засиял, что солнце, выглянувшее из-за облаков. Весело и торжественно поздоровался.

— Здравствуй, друг ты мой, рабочий класс! Как поживаешь, славный могильщик мирового капитализма? Что-то я не обнаружил в газетах вдохновенного рассказа о трудовых подвигах Хасана Дадашева.

— Скоро обнаружите. Пишется тот очерк. Но кому как не тебе, тамада, знать, что я не из тех, кто ищет славы. Пусть она сама меня поищет.

— Молодец, джигит, молодец. Вижу, ты твердо стоишь на своих позициях, — хитро улыбнулся Хамзат.

— Я-то своих позиций не уступаю, но у вас тут, говорят, произошла смена кабинета и директор был вынужден освободить свое любимое кресло? Информация получена из достоверных источников. Что же случилось, дядюшка? Если это не повредит твоему престижу, поделись тайной.

Но дядюшка крутил головой, беззвучно смеялся и отвечать на вопрос не хотел. Он явно пытался уйти от нежелательной темы.

— Значит, сокрушаем вековые скалы и из недр извлекаем, как у вас называют «звездный металл»? Хорошо и интересно у вас. Взорвал — эффект. Погрузил и выгрузил — тоже грохот, тоже эффект. И все видно, как на ладони. И всех видно. Трудяга ты или лапша переваренная. Все у вас ясно и просто.

— Это, дядюшка, со стороны так «просто». Но могу я все же спросить, почему некоторым товарищам надоедает руководить хорошим совхозом? Просторный кабинет с полированными столами и мягкими креслами, автомобиль с полированными опять же боками и мягкими тоже сиденьями — так и быть, посчитаем пустым тщеславием. Но родное хозяйство... Или кое-кто решил удивить мир — смотрите, правоверные, какой я чудной!

— Глупый ты, юноша, глупый,— вздохнул бывший директор.— Никого я не собирался удивлять. И вообще, думаю, сейчас не так-то легко удивить мир. Скорее, я сам удивился. Никак не ожидал, честное слово, что слова «выгнали», «убрали», «спихнули» пристанут к моему имени, как репей к хвосту одного благородного животного. Я, конечно, понимал, что мое решение кого-то заинтригует. Но не более того. Однако эффект превзошел все мои ожидания. Вот видишь, эффекты случаются и в нашей тихой сельской жизни.

— Я тоже в стане сильно заинтригованных. Вернее сказать — потрясенных. Многие мне неясно...

— Трудно, юноша, объяснить это двумя словами.— Старейший Хамзат нахмурился, положил тяжелые руки на стол и стал их внимательно разглядывать, словно они должны были помочь ему ответить на нелегкий вопрос. Подумав, он резко вскинул голову и в упор посмотрел на Хасана.— Я скажу, а ты постарайся внимательно выслушать мои слова. Кто знает, может, через много лет они тебе вспомнятся. Друг мой, Хасанчик, очень важно, чрезвычайно важно — уйти вовремя. Нельзя ждать, пока тебя начнут подталкивать в спину. Уйти добровольно, сохранив достоинство. Даже не столько уйти, сколько уступить. Это совсем не просто, но необходимо — и для себя, и для своего окружения. Надо вовремя определить, когда арба следующего за тобой пошла быстрее, а твоя мешает ей, занимая колею. Его конь грызет удила, а твоя рабочая лошадь, хотя и тянет еще неплохо, но подумывает, как бы ей передохнуть, да травки у обочины пощипать...

— Значит, чувствуешь затылком горячее дыхание перепеливого соперника?

— Не соперника, а преемника. И чувствует это не каждый, хотя тут нет ничего сложного. Надо просто не переоценивать себя. И если ты руководитель, то должен знать и помнить, что рядом со словами «мудрость и опыт» соседствуют слова «молодой задор и энергия», «инициатива, энтузиазм, обостренное чувство нового». Я, друг мой, немало сил потратил, чтобы совхоз наш встал в число, как говорится, передовых. За успехи хвалили передовиков, за огрехи — поколачивали меня. Но главное — шли вперед. Иногда и спотыкаясь.

— Но ты же, тамада, еще не устал. Разве нет руководителей значительно старше и... как бы сказать, менее незаменимых, чем ты?

— Как ты не хочешь понять! — махнул рукой Хамзат.— Впрочем, объясню тебе все на живом, как говорится, при-

мере. В городе недавно провожали на пенсию весьма влиятельного и высокопоставленного товарища, которому уже было недалеко до семидесяти. Так, мол, сказали, и так, отдыхай, дорогой товарищ, парковым озоном дыши, с внуками играй, санатории посещай, продолжай жить дальше. Сохранили ему ряд завидных привилегий, дабы адаптация проходила без резких поворотов. А он, разнесчастный, вдруг как взбунтуется, как занервничает, да как пошел письма в высшие инстанции сочинять! И все чтобы оставили его на месте, в пасиженном и привычно-нежном кресле, в родном кабинете с кондиционером, при сердцу близком автомобиле с верным шофером. Болезненные и другие факторы. Например, человеку, многие годы привыкшему сидеть в лучезарном президиуме, предстояло теперь тихо опуститься в домашнее кресло. Это было для него так же мучительно, как неловко знатному джигиту пересаживаться с чистокровного скакуна на, извините, того ушастого, который и статью не вышел, а уж резвостью никогда не блистал. И чем все эти демарши кончились? А тем, что неосмотрительно возмущенный товарищ потерял уважение, с таким трудом нажитое за долгие годы.

— Зыбкое, видно, было уважение,— решил Хасан.— Слыхал я про этот невеселый случай. И до нашего городка дошла эта история. Ясное дело, высокопоставленному товарищу пришлось туговато. Столько лет сотни людей здороваются с тобой, подчеркивая твой недостижимый авторитет, и вдруг — на тебе: «Ступай-ка, милый, домой, смотри «В мире животных», попивай чаек. Да не сильно крепкий, а то не сможешь потом спать». Незавидная, что бы там ни говорили, участь!

— В чем-то ты прав, Хасан,— сказал Хамзат, задумчиво вздохнув.— А я вспоминаю давно минувшие годы. Когда в селе нашем был один-единственный человек с высшим образованием — завуч нашей школы. Так мы на него, как на пророка, смотрели. А сколько сейчас у нас таких пророков — отличных мастеров своего дела: врачи, учителя, агрономы, зоотехники. Воспитательница в детском садике и та... А библиотекарь? Она училась, между прочим, в Москве. А инженер-механик наш чего стоит!

— Оставь, тамада, эту статистику. Тут в общем все правильно, так и должно быть. Но меня интересует наш конкретный случай. Наш совхоз. Не слишком ли ты переоцениваешь своих желторотиков с университетскими дипломами? Особенно этого Мурата, которого водрузили на твое место? «Директор совхоза», который и бриться-то научился совсем недавно.

— Во-первых, я сам его выдвигал. Во-вторых, его поддержал почти весь поселок. В-третьих, районное начальство одобрило его кандидатуру. Пять лет назад сей юноша закончил Тимирязевскую академию. Как главный агроном этот парень мне понравился своей пастырностью и ученостью. Говорю ему однажды: «А не мог бы товарищ главный агроном сказать, как бы он предложил организовать дальнейшее житье-бытье нашего поселка в плане экономическом, социальном и вообще». Он улыбнулся моему такому не по-ученому сформулированному вопросу, но понял меня хорошо. Сделал вид, что крепко задумался, будто считает вопрос мой невероятно сложным. А я ведь понимаю, что мой главный агроном и сам не мог не думать о перспективах нашего развития — просто самолюбие мое щадит, хитрюга. «Дай, говорит, мне месяц на размышление, директор. Я попробую, тамада, составить план социально-экономического и культурного развития совхозного поселка. Мы с председателем сельсовета пригласим еще и архитектора... Уж если братья за дело, так по-современному».

Парень сдержал слово. А это, брат, главное качество настоящего мужчины — верность данному слову. В назначенное время собрались обсуждать этот план на будущие годы. Немало было споров, даже насмешек. Но все были вынуждены согласиться, что пути ускоренного развития нашего хозяйства и преобразования поселка в образцовый — возможно даже и для завтрашнего дня — агрогородок намечены смелые и верные.

— Хороший фантазер у вас этот Мурат, — сказал Хасан, слегка завидуя новому директору.

— Вот таких-то нам порой и не хватает, друг мой. Хороших фантазеров, умеющих намного дальше своего носа смотреть. Я понял, что этот молодой специалист значительно дальше и четче видит, чем я. И полон страстного желания перевернуть земной шар. И, конечно, он грамотнее меня. Словом, ученый товарищ. Не думай, что мне было очень приятно это сознавать. Зато он часто со мной советуется, — последние слова Хамзат произнес с нескрываемым удовлетворением. — Доверяет, значит. Уважает и знает, что успех дела еще, как говорят журналисты, в «живой связи поколений». Понимаешь, Хасан?

— Как не понять, — вздохнул Хасан. — А скажи, тамада, как принимает новый директор гостей из района? Соблюдает ли он «незыблемые обычаи горского гостеприимства»?

Дядя Хамзат недовольно покачал головой. Крякнул и сморщился. Потом громко рассмеялся.

— Этот прохвост Мурат и в этом деле оказался нова-

тором. Всех гостей угощает в совхозной столовой. По меню, с механизаторами вместе.

— И довольны они?

— Механизаторы? — усмехнулся дядя.

— Нет, гости. Высокие гости.

— Стали привыкать. Зато наши пищевики лезут вон из кожи. Гости ведь могут нагряться в любой день. Словом, все в порядке. Как-то спросил меня этот молокосос, какой, мол, сорняк опасен более других. Обиделся я, но ответил. А он говорит — нет. Самый опасный сорняк — это расточительство. А сам все считает, считает... Любит человек считать. А я, знаешь, полюбил этого человека.

— Мне тоже, пожалуй, начинает нравиться ваш новый директор. Но твой поступок, экс-директор, — не рядовое явление, может быть, даже подвиг, — не то в шутку, не то всерьез сказал Хасан.

— Никакой не подвиг. Самый нормальный шаг. Веление времени, как говорится. Нельзя сейчас иначе, если хочешь хотя бы сохранить к себе уважение. Не конъюнктурное, а настоящее, — Хамзат повернул голову в сторону хозяйки, которая с озабоченным лицом, словно что-то искала, ходила из комнаты на кухню и обратно. — Душа моя и лучшая часть моего сердца, если ты решила морить нас голодом, так и скажи. Послушай, Хасан, мне что-то начинает казаться, что директора совхоза твоя сноха лучше потчевала, чем бригадира. Или мне так кажется? — Хамзат сделал невинное лицо.

— Нет, мужчина, ты просто стал нетерпеливей, да и аппетит, слава аллаху, стал вроде бы лучше. Пешком стал больше ходить. Оттого, наверно.

— А все же есть в этом доме что-нибудь поесть? — повысил голос Хамзат. — О женщина, если бы твои дела были так же насыщены, как речи.

— Потерпите, мужчины, и аллах вознаградит вас за ваши муки ровно через десять минут.

— А каково на новой работе? — спросил Хасан.

— Пока трудно сказать что-то определенное, — задумался Хамзат. — С планом, надеюсь, справимся, только вот с старой имеются проблемы. Но, скажу тебе откровенно: став бригадиром, я обнаружил несколько, как бы это сказать, рациональных способов увеличения урожайности корнеплодов. Я еще раз основательно потолкую с агрономом и, наверно, предложу что-то интересное.

Скоро на столе задымилась вареная индюшати́на, и дядя Хамзат весело подмигнул любимому племяннику...

Хасан смотрел на загорелый, с множеством глубоких

морщин высокий лоб бывшего директора, на почти белую и совсем теперь уже реденькую его шевелюру и пытался представить себе того молодого парня с орденскими колодками на выгоревшей гимнастерке, который стоял у истоков становления родного совхоза да и всего поселка. Сильно, наверное, изменился дядя Хамзат. Только вот взгляд его карих глаз, быть может, остался тем же. И задумчивым, и хитроватым порой, и строгим, но всегда беспредельно честным и добрым.

Рассказ двадцать первый

«МОЕ ГНЕЗДО, ВНОВЬ ПРЕД ТОБОЙ СТОЮ»

И в очередной приезд Хасану показалось, что родной Состар опять уменьшился в размерах. Улицы стали теснее, дома приземистее и даже склоны гор по обе стороны поселка и те вроде бы снова немножко сомкнулись. Раскидистое ореховое дерево, посаженное еще в «честь рождения брата Магомета», будто съежилось, а калитка выглядела совсем какой-то детской. Хасан входил во двор, опасаясь, что заденет головой свежескрашенный наличник этой калитки.

Хасан уже не удивлялся впечатлению, которое производил на него «старый Состар». Он решил, что мир поселка, мир его детства, уменьшается зрительно оттого, что его, хасановские, дни проходят на заоблачной высоте, откуда видны обширные пространства — до самых дальних горных вершин, в одну сторону, и до еще более отдаленных равнин — в другую.

Хасан впервые заметил, что его мать постарела. Только сейчас он по-настоящему разглядел серебристые пряди волос и мелкие морщинки у глаз и уголков губ.

Хасан пытался пальцами разгладить эти морщинки, но ничего не получалось.

— Пожалуйста, мама, постарайся не стареть: тебе еще рано.

— Что ты, мальчик. Это неизбежно. Когда младший сын вдали от материнского взора колесит по опасным горным дорогам, это неизбежно. Да и вообще не зря ведь сказано: думы матери — о сыне, думы сына — о вершине. А ты похудел, осунулся. Может, тревога какая в сердце? Может, опасная работа измучила? Когда я услышала, что там у

вас машина упала в ущелье, чуть с ума не сошла. Слава богу, быстро выяснилось, что и как.

— Не бойся, мама. Со мной ничего не случится. Там вовсе не опасно. Люди там работают хорошие, заботливые. Скажи лучше, как вы тут? Отец-то, наверное, еще в поле?

— Мы живы, здоровы. У отца сейчас, сам знаешь, горячее время. Орден ему дали. Так он теперь еще больше хлопочет, суетится. Второй, наверное, хочет заработать.

— Вот молодец!— оживился Хасан.— По правде сказать, я тоже могу кое-чем похвастать. Привез грамоту почетную. Не густо, но за короткое время это тоже кое-что.

В это время, на лету скидывая плащ, вбежала Света.

— Хасан, господи, ты уже совсем... О, да ты тоже с наградой! Ну, братец, я горжусь тобой. Мама, он точно прославит доблестную фамилию Дадашевых. Я всегда говорила!..

— Нет, не говорила. Это я говорил,— усмехнулся Хасан.— Ну, а как там дела у врачей? Как у хирурга — гордости всей династии?

— Знаешь, Магомет стал какой-то нервный. С начальством своим ссорится. Может, зазнался, а может...

— Просто завидуют ему,— сказала мать и пошла на кухню.

— Нет, Света, ему просто пора жениться,— серьезным тоном сказал Хасан.— Неужели у него нет девушки? Ты-то, сестричка, должна знать.

— Да что-то я не замечала, чтобы он кем-нибудь особенно интересовался. Все больше журналы читает. Даже иностранные. Методы лечения в Состаре, видите ли, ему не нравятся. Отстаем от жизни. Он тоже вроде тебя — неугомонный. Народ его любит. Из других сел даже привозят больных, чтобы он оперировал. А для успеха, по-моему, надо, чтобы и начальство тебя любило и поддерживало.

— Тесно ему в сельской больнице. Он ведь считает, что универсальный хирург не может быть хорошим. Узкая, говорит, специализация нужна.

— Легко сказать. Их всего-то в больнице двое. Специализация — это в большом городе. А для Состара хирургическая клиника — абсурд. Если каждый будет специализироваться, кто лечить-то будет?

— Какие вы все умные,— начал сердиться Хасан.— И главный врач ваш, наверное, рассуждает по-твоему. А человеку хочется, чтобы конкретное дело было, конкретная цель. Чтобы постичь это дело до глубин. Вот уедет Магомет в аспирантуру — посмотрим, что запоют твои консерваторы в белых халатах... А вообще-то его надо женить.

— Чего ты заладил: женить да женить! Сам, наверное, хочешь жениться, а старший стоит на пути? Мама,— обратилась Света к матери, которая зашла и поставила на стол айран и лакумы,— тебе не кажется, что у младшего из Дадашевых какие-то личные планы?

— Брось, Света, свои глупые разговоры,— обиделся Хасан.— О моих планах узнаете в свое время.

— Когда они будут уже не планы, а действие,— не могла уговориться сестра.— Впрочем, сейчас это модно: здравствуйте, это моя, так сказать, жена. Маме несут холодную воду. А то и лекарство. Папа в гневной растерянности... Стрессовая ситуация.

— У нас так не будет, успокойся. А тебя я просто продам. За сносный калым. И расписку с жениха возьму, что не вернет тебя обратно.

— Если я тебе надоела, Хасанчик, прямо так и скажи. Но учти, я сначала должна увидеть свою невестку, получить от нее соответствующий подарок — сый — и только тогда...

— И тебе не стыдно об этом говорить при маме?

— Она свой человек,— сказала Света, обнимая слегка обеспокоенную мать.— И вообще ты первый начал этот разговор. Так что, Хасанчик...

— Какие же вы еще глупые. Взрослые, а глупые,— с довольной улыбкой сказала мать, внимательно следившая за перепалкой своих младших.

Она знала своих детей со всеми их слабостями, склонностями, чувствовала сердцем их волнения и заботы. И тем сильнее ее волновало их будущее, их жизнь, которая вообще-то лишь начиналась. Она никак не могла избавиться от какой-то подспудной тревоги, которая жила в ней постоянно. Она знала ту истину, что малые дети — малые хлопоты, большие дети — большие хлопоты. И несмотря на то, что дети росли под мирным небом, не видя нужды и трудностей, которые ей самой пришлось пережить, сердце материнское все же не знало покоя. Что их ждет? Какие испытания предстоят? А более всего ее тревожило то, что младший сын жил вне поля ее зрения, под другой крышей, и работал там, где, по ее понятию, множество самых неожиданных опасностей.

Хасан об всем этом не думал. Ведь он был молод, самоуверен и не ждал от жизни никаких неприятных сюрпризов.

Хасан пошел к знакомому роднику, который почему-то остался в его памяти одной из самых главных достопримечательностей Состара. Здесь он крутил зимой юлу-хайнук

из воловьего рога, а летом на зеленой лужайке без устали гонял с друзьями мяч, изредка ввязываясь в драки.

Пониже родника Хасан заметил женщину, которая во-зилась с какими-то шерстяными вещами. То ли стирала, то ли полоскала. Приблизившись, узнал Зухру. Ту самую черно-косую и неприступную Зухру, в которую был влюблен и разлука с которой оказалась так тягостна. Сейчас Хасан сам удивлялся этим детски-наивным и все же прекрасным, как детская сказка, чувствам. Как давно это было и как недавно! Перед ним сидела у ручья на камне молодая, но заметно повзрослевшая и усталая Зухра.

— Здравствуй, Хасан,— ответила она на приветствие бывшего школьного друга.— Давно тебя не видела. И не сразу узнала. Ты так возмужал. В гости приехал?

— Да, Зухра. Вот повидался с родными и очень рад, что встретил и тебя. Хотел бы увидеть и друга — толстяка Махмута. Но с тех пор, как он уехал покорять Сибирь, я получил от него только одно письмо. Верно говорят: с глаз долой — из сердца вон. Ты-то как? Я думал, ты уже...

— А я никак,— прервала его Зухра.— Мне остается повторить путь тысячекратно пройденный другими горянками. Кончила школу, кончились мечты, иллюзии, наивные планы. Кончились розовые сны и наступило будничное пробуждение.

Голос ее звучал печально, печальны были и ее некогда искрящиеся весельем глаза. Правда, она, как и раньше, старалась держаться независимо и гордо.

— Судьба горянки написана на ее роду,— продолжала она, отжимая белый шерстяной свитер и время от времени вытирая вспотевший лоб.— Родилась, подросла, а потом работай и жди, пока не увезут тебя в чужой дом. Там тоже работай, рожай детей и старей, пока не помрешь.

— Зухра, извини, но у тебя сейчас плохое настроение. Ну, не поступила учиться. Потом успеешь. Я ведь тоже...

— Нет, у меня другое дело... Ты — мужчина. Сам решаешь свою судьбу. А мне сказано, что я должна вязать, накопить денег, да побольше, и ждать своей судьбы. Видишь, как просто. Куча денег. Что ни шаль или свитер — деньги. Я больше зарабатываю, чем любой механизатор в совхозе. И отец доволен, и мать довольна, и старший брат — тоже. В доме полный достаток, пальцы мои в золотых кольцах, стены моей комнаты завешаны коврами... А мне иной раз умереть хочется. Все мне противно. Жизнь идет стороной, а бывшая школьница, голова которой была полна самых радужных планов, стала в общем-то рабыней.

Птичка в золотой клеточке, наглухо закрытой. Чирикай себе и радуйся, что клетка из дорогого металла.

На глазах у Зухры появились слезы. Опостылевший шерстяной свитер она швырнула на землю и, глубоко вздохнув, подошла поближе к Хасану. Она, молча, некоторое время будто изучала его лицо, затем улыбнулась:

— Ты прости, Хасан, что навеела на тебя тоску. А вообще хорошо, что высказалась. Мне тут просто некому поплакаться, нет никого, кто хоть мало-мальски понял бы... Высказалась и стало легче. Правда, иной раз себя уговариваю — чего мол, хныкать? Обута, модно одета и здорова. Ну что еще надо?..

— А вот уговаривать себя не стоит. Неискренне это и фальшиво. Брось ты свое рукоделие. Ты была лучшей в классе. Не теряй времени. Шерсть и спицы — не для тебя. Пропадешь, Зухра. Поступи на работу, а потом — учиться. Мы все завидовали твоей голове. На кой черт все десятилетние старания, если в конце — пара спиц и нескончаемый однообразный клубок шерстяной пряжи. Теперь с голоду никто не пухнет. Прояви волю, Зухра, топни ножкой, громко скажи свое слово. Иначе пропадешь. Не будь такой бесхребетной. К интересной жизни есть тысячи путей...

— Ты такой умный и решительный. Ты знаешь свою цель. Тебе легче. Сказано — мужчина.

— Какая там цель! Я ее только ищу. Ищу вовсю, настойчиво. Верю, что найду. Потому и интересно. А тебе мой совет — закрывай свою вязальную фирму. Будешь этим ремеслом так, изредка заниматься. Между делом. А хочешь — приезжай к нам в Долину Ветров. Сколько там на фабрике толковых, вроде тебя, девчонок! Живут полной жизнью. Весело и содержательно живут. Ломай, Зухра, свою золотую клетку, пока не зачахла в ней.

— Живем в условиях равноправия, а на деле...

— Да брось ты эту унылую теорию! Я уже слышал, что мужчина — это мужчина, а женщина — это женщина. Не прикрывай своей нерешительности всякими заплесневелыми «истинами».

Хасан говорил так страстно и взгляд его был так яростен, словно он тянул несчастную девушку из трясины коварного болота.

Впрочем, так оно и было.

То ли здесь сыграла свою роль память о первой, почти детской любви, то ли жалость к девушке, так рано разочаровавшейся в жизни, но Хасан никак не хотел допустить, чтобы Зухра погрязла в этой затхлой мещанской трясине. Он сейчас вдруг понял, что если Зухра найдет свое счастье, то и он испытает чувство огромной радости.

ЗНАКОМСТВО С БУДУЩИМ РОДСТВЕННИКОМ

— Добрый вечер, старички! Заждались меня?— Хасан поставил разбухшую сумку на стол.

— Добрый вечер, племя младое и немножко знакомое,— ответил Мурадин, откладывая журнал.— Чем это ты так возбужден? С продавщицей слив по дороге встретился?

— У него новый год наступает,— объяснил Азрет, открывая Хасанову сумку и извлекая оттуда банку с айраном.

— Может, день рождения, ты хочешь сказать?— спросил Мурадин.— Предупредил бы — шоколадку купили бы.

— Почти что так,— сказал Хасан.— Это похоже на день рождения. С завтрашнего дня наша бригадная фирма работает в счет будущего года. Уловил? Племя младое, то есть комсомольско-молодежное, еще не то скажет. Оно заставит себя уважать. Держитесь, старые хрычи, мы потрясем не только карьер.

— Да, избытка скромности вы не обнаруживаете,— заметил Азрет.— Не со старичками надо тягаться, а между собой нужно меряться силой.

— А мы тут ни при чем. Ветераны карьера что ни водитель — то орденосец, сами затеяли эту тяжбу, то есть соревнование отцов и детей. Еще точнее: трудовое соперничество поколений. А дети взяли и проявили такую невежливость. Годовой план на два месяца и целую неделю раньше. Сам Митрофаныч вручил вымпел нашему бригадире и сказал: «Берите, вы его заслужили, и я ничего не могу с этим поделать. И критику вашу помню, и резину свою получите. Обещали в первом квартале полностью обеспечить. Только не зазнавайтесь. У ветеранов порохи еще много. В общем, черт с вами...» Так и сказал. А сам такой довольный. По глазам было видно.

— Я рад за тебя, Хасанчик,— сказал Азрет, наливая айран в чашки.

— Я тоже поздравляю тебя с днем рождения, то есть с Новым годом. Может, и в самом деле из тебя выйдет мужчина,— сказал Мурадин и дружелюбно хлопнул Хасана по шее.

— Спасибо, я не раз еще озарю ваши кислые лица! Уж будьте уверены.

— Кислым айраном?— спросил Азрет.

— Нет, трудовыми подвигами на благо прогрессивного человечества. Васалам алейкум!

— Будем надеяться,— сказал Мурадин.

— Я, кажется, тоже скоро озарю ваши и без того румяные физиономии,— сказал Азрет.— Уже разработаны планы штурма нового рекорда. Всесоюзного. Дальневосточным коллегам бросим вызов.

— Что за спортивные страсти! Что за рекорды! И кому они пужны?— махнул рукой Мурадин.— Нужно делать свою работу старательно и с высоким качеством.

— Бескрылый ты человек, доктор. И скучный. Как ты не понимаешь, что человеческая натура...— начал было Хасан, но Мурадин его оборвал:

— Опять яйцо решило курицу поучить! И откуда у тебя такое воспаленное самомнение? Ну, ладно, сегодня мы с тобой ссориться не будем. Надо же и отдохнуть когда-то.

— И я с Мурадином, не согласен,— сказал Азрет.— Мы на этот рекорд пойдем, конечно же, не из спортивных соображений. Наша скоропроходческая бригада решила обособованно, с точными расчетами доказать, что работать сегодня можно умнее, эффективнее и при этом не надрываться изо всех сил. Если даже рекорда не получится, все равно наша затея многому нас научит.

— Послушай, Азрет, а ордена вам дадут в случае успеха?— спросил Хасан, словно поддразнивая Мурадина.

— Очень даже возможно,— спокойно сказал Азрет.— Дело-то не будничное.— И шутливо добавил:— Но я, как и тот Василий Теркин, скажу: «Зачем мне орден, я согласен на медаль».

Разговор был прерван энергичным стуком в дверь. Хасан открыл. За порогом стоял высокий мрачноватый мужчина лет тридцати пяти. По его виду никак нельзя было предположить, что он пришел кого-то поздравлять или приглашать на дружескую вечеринку.

— Мне нужен шофер по имени Хасан.

— Хасан — это я. Водитель. А вы кто?

— Выйди, поговорим,— сказал незнакомец недобрым голосом.

— Вы меня не знаете, а сразу «ты»... У нас так не принято,— сказал Хасан и, дав знак Азрету и Мурадину остаться дома, вышел вслед за сердитым визитером на улицу.

— С каких пор шоферюги стали такими интеллигентными?— пренебрежительно усмехнулся незнакомец.

— Я не шоферюга, а водитель самосвала и прошу не грубить,— оборвал его Хасан.— Говорите, что вам нужно.

— Брат Гали я,— буркнул сердитый незнакомец.— А

если ты не трус, отойдем подальше и поговорим, как мужчина с женщиной.

— А почему же не в форме?— оживился Хасан, чуть не хлопнув по плечу своего незваного гостя.— Галя мне про вас рассказывала. Как, кстати, она? То есть, я не понимаю, чем вы так недовольны? Давайте познакомимся...

— Не валяй дурака. Не знакомиться я приехал, а сказать тебе, чтобы оставил Галю в покое. Понял?— глаза гостя грозно сверкнули, а густые брови сошлись на переносице.

— По правде сказать, ничего не понял,— сказал Хасан, потупив взор.— Почему она сама... то есть почему я должен ее оставлять по вашему приказу... Вы что...

— Я ее брат. И она будет дружить с тем, с кем я разрешу. Кстати, ее уже засватали. Скажу откровенно: будущий ее жених уважаемый в городе человек, с высшим образованием и положением.

— Послушайте вы, представитель закона, что за чушь несете? И кто вам дал право вмешиваться в наши личные дела? Вы что, из пещеры пришли? При чем тут высшее образование? Мы собираемся пожениться на будущий год.

— Она еще сопливая девчонка! Я не позволю.

— Как же так?! Для уважаемого с высшим образованием не девчонка, а для меня...

— Добром прошу тебя, Хасан, оставь ее,— тихо, но угрожающе сказал брат Гали.

— Ничего у вас не выйдет. Она выйдет только за меня, и все ваши старания напрасны.

— Может, ты это... пользуясь глупостью и доверчивостью...—сквозь зубы проговорил Галин брат.—Тогда учти, я угроблю вас обоих. Скажи честно!

— Ничего я вам не скажу. И вообще не желаю с вами разговаривать,— сказал Хасан и повернулся, чтобы уйти. Но вконец разъяренный мужчина набросился на него, чуть не задыхаясь от ярости.

— Нет уж, поговорим!— он схватил Хасана одной рукой за ворот, другой замахнулся, но Хасан, уклонившись от удара, вывернул руку Галиного брата за спину, и тот, застонав, согнулся. Хасан отпустил руку, и тут же получил неожиданнный скользкий удар под левый глаз. Хасан быстро опомнился и ответил: резкий удар в подбородок снизу и ногой под колено охладили пыл темпераментного гостя. Охнув, он облокотился на столбик штaketника и, ощупывая челюсть, процедил сквозь зубы:

— Бандит. Точно, бандит.— Но это звучало как-то миролюбиво, и Хасан подошел к мужчине.

— Извини, пожалуйста,— хлопнул он его по плечу.— Никакой я не бандит. Это элементарный апперкот, а под колено... это из области самбо. Кстати, вы в милиции разве не занимаетесь этими штуками?

— Пошел вон,— буркнул противник и оттолкнул Хасана.

— Пойду, конечно. Только я ожидал, что знакомство с новыми родственниками будет более задушевым.

— Погоди, скажи толком: у вас с Галей это серьезно или шоферские шуры-муры? Я-то знаю вас. Посадил, покатал, а там — дитя без отца.

— Не говорите глупостей. Я не из таких. Я люблю ее. И горько будет мне, если она разлюбит меня и уйдет под вашим давлением к этому влиятельному с высшим образованием, брюшком и лысиной.

— Откуда ты его знаешь?

— Влиятельная и уважаемая персона должна быть лысой и старше Гали лет на двадцать.

— У тебя есть закурить?— вдруг спросил Галин брат.

— Нет, не курящий.

— Понятно. Спортсмен. Опять же — апперкот...

— Послушайте, товарищ...— задумчиво сказал Хасан.

— Аслан меня зовут.

— Послушайте, Аслан, не стыдите меня, что я это говорю старшему, но прошу, передайте Гале... Впрочем, не надо. Нет, передайте. Только не ей. А этому влиятельному с лысиной и высшим образованием. Передайте, если он не перестанет мечтать о Гале, я поеду в ваш Баксан и привезу с нашего карьера дюжину молодцов, которые в таком деле шутить не любят. А я ему самолично...

— Сделаешь апперкот?— подсказал Галин брат.

— Нет, антрекот.

— Ты мне начинаешь нравиться. А не пойти ли нам в ресторан? По рюмке за знакомство, а?

— Нет,— ответил Хасан,— мы и так хорошо познакомились. Чувствую собственным сиянием под глазом...

— Я тоже кое-что чувствую. Нет, ты мне начинаешь нравиться. Настоящий мужчина.

— Ты тоже.

— Ну, тогда прощай. Черт с вами. Валяйте. Женитесь, рожайте. Что хотите. А ты приезжай, Гале жаловаться не буду. Может, ты и в самом деле порядочный человек. На лбу ведь не написано, что прохвост и соблазнитель. А этот, апперкот... Ну, ладно,— Аслан пошевелил нижней челюстью и покачал головой.

Хасан проводил неожиданного гостя и потенциального

родственника до автостанции, помахал ему рукой и вернулся домой. Возбуждение от встречи прошло, и Хасан стал сожалеть о случившемся. Все-таки не очень ловко все вышло. Где это видано, чтобы так «обрабатывать» родного брата любимой девушки!

— Что с тобой, философ, с кем это ты дискутировал?— тревожным голосом спросил Мурадин, разглядывая синяк под глазом Хасана.

— И куда ты с этим типом исчез так быстро? Мы искали вас,— сказал Азрет.— Что за дела?..— Было видно, что он старался сдержать сильное волнение.

— Знакомился с братом Гали,— Хасан сел на край кровати и опустил голову.

— Весьма оригинальная форма знакомства,— сказал Мурадин.— Сядь сюда, компресс сделаю. Ничего себе «фонарик». Как же ты ему позволил себя так разукрасить? Азрет утверждал, что ты неплохой боксер. Или в пылу сражения порастерял свои спортивные таланты?

— Беда в том, что я его тоже того, немного потрепал. А сейчас сожалею. Старше все же и, может, будущий родственник.

— А кто вас разнял?

— Благоразумие. Это была не дуэль. Просто одна из примитивных форм мужского знакомства.

— Далеко не интеллигентная форма,— сказал Азрет.

— Зато порой радикальная,— заметил Мурадин.— Помню, послали меня с другом-татаринком после института в далекую глухомань Тянь-Шаня. Рабочий поселок, где наведение порядка в местах скопления молодежи было далеко не главной заботой местных властей. Частые драки на танцплощадке и тенистых аллеях. И был один юноша лет эдак двадцати двух, который всерьез считал себя хозяином парка и ходил в сопровождении свиты безусых и усатых адъютантов. Юнцы высматривали, как я потом узнал, новичков, которых «хозяин»— кудрявый громала — не пускал на танцы, не поколотив. Так и говорили: без «визитки» Жоры вход посторонним запрещен. Визитка—его увесистый тумак. Хорошенькие, прямо скажем, нравы! Идем мы с другом по городу, и решил я навестить этот парк. Не стоит, говорит мой друг, который раньше меня узнал о местных порядках. Лучше без скандала. А мне любопытно. И страшновато, и любопытно. Хоть издали посмотреть на этот зверинец с его законами джунглей. Идем. Татарин мой, замечу, был недюжинной силы малый. Но, как нередко бывает, то ли малодушный, то ли до того пацифист, что за

все время учебы не ввязался ни в один конфликт. Божья коровка с пудовыми кулаками.

Вдруг у самого входа на танцплощадку возникает «хозяин» в окружении четверых малых. Он хмурит брови, исподлобья смотрит на нас и начинает неторопливо снимать часы. Передает свою кепку одному «адъютанту», часы — другому, рукава не спеша подвертывает, словно работу какую собирается делать. А взгляда своего почему-то от меня не отрывает. И что самое зловещее — все эти церемонии совершает молча. Ну, думаю, сейчас «визитки» будем получать. И зло такое в груди закипело! Что за джунгли! Где закон, где милиция? Вдруг вспомнил наказ друга-чеченца, который как-то сказал: видишь, что драка неизбежна — бей первым. Это единственный выход из положения. Не уносить же ноги, коли шапку носишь.

Хозяин джунглей молча поманил меня пальцем. Иди, мол, сюда, за «визиткой». Двое против пятерых, думаю, не самое выгодное соотношение.

Я тоже поманил «хозяина» пальцем, что сильно его удивило. Он посмотрел на своих адъютантов и, не встретив возражения, стал степенно приближаться ко мне. Когда я увидел вблизи его каменный, даже какой-то отрешенный взгляд и вздувшиеся поздри, изо всех сил вломил ему по этим самым поздрям. Из носа — кровь, а «хозяин» вдруг так взревел, что я подумал: ну, доктор, крышка тебе. Но второй удар ему нанес мой товарищ. Кулак его, величиной с детскую голову, сшиб с ног «хозяина», а двое подбежавших «адъютантов» вцепились в меня. Они были молоды и сильны, но крушение кумира сильно поколебало их боевой дух. Двое остальных вообще чего-то застеснялись и решили придерживаться нейтралитета. Потребовалось мое вмешательство, чтобы друг-татарин всерьез не покалечил наших «оппонентов». Потом я еще останавливал кровотечение из обмякшего носа этого Жоры — теперь уже бывшего хозяина парка.

К великому удивлению нашему, актов мести не последовало. Мы потом с Жорой по-приятельски здоровались. Он больше не был пугалом всех юнцов поселка.

Жора никакой другой педагогики просто бы не понял. А перед моим другом из Татарии он вообще превращался в учтивого и послушного ученика-зубрилу. Так что, Хасанчик, и такой метод вразумления еще не окончательно устарел. К сожалению, конечно.

— Странно было слышать этот кровожадный рассказ из уст доктора, — сказал Азрет.

— А по-моему, он прав со своей педагогикой, — сказал

Хасан.— Мы все за мир. Но когда тебе нагло тычут кулак под нос, надо принимать вызов. Иначе — унижительное раболепие.

— Или синяк под глазом!— рассмеялся Азрет.

Рассказ двадцать третий

«В КАЖДОМ ДЖИГИТЕ ВОИН СИДИТ»

Хасан посмотрел на часы и круто развернул самосвал. Можно успеть сделать еще один рейс. Он опустил темные фильтры: солнце зацепившееся раскаленным краем за макушку словно бы оплавленной вершины, пыталось напоследок основательно дать почувствовать свою силу и только после этого проститься с Хасаном до нового утра.

А денек и без того был жаркий. После последнего мощного взрыва, экскаваторщики весь день давили на пятки водителям, позволяя себе весьма бесцеремонные насмешки. Но приходилось терпеть. Тем более что сегодня две машины не вышли. Одна стояла «разутой», другая проходила профилактику. На последней ездил Муталиф, женившийся пару дней назад. По этому случаю борта самосвала были облеплены листами бумаги со всевозможными пожеланиями, исписаны мелом, исчерканы рисунками с изрядной долей фантазии и юмора. С козырька кабины свисали два переплетенных проволочных кольца, выкрашенных бронзовой краской.

На обратном пути Хасана «тормознул» Миша.

— Зайди в диспетчерскую!— крикнул комсорг, высовываясь из окошка своего «Белазы».— Там какая-то бумага пришла в твой адрес.

— Какая? Телеграмма?

— Не знаю. Может, денеша от твоей лучезарной со сливовыми глазами?

Подъехав к конторе, Хасан поставил машину и бросился к диспетчеру, к которому как раз зашел начальник участка.

— А, привет, Хасан. Скажу честно, жаль, по-отцовски жаль расставаться с тобой,— сказал Митрофаных, протягивая Хасану немного смятый листок бумаги,— но что делаешь...

— А что такое? Почему это вы решили со мной расстаться? А-а, вот оно что... Ну и дела!

— Священный долг каждого гражданина. Настал, ста-

ло быть, и твой черед.— Митрофаных был необычайно сентиментален и, следовательно, менее похож на себя, чем когда-либо.— Не хочется мне с тобой расставаться и... завидую, чего скрывать.— Он поднялся, подошел к Хасану и положил руку ему на плечо. Глаза его потеплели, вид у него был торжественно возбужденный.— Скажу тебе, сынок, не знаю, как там решат, но попросись в танкисты. Много учить тебя не придется, а танкист— это, брат, в армии — главное.

— Понятно,— моргнул Хасан,— для ветерана-танкиста это самое главное.

— Я тебе говорю серьезно, а ты опять со своими шуточками. Самая мужская профессия в армии — танкист. Только в броне, подвластной рукам, чувствуешь себя мужчиной,— патетически утверждал Митрофаных, словно он только что вышел из своей родной «тридцатьчетверки».— И ты — бог войны...

— А говорят — артиллерия,— не унимался Хасан.

— Бог войны — это артиллерия в мощной броне и на гусеницах! — уверенно парировал ветеран.— Уловил?

— Уловил. Так и быть: иду в танкисты, чтобы лучше помнить свою профессию. Но когда вернусь, вы, надеюсь, сделаете меня своим заместителем?

— Сделаем, сделаем...— Митрофаных рассматривал Хасана, словно видел его после долгой разлуки. Он уже не слышал Хасана. Он был во власти собственных воспоминаний. А память бывшего танкиста, который прошел на танке от Сталинграда до Вены, была крепка и надежна, как та «тридцатьчетверка», которую он боготворил.— Ну что ж,— вздохнул Митрофаных,— будем провозжать тебя, а потом — ждать возвращения на родной карьер.

— Ну, к тому времени вы здесь всю гору передвинете.

— Ничего, на твою долю оставим. Так что... Не забывай нас, сынок. Я с вами бывал порой грубоват. Но что поделаешь. Иначе с вами нельзя... ради вас же... Ступай. В военкомате любят точность. Не опоздай. А про танк не забудь. Чуть что — дай знать. Сам пойду ходатайствовать. Там со мной считаются.

Хасану предстоял второй крутой поворот в жизни. Он быстро привык к уверенным парням-высотникам, у которых, как пишут в газетах, «за грубыми робами бились нежные и честные сердца». С течением времени молодой водитель самосвала Хасан Дадашев стал душой этой водительской братии. Трудно было понять, за что больше любили этого «бледнолицего», иронично «умничающего» интеллигента. Ребятам нравилась его смелость и неожиданная вы-

носливость в нелегком деле высокогорного автовождения, его остроумие, которое иной раз могло перейти в довольно не безобидную насмешку. Он отличался почти спортивным азартом в соревновании. А главное, наверное, было в том, что парни успели увидеть в Хасане надежного и крепкого товарища.

Теперь предстояла разлука. Не на день, не на месяц. На два года. И с этим предстояло еще свыкнуться.

Хасан скоро вышел из состояния легкой растерянности, и его гибкая фантазия тут же переселила его из тесной Долины Ветров в еще более тесную кабину угрожающе грохочущей бронированной машины.

В общежитии еще не знали о повестке.

Азрет сидел на кровати и разглядывал свои босые ноги, а Мурадин корпел над кроссвордом — любимым занятием, как говорил Хасан, «честолюбивых бездельников».

— Привет, старики! — Хасан повесил пиджак на спинку стула. — Какая погода в вигваме?

Мурадин поднял голову:

— Скажи, милейший, как называется вьючное животное?

— Самосвал.

— Нет, серьезно, из четырех букв.

— Ну, тогда — Краз.

— Осел! — закричал Азрет, у которого были потерты пальцы ног, что сильно действовало на его настроение и чувствительную нервную систему.

— Чего ты злишься, аксакал наш, — сказал Хасан, подойдя к Азрету. — Месяца не прошло, как получил орден, а злишься. Может, ты мечтал о Звездочке? Вот мне тоже теперь представился случай украсить свою молодецкую грудь хотя бы значками.

— Спортивными? — спросил Мурадин, откладывая журнал в сторону. — Спорт — великое дело. Но этот твой бокс — извини, это до меня не доходит.

— Надень перчатки и выйди на ринг — сразу дойдет, — порекомендовал Хасан. — Но я не на соревнования. На войну я еду.

— На границах вроде тишина, — сказал Азрет, но, когда Хасан показал ему повестку, тут же прыгнул на пол. — Хасан, это же здорово! Но как мы теперь без тебя?

— Как-нибудь обойдетесь. На базар за витаминами будет теперь ходить Мурадин, а тушить свет на ночь поручаю вам, наш добрый отец и наставник. А то совсем обленились.

— Это серьезно?— сказал Мурадин, взяв у Азрета бумажку.— Неужели тебе доверяют оружие?

— Да, друзья мои. Мне доверена высокая миссия охранять ваш мирный труд. Вот вы будете спать без задних ног, а я в это время — в стальной броне и начеку. Живите и радуйтесь два года. Этого хватит не только чтобы отдохнуть от меня, но и понять, какой будет постылой и пустопорожней ваша жизнь без Хасана Дадашева.

— Мужчиной станешь,— сказал Азрет.— В каждом джигите воин сидит. Но тебе там будет нелегко. Там твои бунтарские выходки терпеть не станут. Там дисциплина и перловая каша.

— И подъем рано утром,— добавил Мурадин,— а то и среди ночи. Я тоже прошел через это.

— Не пугайте. Быть может, именно там я раскроюсь, как... это... личность.

— Шутки шутками, а нам и впрямь будет не хватать тебя,— сказал Азрет каким-то грустным и нежным тоном.

— По правде сказать, мне тоже,— сказал Хасан, но уже совсем не шутя. Затем пропел: «Через две, через две зимы-ы, через две, через две весны-ы отслужу, отслужу, как надо, и верну-у-ушь». А потом женюсь. И, да простят мне старшие,— заведу шестерых сыновей.

— Будем надеяться, что они не будут похожи на тебя. А то в мире и так беспокойно,— сказал Мурадин и любовно шлепнул Хасана по шее.

— Старайтесь говорить мне только приятное. Это вдохновит на ратные подвиги, о которых я буду регулярно вас извещать.

...Во Дворце культуры пару дюжин молодых горняков провожал чуть ли не весь город. Молодые, но уже почти солдаты, сидели они за огромным столом президиума как именинники, а ветераны войны и труда, один сменяя другого на трибуне, говорили. И нелегко было понять, чего в их словах было больше — наставлений бывалых солдат или просто отцовской нежности. Наверное, поровну.

В зале сидели почти все водители карьера, отец и мать Хасана, Азрет и Мурадин. В зале не было той, которую тщетно искал Хасан. Гали не было в зале. И сотни светильников для Хасана светили не столь ярко, как для других, и слова нежные, и наставления заботливые он уже не так отчетливо слышал. Печаль тяжелым камнем давила на грудь, и трудно было дышать от этой тяжести.

Галя не приехала.

Хасан перебирал в памяти слова, написанные им в пись-

ме к любимой, и все искал ответа на вопрос, что помешало ей приехать.

На другой день в Нальчике он даже отважился попросить у военного начальства позволения съездить в Баксан и вернуться через час.

— Отправка через пятнадцать минут, — холодно ответил капитан и добавил уже не по-военному: — Не волнуйся, письмо напишешь, в отпуск приедешь — крепче любить будет.

Хасана эти слова утешили мало. И он остался наедине со своими грустными мыслями.

Новобранцы построились, провожающие отошли в сторону, и вдруг — она! Сквозь густую толпу, мимо военных машин, запыхавшись и покрасневшись, бежала Галя. Несмотря на протесты строгого офицера, она прорвалась к группе призывников и бросилась Хасану на шею.

— Галя! Как это ты?! Вот чудеса! А я-то подумал... Как хорошо, что ты успела!

Она ничего не говорила. Но, опомнившись, вытерла слезы, улыбнулась, подала Хасану небольшой сверток и стала тихонько пятиться назад.

— Ты, пожалуйста, напиши. Хорошо?

— Ну что ты, Галя, слезы-то к чему?

— Я буду ждать. Я все время буду ждать. Ты напишешь, правда? Я буду ждать...

Рассказ двадцать четвертый

«БЫТЬ ТАНКИСТОМ, БРАТ, НЕПРОСТО»

Майор был очень молодой и, кажется, веселый.

Этот спортивного вида энергичный офицер чем-то напоминал Хасану его сельского учителя физкультуры, который был уверен, что его деятельность — основа основ современного воспитания молодежи. Но, понимая, что судьба его в данный момент в руках этого майора, Хасан немедленно отбросил возникшее в памяти сравнение, как неуместное и неточное.

Когда перед ним появился новобранец, молодой майор вроде бы даже оживился, а взгляд его словно говорил: ну, попался, голубчик, наконец? Майор основательно измерил Хасана взглядом с головы до ботинок, потертых и совсем не модных. Потом перевел взгляд на документы. Быстро

пробежал глазами по довольно мятым листам и вновь поднял взор на Хасана.

— Та-ак... Значит, Дадашев Хасан, говоришь?

— Я ничего не говорю.

— Та-ак,— повторил майор, не обращая внимания на ответ.— Куда же употребить этого длинного, но не слишком мощного субъекта? Водитель самосвала. А видел ли ты, уважаемый, живой танк, кроме как в кино?

— По телевизору, товарищ майор. И еще — в Нальчике, на постаменте. «Тридцатьчетверка», освобождавшая наш город.

— Не густо,— сказал майор задумчиво.

— Вы меня определите, пожалуйста, в танкисты,— сказал Хасан, хотя не был уверен, что его просьба сейчас имела какое-то значение.

— Рядовой Дадашев, ваше «пожалуйста» — нелепо,— сказал майор, нахмутив брови.— Тяжелый самосвал — это тоже кое-что, но современный тяжелый танк — нечто посложнее. А у нас не всех сажают в танк. Есть и другая служба.

— Я освою танк, товарищ майор. Я сообразительный.

— И немного болтливый, а? Что же касается сообразительности, так это еще надо проверить. А шуточки свои побереги. Юмор тоже надо экономить. Потом пригодится. «Сообразительный». Ишь ты! Сейчас ты, брат, только глина. Понял?

— Понял! Для лепки танкиста.

— Ну что ж. Может, нам и удастся что-то из тебя вылепить.

— Удастся, товарищ майор. Уверяю вас!

— Отставить ваши уверения! Вы свободны,— майор смотрел вслед новобранцу и покачивал головой.

...Это было зрелище! Хасан зачарованно любовался стройной шеренгой могучих машин, длинные хоботы-пушки которых смотрели в сторону лесистого горизонта.

— Вот это слонники! — не выдержал Хасан и толкнул локтем рослого, широкоплечего с белыми бровями и румяным лицом парня, что стоял рядом.

Но тот глядел в другую сторону, где в таком же ровном ряду стояли другие машины — с целыми штабелями трубчатых стволов над водительскими кабинами.

— Танки как танки,— сказал белобровый,— да ты посмотри вон туда. Современные «катюши». Если из этих труб фугануть разом, чертям тошно станет. Понял?

— Как не понять! А как зовут тебя, такого умного?

— Шевчук. Кузьма Шевчук, — без обиды ответил бело-бровый. — А тебя?

— Хасан Дадашев. Вот моя рука.

Кузьма ладонью-лопатой осторожно пожал костлявую руку Хасана и продолжал рассматривать могучую военную технику, которая стояла на краю полигона, словно в ожидании приказа, готовая загрохотать, загреметь и ринуться в пекло сражения.

Приземистая громадина с полусферическим куполом башни и могучей пушкой приковала к себе внимание Хасана полностью. Он вспомнил нальчикскую «тридцатьчетверку», что стояла на высоком постаменте. Она по сравнению с этой крепостью на гусеницах выглядела, конечно, не столь эффектно.

Подъехало несколько легковых машин, и строгого вида майор зычным голосом приказал стать «смирно» и взять равнение направо.

Из первой машины вышел небольшого роста генерал со звездой Героя на груди, из других — группа сопровождавших его офицеров. Этот сухопарый, но, видимо, очень энергичный генерал-майор, сразу напомнивший Хасану не кого-либо, а самого Суворова, направился к площадке, откуда открывалась панорама обширного полигона с холмами и ложбинами, с редколесьем и оврагами, с зигзагами траншей.

«Ну что ж, Хасанчик, — сказал Дадашев самому себе, — поздравляю тебя. Мы вроде бы, так сказать, танкисты. Хотя еще не совсем представляем, что там внутри этих зеленых мастодонтов. Держись, Дадашев, кажется, начинается серьезное дело».

Новобранцев строем повели туда, где им следовало стоять и наблюдать военные занятия части. Но перед началом «дела» генерал резко повернулся и подошел к «новичкам». Он внимательно осмотрел строй, словно искал среди молодых одного — самого нужного, и Хасану показалось, что генерал вроде бы повеселел и оживился.

— Ну что ж, племя младое! Поздравляю с прибытием в нашу гвардейскую дивизию. Надеюсь, в нашей нелегкой службе вы преуспеете и станете настоящими воинами. Вот танки, которые ждут ваших сильных рук. Правда, танкисту умная, сметливая голова нужна не меньше сильных рук. А уж эти могучие красавцы не подведут. Ни одна военная операция без таких машин не может быть успешной, ни одно решающее наступление без них немыслимо.

Генерал о своих «красавцах» говорил то ласково, как о талантливых питомцах, то уважительно, как о выдаю-

шихся творениях человеческой мысли. Видимо, вся трудная и славная жизнь полководца была связана с танковыми войсками. Только потом, попозже узнали Хасан и его новые друзья, что генерал прошел боевой путь от Волги до Берлина. А Золотую Звезду заслужил в знаменитой Курской танковой битве.

Но не об этом говорил сейчас опытный ветеран. Он как старый добрый отец разъяснял молодым, что от них требуется для мастерского овладения ратной специальностью, как относиться к службе, чтобы стать достойными преемниками старшего поколения, поколения воинов-фронтовиков.

Холодный ветер над полигоном поутих, но вскоре в воздухе закружились первые снежинки. Хвойный лес, что черпел вдали, стал серовато-матовым.

Генерал дал знак, и на поле разыгралась учебная баталия. Она выглядела не совсем так, как на экранах кино и по телевизору. Здесь мелькали не отдельные кадры. Здесь была видна целостная картина. Резвые бронетранспортеры ринулись к намеченным целям, пушки подняли стволы. Изготавливались наследники славных «катюш». Почти в унисон грозно зарокотали десятки танковых моторов.

Минуту назад погруженный в напряженную тишину полигон стал ареной гигантской игры могучей техники. Дрожит земля, гудит холодный воздух. Вслед артиллерии заговорили многоствольные «катюши», посылая свои ракеты в сторону дальнего леса. Пехотинцы устремились за танками, которые, то взбираясь на холмики, то вновь спускаясь вниз, вели мощный огонь с ходу по дальним мишеням.

Судя по спокойной улыбке, старый генерал был доволен ходом занятий.

Новички, кто вытянув шею, кто забыв закрыть рот, с величайшим увлечением смотрят не военный фильм, а суровую военную игру, почти настоящий наступательный бой, развертывающийся у них на глазах. Особый восторг вызывали, конечно, тяжелые, но быстрые, неудержимые в своем порыве танки.

И вот и с другой стороны появилось несколько танков. Иным из них удалось добраться до траншей «противника» и даже преодолеть эту преграду. Вдогонку им полетели гранаты.

— Ну — циркач! Ни дать ни взять — циркач! — крикнул Кузьма Шевчук, глядя, как гигантский танк на большой скорости не переехал, а перелетел через траншею.

— Это точно,— подтвердил Хасан.— Но погоди, мы тоже выучимся и не хуже их погарцуем.

— Так-то оно так. Но это, смотрю я, не скоро будет. В этом деле, конечно, и чугунный зад потребуется.

— Какой, говоришь, зад?

— Терпение, в смысле, и усидчивость. Много тетрадей придется исписать. Помню, на курсах трактористов...

— Также мне сравнил. Курсы трактористов... Тут, брат, от одних электронных приборов глаза на лоб полезут.

— А помнишь того прапорщика? Как он тогда хвалялся...

— Знал бы столько — не меньше бы хвастал,— сказал Хасан.— Это тебе не трактор «Беларусь». На нем я уже с детства кренделя выделывал.

— Оно, конечно, верно,— сказал Шевчук, который быстро соглашался с собеседником и, похоже было, уважал слова «так», «верно», «согласен».— Правда, тот, кто сидит в том танке, тоже не в нем родился. Когда-то и он первый раз залез в эту махину.

— А знаешь, Кузьма, о чем я думаю?

— Откуда мне знать, что в твоём котелке булькает при таком грохоте?

— Я сейчас подумал, что хорошо бы, при первой возможности, высунуться из переднего люка такого вот «словника», сфотографироваться и послать снимок домой и девушке.

— Чудной ты,— усмехнулся Шевчук.— И как это тебе в такой момент удастся думать о девушке?

— А я о ней всегда думаю,— вздохнул Хасан.

— Плохи, брат, тогда твои дела,— сочувственно ответил Шевчук.— Всему есть свое время, и занимать голову разными не подходящими мыслями нехорошо.

— Сейчас ты мне еще лекцию прочтешь? Уж тебе-то я не уступлю,— начал потихоньку злиться Хасан.

— Может, тебе сапоги жмут?— невозмутимо спросил Шевчук.

— Нет, а что?

— А то, что солдат, говорят, начинает психовать, когда жмут сапоги. Или штаны на два размера меньше.

— Глупости,— ответил Хасан и устремил свой взор туда, где пехотинцы с дружным «ура!» бросились вперед.

— Она красивая?— спросил Шевчук, глядя туда же.

— Кто «она»?

— Ну, девка-то твоя!

У Хасана появилось желание огреть Кузьму по шее. Он даже посмотрел на эту шею, розовую и в белых щетинках.

Но, вспомнив первое пожатие его лопатистой ладони, промолчал. И еще подумал, что такие здоровяки обычно бывают беззлобны, верны и необидчивы. Им можно довериться — не подведут. А Шевчук был, похоже, полон природного благодушия и самого искреннего дружелюбия.

* * *

Волей случая Кузьма Шевчук оказался не только соседом по казарме, но и членом экипажа танка, командиром которого стал впоследствии Хасан. Третьим оказался веснушчатый, с крутым кадыком на длинной шее, худосочный, как и Хасан, юноша из Ленинграда.

— Познакомимся. Я из Питера, зовут обычно Игорем.

— А необычно?— спросил Хасан.

— По-разному. Завистники — Гусаком, а доброжелатели — Князем. Это потому, что фамилия у меня такая — Князев. Был еще, если знаете, такой князь Игорь в Древней Руси.

— Что ж, позвольте, князь, представиться — Хасан Дашев.

— Кузьма,— протянул свою ладонь Шевчук.

— А чем занимался князь до войны?— спросил Хасан.

— Я-то? Ничем.

— Тунеядец, стало быть?— сказал Шевчук и смерил Игоря с головы до ног внимательным взглядом.

— Частично. Отец артист. В «Мариинке» служит. Меня проталкивал в театральное училище. Два года проталкивал.

— И не протолкнул,— почему-то с удовлетворением отметил Шевчук.

— Сказать честно, таланта не хватило. Еще в детстве таскали меня по театрам — прививали трепетную любовь к искусству. А мне больше нравилось ходить на стадион или в кино. В общем-то искусство я полюбил, но для того, чтобы сыграть Гамлета, этого оказалось маловато. Правда, все равно меня уговорили поступать в театральное. Но это, я вам доложу, не сельхоз и не педфак. Там сразу обнаруживают, на что ты годен. Обидно стало. Жалел даже, что в школе вместо самодеятельности занимался хоккеем.

— А чего же ты морочил голову старикам?— удивился Хасан.— Сказал бы: так, мол, и так, из меня актер, как из козла архимандрит...

— Семейный патриотизм! Уж очень не хотелось стариков разочаровывать. К тому же девчонки там, в театральном...

— Ну, а к делу какому-нибудь у тебя не лежит душа?— не унимался Шевчук.

— Послушайте, милейшие, что за допрос вы мне учили?— не выдержал наконец «князь» Игорь.— Был такой душевный порыв: поехать на край света, в Сибирь, испытать себя в настоящем мужском деле, кучу денег заработать заодно. Ну вот я и в Сибири. Насчет кучи денег — не знаю, но для проверки мужества здесь сплошной простор.

— Это хорошо,— сказал Шевчук,— а то и в самом деле...

* * *

Хасан внимательно перечитал письмо, написанное Гале, вздохнул и вложил в конверт. Потом взялся за второе — в Состар.

«Дорогие папа, мама, не менее дорогой брат Магомет и, конечно же, лучезарная моя сестричка Света! Ваш сын и брат, младший сержант (пока что) Хасан Дадашев, охраняя ваш мирный труд, служит как надо. Живу я хорошо. Не болею, много каши ем: сил прибавляется. Солдатский быт мне на пользу. Хычинами, что мама потчевала, здесь, конечно, не балуют. Любимой халвы тоже нет. Зато все остальное — будь здоров, служи прилежно. Сегодня у меня радостный день. Тяжелый танк, повинуюсь воле Хасана Дадашева, впервые вел себя еще послушнее, чем кобыла колхозного водовоза Султана. Я — механик-водитель и командир тоже. Ребята, что рядом, — отличные парни. На фото слева — Шевчук Кузьма, справа — Игорь Князев. Мы на хорошем счету. Надеюсь, скоро представится возможность оправдать доблестную фамилию Дадашевых и гвардейское наименование дивизии. Такие вот дела. Как вы там? От Махмута письма нет. А из Долины Ветров Азрет и Мурадин пишут. Спасибо им.

Ваш Хасан».

Оба письма положил на тумбочку и лег спать. Настроение его было в общем бодрое, но слегка омраченное затянувшимся молчанием Гали. «Завтра надо написать и Митрофану».

В открытую форточку врывается терпкий запах хвои... Ребята, уставшие после нелегких учений, спят крепким сном. Хасан уснул не сразу. Нет от Гали письма. Уже давно нет. **Может** быть, уехала куда? **Может**, заболела... Нет, это не причины. Так в чем же дело? Разлюбила? От этой мысли Хасан тут же отмахнулся.

Он смотрел на мерцающую над дверью лампочку и думал, думал... Но вскоре усталость взяла свое, и свет лампочки постепенно растворился в зыбком тумане.

Рассказ двадцать пятый

«ЛИШЬ ТОЛЬКО ПО ВАС СКУЧАЮ...»

...В этот вечер в Баксане мать погладила голову дочери и тяжело вздохнула.

— Понимаю, доченька, тебя, хорошо понимаю. Нелегко совладать с первыми чувствами. Но послушай меня. Никто так не желает счастья дочери, как родная мать. Нет у меня греховных мыслей против того солдата. Но молод он, и много, очень много встретится на его жизненном пути разных девушек.

— Я не разная, мама.

— Послушай меня. Пора тебе решать свою судьбу. Башир не просто старше тебя. Ум у него сложившийся, авторитет среди людей. Только такой человек и способен дать тебе полное счастье. Мало того, что у него видная должность, машина, богатый дом — он еще и воспитан, приветлив, из семьи уважаемой.

— Машина — это совсем неплохо, — вдруг повеселела Галя. — Подружки на «Жигулях», а я на «Волге». Солидно все-таки, и сердцу отрада. Только боюсь, как бы полированные бока машины и очаровательная лысина Башира не ослепили меня! Что тогда я буду делать?

— О аллах! Ты лишилась рассудка, дочь моя! Разве можно говорить такие издевательские слова о человеке, который известен людям только мудростью и добротой своей? Неужели ты не видишь, что сердце его полно чистой любви к тебе? — мать говорила негромко, с оттенком обиды в голосе. Потом она, казалось, уже не обращается к дочери, а размышляет вслух. — Счастье — это трепетная птица... Выпустишь из рук — не поймашь. Это как сама молодость. Бег времени неуправляем подобно струям старого Баксана. А для умной девушки нужен не юный и с неотвердевшим рассудком, а мудрый и уважаемый мужчина. Только такой может быть опорой семьи и отцом детей, любящим и нежным мужем. В чем счастье женщины? Что бы там ни говорили всякие умники — в благополучии семьи. Будешь красиво одета, иметь дом — полную чашу, детей здоровых — вот тебе и счастье. Вот тебе и уважение, и призна-

ние твоего женского достоинства и благоденствия. Кому не хочется, чтобы подруги завидовали? А тот молодой солдатик... Ни образования, ни положения, ни фамилии известной. Аллах сохрани от такого греха, чтобы я питала к нему злые чувства. Пусть будет счастлив и он, пусть да радуется свою мать...

— А если он считает своим счастьем меня?

— Оставь, дочь моя, эти не соленые и не кислые хаба-ры. Чтоб я согласилась выдать единственную дочь за беспечного юношу?

— Мама, ты даже фотографии его не видела,— сказала Галя и чуть было не решилась показать пятигорский снимок.— Может, понравился бы...

— Оставь, дочь моя. Я очень хорошо Башира разглядела. И не на фотографии. Он рос у меня на глазах.

— А калым он будет платить?— вновь съязвила Галя.

— Не болтай глупости. Нам его деньги не нужны. Мы ни в чем не нуждаемся. Только о твоём счастье думаем.

— Плохи дела, — вздохнула Галя, и трудно было понять, шутит она или продолжает иронизировать. Она подошла к зеркалу.— Если он не скряга, то тычонок на пять, по меньшей мере, должен раскошелиться. Даже Лиуаза, моя подруга, была, говорят, оценена в такую сумму. А я чем хуже?

— Ты сама знаешь, что несешь вздор,— более сердито, но все так же негромко сказала мать.— Ни о какой торговле с нашим зятем нареченным и речи быть не может. Я уверена, что он и сам отлично понимает, какого намыса — уважения — мы заслуживаем. А ты подумай. Подумай и решишь. Я не хочу неволить единственную дочь. А солдатика забудь. И не думай, что он тебя обязательно помнит. Наверняка уже забыл. Клянусь памятью умерших, забыл. Не зря ведь говорят, ушедший с глаз уходит и из сердца. Подумай, дочь. Согласись. Справим мы свадьбу, о которой долго будут говорить в Баксане и по всей округе.

Галя пропустила мимо ушей последние слова. Она погладила сухую, узловатую руку матери и тихо пошла в свою комнату. Там она бросилась ничком на кровать и, уткнувшись в подушку, заплакала. Молчание Хасана тысячью игл терзало ее сердце. Теперь ей хотелось знать хотя бы причину его молчания. Нет вестей ни белых, ни черных, ни радостных, ни печальных. Пытаясь чем-то сгладить, умерить жгучую боль, Галя встала и, достав из ящичка трюмо фотографию, стала вытирать слезы. «Нет, милый, прахом изойду, в слезах растворюсь, но если даже узнаю адрес — первой не напишу». Вновь нахлынули слезы, и снимок за-

болокло туманом. Порой навещали ее и вовсе страшные мысли: вот сидит он сейчас с другой где-нибудь в кафе, очень похожем на пятигорское, улыбается, острит, заглядывает в глаза... Словно желая уйти от тяжелых дум, Галя вышла на улицу и зашагала куда глаза глядят. «Вот еще подожду, вот еще...— стучало в голове.— А если любовь моя первая растает, как первый снег, то чего еще ждать?»

Она, сама того не замечая, ускорила шаг, не обращая внимания на встречных, на ровный строй молодых кленов вдоль тротуара. И вдруг лицом к лицу столкнулась с Лиуазой, веселой хохотуньей. Галя знала ее с первого класса, вместе учились. Но Лиуаза после восьмого пошла в техническое училище, а года два спустя вышла замуж. С тех пор они виделись редко. Но каждая встреча с неунывающей и немного шумной подругой была Гале приятна. Не обладая большой глубиной ума, Лиуаза сумела стать весьма практичной женщиной. Быстро смогла определить, что полезно, что выгодно... Весь ее вид говорил о том, что юная мать и жена Лиуаза навряд ли страдала или переживала по какому-либо поводу. Было похоже, что и с мужем своим она ладила и вообще была довольна судьбой.

— О друг мой Галочка, твое чело печально, а в глазах я вижу грусть. И лицо что кисея белая. Уж не заболела ли? И куда ты спешишь, словно кто гонится за тобой?— Лиуаза тряхнула рыжей челкой незатейливой прически и тяжеленными золотыми сержками. Ее огромные голубые глаза выражали искреннее участие и сочувствие...— А ну-ка, если не спешишь, погуляем вместе. Сто лет не сплетничали за мороженым.

Мало-помалу настроение Гали улучшилось и боль сердечная вроде бы притупилась. Она все, без утайки, рассказала подруге, которая слушала с великим вниманием и даже с несколько неуместным восторгом.

Галя замолчала и тяжело вздохнула:

— Такие вот дела. Такие любовные страсти.

Задумчиво сошлись Лиуазины тоненькие нарисованные бровки, а нижняя губа отвисла. Трудна была задача, которую задала ей подруга. Потом подняла она взор, словно где-то в облаках искала ответ, которого ожидала Галя.

— Трудно, очень трудно что-либо посоветовать. Но могу, к примеру, сказать про себя. Сама знаешь, сколько мальчиков бегало за мной. Одного я даже чуть не полюбила. Целовалась даже. Ну, помнишь того Арсенчика с длинной шеей и длинным носом? Но когда он однажды слишком смело повел себя, я с размаху дала ему по носу, и любовь наша на том кончилась. Не люблю я этих юнцов

самонадеянных. У них одно на уме — соблазнить и хвост набок! А вот с мужем у меня другое дело. Хоть и старше больше чем на десяток лет, зато, скажу тебе, интеллигент! Начальником нашего цеха был. Я же рассказывала! Долго вздыхал, при случае — подарочки. А потом вдруг: «Выходи за меня. Люблю тебя, Лиуаза, больше жизни люблю». Я так была ошарашена, что ни «да», ни «нет». Стою как дура. Он повторил те свои слова, сердце мое пронзившие, и я ответила: «С удовольствием!» Скажи — не дура? И он так рассмеялся, обнял меня и давай кружить. Через пару недель — свадьба. Вот и живем. Скажу тебе, мне с ним неплохо. А что любовь? Она пришла чуть попозже. Ну, если это и не любовь, то что-то наверняка на нее похожее, Разве этого мало?

— Не знаю, — ответила Галя. — Тебе виднее.

— А твоего жениха я знаю. Нет, не солдата. А этого, Башира. — Лиуаза посмотрела по сторонам, словно боясь, что кто-то услышит ее слова. — Мужчина что надо. Такой умница. Дядя-то мой у него замом. Светлейшая, говорит, голова. И добрый, и уважительный. Хоть секретарем горкома, говорит, поставь — потянет. Умный — это, скажу, неплохо. С таким и сама тянешься повыше. А любовь... Будет и любовь.

— Это я уже слышала, — ответила Галя задумчиво.

— Нет-нет-нет, я не рискую тебе что-то определенное советовать. Боже упаси. Дело-то ведь серьезное. Просто свое мнение говорю. Будто вслух рассуждаю. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда давай перейдем на ту сторону улицы. Кажется, мороженое дают. Ох, страсть люблю мороженое. Знаешь, Галя, хоть сама с дитем, а детских привычек еще не оставила, — весело зашебетала Лиуаза, поправляя кудряшки на висках.

Обе пристроились в конце длинной очереди. Но не прошло и пяти минут, как высокий в сером костюме мужчина подошел к ним с двумя шоколадными батонами. Это был Башир. Несмотря на духоту и зной, он был при галстукке и в строгом костюме с пиджаком, застегнутом на все пуговицы.

— Угощайтесь, девушки. Пожалуйста, — сказал он, несмело встретившись с взглядом Гали. — А если есть время, смогли бы съездить и в Пятигорск.

— А мужа моего не боитесь? — вдруг спросила Лиуаза, уже надкусывая мороженое.

— Нет, не боюсь, — более уверенно, но с шутливой улыб-

кой ответил Башир.— Кстати, прихватим и его. Должен скоро выйти.

— Я, пожалуй, пойду домой,— застенчиво проговорила Галя,— а за мороженое спасибо...

— Тогда, пожалуйста, я отвезу вас обеих,— сказал погрустивший Башир.

— Ну что ж, прокатимся!— развеселилась Лиуза и первой села в машину, стоящую поодаль.— Давно не каталась в роскошной «Волге». Какие элегантные чехлы! Только невест воровать в такой машине.

От этой глуповатой шутки у Гали даже сердце дрогнуло. Но она машинально пошла за Лиузой и села рядом с ней на заднее сиденье.

Немного проехав, Лиуза попросила остановиться и выпорхнула, успев, однако, недвусмысленно подмигнуть подружке.

— Я тоже...— начала было Галя.

— Я к дому подвезу,— сказал Башир, и через две-три минуты остановил машину возле зеленой железной калитки Галиного дома.

— Галя,— Башир поправил галстук.— Я хотел бы сказать... Если не очень спешишь, может, выслушаешь...

Галя уже открыла дверцу машины, но, встретившись с грустным взглядом Башира, замешкалась.

— Не гневись, Галя, на меня и не обижайся, если что не так. Знаю, сейчас не лучший момент для беседы. Но выслушай. Выслушай и знай, что я люблю тебя, люблю давно и, наверное, безответно. Я не мог не сказать тебе этого самой. Если бы ты согласилась, я бы всю жизнь, весь огонь сердца посвятил бы тому, чтоб сделать тебя самой счастливой.

— Каким образом?— вдруг спросила Галя, переборов первую робость.

— Любовью своей нескончаемой, как родниковые воды.

— Это мало. Что родник! Мне водопад любви нужен,— сказала она, сама удивляясь своей дерзости и чувствуя, что хватила через край.

— Что ж, понимаю. Тебе легко шутить...— покорно издохнул Башир.— Что ж... Если любишь другого, мне остается только всю жизнь завидовать тому счастливцу.

Галя хотела ему ответить в том же духе, что и раньше, но грустный голос Башира, его полные печали глаза остановили ее. Вдруг образ Хасана в минуту их расставания возник перед нею, и она, кивком поблагодарив Башира, вышла из машины. Дойдя до ступенек крыльца, она огля-

улась. Башир смотрел ей вслед поверх калитки. Встретившись взглядом, он помахал ей рукой. Она ответила и поспешно зашла в дом.

Рассказ двадцать шестой

МОЛОДЕЦ, СЕРЖАНТ ДАДАШЕВ!

— Сержант Дадашев! С вас причитается! Судя по почерку, это девичье письмо... Э-э, постой, постой! Сперва покажи нам зажигательную кавказскую пляску.

— Сам пляши,— буркнул Хасан, успев заметить, что письмо из Состара.— Давай сюда! У меня нет девушки.

— Ай, ай, ай, нехорошо обманывать товарищей по оружию!— не унимался жизнерадостный письмоносец.

— Кончай свою комедь!— крикнул Кузьма.— И не терзай душу нашему командиру.

— Ну тогда ладно. Если не хочет танцевать, так пусть разрешит прочесть первую строчку.

— Пожалуйста, хоть все письмо,— махнул рукой Хасан.— Распечатывай и читай вслух.

— Тогда ладно. Почитаем... «Дорогой мой братик...» Угу. Действительно неинтересное письмо. А так хотелось чего-нибудь про любовь! Дальше сам читай,— сказал письмоносец и отдал конверт и письмо Хасану.

Писала Света — главный информатор обо всех решительно событиях родного Состара.

«Дорогой мой братик Хасан! Твое послание мы получили на второй день после неожиданного письма твоих командиров. Мы ведь не сразу догадались, что это благодарственное письмо. Мама даже напугалась. Но скоро мы были так обрадованы, что просто нет слов. Отец сиял, а мама даже надела новую косынку, но все время терсбила ее концы. Непривычно было нам всем слышать со стороны такие похвалы в адрес нашего-то... Нет-нет, ты не обижайся. Мы охотно всему поверили. В это время сидел у нас и твой дядя. Он важно изрек: «Ну, вот и самый молодой из Дадашевых начал поддерживать высокую честь своей фамилии». И пообещал, что будет приберегать в твою честь самого лучшего барана.

Все мы живы-здоровы. Никаких других забот, кроме сильного желания увидеть тебя. Соседи часто спрашивают, как, мол, наш танкист, не срамит нас? Хорошо ли служит? Теперь мы с удовольствием удовлетворяем их любопытство.

А недавно тобой интересовалась и Зухра. Ну та, которая с тобой в одном классе училась. А она ничего себе! Я бы сказала даже, что расцвела, как наша знаменитая горная алыча. Буду держать ее в поле зрения. Кто знает... Папа, как и прежде, пользуется всерайонным почетом передового механизатора, а Магомет собирается в аспирантуру. Здесь важно и другое. Мама обещала отпустить меня с ним и разрешила сделать современную европейскую прическу. А то эти косы... Ну, вот пока и все. Ты, Хасанчик, дорогой мой братец, пиши почаще.

Самая лучшая, самая умная и красивая из твоих сестер Света Дадашева».

— Что пишет сестричка?— спросил Игорь.

— Невесту, говорит, готовят.

— Кому?

— Как «кому»? Мне, естественно.

— Это не самая худшая весть,— сказал Игорь, отрываясь от газеты.— Только не вижу твоего восторга. Напиши, чтобы фото выслали. Посмотрим, обсудим, решим — достойна она нашего доблестного командира или не достойна.

— Поди, чернобровая и глазастая,— мечтательно произнес Кузьма.— Помню, был я года три назад или, кажется, четыре на одной из турбаз кавказских. Скажу вам, братцы, немудрено, наверное, выбрать невесту в ваших краях. Красивые там девушки. Что наши полтавчанки.

— Ну вот, снова заладил про своих полтавчанок,— поддразнил его Игорь.— И все, брат, оттого, что не бывал ты, бедняга, на Невском. Представь себе, мой юный друг, белые ночи, Дворцовую набережную, стройных, изящных, изысканных девушек, какие бывают только у нас, в Северной Пальмире: нежно-одухотворенные лица, глаза — как утреннее небо, улыбки — сплошное очарование. Да ты бы вмиг забыл своих полтавчанок, рассудка бы лишился!

— Насчет рассудка ты, ясное дело, загнул малость. Но дело даже не в том...— задумался Кузьма.

— А в чем же, милейший?— снисходительно улыбаясь, спросил Игорь.

— А в том, князь ты наш ясный, языкастый, что ни одна из тех, пальмирских, почему-то тебе не пишет. Али письма от своих прячешь?

Удар был точный и неожиданный. Не думал Игорь, что крестьянская мудрость и находчивость этого белобрового молодца может его так сконфузить.

— Я... Я могу тебе ответить,— сказал Игорь, несколько оправившись от удара.— Могу объяснить тебе. Я люблю их

всех одинаково. И к тому же — что за анахронизм: письма! Никчемные словоизлияния. Напрасная трата времени. С девушкой надо контактировать тет-а-тет. Лицом к лицу, как говорят французы. Компрэне ву? Только тогда узнаешь, о чем она думает и не водит ли тебя за нос.

— Тут ты, экскюзе муа, как говорят французы, не совсем прав,— сказал Хасан, вздохнув.— Письмо, брат,— великое дело. Даже если и не Татьяны к Онегину. И к тому же, что за стремление проникнуть в ее затаенные мысли? Вспомнил я один любопытный афоризм. Не знаю, как это вычислили, но утверждают: чтобы познать тайны женской души наполовину, достаточно одной встречи. Чтобы познать на девять десятых, нужен год ежедневных встреч. А хочешь познать полностью — не хватит и тысячелетия.

— Так что ж, если так, то и не жениться вовсе? — почти с отчаянием в голосе воскликнул Кузьма.

— Есть ответ и на такой вопрос,— продолжал Хасан поучать заинтересованных друзей.— Спросил однажды в древности ученик у своего учителя, знаменитого философа, жениться ли ему. Задумался философ. Крепко задумался, хотя и не был, наверное, уверен, что его ответ переживет века. И ответил: «И в том, и в другом случае будешь сожалеть». Так-то, брат.

— М-да,— согласился Игорь.— Ответ, достойный мудреца.

— Оно, может, и мудро,— рассудительно заметил Кузьма,— но я-то давно решил — вернуться на гражданку и женюсь. И не осенью, как обычно у нас это делают, а весной. В пору цветения вишни. Очень уж по душе мне эта пора. Вас приглашу. Договорились?

— Договорились! — твердо ответил Хасан.

— Что ж, согласен,— сказал Игорь,— заодно посмотрим, какие это «гарные» полтавчанки. Но я вообще-то не спешу со свадьбой. «Любовь что два крыла орла». Что ж, красиво — согласен. Но орлиная свобода — тоже кое-что.

— Чудной ты, князь, чудной и глупый,— покачал головой Кузьма.— А может, ты того, это, эгоист. Или просто не от души все говоришь. Чтобы меня, это, завести, нервы проверить?

— А это точно? Не врешь? — шепотом спросил Игорь, глядя по сторонам.

— Что «не врешь»?

— Про нервы? Неужели у тебя они есть?

— Имеются,— сказал Кузьма тоже шепотом,— и еще кое-что имеется.— И перед носом Игоря появился пудовый «кулачок» полтавчанина.

Князев понимающе кивнул, вытянулся по стойке «смирно» и стал есть глазами Кузьму.

Хасан расхохотался, а затем тоном умудренного жизнью наставника сказал:

— Какие вы еще зелененькие, а я-то с вами в танковый бой собираюсь,— сказал Дадашев, вздохнув.

...Нежной белой шалью покрыл первый снежок притихшую землю. Сосновый лес безмолвствовал в глубококом забытьи. На редкое ясное для этого времени года вечернее невысокое небо усеяно бледными звездами. Казалось, весь мир погрузился в эту прохладную тишину. Год службы позади...

После занятий ребята собирались в гарнизонный клуб.

— Артисты приехали!— торжественно заявил Игорь, устанавливая квадратное зеркальце на тумбочке.— И артисточки тоже. Принцессы, а не девушки.

— Лучше, чем на Дворцовой набережной?— спросил между прочим Хасан, листая книгу.

— Ну, это несравнимо,— уклонился Игорь.— Постой, а где наш любезный полтавчанин?

— На тренировку пошел. Со штангой своей договаривается по поводу будущего рекорда.

— Мне бы его заботы,— вздохнул Игорь.

— Твои тоже несложные. Причесался, сделал проборчик, бстинки — до блеска, и готов к употреблению,— сказал Хасан.

Молчание Гали вновь стало тревожить его беспокойную память. А может, думал он, и впрямь надо уйти от этих вчерашних, юношеских «забав». Но легко сказать... Оставаясь наедине со своими мыслями, Хасан пытался найти хотя бы какое-нибудь оправдание Галиному молчанию. Но никак не мог найти. Наконец его начали терзать мучительные подозрения. И тут же он уговаривал себя: нет, нет, этого не может случиться. Не такой она человек. Хотя... Ведь всякое в жизни бывает... И снова Хасан отмахивался от мрачных назойливых мыслей, как от безжалостных слепней. Он их гнал, а они снова слетались и упорно запускали свои жала в его сердце.

Он уснул за полночь. Но на смену тяжким думам пришли не менее тяжкие сны, и Хасан, несмотря на головную боль, даже обрадовался пронзительному сигналу тревоги, который прервал эту бесконечную долгую ночь.

Душную тишину вмиг разрушило шумное оживление казармы, зычные приказы, рокот запускаемых танковых моторов.

...Круто замешивая черно-белую кашу из свежего снега

и мерзлой почвы, мерно гудя, а изредка, на крутых поворотах, рывкая и взвывая, мчатся боевые машины. Вот уже почти два часа танковая рота в пути. Позади дорога через лес, впереди — обширное равнинное пространство, которое сливается на горизонте с мутно-серым небосклоном.

Его, Хасана, «девяносто пятый» шел одним из первых в колонне. Но вот получен приказ о рассредоточении танков «по фронту».

Хасан почувствовал, как заслезились глаза от яркой белизны снега, ставшей ослепительной под лучами только что выглянувшего солнца. А сейчас в Баксане, подумал Хасан, еще совсем по-летнему тепло... А тут — конец сентября, а что творится...

Учебные стрельбы прошли успешно. Экипаж «95» и на этот раз отлично поразил мишень и уложился в расчетное время, для чего постоянно нужно было следить и за пройденным расстоянием и за скоростью боевой машины. Возвращались по другому маршруту.

Хасан сидел за рычагами управления, упоенный безграничной властью над многотонной громадиной танка, чутко отзывавшегося на каждое движение его рук. Кажется, он получит сегодня еще одну благодарность перед строем. Такие вот дела. Как бы не пришлось командованию снова писать о сержанте Дадашеве в его родные края!..

Хасан увидел, что фланговый танк вырвался вперед метров на полтора и почему-то уклонился почти на столько же правее. И тут же включилась рация, говорил командир роты:

— Девяносто пятый, тридцать второй, девяносто первый! Осторожнее: впереди справа — болото.

— Вас понял, — ответил Дадашев. И не удержался, добавил: — У нас и карта, между прочим, есть.

— Куда он... — начал было Игорь, но тут и Хасан увидел, как тридцать второй вроде бы споткнулся, резко замедлил ход и стал погружаться в белое поле передней частью.

Еще не успев ни о чем подумать, Хасан взял правее и пошел напрямик к тридцать второму. Он остановился метрах в двадцати от захлебнувшегося танка, который уже наполовину погрузился в булькающую жижу. Передняя часть машины скрылась вся, задняя — беспомощно задрапалась кверху под углом в сорок пять градусов. Рация «32-го» не отвечала. Гусеницы танка отчаянно закрутились задним ходом, но было, кажется, поздно. Тяжелая машина со смолкнувшим двигателем медленно погружалась в трясины.

Хасан, Кузьма и Игорь выбрались наружу и подошли

поближе. Метрах в пяти от утонувшего танка почва еще держала. Дальше — трясина колебалась под ногами. Танк был уже целиком под жидкой пахучей грязью, на поверхности которой вздувались и лопались пузырьки болотного газа.

— Шевчук! Князев! Быстро разматывайте трос! — командовал Хасан.

Скоро они подтаскивали к краю трясины — по колено, затем по пояс, по грудь в мутной жиже — тяжелый стальной трос.

— Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота! — простонал Хасан и, заткнув за пояс буксирный крюк, решительно нырнул в воду. Он знал, за что цеплять крюк, знал, где искать наощупь «ухо» крепления, но густая грязная вода обжигала ледяной стужей, по дну невероятно тяжело было передвигаться из-за вязкого ила, а чтобы подтягивать трос, приходилось напрягать последние силы. Наконец его онемевшие руки наткнулись на скользкую броню танка. Пока не задохнулся, он еще успел подтянуться, влезть на броню и подняться на ноги. Глубины над танком оказалось ровно столько, что можно было высунуть над водой голову. Хасан отдышался и вытер жидкую муть с лица. В пяти метрах от него торчали из болотной жижи головы Князева и Шевчука. Парни молчали и только удивленно смотрели на Хасана.

— Это еще не все, — прохрипел Хасан. — Сейчас мы его за ушко и...

Он побольше набрал воздуха в легкие и опустился под воду. Повезло. Крюк удалось закрепить быстро. Цепляясь за трос, скользя по нему руками, Хасан благополучно выволок себя на мелкое место, а там его подхватили друзья.

Обессиленные, они с минуту постояли, привалившись к своему танку.

— Давайте, ребята, «отдохнем» внутри, — сказал Игорь.

— По местам! — негромко командовал Хасан. — Как бы эти горе-подводники не задохнулись.

Надсадно ревя, вздрагивая и как бы негодуя, 95-й медленно попятился. Мутная жижа над болотом вздрогнула. Затем шумно забурилла.

— Ага! — крикнул Кузьма. — Эти оболтусы догадались врубить мотор! Теперь самый раз.

Из болота показалась тупая корма, затем верхушка башни.

— Э-э-й, ухнем! — пропел Игорь.

Дальше — легче. Вот и весь танк на берегу, и сам уже в состоянии пятиться задом, и трос дал слабицу... Все!

«О ЧЕМ ГРУСТИШЬ, ДЕВЧОНКА?»

Галя усердно стирала, когда в репродукторе раздалась знакомая мелодия. Затем на фоне приглушенной музыки диктор объявил: «В эфире передача «Отчизне служат земляки». Мы расскажем о боевых буднях молодых солдат...» Галя распрямила спину, отжала белье и, подойдя к репродуктору, увеличила громкость. В эту минуту в летнюю пристройку зашла мать.

— Отдохни, дочь моя. Устала, бедняжка, вижу, что устала, да перейдут ко мне твои болезни. А это что за шум?.. А-а... Не нужны нам такие хабары. Пойдем, поговорим.

— Пстой, мама, кажется, интересно...

Но мать выдернула вилку из розетки и легонько вытолкнула Галю в другую комнату.

— Садись. Поговорим.

— О чем?

— О жизни твоей, о судьбе твоей.

— Ну, сколько можно об этом! Пожалейте меня.

— Вот жалею, потому и говорю!

Галя сидела рядом, но мысли ее, как всегда во время долгих материнских наставлений, уплывали в какую-то неясную даль, где, возможно, несли воинскую службу молодые земляки...

— ...может так случиться, что, потеряв надежду на твое согласие, он женится на другой. Мало ли нынче и красивых, и умных девчонок в Баксане! Сотни, тысячи, может быть, клянусь памятью умерших. Не пришлось бы потом горько сожалеть. А годы идут... Башир-то...

— Знаю. Все знаю, — очнулась Галя. — Умный, серьезный, из уважаемой фамилии и, кажется, даже красивый. Ну, что еще там? Машина, должность...

— Дай мне говорить и оставь богопротивные шутки. Так вот, немало прожила я на свете, и немного осталось мне жить. Но видела, как юные мужья да жены сначала, что Тахир и Зухра, а через год, глядишь, — разошлись. И все из-за чего, думаешь? От легкого отношения к семейной жизни, от первых мелких скандалов они становились, как кошка с собакой.

«А в передаче могло ведь что-то быть и про Хасана, — грустно размышляла Галя. — Как же так? Не понимаю...»

— ...при мудром и уважительном муже. Счастье, оно не такая штука, которую купишь на баксанском базаре.

— А вот это верно, мама...— снова включилась Галя.

— Если так, скажи свое согласие, красивая моя, единственная моя!— голос матери теперь звучал так, словно она говорила завещание, словно она прощалась навсегда. На ее ресницах задрожали слезы.

Галя знала, что во всем-то мире нет никого ближе и роднее мамы, которая готова была не только на словах принять на себя все невзгоды дочери. Знала Галя и то, что высший долг девушки-горянки быть беспрекословно послушной воле родителей. И она была послушной. Она еще ни разу в жизни не опечалила лица матери какой-нибудь дерзкой своенравной выходкой.

Но властная сила первой любви, заполнившая и пленившая все ее существо, настойчиво диктовала — будь решительной, воспользуйся щедрым даром судьбы, люби и будь любимой!

Не было больше сил выслушивать мамины увещевания. Галя не совсем вежливо оборвала беседу и убежала в свою комнату.

Мать не стала ее удерживать, но от ее терпения и нежности теперь не осталось и следа. Гневно засверкали ее глаза. Она пошла в комнату сына. Аслан, только что вернувшийся после дежурства, лежал на диване и листал какой-то журнал.

— Вот так лежите вы все, а о судьбе несчастной девушки никто и не думает! А если она ускачет с этим солдатиком — чем смоете позор семьи, свой позор? Ну что молчишь, лежебока ты эдакий? Или она не твоя сестра? Или мы ее подобрали на улице? А? Оставим несчастного ребенка на произвол судьбы? Так что ли?

— «Ребенок, ребенок», какой ребенок! Оставьте ее в покое, — проворчал Аслан. — Самой-то видней, за кого выходить, если ей так приспичило. А того парня я знаю. Вполне нормальный, толковый, я бы сказал...

— А-а, вот как ты заговорил! Может быть, и ты с ними заодно? Может, без меня все решили? А я, старая квочка, зря, значит, трачу свои слова?.. — набросилась мать на Аслана. — Пусть я умру, пусть душа покинет мое уже слабеющее тело, если отдам ее за... этого...

— Успокойся, мама. Никто ничего не решил. Он, кажется, служит. Не до женитьбы ему. И к ней зачем приставать? Пусть подождет.

— О аллах, что слышат мои уши! О чем он говорит, несчастный, ушибленный в голову конским копытом! Пусть я лучше умру. — Мать от негодования чуть не задохнулась.

— А нет писем — так, может, он временно засекречен. Бывает и такое...

— Нет, не бывает,— вдруг успокоилась мать.— И свою дочь единственную я не выдам за какого-то сопляка-шофера. Не для того растила, лелеяла. Не для того берегла ее, как зеницу ока. И я надеялась, что ты, как старший брат, уговорил бы ее послушаться родителей. Может, тебя она лучше поймет.

— Да что она должна понять?

— Как что? Да то, что без моего благословения она не должна покинуть отчий дом. Вот что!

— А если она сама... Если сама ускачет со своим возлюбленным? Так теперь часто бывает,— глубокомысленно заметил Аслан.

— Да чтоб жизни лишились такие! Но моя дочь не из таких!

— Как знать.

— Оставь свои несносные намски, слепец несчастный! Поговори с сестрой, прошу тебя!

— Хорошо, мама,— вздохнул Аслан. Затем внимательно посмотрел в лицо матери и сказал:— Я только вот о чем думаю... Если тот юноша и в самом деле любит Галю, почему все же не было ни одного письма?

— А мне откуда это знать?— не сразу ответила мать.— Я же сказала, что он... Нынче молодые парни вообще такие... Поди, ходит с какой-нибудь непричесанной да в мужских штанах.

— А не может так случиться, что парень пишет, а письма не доходят куда надо, а? В жизни, говорят, и такие штуки бывают.

— Не бывают. Стыдно тебе такие речи вести. Не у себя в милиции.

— Да я просто так...— сказал Аслан и, закурив, вышел в коридор.

* * *

«...Любимая мама, жизнь мне давшая, я больше не стану терзать твоего сердца. Ради того, чтобы не видеть твоих слез и не слушать твоих горестных слов, я, вскормленная твоим молоком, поступлю, как ты считаешь нужным...». Галя походила по комнате и остановилась перед зеркалом. Погладила ладонью щеки, брови, стала изучающе всматриваться в свое отражение. Задумчиво улыбнулась.

«Что ж, все верно. Верно и просто. Не мы выбираем, а нас выбирают. Училась, выросла, годы подошли. Что

теперь? Семейю создавай, детишек расти. И дожидайся возвращения с работы того, на ком будет держаться твой мир. Встречай его с улыбкой. Даже если тебе очень грустно. Корми его, обхаживай. Есть ли женщины, лишенные этого? А если есть, то почему они считают себя такими несчастными? А любовь? Была ли она у мамы? Ах да, она говорила. Любовь ее — папа, а счастье — это мы. Аслан и я».

Галя, словно пытаясь уйти от навязчивых тревожных мыслей, стала расчесывать волосы, закрывая ими плечи и шею. И снова эти слова, которые преследовали ее, как тень, как судьба: «Выйди замуж за меня, и ты станешь самой счастливой. Поверь мне». Так говорил Хасан, и при этом его глаза блестели по-детски восторженно и ласково. Но что-то в этом роде говорил и Башир...

Галя грустно усмехнулась своему отражению в зеркале, откинула волосы за плечи и, тяжело дыша, побежала в комнату матери. Мать сначала даже испугалась, как бледна была дочь.

— Что с тобой?

Но Галя ничего не ответила. Она обняла мать и долго-долго молчала.

* * *

...Радостный той, веселая свадьба шумит под сенью раскидистых ореховых деревьев. Длинные столы прогибаются под тяжестью праздничного угощения. На длинных скамьях, застланных коврами, сидят многочисленные гости. Они добросовестно выполняют свою роль: едят, шутят, поют, провозглашают здравницы в честь молодых. А иные, уже насытившись, ведут, в ожидании нового прилива аппетита, неторопливые беседы.

Аслан, у которого сегодня много забот, обратил внимание на грустную девушку, которая сидела за одним из столов в женской компании и отсутствующим взглядом смотрела по сторонам. Видно было, она чем-то опечалена, и всеобщее веселье не в силах рассеять ее тоски, а может, и горя. Она не ела, не улыбалась, не участвовала в веселой болтовне подруг.

— Сакинатка, чего это ты загрустила?— спросила словоохотливая соседка, поглаживая волосы девушки.— Не печалься, и на твоей свадьбе погуляем, даст аллах, скоро. Так что, девочка, гляди веселей.

— Что это ты, милая, поникла, как курочка, попавшая под ливень? Примни-ка из моих рук угощенье,— сказала другая соседка.

А девушка вместо ответа одаривала соседок только слабой улыбкой.

Аслан все никак не решался спросить, чем расстроена Галина подружка (кажется, теперь на почте работает). Да и неловко спрашивать при людях. А в общем мало ли забот может быть у молодой девушки! Свадьба-то не у нее — у подруги. Однако странная и навязчивая тревога закралась в душу Аслана. Каждый раз, проходя мимо, он замедлял шаг, чтобы подойти к Сакинат. Но тут же, покачав головой, проходил дальше.

Вскоре, заметно оживившиеся при звуках музыки, гости начали танцевать. Те, что посмелее, вышли в круг первыми, а из толпы начали раздаваться голоса, подбадривающие танцующих.

Аслан и Сакинат вновь встретились взглядами, но девушка, испуганно опустив голову, нырнула в толпу. В эту минуту кто-то окликнул Аслана, и он пошел в комнату, где поседал среди ближайших друзей сам жених. Он учтиво встает каждый раз, когда в комнату входят гости, смущенной улыбкой отвечает на шуточные восклицания мужчин и женщин. Но не видно на его лице особой радости. То ли растерян, то ли озадачен — не понять.

Аслан вышел, но Сакинатки не нашел. Ни среди сидящих за «женским» столом, ни среди толпы, окружавшей танцующих.

Женщины постарше сидели под навесом и вели неторопливые «хабары», время от времени поглядывая в сторону молодых.

— Какое счастье пришло в этот дом, в этот двор, какое благо! Вот так нежданно-негаданно...

— Да, дорогая, ты права. Но ведь жених каков! Мечтать только надо о таком женихе для дочери и о зятя для ее родителей.

— А невеста, говорят, не так уж и рада тою. Можно подумать против воли выдают замуж.

— Что за речи, что за речи! Разве можно говорить такие недобрые слова за этим благополучным столом? И как можно поверить в то, что «говорят»? И вообще не те времена. А если и что... да пошлет аллах согласие и счастье новой семье.

— А я разве против? Просто говорю, что слышала. По правде сказать, я не согласна с теми, кто говорит, что всему голова — любовь, а без нее даже золотые горы счастья не дадут. Я так думаю: если будет твой властитель и умным, и хозяйственным, и удачливым — большего счастья женщине и не надо. Будет добро — будет и счастье.—

Так говорила златозубая румяная женщина, и тяжелые серьги покачивались у нее в ушах, словно состязаясь блеском с кольцами и перстнями на пухлых коротких пальцах.

— Не тебе говорить такие речи, Сырмахан,— возразила одна из ее старых приятельниц.— Прости за откровенность, но ты ведь готова променять своего не по годам стареющего мужа на лишний золотой зуб.

И она тут же получила достойный отпор:

— А не ты ли, такая совестливая и благонравная, ославила свою невестку на все село только за то, что она приданого принесла меньше, чем ты ожидала. А потому сидела бы я на твоём месте, плотно закрыв свой рот, полный не золотых, а гнилых зубов. Не то и другие грешки твои могут обнажить.

— Ах ты, бесхвостая курица! На какие это грешки ты намекаешь, спекулянтка бессовестная? Видит аллах, да милиция не видит твоих деяний...

Еще немного, и женщины, забыв о том, что участвуют в свадебных торжествах, дошли бы еще до бог знает каких комплиментов, но нашлась другая женщина — и постарше, и поумнее — и мир хоть и не сразу, но вновь воцарился за столом. Правда, это был худой мир, чреватый будущей доброй ссорой.

Под утро, когда заалел горизонт, вместе с ночью ушла и бодрящая прохлада. Необходимые обряды и церемонные обмены новых родственников взаимными пожеланиями изобильного благополучия, крепкого здоровья и счастливого долголетия закончились. Суетливые девушки разукрасили цветными лентами, пестрыми шелковыми косынками синебокую «Волгу» и дюжину «Москвичей» и «Жигулей».

Настала минута расставания с дочерью, и мать, как положено, всплакнула, а отец, как и следовало в этом случае, надвинул шапку на брови. Один Аслан испытывал раздражение и досаду. Он никак не мог освободить память от того вечера, когда встретился с Хасаном, от находчивых слов этого немного странного, но, похоже, отличного парня. Аслан даже чувствовал перед ним свою вину, но не знал, что делать. Да и что теперь можно было изменить?

Машины дружно загудели, разбудив округу и встревожив дюжину собак. Нарядные и веселые девушки усадили еще более парядную, но невеселую Галю в машину.

...Неделя прошла после свадьбы. Аслан шел на работу. Вдруг возле самой милиции он лицом к лицу встретился с той беспокойной, загадочно печальной Сакинат.

— Здравствуй, Сакинат, вот удача! Давно хотел тебя видеть.

Девушка побледнела, часто заморгала, сделала несколько шагов в сторону и внезапно разрыдалась, как ребенок.

— Да погоди же, девочка! Кто тебя обидел, что случилось? Я еще тогда заметил, что у тебя печаль какая-то, но спросить не решался. Ну, хватит. Вот, хорошо, а то прохожие стали оборачиваться. Пошли, поговорим. Во-он на ту скамеечку. Хорошо?

— Хорошо,— сквозь слезы проговорила Сакинат, доставая из сумочки платок.

— Вот и отлично, что хорошо,— сказал Аслан и предложил девушке сесть на одну из скамеек тенистого сквера.

— Я шла к вам,— начала Сакинат, переборов робость и поправив челку.— Вы... вы должны меня арестовать. Арестовать и посадить в тюрьму.

— Это за что же?— удивился Аслан.

— Я такое натворила, такую ужасную подлость совершила... И сама не думала, что иду на преступление...— у девушки вновь затряслись плечики.

— Успокойся. Ну? Давай по порядку,— сказал Аслан, вынимая сигареты.

— Я никогда себе не прощу этого,— всхлипнула Сакинат.— Никогда!

— Ну говори наконец!— не выдержал Аслан, посмотрев на часы.— У меня, честно говоря, мало времени осталось на беседу с тобой. Работать надо.

— Я... я Галины письма, то есть этого Хасана-солдата письма, матери вашей отдавала. А она мне в подарок вот это дала. Но не думайте, что я за колечко продалась. Я спросила: «А если Галя узнает?» Тогда она поклялась, что никто не узнает. Потому что она ее дочь, а дочь свою она за того солдатика ни за что не выдаст. Галя, дескать, еще глупая, и не надо ей давать совершить непоправимую ошибку. Говорит, это доброе дело — не давать ей письма. Так и сказала. А когда я на свадьбе увидела Галю, будто сердце у меня оборвалось. Поняла, что совершила подлый и бесчестный поступок. С того дня плачу. И вот решила идти к вам...

— Ах ты дрянная девчонка! Что же это ты мне не сказала раньше? И что толку теперь от твоих слез и запоздалых признаний!

— Мне было тяжело это сделать...

— Тяжело, говоришь? А каково ей-то будет, если все узнает, а?— Аслан совсем растерялся. Он и негодовал, и жалел эту несчастную, глупую девчонку. Наконец, он погладил голову плачущей Сакинат и сказал спокойно:

— Постой! Теперь надо все хорошенько обдумать. Во-

первых, об этом своем подлом деле никому не говори. Поняла? Рано или поздно Галя сама узнает. А пока никому ни слова.

— Что мне теперь будет?— подняла Сакинат заплаканные глаза.

— Что будет? А чему теперь быть? Пусть судит тебя твоя собственная совесть. А теперь иди домой. Если сможешь — успокойся, глупая девчонка.

Было, однако, похоже, что девушка и в самом деле немного успокаивается. Высказалась, выслушала упреки, и груз на сердце вроде стал полегче. Она пошла домой, не оглядываясь и не спеша. Аслан смотрел ей вслед и еще больше казнил себя чувством вины и перед Хасаном и перед сестрой. Безднадежность положения сильно угнетала его. Аслан посмотрел на часы и, тяжело вздохнув, пошел на работу.

Рассказ двадцать восьмой

ТРУДНЫЙ, ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

Азрет читал солдатское письмо, и лицо его то и дело озарялось теплой улыбкой. В эту минуту вернулся с работы Мурадин.

— Что читаешь, чему так радуешься?— спросил Мурадин, снимая плащ.

— Сержант-танкист Хасан Дадашев шлет привет и пожелания крепкого здоровья хирургу Мурадину. Так, мол, и так, на расстоянии я его полюбил сильнее и скучаю по его нравочениям. Не раз опечалил я его доброе сердце и потому, видимо, аллах надоумил просить у него прощения за все свои дерзости.

— Ишь, как заговорил, шайтанов брат. Знал я, сердцем чувствовал, что настанет день, когда угрызения совести пробудятся и в его нахальной душе,— злорадствовал Мурадин.— Давай напишем ему обстоятельное письмо да посылку отправим. Со сладостями этот несчастный был в великой дружбе!

— Хорошо, но здесь одно мне непонятно, сказал Азрет, вновь просматривая письмо.— Получаю, говорит, письма только от вас, от ребят из карьера да от Светы-сестренки. Письма, говорит, облегчают тяготы суровой службы... Пишите, пусть даже и покороче, но чаще, а то изнываю от зависти к тем, кто чуть не каждый день получает послания из родных краев. Понимаешь, доктор?

— Что тут понимать? Сам испытал все это. Письмо, брат, для солдата — дар бесценный, психологический стимул, как говорится. А вообще-то ему не вредно будет и потосковать. Больше будет потом ценить и нас, и своих родных...

— Да не о том ты все! — возмутился Азрет. — Ничего ты не понял. Дело в том, что ни слова нет об этой луноликой со сливовыми глазами. Не пишет эта Джульетта разнесчастному Ромео.

— Постой, постой, как же я сразу не догадался! Как же я, дурья голова, не понял самого главного? — всполошился Мурадин. — Ни в одном письме ни одного слова об этой распрекрасной Гале. От нас-то он ничего не скрывал. Странное дело. Может, поссорились накануне? Что-то здесь не то, граждане пациенты!

Не прошло и недели, как все выяснилось само собой. Хотя, конечно, не до конца.

А было так. В один из воскресных дней Мурадин и Азрет отправились в Приэльбрусье, где намеревались провести целый день, посетив и любимое кафе «Луна».

От стоянки машин до нижней станции канатной дороги — рукой подать.

— А это что за мимолетное виденье? — ахнул Мурадин, заметив молоденькую женщину, выходящую из только что подъехавшей «Волги».

— Мало ли тут всяких «видений», — пробурчал Азрет, недовольный плохо закрывающейся дверцей машины.

— Мне кажется, я ее где-то уже встречал.

— Так ей и скажи. Самый верный вариант знакомства. Только не слишком новый. А вот как ты будешь объясняться с тем типом, который за рулем... Постой, постой. Не Хасанова ли продавщица?.. — Азрет сильно хлопнул Мурадина по плечу. — Галей, кажется, звали. Да-да, точно.

— Я тоже вспомнил. Надо бы ей сказать пару теплых слов.

Азрет остановил его:

— А может, мы ошиблись? Просто похожая или сестра...

Но в это время красивая и стройная, модно одетая молодая особа сама заметила их и, что-то сказав спутнику, подошла к Мурадину и Азрету.

— Здравствуйте! Вы, конечно, меня не помните. Но я вас узнала сразу. Вы друзья Хасана Дадашева, который жил с вами в одной комнате общежития.

— Да, да, вы не ошиблись. Мы друзья, верные друзья Хасана, который жив-здоров и служит в армии, — сказал Мурадин выразительным тоном.

— Вы — Галя, не так ли? — спросил Азрет, пытаясь смягчить обстановку. — Как же не помнить! Очень даже помним, хорошо помним...

— Если вас интересует судьба бывшего знакомого парня — скажу: отлично служит танкист Дадашев, — сообщил Мурадин. — Скоро закончит службу и вернется домой. От того, что его обманула любимая девушка, Хасан не станет кидаться вниз головой с утеса. Хорошие девушки не только со службы — с фронта ожидали своих джигитов. Всю войну. Иные ждали годами и после войны.

— Я все понимаю, — ответила Галя, всхлипнув. — Вы правы, хотя и очень жестоки.

— Подожди, Мурадин, — решительно сказал Азрет. — Скажи, Галя, толком: он писал тебе письма? Ты отвечала ему?

— Нет, нет и нет! Ни одного письма я не получила, ни строчки, ни словечка. Что случилось — не знаю. Все это в прошлом, но продолжает терзать мою душу.

— Ну и дела, — задумался теперь и Мурадин. — Он ведь не одно написал письмо. Просто, девочка, чья-то холодная рука перехватывала солдатские письма. Разве не так, Азрет?

— Что бы ни случилось, дайте мне его адрес. Сама все разужнаю, — она так моляще смотрела на них, словно от этого адреса зависело в ее жизни решительно все. Словно ее ожидало раскрытие жуткой и неожиданной тайны.

— Адрес — пожалуйста, — сказал Азрет, доставая записную книжку. — Только вряд ли вы обрадуете его своим замужеством.

— О боже, — прошептала Галя.

— Берите адрес и будьте счастливы. Но, честное слово, я бы не советовал писать. Впрочем, дело ваше. Прощайте и передайте наши извинения своему супругу.

Рассказ двадцать девятый

ЗА ПОРОГОМ — УТРО РАННЕЕ

Детским восторгом взыграла душа Хасана, когда он увидел из вагонного окна очертания родных гор. Сверкающая зубчатая гряда выплывала из белесой утренней дымки, медленно приближалась и все четче рисовалась на фоне чистого неба. Позади, справа от поезда, остался Пятигорск. Сердце у Хасана сжалось и заняло: вспомнился

день, который они провели с Галей у подножья Машука. Вспомнилось и полученное от нее недавно письмо: в нем и раскаяние, и сожаление, и горькие переживания. А ясно одно — Галя потеряна навсегда. Боль Хасана была теперь не такой уж острой и мучительной, как в тот день, когда он рвал на мелкие кусочки только что прочитанное злополучное письмо. Думалось тогда, что горькое разочарование отравит всю жизнь, да и вообще жизни не будет, но... Видно, любовь оказалась не такой уж великой, чтобы выдержать испытание временем.

* * *

Хасана встречали всей семьей. Не успел он ступить на платформу, как Света львицей бросилась вперед и повисла на шее любимого братика. Брат Магомет взял чемодан одной рукой, другой сильно хлопнул Хасана по плечу. Мать со слезами радости обняла своего младшего и долго держала в объятиях. Отец, нарядно одетый и при орденах, стоял поодаль и ждал. Наконец дождался и пожал руку сыну.

— Ну, здравствуй, сержант,— вполне серьезно произнес он.

— Старший сержант,— вежливо уточнил Хасан, показывая пальцем на погоны.— Гвардии старший сержант.

— Узнаю братца,— заметил Магомет.— Многое изменилось в нем. Но в одном он неизменен — себя в обиду не даст.

— С настоящим танкистом можно бы и повежливей.— сказала Света, не отводя восторженного взгляда от Хасана.

— Я очень рад,— шепнул он сестрице на ухо.

— Чему?— тоже шепотом спросила она.

— Тому, что ты стала умней... Как взрослеют дети, прямо на глазах взрослеют.

Не успели Хасан и родственники выйти из автобуса, который доставил их в Состар, как сельская ребятня почти вплотную прикинула к дверям машины, заняв выжидательную позицию. А когда удалось выйти из автобуса, мать стала наделять юных земляков Хасана конфетами и пряниками, припасенными специально для этого счастливого случая. Мальчики и девочки набивали рты сладостями, а глазами «поедали» красивого и стройного Хасана, на груди которого ослепительно блестели разные изумительные значки. Самый младший позарился было и на эти значки, но, получив от кого-то из тех, кто постарше, недвусмысленный подзатыльник, быстро успокоился и опять занялся конфетами. Кое-кому из ребятешек Хасан стал примерять

свою фуражку со звездой, чем доставил счастливым не- сказанное удовольствие.

Не более недели отдыхал Хасан дома. У Хамзата, любимого дяди, побывал, посетил могилу легендарного Узеира Дадашева, узнал прелюбопытную новость о Зухре, которая вопреки настойчивым увещаниям, угрозам и запретам домашних уехала в город «работать и учиться». Мать ее вначале публично вроде бы прокляла, а потом ездила к ней и после этого картинно расписывала райское житье-бытье своей умницы-дочери. Родственники Махмута получали от него нечастые письма, в которых тот рассказывал им о мужественной профессии строителя-трассовика. По Состару гуляла фотография, на которой улыбающийся Махмут был снят в группе бывалых сибирских парней, готовых своротить любую гору на своем пути. Хасан решил установить с ним регулярную переписку. Превращение Махмута в сильного мужчину, способного взвалить любой груз на свои плечи, удивляло Хасана, как редкое явление природы.

Зато не замечал Хасан особых изменений в себе самом. Это сразу заметили родственники: какой он взрослый и серьезный. Хоть и пошутить любит по-прежнему, но уже как-то не так безобидно и многословно.

Отправился Хасан в свою Долину Ветров. А мать, к его немалому удивлению, не стала долго уговаривать его отдохнуть дома еще темного. Она положила в большой чемодан новенький костюм, дюжину рубашек и, конечно же, вареного индюка в полиэтиленовом мешке, наполовину заполненном румяными красивыми лакумами. «Езжай, сынок», шепнула она со вздохом. Помолчала, потом добавила: «Вижу, сердце тянет туда. Да сопутствует тебе счастье и удача. Береги себя и нас не забывай. Приезжай почаще».

Брат подарил ему серую куртку на молнии.

— Когда нахвастаешься своим гвардейским мундиром, она тебе пригодится в ваших ветреных краях.

— А это — мои дары: очень модные галстуки и носки, — сказала Света. — Вообще теперь тебе самое время следить за своей внешностью. И еще. Зухру там можешь встретить. Вообще-то я сердцем чую... Ну, ладно.

— Оставь свою предвыборную пропаганду, — проворчал Магомет. — Ишь, сваха доморошенная...

— Остри, остри, доктор. Но, несмотря на то, что ты старше, Хасанчика мы можем поженить раньше тебя. А то сколько еще можно ждать!

— Это было бы весьма кстати, — согласился Магомет. — Может, отстали бы, наконец, от меня.

Петля за петлей, поворот за поворотом разматывалась

дорога в Долину Ветров. Хасан узнавал и не узнавал путь, по которому ездил десятки раз. То ли дорога стала ровнее и шире, то ли новый «Икарус» шел мягче, но ехать было гораздо приятнее, чем раньше. И на чудесную природу родного ущелья Хасан смотрел по-настоящему влюбленными глазами.

Густой орешник, бурно зазеленевший майской листвой, казалось, отступил подальше от обочины, туда, где тянулись по берегу реки облепиховые чащи. А на огромных валунах, тысячелетия назад скатившихся со скалистых склонов, все так же росли пучки грубой травы. На некоторых, величиной с небольшой дом, утесах, торчавших прямо из воды, стояли даже крохотные березки, извлекающие свою живучесть из глубоких каменных трещин.

Наконец за очередной извилиной горного шоссе появился город с целым кварталом новых многоэтажных домов на бывшем окраинном пустыре. Молодые деревья, посаженные несколько лет назад на каменистом берегу реки, заметно повзрослели.

Мурадин сердечно обрадовался возвращению Хасана.

— А поворотись-ка, служивый! Что за чудные у тебя регалии! А вот эта штуковина что обозначает?

— Штуковин в армии, дорогой мой, не вешают, — солидно ответил Хасан. — А все, что висит, заработано потом и кровью. Ты мне лучше скажи, где отец наш и благодетель? — Хасан перевел взгляд на кровать Азрета.

— Да, забыл сказать. Недели две назад он завещал тебя мне, а сам уехал в Москву со своей разработкой нового метода. Он там продвинет, наконец, горное дело, которое, как он считает, топчется на месте и никак не может двигаться дальше. И кровать эта сейчас не его, а твоя. Так что нас теперь двое в этой комнате. Комендантша, которая хранит к тебе любовь свою, никого сюда не пустила. Она и в самом деле часто вспоминает тебя. Вообще женщины к тебе... — Мурадин осекся. Свежо было в памяти «коварство» той, со сливовыми глазами.

— А что он все-таки там в Москве делает? — спросил Хасан.

— Я же говорю, поступил в аспирантуру. С почти готовой уже диссертацией. Вернусь, говорит, переверну весь комбинат и на его месте построю новый. Азрет теперь волонтер научно-технической революции.

— Да, усложняется жизнь. А сам-то как? Режешь по-маленьку? Все так же успешно, как и раньше?

— Да нет, успешнее.

Павильон чистильщика обуви старого Ашота блистал свежими красками. Была обновлена и знаменитая вывеска над дверцей: «Чистая обувь — не роскошь, а культура». Хасан вновь внимательно прочитал это блестящее изречение и вступил в чрево тесного, но уютного теремка.

— Доброе утро, дядя Ашот!

— Уо-о-о, здравствуй, дорогой! Здравствуй, сынок! А я все думал, куда же это запропастился наш юноша, наш Хасанчик? Надеюсь, ты не только жив-здоров, но и при отличном расположении духа?

— Спасибо, дядя Ашот, все в порядке...

— Как в танковых частях?

— Так точно! Как в танковых. Службу закончил, а теперь вот перед началом другой службы решил проведать старых друзей. Сами-то, дядя Ашот, как поживаете? Не болеете?

— Ничего. Увижу веселого человека — самому весело. Замечу взгрустнувшего — самому грустно становится. И еще... не спеша, без лишней суеты, но все же помаленьку стареем.

— Да, я заметил: идет тяжба между черными и белыми прядями, — сказал Хасан и, переводя взгляд на начинающий сверкать ботинок, добавил: — А резвость рук все-таки не убавилась.

— Есть еще, как говорится, порох в пороховницах, и сила еще не иссякла. Но, Хасан, дорогой, скажи мне откровенно, как там, где ты служил, достаточно силы и мощи и этой... резвости, чтобы мы были спокойны? Чтобы старики за своих внучат были спокойны? Можно надеяться?

— Да, дядя Ашот, вполне можно надеяться. И спать спокойно, и жить без тревог. Это вам говорит командир танка Дадашев. Говорит уверенно, потому что знает. Хорошо, если ничего не произойдет. Но если кто сунется — обожжется. Вернее, не обожжется — сгорит. Это не просто слова.

— Тогда хорошо, — сказал старый Ашот. — Тогда можно надеяться. Мне, к примеру, много не надо. После работы встречают внуки, посижу с ними, поиграю, телевизор посмотрю — и счастлив. Днем на работе увижу веселых людей — тоже счастлив. В это окошечко заглянет солнышко — я опять счастлив.

— Спасибо, дядя Ашот! Продолжайте быть счастливым, — сказал Хасан, покидая пестрый теремок, который дарил «не роскошь, а культуру».

Не успев налюбоваться ослепительно сверкающей обувью, Хасан встретился с светлокудрой красавицей-медсестрой, которую тоже звали Галей. Это ее он когда-то провожал с вечеринки.

Она стала еще привлекательней, а рядом с нею стоял высокий с мужественным лицом молодой человек в спортивной куртке и основательно потертых джинсах.

— Господи, ты ли это, Хасанчик?!— воскликнула светлокудрая.— Сто и один год. Откуда ты возник, рыцарь моей мечты?

— Вернулся со службы. Как ты, Галя, поживаешь? Правда, я и так вижу, что совсем неплохо.

— Володя, это тот самый Хасанчик, который отверг мою любовь. Ой, да познакомьтесь же вы, наконец! Вот — Хасан, а это мой муж.

— В таком случае, за непризнание очарования моей дамы вызываю вас на дуэль. Какой вид оружия предпочитаете, сударь?

— Танк,— ответил Хасан.— Место и время?

— О, если вашу решимость и мужество украшает и чувство юмора, это меняет дело. Я отменяю свой вызов и приглашаю вас на чашку кофе. С разрешения Гали, разумеется.

— Приглашение принимается,— ответил Хасан с легким поклоном.

— Моя супруга умеет готовить отличнейший кофе. Впрочем, вы, кажется, об этом узнали несколько раньше, чем я.

— Приходи, Хасанчик, пожалуйста,— сказала светлокудрая.

— Непременно приду.

* * *

На карьере приезде Хасана громче всех радовался: неувядаемый Митрофаныч. Он сперва крепко обнял парня и по-русски трижды расцеловал. Потом, обхватив Хасана за плечи, восторженно повторял: «Молодец! Молодец! Ну посмотрите на него — богатырь! Рыцарь! И все потому, что танкист»,— он наконец повернулся к остальным ребятам и оглядел их всех:

— Говорил я вам? Ведь говорил же: Дадашев не посрамит нас. Не опозорит нас Дадашев. Более того — прославит. Замечательный танкист! Гвардеец! Спасибо, сынок. Обрадовал. Жива, значит, боевая танкистская традиция,

преимущество поколений. Порядок, стало быть, в танковых частях.— Митрофану был до того возбужден, что не соизмерял силы своих ударов по плечу и по спине Хасана увесистой своей десницей. Хасан от каждого удара слегка приседал, но мужественно улыбался. Наконец, бывалый воин успокоился, отдышался, смахнул ладонью слезу в уголке глаза.

— Спасибо, сынок. Теперь нашему стариковскому брату можно, наверное, и на покой. Ты нам, Дадашев, потом поподробнее доложишь о службе, об армейских делах, как там нынешние танкисты. А сейчас ты только одно мне скажи, одну тайну открой: здорово обогнали новые машины мою родную «тридцатьчетверку»?

— Тут, Митрофану, нет никакой тайны. Насчет танкостов не скажу, а машины совсем не те.

— Да и танкисты, брат, наверное, тоже не те,— с грустинкой заметил Митрофану.— Шутка ли! Мы-то, малограмотные ребята, на самых коротких курсах танки осваивали. А теперь что ни танкист, то ученый. Ясное дело, машины современные немалых знаний требуют.

— Еще как требуют, Митрофану!— сказал Хасан ему в тон.— Без нужных знаний в современный танк не влезай, заблудишься среди сложнейших приборов.

— Еще одну тайну. Нас-то хоть вспоминал? Только по-честному.

— Вспоминал, Митрофану. А если по-честному, и вовсе не забывал. Разве это возможно?— с полусутоливой обидой сказал Хасан.

— Это хорошо. А мы тут, ты и сам скоро увидишь, тоже не бездельничали. Добрались до самой сердцевины. До основного рудного тела. А это вдохновило наше большое московское начальство, и мы теперь имеем технику, какая раньше нам и не снилась. Это же какое чудо — стодвадцатитонные грузовики! Жизнь стала интересная — умирать не надо. Вот сядешь на стодвадцатитонник и сам узнаешь. В общем, в добрый путь, парень! Крепче за баранку...— вконец растроганный Митрофану вдруг деловито повернулся и зашагал в свой конторский домик.

Рассказ тридцатый

«И ВОТ ОПЯТЬ ЯВИЛАСЬ ТЫ...»

Подспудно, в глубине сознания, Хасан чувствовал, что эта встреча рано или поздно, но обязательно состоится и,

возможно, сыграет в его судьбе немалую роль. И все же она, эта встреча, оказалась совершенно неожиданной из-за того, что произошло гораздо раньше, чем он думал.

До начала рабочего дня было еще далеко. По улице совсем недавно прошли поливальные машины. Воздух был насыщен прохладным ароматом цветов и молодой листвы. Чугунная ограда стадиона отбрасывала на тротуар черные полосы теней, отчего Хасану казалось, что он шагает по косой ажурной решетке.

Девушка, шедшая навстречу, вдруг остановилась десятка за три шагов от Хасана, словно ее напугало возможное столкновение с юношей. Почему-то он и сам замедлил шаг. Но не остановился. Девушка, казалось, теперь стояла и ждала, когда Хасан сам подойдет к ней.

Не сразу узнал Хасан в стройной, с современной прической и с сумочкой на длинном ремне, в голубом спортивного покроя костюме девушке ту, с которой учился в школе, с которой были связаны долгое детство и недолгая юность с ее пылкой мальчишеской влюбленностью.

— Ай-ай-ай, Дадашев! Как это можно не узнавать своих односельчанок да еще и одноклассниц? — засмеялась Зухра, откинув назад волосы.

— Шайтан меня дерит, неужели это она? Верить ли мне глазам своим? Скорей назови мне свое имя, луноподобная, а то, может, мои глаза, ослепленные твоим сиянием, ошибаются?

— Ты не ошибся, о славный воин, и вполне можешь поверить своим глазам. Это я — солнцеподобная и луноликая, а зовут меня, как и прежде, Зухрой, имевшей счастье десять лет учиться вместе с тобой и имеющей несчастье быть тобой забытой.

— Зухра, как ты изменилась! Я даже растерян и изумлен.

— Чему изумляться? У нынешней женщины ум стал длиннее, а волосы короче. Покинула я отчий дом, чем взбудоражила не только родной двор, но и близлежащие, бросила прежнее доходное ремесло, живу не в богатом доме, а в скромном общежитии. Работаю на заводе, без пяти минут мастер... Вот и весь перечень перемен в моей жизни. Теперь, попробуй, скажи, что я не блестящий образец эмансипированной горянки.

— Да, эмансипированная! Теперь ты совсем не похожа на ту, которая тосковала в золотой клетке. Не та, которая пыталась мне доказать, что жизнь — это не жизнь, а сплошные разочарования и страдания, — Хасан зачарованно смотрел на свою бывшую одноклассницу и качал головой.

— Да, друг мой, разбита золотая клетка и принесена в жертву богине свободы. Поверишь, но после той встречи у родника я перво-наперво выплакалась всласть, потом хорошенько подумала, а потом стукнула, как ты учил, кулаком по столу. Порядком перепуганные родители пытались до смерти перепугать и меня, но ничего у них не вышло. Сейчас утешают себя тем, что здесь имеются наши более или менее близкие родственники, которым велено строго следить за каждым моим шагом, за малейшими отклонениями моей моральной кардиограммы. Сам понимаешь, жить под неусыпным оком — штука унижительная, но с родичами я нашла общий язык. Они меня хорошо поняли и потому поручили мне самой следить за собой.

— Умные и современные родичи. Ты что, спешишь?

— Да, Хасанчик, мне уже пора. Обычно я хожу на работу пешком. Полезный моцион. А теперь поеду автобусом. Мы еще встретимся, поговорим. Ну, пока. Извини за болтливость. Я давно столько не говорила. До встречи...

— До свидания, Зухра! Мы обязательно будем встречаться. Как же иначе!..— Последней фразы девушка, видимо, не расслышала. Да и Хасан ее сказал совсем негромко.

Она села в автобус. А Хасан смотрел вслед, словно в этом автобусе удалялось, чтобы никогда не возвращаться, его сладкозвучное детство. Хасан улыбнулся, опять покачал головой и, застегнув молнию на куртке, зашагал в сторону станции «канатки».

Все как было. Красный вагончик. Его призывный звонок. Старые и новые друзья. Скупые жесты приветствий. И то деревце на скале, на семи ветрах, и близкое солнце высоты.

Огромный самосвал чуть вздрогнул и сдвинулся с места. Разворачиваясь, Хасан услышал знакомый голос Заура.

— Хасан, эти юнцы стали дышать нам в затылок! Покажем этим самоуверенным акселератам, что нас не так-то легко переплюнуть. Поднажмем, брат мой, сотворим лишний рейс, и этого будет на сегодня достаточно.

— Я вас понял, уважаемый коллега. Дышать себе в затылок не дадим...

Каждое утро Хасан встречал Зухру у входа на стадион.

— А были бы мы настолько точны, если б назначали здесь свидания?— задумчиво сказал Хасан.

— Каждый раз на этом месте я сверяю часы. У танкистов насчет точности, наверное, очень строго.

— Как нигде,— ответил Хасан.— Но и раньше на мою неточность не жаловались.

— Это хорошо. Наверное, хорошо...

— А я, хоть и тороплюсь на работу, увидев тебя, говорю себе: «Не спеши, Дадашев».

— А я бы посоветовала все же немного и поспешить,— лукаво заметила Зухра и, взмахнув сумочкой, помчалась, не оборачиваясь, к автобусной остановке.

— Да, пожалуй,— пробормотал Хасан, глядя ей вслед.
— Не поспешишь — можешь и опоздать.

Чего только не вмещал его день с раннего утра и до позднего вечера: радости, огорчения, часы особо напряженной работы... Но одна радость была постоянной, ее он подсознательно ощущал каждый час и каждую минуту. Утро начиналось с того, что он встречал у стадиона Зухру... Он ловил себя на том, что еще издали начинал искать ее взглядом. Он уже привык к этим встречам, как к чему-то необходимому и неизбежному, как само утро.

— Салам, Зухра!

— Привет, Дадашев!

— Как наше самочувствие?

— Отличное! Какое может быть еще!

Она удалялась, не оглядываясь, как та мальчишеская любовь, давняя и невозвратимая... Но почему обязательно невозвратимая?! Хасан теперь часто вспоминал выпускной вечер и опять качал головой.

* * *

— Привет, Хасан!

— Привет!

— Что такой грустный, словно горец, у которого последний ишак свалился в пропасть?

— Слишком длинное сравнение, Заур.

— Так в чем же дело?

— Грустно, потому что невесело.

— Все ясно! — безапелляционно решил Заур.

— Что ясно? Объяснил бы и мне.

— Влюбился, парень. Прими мое сочувствие. И пожелание удачи.

* * *

В один из дней она не явилась. Хасан стоял и ждал, время от времени поглядывая на часы. Но ее не было видно ни вблизи, ни вдали. Он вздохнул и заторопился на станцию.

День как день. Но он, этот день, был все же ущербный. Потому что не встретил ее. Он смотрел на быстро меняющуюся панораму за ветровым стеклом и перебирал воз-

можные причины. «Может, приболела. Бывает же. Могла пойти на работу пораньше. Поручение какое общественное. Стенгазета, например. Или я опоздал... Ведь намекала же. Спешить, говорила, надо».

Ни в обеденный перерыв, ни во время пятиминутки в диспетчерской, ни в минуту передышки под экскаватором Хасан не мог уйти от тревожных чувств, которые преследовали его настойчиво и постоянно.

День тянулся мучительно долго. Дольше обычного скользил по канату вагончик и медленно, очень медленно поднимался город навстречу.

Не поужинав и не переодевшись, Хасан помчался в другой конец города, в женское общежитие.

— А кем вы Зухре доводитеесь?— жестяным голосом спросила дежурная.

— Я ей... это, мы односельчане,— проговорил Хасан в сильном волнении.

— Ой умора! Держите меня!— вдруг развеселилась дежурная и обернулась к подруге, которая сидела поодаль на диване и вязала шапочку.— Господи, каких только басен не слыхала, но это... «Односельчане». А точнее, молодой человек?— сурово спросила она.

— Ну, се возлюбленный. Теперь ясно?!— возмутился Хасан.

У дежурной округлились глаза, как у той кассирши, на которую направили револьвер. И у подруги выпали из рук спицы, а лицо в недоумении вытянулось.

— Как ее зовут, говорите?— шепотом спросила дежурная.

— Зухра. Я уже говорил — Зухра. А что вы на меня смотрите, как на тигра, выпущенного из клетки?

— Да это та, что вчера...— негромко подсказала подруга.

— Ах, вот вы о ком, товарищ возлюбленный. Она лежит в больнице. Ну, не бледнейте! Не в роддоме, в хирургии. Вчера она оступилась на лестнице и упала. Маленькое сотрясение. Врачи сказали, ничего опасного. Но полежать немного придется. Э-эй, я же говорю, ничего страшного! Не бегите сломя голову!

Но Хасан уже был на улице.

— Чудной какой-то,— сказала дежурная.

— Наверное, любит. Видишь, помчался стрелой. А это бывает — возлюбленный, он любит безу-умно!

— Говорят, бывает,— неуверенно подтвердила дежурная.— Но этого типа я вижу впервые. Может, врет он все?

Зухру я хорошо знаю. Нет у нее никого, а этот точно со-
врал. Чтобы это... заинтриговать.

— А зачем?

— Откуда я знаю? Когда человек влюбляется, он ста-
новится не совсем нормальным. Вот и говорит в это время
всякую чушь.

— Наверное, так, — вздохнула подружка дежурной, — по
заметь, слово-то какое нежное — возлюбленный.

— Дура ты нежная...

* * *

В больнице Хасану дали белый халат и попросили долго
не задерживаться. Пять минут, не больше.

Зухра лежала с перевязанной головой. Лицо ее было
бледным, на лбу мелкая испарина.

Когда Хасан нежно погладил ей руку, она открыла
глаза. Слабо улыбнулась, задержала руку Хасана.

— Как же это так, Зухра? — прошептал Хасан.

Девушка пошевелила сухими губами, но ничего не ска-
зала.

— Ей сейчас только покой нужен, — сказал врач, потро-
гав лоб больной. — Сотрясение небольшое. А ушиб заживет
быстро. Так что не волнуйтесь, молодой человек. Через неде-
льку ваша девушка пойдет домой.

— А ты, солнцеликая, держись, — сказал Хасан, снова
погладив ее руку. — Не переживай, будь джигитом. Я буду
приходить к тебе каждый день. Хорошо? Мы ведь еще не
успели обсудить одной важной темы. Ты меня понимаешь?

— Понимает, понимает, — сказал врач и взял Хасана
под руку.

Зухра снова улыбнулась. На этот раз и щеки слегка
порозовели.

* * *

Вернувшись домой, Хасан увидел на столе два письма.
Одно было из Москвы, от Азрета. Другое — из Сибири, от
Махмута. Почерк Махмута не изменился: буквы были по-
хожи на их хозяина, такие же толстые, расплывчатые и
бесхарактерные. Но, прочитав письмо, Хасан убедился, что
его добродушный друг, кажется, изменился сам. Да и на
фотографии, которая выпала из конверта, он выглядел
возмужавшим, уверенным: смотрел таким молодым Бона-
партом.

Письмо Азрета было адресовано Мурадину, поэтому
Хасан повертел конверт в руках и положил на стол. «Все
пишем, старички, все пишем. Писатели», — пробормотал

Хасан изречение, услышанное им в автобусе во время темперamentной дискуссии между кондуктором и пенсионером-контролером.

«Пишем, пишем...», — повторил Хасан и взял лист чистой бумаги. Он всегда мучился, начиная письмо. Всем под копирку не начнешь, а каждый раз придумывать новое начало было для Хасана делом нелегким. И тогда он решил ничего особенно не изобретать, а начать прямо с обращения:

«Отец наш и благодетель Азрет! Хотя, впрочем, ты нам уже не отец, а благодетелем остаешься весьма сомнительным. Тем не менее, любовь моя к тебе безгранична, как небо над нашим карьером, и чиста, как то же небо в ясную погоду. Покинул ты меня, оставил на растерзанье этому кровожадному Мурадину, и теперь я беззащитен и несчастен вдвойне. А если добавить к тому же, как тоскую я по тебе, то остается лечь и читать последнюю молитву. Другой перспективы не вижу. И чего это ты в науку ударился? На производстве ты был без пяти минут Герой Труда. А твой новый метод, может, в Долине Ветров ты отстоял бы скорее, чем в Москве. Ну, ты прости, что яйцо — пусть даже диетическое — пытается учить мудрую курицу, которой, конечно, виднее. Что до меня, так пока из этой рудной горы не сделаю яму, ни счастья, ни душевного спокойствия мне не видать.

И еще, Азрет, не так уж я несчастен в любви, как могло вам показаться со стороны. Такие, понимаешь, дела...

Мне досталась твоя кровать. Буду стараться оказаться достойным этой чести. До свидания, дорогой Азрет, добрый мой учитель и наставник. Желаю тебе блистательной удачи. И не только в скоропроходческом деле.

Гвардии старший сержант запаса, бригадир бригады коммунистического труда Хасан Дадашев».

* * *

После ночного дождя наступило ясное прохладное утро. Но день обещал быть по-летнему жарким. Хасан шел по улице, любясь игрой солнечных зайчиков во влажной листве деревьев и в быстро просыхающих лужицах.

Здравствуй, дядя Ашот! Привет, Галина, здорово, Володя! Салам, Заур. Иди-иди, я догоню тебя. Иди и не оглядывайся!

Хасан посмотрел на часы. Сейчас покажется и Она. Да, Она шла, нет, не шла — летела на легких крыльях утреннего ветерка!

Здравствуй, Дадашев! Как дела, Дадашев?

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|------------------------------------|-----|
| Автобиоэассказ | 7 |
| Секреты старого Зулкая | 10 |
| Дар бесценный Татуки | 16 |
| Собака для Заурбека | 22 |
| Искали младенцу имя | 25 |
| Ветряная мельница | 30 |
| День рождения | 35 |
| Сладкие дни Доммая | 39 |
| Тот роковой вопрос | 44 |
| Год медовый | 49 |
| Злой попутчик | 53 |
| Письмо Зекерьи сыну-солдату | 57 |
| Мужчины, мужчины, мужчины... | 61 |
| Что еще посоветовать? | 68 |
| Приключения Хаджи-Абрека | 71 |
| Застенчивая Аслижан | 79 |
| Ошибка сватов | 82 |
| Смехотворная драма | 87 |
| Случай на юбилее | 95 |
| Испытание | 98 |
| Похвала добродетели | 104 |
| Насчет взяток | 110 |
| Ухая беседа | 114 |
| «Как сердце подскажет» | 119 |
| Проводы | 126 |
| В ожидании Одиссея (повесть) | 129 |
| За порогом — утро раннее (повесть) | 187 |

Эльдар Бертович Гуртуев

ПОХВАЛА ДОБРОДЕТЕЛИ

Повести и рассказы

Редактор *А. С. Кайданов*
Художник *М. Ш. Татроков*
Художественный редактор *Ю. М. Алиев*
Технический редактор *Л. А. Глузова*
Корректор *В. А. Вымякина*

ИБ № 1893

Художественное издание

Сдано в набор 16.11.87. Подписано к печати 05.03.88. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 20,54. Тираж 5000 экз.
Заказ № 9890. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, пр. Ленина, 33